

Д.Б. Абдурахманов, Я.З. Ахмадов

БИТВА ЗА ЧЕЧНЮ

Грозный
АО «ИПК «Грозненский рабочий»
2015

Д.Б. Абдурахманов, Я.З. Ахмадов

БИТВА ЗА ЧЕЧНЮ

«Война историографий», или информационная война

D.B. Abdurakhmanov, Y.Z. Akhmadov

FIGHT FOR CHECHNYA

«War of historiographies» or information war

Грозный
АО «ИПК «Грозненский рабочий»
2015

**«Видел я, как море бушевало,
Как вздымались пенные валы, –
Но не сдвинуть яростному валу
Гордой, неуступчивой скалы.**

**Разгоняясь, набирая силы,
Волны злобные скале грозят,
Бьют, колотят! Но не тут-то было:
Отступают, катятся назад...»**

Ахмад Сулейманов. «Скала»

На титульном листе использована иллюстрация
художника Леонида Фейнберга (В стране легенд. Легенды минувших веков
в пересказе для детей. .М.: Детская литература. 1972)

УДК 9с(166)
ББК 63.3(Рос.-Чеч.)6-8
А139

Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З.

Битва за Чечню. «Война историографий», или информационная война / Д.Б. Абдурахманов, Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. – 432 с.

ISBN 978-5-4314-0155-8

Книга посвящена информационной войне, давно развязанной в части российской историографии, СМИ и интернете против одного из российских субъектов федерации – Чечни и чеченского народа. Это явление вызвано военно-политическим поражением определенных мировых сил в их попытке мятежом и войной оторгнуть Чечню и Северный Кавказ от России. Теперь информационная война в адрес тех же чеченцев должна, с одной стороны, привести к гражданскому отчуждению горцев от метрополии, а с другой стороны – к «цивилизационному» (следом – политическому) отторжению российского общества и России от Чечни, Кавказа и ислама.

Проблема изучается на деятельности адресных лиц (блиевы, виноградовы, дегоевы, клычниковы, матвеевы, хапизовы, хлынины,...) и конкретных работ с привлечением широкого исторического материала. Выявлено, что деятельность ряда псевдоисториков основана на тенденциозном подборе исторических фактов и их фальсификации, на приемах суггестии, серой и черной пропаганды, националистической риторике и коричнево окрашенных оценок. Функционированию подобных взглядов способствовали некоторые ошибочные государственные меры в рамках навязываемой политехнологами стратегии «негативной мобилизации». Авторы считают, что сегодня «битва за Чечню» – это виртуальное сражение за реальное сохранение и укрепление российской общности и государства.

ISBN 978-5-4314-0155-8

© Д.Б. Абдурахманов, Я.З. Ахмадов, 2015
© АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2015

УДК 9с(166)
ББК 63.3(Рос.-Чеч.)6-8
А139

Abdurakhmanov D.B., Akhmadov Y.Z.

Fight for Chechnya. «War of historiographies» or information war / D.B. Abdurakhmanov, Y.Z. Akhmadov. – Grozny: **Joint Stock Company** ‘Groznsky rabochy’, 2015. – 432 p.

ISBN 978-5-4314-0155-8

The book is about the information war long ago untied regarding the Russian historiography, mass media and the Internet against one of the Russian Federation subjects – Chechnya and the Chechen people. This phenomenon caused by military-political defeat of certain world forces in attempt by force to tear away Chechnya and the North Caucasus from Russia. Now the informational war to same Chechens have to promote their falling away mountaineers from the mother country, and with another to bring to «civilization»(afterwards political) rejection of the Russian society and Russia from Chechnya, Caucasus and Islam.

Research of a question conducted on the example of activity of address persons (blyeys, vinogradovs, degoyeys, klychnikovs, matveys, hapizovs, hlynins...) and concrete works and with attraction of wide historical material. It is revealed that activity of the pseudo-historians is based on a biased selection and falsification of historic facts, receptions of a suggestiya, gray and black propaganda, nationalist rhetoric and on brown painted estimates. Functioning of similar views promoted by part of society and wrong state measures within strategy of «negative mobilization».

Authors consider that today «fight for Chechnya» is not the local task; it is rather a battle for real preservation and strengthening in general of the Russian community and the state.

ISBN 978-5-4314-0155-8

© D.B. Abdurakhmanov, Y.Z. Akhmadov, 2015
© FSUEPPC ‘Groznsky rabochy’, 2015

Оглавление

Предисловие. Значение национально-исторического дискурса для Российской Федерации	10
Часть I. Кавказская война и «война историографий»	
§1. Современная российская историография Кавказской войны. Феномен «блиевщины»	25
§2. Кавказская война и профессор В.В. Дегоев	43
§3. «Война историографий», или информационная война. Новации и направления	67
§4. Эпопея лжеакадемика В.Б. Виноградова и покушение на историческую науку армавирской «Школы»	88
Часть II. Устойчивая паранойя – Кавказская война в изложении клычниковых и виноградовых	
§1. Цели и средства зачинателей информационной войны. «Горские хищники», российская действительность, «Школа злословия» и «сахиб» Ю.Ю. Клычников	106
§2. Без жалости и сомнений – приговор виноградовых и клычниковых горским народам	130
§3. Российское крестьянство со своим укладом и стадиальностью – прямой антагонист военно-феодального государства	165
§4. Явление конфронтационного прочтения Кавказской войны клычниковыми и виноградовыми	176
§5. Чечня в составе Российской империи: тюрьма и школа	199
Часть III. Апофеоз вражды: от укладности и стадиальности к ксенофобии и фашизму	
§1. Горцы со своей укладностью и стадиальностью в эпоху Гражданской войны и утверждения советской власти	214
§2. Коллективизация, большой террор и коллаборация – реальность и видения историков-фразеологов	247
§3. Ситуация с враждебной российскому государству укладом и стадиальностью в Москве (далее – по стране), а также на Кубани и Тереке в 1941–1945 гг.	279
§4. Новейшая история Чечни в интерпретации историков-фразеологов. От укладности и стадиальности – к ксенофобии и фашизму	296
Заключение	329
Conclusion	338

Приложение. Документы и материалы

- 1. Ахмадов Я.З. Краткий очерк истории Чеченской Республики**
(В книге: Ахмадов Т.З. Первые чеченские врачи: из истории становления здравоохранения в Чечне. – Грозный, 2009. С. 6-17)346
- 2. Жуков В.Ю. Факты и версии в историческом познании**
(Факты и версии: Ист.-культуролог. альманах. СПб., 2000. Вып.1. С.9-13)354
- 3. Обращение Временного Совета Чеченской Республики ко всем партиям, общественным движениям и демократическим силам России** (Временный совет Чеченской Республики. Документы и материалы. Знаменское. 1994. С. 10–11)360
- 4. Осипов Александр. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс** (В книге: Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002, С.45-69).....362
- 5. Ислам Баудинов. К истории великих информационных провокаций: Остенде, Кондопога... далее – вся Россия**
([Электронный ресурс]. – Режим доступа: checheninfo.ru...velikih-informacionnyh-provokaciy)394
- 6. Соловей В.Д. На руинах Третьего Рима** ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sg.fondedin.ru/> Официальный сайт журнала «Стратегия России». 2004. Издание Фонда «Единство во имя России»)406
- 7. Итоговое заявление участников Международной конференции «Кавказская война XIX века: geopolitik и «войны памяти»**
([Электронный ресурс]. – Режим доступа: kavkazoved.info/news...konferencii-kavkazskaja...xix...)417
- 8. Мусаев Зелимхан, Хатуев Ислам, Хапизов Шахбан, Ума-хан, Аух, Эндирей, аварцы, кумыки и чеченцы, или провокаторы не помеха кавказскому братству** ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: kavpolit.com/blogs/grozny/9674/).....420

Contents

Preface: value of a national and historical discourse for the Russian Federation	10
Part I. Caucasian war and «war of historiographies»	
§1. Modern Russian historiography of the Caucasian war. Phenomenon of «bliyevshchina»	25
§2. Caucasian war and professor V. V. Degoyev	43
§3. «War of historiographies» or information war. Innovations and directions	67
§4. Epic of the pseudo-academician V. B. Vinogradov and attempt at historical science of Armavir «School»	88
Part II. Steady paranoia – the Caucasian war in a statement the klychnikovs and the vinogradovs	
§1. Goals and means of the pioneers of the information war. «Mountain predator», the Russian reality, «School of backbiting» and «Sahib» Y. Y. Kluchnikov	106
§2. Without pity and doubts – a sentence the vinogradovs and the klychnikovs to the mountain people	130
§3. The Russian peasantry with the way and a staging – the direct antagonist of military and feudal state	165
§4. Phenomenon of confrontational reading of the Caucasian war by klychnikovs and vinogradovs	176
§5. Chechnya as a part of the Russian Empire: prison and school	199
Part III. Apotheosis of hostility: from an conventionality and a staging to xenophobia and fascism	
§1. Mountaineers with the conventionality and a staging during an era of Civil war and the statement of the Soviet power	214
§2. Collectivization, big terror and collaboration – reality and visions of historians-frazeologys	247
§3 A situation with hostile to the Russian state way and a staging in Moscow (further about the country), and also in Kuban and Terek in 1941-1945	279
§4. The contemporary history of Chechnya in interpretation of historians-frazeologys. From an conventionality and a staging to xenophobia and fascism	296
Conclusion (rus)	329
Conclusion (english)	338

Appendix: documents and materials

1. Akhmadov Y.Z. A short sketch of history of the Chechen Republic (In the book: Akhmadov T.Z. First Chechen doctors: From history of formation of health, care in Chechnya. Grozny, 2009. Page 6-17).....	346
2. V. Y. Jukov. The facts and versions in historical knowledge (The facts and versions: Ist. – The culturologist. Almanac. SPb., 2000. Realise 1. Page 9-13)	354
3. The appeal of Temporary Council of the Chechen Republic to all parties, social movements and democratic forces of Russia (Temporary council of the Chechen Republic. Documents and materials. Znamenskoye. 1994. Page 10-11)	360
4. Osipov Alexander. The formation of ethnic conflict and racist discourse (In the book: Racism in the language of the social Sciences. SPb., 2002, p.45-69)	362
5. Islam Baudinov. To history of great information provocations: Ostende, Kondopoga...further all Russia ([Electronic resource]. – Access mode: checheninfo.ru)... velikih-informacionnyh-provokaciy)	394
6. V.D. Solovey. On ruins of the Third Rome ([An electronic resource]. – Access mode: http://sr Official site of the Strategy of Russia magazine. 2004. The edition of Fund «Unity for the sake of Russia”)	406
7. Final statement of participants of the International conference «Caucasian war of the XIX century: realpolitik and «memory wars» ([Electronic resource]. – Access mode: kavkazoved.info >news...konferencii-kavkazskaja...xix...)	417
8. Musayev Zelimkhan, Chataev Islam. Papisov Shahban, Mind-Khan, Auch, Indira, Avars, Kumyks and Chechens, or provocateurs not a hindrance Caucasian brotherhood ([Electronic resource]. - Mode of access: kavpolit.com/blogs/grozny/9674/).....	420

ПРЕДИСЛОВИЕ

Значение национально-исторического дискурса для Российской Федерации

Цели и задачи. Наша книга посвящена рассмотрению тревожной ситуации, сложившейся в части российской историографии, в информационно-коммуникационном пространстве страны и в некоторых идеологемах современного российского общества. Уже много лет в перестроечной России «Чечня и чеченцы» стали своеобразным политическим брендом, используемым (в т.ч. и с поддержкой национальных средств массовой информации) в целях негативной мобилизации российского общества. Появились лица и группы (начиная от т.н. «белого отребья» – российских маргиналов, до лиц ученого сословия и политиков), посвятившие свою трудовую жизнь эксплуатации националистических и расовых представлений в самом широком спектре. Ситуация в стране пока не переходит в состояние флаттера исключительно вследствие огромных моральных базисных ценностей, корнящихся в великом русском народе, приверженности подавляющей части российской интеллигенции гуманистическим идеалам и особенностям чеченского общества, заключающихся в высокой и массовой религиозности, исключаящей повышенный интерес к вопросам сегодняшнего политического бытия. Верующих чеченцев, как и религиозных русских, интересуют более вечные истины и ценности, а не сиюминутное беснование.

Однако все сказанное не исключает необходимости борьбы и приложения усилий в преодолении зла, не только мешающего нашей стране в движении вперед, но и угрожающего ее разломом. В данной книге мы попытались наметить контуры, признаки явления и обозначить знаменосцев коричневой заразы, пытающейся проникнуть и занять прочное место в интеллектуальной сфере жизни нашей страны, всегда являвшейся сильной стороной России. То, что мы взялись за подобную тему вообще и преломили ее в историографическом аспек-

те, назвав книгу «Битва за Чечню», можно считать частностью. В любой сфере нашей многотрудной общественной жизни найдется место для вашей битвы, дорогой читатель!

Сила и слабость. Современное федеративное устройство России и многонациональный состав ее населения являются результатом более чем тысячелетнего развития российской государственности во времени и пространстве на огромной территории от Балтики до Тихого океана. В многонациональности заключаются и сила (благодаря редкостному многообразию народов, рас и верований), и слабость современной России: малейший срыв в национально-религиозной политике негативно влияет на самочувствие всего российского общества. Здесь, как никогда, важен благоприятный идеологический и общественный климат, формирование которого определяется и достижениями общественных наук – в первую очередь, истории. Поэтому национально-исторический дискурс приобретает для современной России особое значение. По понятным причинам, огромный резонанс имеет подобный дискурс в одном из субъектов Российской Федерации – Чеченской Республике.

Взращивание индустрии ненависти как кардинальная ошибка. Маргинализация истории и архаизация общества. Между тем, в нашей стране уже третье десятилетие нарастающими темпами беспрепятственно работает националистически-ксенофобская (по существу, расистская) информационная индустрия ненависти, паразитирующая на страхах и невзгодах миллионов людей российского общества. Важным инструментом взращивания атмосферы войны всех против всех в нашей стране является системное извращение истории народов Северного Кавказа и широкое использование антикавказской и антиисламской риторики ¹.

Практическая цель действий подобных мастеров информационно-психологической войны объективно одна: расшатать через возбуждение антикавказской и антиисламской фобий политическую ситуацию в многонациональной России. Под рационально благовид-

¹ См.: Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М., 2002; Шнирельман Виктор. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. Т. 1, 2. М., 2011; Выступление Я.З. Ахмадова // Материалы Круглого стола «О формуле Дружбы народов России». Московский Дом национальностей 19 сентября 2013 г. М., 2013. С. 15–18; Расизм и ксенофобия. Декабрь 2013. Предварительные итоги года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sova-center.ru/racism-xenophobia/; и мн. др.

ным претекстом необходимости мобилизации масс и поддержания рейтингов (современные политтехнологи сознательно ставят власть перед искусственным выбором – «русский бунт» или националистическая мобилизация против инородцев). Дело не ограничивается словами. Создается, на «всякий случай», националистическая сеть с базой в СМИ, интернете, среде футбольных болельщиков, откровенно фашистских ячеек, уголовников-скинхедов, легальных политических партий и движений и т.д. Но все это есть, как показала практика, кардинальная ошибка власти.

Летом-осенью 2014 г., в связи с российско-украинскими коллизиями, накал негативной пропаганды против чеченцев, Кавказа и ислама резко снизился, «производственные мощности» оказались направленными на другой объект, что, к сожалению, еще раз подтверждает тезис о регулируемом характере пропаганды этнической ненависти в нашей стране против собственных граждан. Между тем, как верно заметил политолог М. Шевченко, многонациональное государство не имеет права поступаться принципами универсальности гражданства в угоду каким-то сиюминутным политтехнологическим задачам, потому что такая политика угрожает данному государству гибелью². Отсюда следует, что надо быть предельно внимательным к рекомендациям оловластных политтехнологов, какими привлекательными они не казались бы на первый взгляд.

Есть, конечно, и иные варианты объяснения данного явления, в т.ч. воздействием факторов геополитического характера: например, тем, что задача отторжения Чечни и Северного Кавказа от России еще не снята с повестки дня. Поменялись только полюсы: теперь Россия и ее общество должны отторгнуть от себя северокавказский регион. От-городиться вначале цивилизационно, а затем – и политически.

В конечном счете указанные процессы стали рано получать свое отражение и в научном цеху, в спектре – от «наивно-невинных» этнографических и исторических фальсификаций в адрес горских народов, проистекающие из непременно «нового прочтения» чего-либо, до ставших дежурными оправданий сталинских депортаций народов и обличения, всех без исключения, национальных историков Северного Кавказа под псевдопатриотическим соусом. В этой части оказались задействованными не только шарлатаны-псевдоакадемики и «маститые» ученые из то ли сект, то ли «школ», но даже отдельно

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Эхо Москвы :: Особое мнение: Максим Шевченко echo.msk.ru> Передачи>Особое мнение>1408472-echo

взятые видные политики и типажи из академических институтов и высших учебных заведений нашей страны.

Как бы то ни было, все это ложится на благодатную почву такого явления, как архаизация и этнизация современной общественной жизни России. Мы спускаемся все ниже по лестнице архаизации характерной интеллектуальной деградацией, криминализацией социальных отношений и падением культурного уровня. Речь может вскоре пойти о победе неоварварского восприятия мира, когда господствует архетипический инстинкт доминирования, племенная лояльность по крови и стремление к внешним захватам ³.

Лжеистория и Северный Кавказ. Успешной эксплуатации ложной антитезы «Россия-Северный Кавказ» объективно подыгрывает в целом организационно-информационная незащищенность исторической науки в горских республиках Северного Кавказа и неконструктивная позиция большей части местных историков, твердо придерживающихся двух положений одновременно, – о собственной сверхценности и «надмирности» и парадигмы щедринского премудрого пескаря. Численно маленькая, хотя и активная, часть горских историков, противодействующая фальсификациям, имеет скромные возможности для научных публикаций и выхода в СМИ.

Притом ни в одной из национальных республик Северного Кавказа Российской Федерации пока еще не поставлена задача осмысленно системной борьбы с профанацией истории горцев и ксенофобской пропагандой в СМИ и Интернете. Однако руководство данных республик при вступлении в должность торжественно обещало защищать права и достоинства граждан, проживающих на вверенных им территориях, и они не останутся в стороне, кому бы там не хотелось видеть горские народы и их руководителей в качестве мальчиков для битья.

Между тем, исторически активная пропаганда псевдоисторического «знания», при полном игнорировании подлинной истории горских народов, в сочетании с злобным расистским бредом,

³ Соловей Валерий. Регрессивный синдром. Варвары на развалинах Третьего Рима // Политический класс. №2. Февраль 2005. С. 19-20.

По мнению выдающегося философа Александра Ахиезера, архаизация выступает как форма регресса и проявляется в условиях большого общества, государства так же, как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Ахиезер: Почему в России всегда побеждает архаизация ttolk.ru?p=22012

в российских СМИ и Интернете выливается на фоне современной действительности в серьезные общественно-политические (погромы, убийства и другие ксенофобские акции) и даже экономические коллизии («Хватит кормить Кавказ!»), тормозящие интеграционные процессы в стране и наносящие прямой ущерб всему многонациональному российскому обществу.

Профессиональные болезни исторической науки. История – весьма сильное средство, которое способно опьянить и озлобить не только отдельные личности и группы, но и целые народы. Потому для лиц, профессионально занятых в области исторической науки, необходимо иметь цельное и ясное научное мировоззрение, глубокие и многосторонние научные знания, хорошее владение научным и литературным языком, безусловное уважение как к народам, так к их культуре и истории, гражданственность и порядочность, критическое мышление и уважение к трудам и мнениям коллег, полный иммунитет от всяческих психозов и злобы, что предполагает, конечно, крепкие нервы и позитивное мировидение.

В силу того, что история является гуманитарной наукой, возникает порой иллюзия, что она развивается по законам художественного творчества или политической публицистики, оказываясь подвластной умонастроениям и искусству пера отдельных личностей, нашедших себя в серой и черной пропаганде. Между тем, подлинная история была и остается строго научной, а собственно история человечества изучается как объективный процесс, который развивается во времени и в пространстве. В свою очередь, изучение событий и явлений объективной истории различными представителями науки (со своими особенностями, пристрастиями, политическими и идеологическими взглядами) представляет собой многосторонний процесс, также являющийся предметом научного изучения, к примеру, такой науки, как историография (история исторической науки).

Известно, что история Северного Кавказа и горских народов является «разделом» общероссийской исторической науки как таковой, с одной стороны, так и важной частью кавказоведения, как направления в мировой науке – с другой. В этом плане весьма актуальными для российско-кавказской историографии последних десятилетий представляются вопросы Кавказской войны, общественно-политического состояния северокавказских сообществ в пору их взаимоотношений с Российской империей, да и позже. Тем более, что усилиями

некоторых историков, честно заблудившихся в трех соснах, злобе отвязанных псевдокавказоведов в СМИ и Интернете, сознательных спекуляций представителей отдельных псевдонаучных групп и направлений (к примеру, «блиевщина» и «виноградовщина»), указанные вопросы приобрели вызывающий провокативный характер.

К проблеме Кавказской войны в истории нашей страны. В данном случае мы постараемся, используя в т.ч. и некоторые наши предыдущие публикации, коротко остановиться на некоторых аспектах историографии проблемы Кавказской войны в современный период, являющейся на сегодня отправной для псевдонаучных и политических построений, тиражируемых в СМИ и даже научного характера изданиях.

В 2009 г. исполнилось 150 лет со дня окончания национально (народно)-освободительного движения на Северо-Восточном Кавказе под руководством имама Шамиля. В 2014 г. можно было бы отметить и 150-летие со дня окончания Кавказской войны, как таковой, на всем Северном Кавказе. Именно в 1864 г. отгремели ее последние залпы на Северо-Западном Кавказе – в черкесских горах.

Как известно, процесс исследования Кавказской войны и особенностей общественно-политического, социально-экономического развития горских народов в XIX в. имеет на сегодня огромную содержательную историографию, прошедшую свои этапы зарождения, становления и развития. Эти этапы были связаны как с внутренними процессами в собственно истории науки, так и с общественно-политическим развитием российского государства в условных формационных рамках феодально-крепостнического, дворянско-буржуазного, советского тоталитарного и рыночно-демократического общественного строя⁴.

⁴ См. Некоторые вопросы историографии: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции 20–22 июня 1989 г. Махачкала, 1994; Магомедов М.Р. Шамиль в отечественной истории. Махачкала, 1990; Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150); Россия и Северный Кавказ. М., 2000; Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (Конец XVIII – 60-е гг. XIX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2003; Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой Школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2(13). Грозный, 2010. С. 79–80; Савельев А.Е. Кавказская война 1817–1864 гг. в исторической науке // Вопросы истории. № 2. 2011; и мн. др.

В дореволюционный период истории Кавказской войны, достаточно условном термине, обозначающем как подавление освободительных движений на Северном Кавказе, так и внешние войны России за обладание Кавказом с Ираном и Турцией, уделялось огромное внимание. Такого внимания не удостоивалась ни одна провинция громадной Российской империи, занимавшей 1/6 часть земной суши. И не потому, что Кавказская война была самой долгой войной в истории российского государства вообще, также наиболее затратной в финансовом отношении и исключительно кровавой по людским потерям.

Дело заключалось, как нам представляется, еще и в том, что на Северном Кавказе самодержавно-крепостническая Россия и российское общество столкнулись с новым для себя цивилизационным феноменом «Кавказ», с горскими народами, ценой своей жизни отстаивавшими своеобразные институты личной и общественной свободы, находившиеся в прямом противоречии с устоями феодально-крепостнической империи.

Последнее было болезненно актуально для российского общества первой половины XIX в., в котором сверху донизу господствовало системное унижение человека человеком из поколения в поколение, но в то же время начали пробиваться ростки гражданских прав и либеральных свобод. Безусловная цивилизаторская роль России на Северном Кавказе (свойственная на определенном этапе любой крупной империи), хотя и в жутком сочетании с кровью и грязью, реализовывалась здесь в формате конфликта, согласно словам А. Грибоедова, «барабанного просвещения» с «дикой вольностью».

«Дело было (как правильно отметил исследователь Я.А. Гордин. – Д.А., Я.А.) ...не в политической свободе, но в принципиально ином способе существования. В горах были, разумеется, ограничения человеческому самовольству, но они оставляли свободной индивидуальную независимость. В этом отношении Кавказ был противовесом русской жизни. Отсюда его обаяние для неудовлетворенного русского дворянина. Кавказ, как мир предельных состояний – в природе, в силе человеческих страстей, в постоянной близости опасности и смерти, был антиподом российской скованности. Душевная размашистость русского человека была искусственно скована сконструированными сдержками. Горец же органичен в своей свободе и ограничен естественно сложившимися обычаями. Горец – непре-

рывная естественная традиция, дающая прочную психологическую опору»⁵.

Научный и политический диапазон того, что написано о народах Кавказа и борьбе горцев против наступления царизма, в произведениях имперских российских государственных деятелей, военных, публицистов, писателей и ученых необычайно разнообразен. От голой апологетики действий царизма и примитивного расизма, с одной стороны, до обличения темных сторон российской политики на Кавказе и восхищения бескомпромиссной борьбой горских народов за свою свободу и независимость – с другой.

Советская историография Кавказской войны. На протяжении советского времени (1917–1991 гг.) историография Кавказской войны пережила в нашей стране несколько этапов, первый из которых был связан с признанием борьбы горцев против царизма антиколониальной и антифеодальной борьбой, направленной против общего (и для русского народа) врага – российского феодально-крепостнического хищнического режима.

Советскому этапу в исследовании Кавказской войны в нашей стране дана основательная характеристика, к примеру, в статье В.В. Дегоева «Проблема Кавказской войны XIX века: историографические итоги» в «Сборнике Русского исторического общества» за 2000 г. Главным признаком этого этапа, по мнению автора, было то, что «...теоретические схемы и моральные оценки преобладали над системой доказательств». В 1930–1970-е гг. в советской историографии происходило тасование «антиколониального» и «антифеодального» акцентов, сопровождавшееся поиском классовых противоречий и искусственным «подъемом» уровня развития общественного устройства горцев, что позволяло говорить о классовой борьбе как подоплеке событий. Изучение Кавказа, указывает также Дегоев, проходило под жесточайшим идеологическим прессом, важнейшими деталями которого были высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, которые «усматривали (в событиях на Кавказе. – Д.А., Я.А.) ...частный случай проявления международного революционного подъема против царской России, героический пример национально-освободительного движения, достойный всеобщего подражания»⁶.

⁵ Гордин Я.А.. Русский человек и Кавказ // Культура и общество. Альманах Фонда им. Д.С. Лихачева. Вып. 2–3. СПб., 2006. С. 126.

⁶ Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги. Сборник русского исторического общества. М., 2000. №2 (150). С. 228.

Известно, что присоединение горцев и других народов к России в первые годы советской власти характеризовалось в историографии и публицистике как «абсолютное зло», а уже в 30-е гг. – как «наименьшее зло» из всех возможных (например, быть захваченными отсталыми Ираном или Турцией). В период позднего сталинизма (где-то в 1944–1947 гг.) стала пробиваться новая идеологическая установка, характеризовавшая имама Шамиля англо-турецким агентом, а национальные движения горцев – реакционными, антироссийскими, инспирированными из-за рубежа и т.п.⁷ К чести советских историков, испытывавших давление партийных чинов, прямо требовавших признания реакционности борьбы горцев и констатации их отсталости («темноты и азиатчины»), академик Н.М. Дружинин с коллегами в 1947 г. после публичного обсуждения резюмировал: «...остается в силе наша прежняя точка зрения: движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным»⁸. И это при том, что в тех условиях подобная точка зрения могла стоять ученым головы!

Эпоха хрущевской оттепели привела, было, к более взвешенным оценкам указанного движения и его руководителей, естественно, в рамках идеологии марксизма-ленинизма о классовой борьбе и национально-освободительных движениях. Вместе с тем, добавилась новация – идеологию восставших горцев («кавказский мюридизм») потребовали считать реакционной⁹.

Оценки Кавказской войны в эпоху «развитого социализма». В эпоху правления генсека Л.И. Брежнева возобладали концепция глубоких исторических корней складывания единого советского народа, ввиду чего все противоречия прошлого народов СССР и их государственных образований стали оставлять просто без внимания. Так, согласно В.А. Шнирельману, в советской науке конца 1960-х – первой половины 1980-х гг. обнаружилась «тенденция избегать проблемы Кавказской войны, способной доставить историку одни лишь неприятности со стороны партийных и административных орга-

⁷ См.: Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. – Махачкала, 1956.

⁸ Гашимов Р.Р. Борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-х XIX годов века в советской историографии. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Махачкала, 2003. С. 14.

⁹ Однако и здесь не обошлось без хотя бы одиночного возражения и несогласия: см.: Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975.

нов...»¹⁰. Кавказская война, даже в плане изучения народно-освободительных движений горцев исключительно против русского царизма, угнетавшего, кстати, и русский народ, оказалась для тогдашней советской исторической науки практически закрытой как идеологической цензурой, так и самоцензурой.

Начиная с 70-х гг. XX в. в советской историографии стала утверждаться директивная концепция «добровольных вхождений», что также повлияло на объективное рассмотрение всяческих освободительных войн и восстаний. Кроме того, как интересно подметил В.В. Черноус, ввод «советских войск в Афганистан, борьба с партизанским движением афганских полевых командиров под исламскими лозунгами стали косвенным фактором, также подталкивающим к переоценке роли национально-освободительных движений в России»¹¹.

Наблюдались в СССР и, на первый взгляд, сугубо «провинциальные» проекты пересмотра Кавказской войны. Так, в 1983 г. на страницах журнала «История СССР» появилась статья профессора Северо-Осетинского госуниверситета М.М. Блиева «Кавказская война: социальные истоки, сущность», неожиданная в плане «полного ее разрыва с выводами советской историографии об уровне социально-экономического развития горских народов и антифеодальном, антиколониальном характере их борьбы в первой половине XIX в.». В той же Чечено-Ингушской АССР археолог В.Б. Виноградов (как бы с подачи М.М. Блиева) кинулся следом требовать публичного признания неправомерности термина «национально-освободительная борьба» и, наоборот, правомерности термина «грабительские набеги» со стороны горцев и т.д., и т.п.¹².

Ударными темпами внедрялась концепция «200-летия добровольного вхождения» чеченцев и ингушей (в 1781 г.) в состав России – сиречь «виноградовщина». Однако историческая наука в СССР, в целом, не дрогнула, в этой идеологической области были свои авторитеты, которые заставляли считаться с собой и сам отдел науки ЦК КПСС. Советские авторитеты исторической науки никак не хотели высказываться положительно по поводу блиевых и виноградо-

¹⁰ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. С.136-137.

¹¹ Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на северном кавказе в 20-50-х годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. №1. 2003. С. 57.

¹² Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. Грозный, 1983. С. 11; Черноус В.В. Указ. соч. С. 57; и др.

вых, хотя прекрасно понимали, что их предложения анонимно продиктованы партийным руководством страны. Но, в целом, в области изучения феномена освободительного движения горских народов в прошлом наметился серьезный кризис.

Как писал современный исследователь Кавказской войны В.В. Лапин, до начала 1980-х годов «изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса, основным проявлением которого был догматический подход к интерпретации исторических источников. Процесс вхождения Кавказа в состав Российской империи оказался одним из наименее изученных исторических феноменов...

Кавказская война оказалась настолько сложной и неподатливой для официальной историографии, что за полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т. д.»¹³.

Изучение Северного Кавказа и Кавказской войны в новейшее время. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Ш.А. Гапуров.

В эпоху гласности и перестройки, несмотря на известный крен многих историков в своих исследованиях в пользу сенсационности и освещения преимущественно «острых вопросов» прошлого, историческая наука совершила настоящий прорыв в плане свободного и всестороннего изучения Кавказской войны и политической истории народов Северного Кавказа в целом. Горские народы, наконец, стали расцениваться как субъект исторического процесса, а не только как объект исключительно прогрессивного воздействия одной из великих держав.

Вместе с тем, в российской исторической науке сложился большой пласт талантливых исследований, основанных как на новых источниках по Кавказской войне, так и научном прочтении огромного круга «старых» источников. Вследствие ограниченного объема данной книги обратим внимание буквально на несколько имен: чеченский историк Ш. Гапуров (мы не раз будем возвращаться к нему в разделах книги) и петербургские исследователи Я.А. Гордин и В.В. Лапин.

Так, Я.А. Гордин – не только проникновенный исследователь Кавказской войны и «горской цивилизации», чьи взгляды нашли наиболее полное воплощение в статьях собранных в 2-х известных

¹³ Лапин В.В. Кавказская война // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. СПб., 2006. С. 8.

сборниках ¹⁴, но и издатель целого ряда концептуальных для оценки политики царизма в регионе и сопротивления горцев источников прошлого ¹⁵. Самое главное, что исследователь и издатель в одном лице Я.А. Гордин не заикнется на парадигмах, концепциях и видениях, а занят исключительно конкретными событиями, явлениями и процессами Кавказской войны и их отражением в русской культуре и русском обществе без оглядки на «-измы», уклады и стадиальности.

В этом плане не настолько бесспорен во всех отношениях другой крупный петербургский исследователь – В.В. Лапин, но невозможно не отметить, что он совершил своим исследованием о русской армии на Кавказе настоящий прорыв в науке ¹⁶. Он попытался также (вопреки нервным, экзальтированным оценкам, столь распространенным сегодня) дать свое взвешенное осмысление всего феномена Кавказской войны: «Кавказскую войну вполне можно назвать войной взаимного непонимания. Она стала неизбежной после того, как в соприкосновение вошли две военные структуры, имеющие совершенно различные знаковые системы: русская армия, как европеизированная машина устрашения и разрушения XVIII–XIX столетия, с одной стороны, и горцы – с другой, как военная организация, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма, эпохе, забытой пришельцами и совершенно им непонятной» ¹⁷.

Однако историк, объективно установивший, что основной институт Российской империи на Кавказе – Кавказская армия – являлась генератором милитаризма и насилия в регионе, в одной из своих работ, предназначенной в качестве учебного пособия для студентов¹⁸, изложил любопытное видение современной историографии освобо-

¹⁴ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. Я.А. Гордин. СПб., 2000; Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Изд-во «Время». 2011 (в 2014 г. вышло 2-е издание).

¹⁵ См.: Россия и Кавказ сквозь два столетия / Сост. Г. Лисицына, Я. Гордин. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2001; Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы / Сост. Я. Гордин, Б. Миловидов. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002; Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост. Я. Гордин, В. Лапин, Г. Лисицына, Б. Миловидов. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005.

¹⁶ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне. XVIII–XIX вв. СПб, 2008.

¹⁷ Лапин В.В. Кавказская война // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. С. 50.

¹⁸ В. В. Лапин. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003.

дительных движений горских народов: «Наметилась опасная тенденция замалчивать трагические эпизоды и разного рода «щекотливые» темы. Одна из таких тем – набеговая составляющая жизни многих этносов, населявших Кавказ, другая – жестокость обеих сторон при ведении войны. В целом, наблюдается опасный рост «национально окрашенных» подходов к изучению истории Кавказской войны, возрождение ненаучных методов, перевод научной полемики в морально-этическое русло с последующим неконструктивным «поиском виноватого». Отсюда у В.В. Лапина следует, если и не пietet перед взглядами М.М. Блиева и В.В. Дегоева, то, по крайней мере, вежливая оценка их утверждений (по самой мягкой мере – сомнительных, что будет показано ниже). Зато крепко и незаслуженно досталось Моше Гаммеру – из западных историков наиболее адекватно и с научной точки зрения полноценно поднявшему огромные пласты Кавказской войны в формате движения мусульманских народов против колониального наступления царизма¹⁹.

В общем, метания в оценках, достойные сожаления. Однако, полагаю, преодолимые, с учетом безусловного профессионализма В.В. Лапина, как ученого, ни в коем случае не являющегося представителем виноградовского агитпропа Средней Кубани и Южного Ставрополя.

Отметим изначально: наша точка зрения (развернуто изложенная далее) заключается в том, что освободительное движение горских народов против российского военно-феодалного сословия и проводимой им имперской политики не есть исторический нонсенс и исключение, а, скорее, закономерность: оно в той или иной форме было характерно для всех народов Российской империи – от поляков и литовцев на западе до чукчей на Дальнем Востоке. Более того, оно наблюдалось, прежде всего, в самой России (потому национально-освободительное движение горских народов имеет такое же право на существование, как и освободительная борьба русского народа).

Приведем один небольшой, но характерный пример. В 1810 г. царь Александр I, с целью погашения государственного долга, продал какую-то часть казенных имуществ, включая и такой пустячок, как 300 000 рабов (государственных крестьян), частным лицам. Спустя 15 лет, в 1825 г., в одном из таких сел – Германовка, отмечены выступления против помещиков. В селение в с 1,5 тыс. населением

¹⁹ Там же. С. 8–10.

была послана воинская команда. И что же православные крестьяне? Они, «...несмотря на примкнутие штыков и произносимые исправником и офицерами о воздержании слова, с остервенением бросились, не имея ничего в руках, на штыки в такой ярости, что едва солдаты со всею быстротою смогли оберечь последствия и желание оных крестьян оставить свою жизнь на штыках»²⁰. Едва ли не в том же году, в далекой Чечне у селений Чахкар и Старые Атаги восставшие крестьяне-горцы с кинжалами идут в атаку на артиллерийские батареи, а их женщины в аулах «яростно бросались на ... [карателей] и погибали на штыках»²¹. Мы еще и еще раз беремся утверждать, что Кавказская война для царской, крепостнической империи была продолжением бесконечной внутренней войны против собственно русского народа.

Настоящая книга состоит из предисловия, трех частей и заключения. Самостоятельный интерес представляют материалы, приведенные в приложении к исследовательской части. Они помогают также прояснить некоторые моменты, не нашедшие по разным причинам широкого освещения на страницах книги.

Мы приглашаем читателя, прежде всего, к самостоятельному размышлению, а не только познакомиться с нашим несколько непривычным взглядом на прошлое и настоящее во взаимоотношениях Северного Кавказа, Чечни и России, входящих в единую державу – Российскую Федерацию. События последних дней показывают необходимость коренного пересмотра не только внешней, но и всей нашей внутренней политики, а также полной ревизии тех установок, что навязывались российскому обществу и руководству страны политтехнологами и псевдоучеными разных мастей, «олигархами» СМИ и интернета в течение многих лет.

²⁰ Киянская Оксана. Декабристы и народ: к постановке проблемы // Россия XXI. №1. 2009. С. 109–110.

²¹ История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Грозный. 2013. С. 161.

Часть I. КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА И «ВОЙНА ИСТОРИОГРАФИЙ»

§ 1. Современная российская историография Кавказской войны. Феномен «блиевщины»

«Блиевщина». В 2004 г. вышла в свет объемная монография доктора исторических наук, профессора Северо-Осетинского государственного университета М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации» (М.: Мысль, 2004. – 877 с.). Она имела все без исключения родимые черты второразрядного опуса (в современном российском понимании «опус» – халтура, подделка). По замыслу автора, работа была направлена к полному пересмотру сложившегося в XIX – начале XXI вв. комплекса взглядов на такой крупный исторический феномен, как Кавказская война. Но первая странность, с которой читатель сталкивался, приступая к изучению объемного труда М. Блиева, заключалась в полном, можно сказать, абсолютном отсутствии историографического анализа проблемы! За исключением одной опереточной фразочки: «Выводы о колониальной природе политики России на Кавказе и освободительном характере движения горцев – в сущности, непротивительные и ставшие в литературе тривиальными ...» и т.д., и т.п.²²

Это обстоятельство выглядело тем более странным, что за предшествующие выходу опуса М. Блиева 20 лет были переизданы старые и вышли в свет новые капитальные работы по проблематике Кавказской войны, в частности, принадлежащие перу В.В. Дегоева, М. Гаммера, Ш. А. Гапурова, вышло первое печатное издание известной монографии Н.М. Покровского и целого ряда работ дагестанских, кабардинских и адыгейских ученых. Было опубликовано значительное количество новых

²² Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 7.

источников в Москве, Дагестане и Чечне ²³. Мы уже не говорим о наличии огромной источниковой базы, накопленной как в ходе Кавказской войны, так и за 150 лет после ее окончания, отложившихся в архивах страны, в т.ч. и Северной Осетии.

Многоцветие посылок Марка Блиева сводилось в рассматриваемой работе к относительно простому умозаключению: все, кто активно участвовал в сопротивлении царизму в Кавказской войне, – дагестанцы, чеченцы, черкесы Северо-Западного Кавказа, находились на такой стадии социально-общественного и экономического развития, когда внешние набеги и войны составляли их естественную «природу». Процесс складывания ранней государственности (в форме имамата), якобы, еще более подталкивал горцев к внешней экспансии. Поэтому «оплоту цивилизации» – Российской империи, пришлось оказать ожесточенное сопротивление натиску стадияльно отсталых горских варваров. Отсюда, якобы, Россия и заполучила т.н. Кавказскую войну, чьей поздней реинкарнацией на рубеже XX–XXI вв. явились, якобы, две «чеченские» войны ²⁴.

²³ К примеру: Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956; Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991; Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Грозный, 1991; Гаммер Моше. Шамиль: мусульманское сопротивление царизму – завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000 и М., 2008; Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000; его же: Бег по кругу. СПб., 2006; Бейтуганов С. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 2003; Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (Конец XVIII – 60-е гг. XIX в.) : Дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2003; Гашимов Р.Р. Борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-х годов XIX века в советской историографии. Автореферат дисс. Канд. ист. Наук. Махачкала, 2003; Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сб. документов. М., 2005; Шнирельман Я. Быть аланами. М., 2006; Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006; Дадаев Ю. Государство Шамиля. Махачкала, 2006; Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008; Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ. М., 1998; и мн. др.

²⁴ Здесь и далее мы пользуемся текстом статьи Ислама Баудинова: Чеченская история от Марка Блиева // Чеченское общество сегодня. №4. М., 2006; а также: Ислам Баудинов. Марк Блиев. Черкесия и черкесы, Чечня и чеченцы, Осетия и осетины...Что дальше? // Столетие. Интернет-газета –

Когда-то все то, о чем говорится в рассматриваемой объемной книге, было изложено в довольно хиленькой статье М.М. Блиева, изданной в академическом журнале «История СССР» в 1983 г., затем доводы были повторены в 1989 г.²⁵. Конечно, эта проба на прочность советских историков была проведена по заданию соответствующих идеологических органов, занявших глубоко ошибочную позицию в национальном вопро-се. Встреченная смехом и саркастическими замечаниями (в т.ч. и в самой Северной Осетии) «набеговая концепция» М.М. Блиева оказалась практически невостребованной и, как казалось, прочно забытой. Сам М.М. Блиев «интеллигентно» расска-зывает, как по поводу оной первой статьи его осетинский кол-лега «наговорил... [нашему гению] массу нелепостей и гадо-стей. Ничего другого он не мог сказать по одной единственной причине: интеллектуально ему статья была явно недоступна. В детстве я часто дрался, но всегда во время драки боялся силь-но ударить противника. Повзрослев, ненавидел всякое насилие. Но, Боже, как же мне хотелось набить профессору морду. Меня едва удержали от постыдного поступка... Так начиналась моя «полемика» по поводу статьи»²⁶.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/pravilno_li...

Смерть М.М.Блиева, последовавшая в ноябре 2011 г., несколько затрудняет положение критиков, но заверяем читателя, что статья И. Баудинова поступила на его стол не менее 7–8 лет назад и к тому же была широко растиражирована в Интернете. Однако, как отметили в свое время осетинские коллеги М.М. Блиева, несмотря на неоднократные их просьбы либо возразить письменно по поводу критики его «концепции», либо вступить в дискуссию с оппонентами, он не решился ни на первое, ни на второе.

²⁵ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. №2. 1983; Его же: К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII–первой пол. XIX вв. // История СССР, № 4. 1989.

См. критику: Ортабаев Б.Х., Тотоев В.Ф. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4; также в материалах: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20–22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989 (издание докладов было произведено в 1994 г.); и др.

²⁶ Блиев Марк. Осетия: кручина моя. Очерки. Книга 1. Владикавказ, 2011. С.46.

Тем не менее, пройдя курс сотрудничества с несколькими московскими и грозненскими учеными, вдруг проявившими интерес к «креативу» М.М. Блиева, он (так и не набив никому «морду») несколько раз пытался вновь выйти с «набеговой экспансией» в большую науку. Однако его совместная с Н.С. Киняпиной и В.В. Дегоевым монография от 1984 г.²⁷ была также встречена более, чем прохладно. Еще раз он попытается навязать науке свои ущербные взгляды в соместной с В.В. Дегоевым монографии, выпущенной через 10 лет²⁸. Блиев вновь потерпел неудачу, большая наука не приняла его сомнительных словоупражнений, типа: «Один из них (взглядов на Кавказскую войну. – Д.А., Я.А.) сложился в русской дореволюционной историографии, видевшей в Кавказской войне лишь противоборство между Россией и горцами Кавказа. Другой – плод непрофессиональных суждений И.В. Сталина, в 1936 г. назвавшего Кавказскую войну «национально-освободительным движением». Второму взгляду суждено было не только пережить своего автора, но и приобрести со временем особую распространенность»²⁹. Кстати последний довод совершенно фальсификаторский: Сталин в оценках Кавказской войны, как национально-освободительного движения, был не причем (более того, именно он лично к 1947 г. и сконструировал из Шамиля «ставленника султанской Турции и агента английских колонизаторов»); «причем» тут был исторический материализм, господствовавший в советской исторической науке. Во многом, кстати, верно объяснявший явления и процессы с точки зрения производственных сил, производственных отношений и классовой борьбы народов империи против общего врага.

Литературно-фразеологические обороты, долженствовавшие, по мысли Блиева, заменить серьезный историографический анализ проблемы, наряду с его маниакальными претензиями на владение истиной в последней инстанции, заставили, в конечном счете, того же В.В. Дегоева заявить, что он больше не считает себя связанным соавторством с М.М. Блиевым по

²⁷ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

²⁸ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.

²⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 6.

книге «Кавказская война». В какой-то мере помешал сочинителю и заклятый единомышленник грозненский археолог В.Б. Виноградов, привычно придавший «новаторской концепции» Блиева из псевдонаучного еще и пошлый политизированный характер. Как писал М.М. Блиев, «наиболее яростные критики прибегали к необоснованным политическим обвинениям, а те, кто «поддержал» новое понимание проблемы, желая того или нет, по существу, изрядно ее вульгаризировали (например, В.Б. Виноградов)»³⁰.

Как М.М. Блиев пришел к «открытию». Отметим, что в своих опубликованных «воспоминаниях»³¹ М.М. Блиев (в промежутках между описанием возлияний с шашлыком и сердечной обиды, нанесенной ему однажды угощением подгорелыми котлетами), подробно рассказывает, как в 1956 г. овладела им мысль о «новом прочтении» Кавказской войны. В то время он был аспирантом известного кавказоведа С.К. Бушуева, ведшего в 50-х гг. спецкурс «Кавказская война» в стенах МГУ, и автора прекрасной для своего времени монографии – «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» (М., 1939). Оказалось, М.М. Блиев «открыл», что границы Имамата в период Кавказской войны (Нагорный Дагестан и преимущественно горно-предгорная часть Чечни, плюс «демократическая» часть Черкесии) являются исключительным районом разворачивания национально-освободительной борьбы – сиречь Кавказской войны. А раз в этих районах, якобы, шли процессы разложения «родового» (!) уклада, наблюдалась «военная демократия» и складывалось раннеклассовое государство (Имамат Шамиля), значит, полагал открыватель, мы имеем экспансию всех горцев против всех, включая Россию. И Кавказская война есть защитная война царской России против экспансии горцев; едва ли не Отечественная война 1817–1864 гг.!

Если бы М.М. Блиев разделил исторически обусловленные процессы, шедшие в тот период в «вольных» обществах Черкесии, Чечни и Дагестана, а именно: углубление и усложнение социально-общественных процессов, плюс складывание государства, от другого явления – национально-освободительного

³⁰ Там же. С. 7.

³¹ Блиев Марк. Осетия: кручина моя. Очерки. Кн. 1. Владикавказ, 2011.

и социального движения (Кавказская война), наблюдавшегося (вопреки утверждениям Блиева), в той или иной мере, той или иной хронологической протяженности, не только на территории всего Северного Кавказа (а не только в пределах Чечни, Нагорного Дагестана и Черкесии), но и значительной части современного Азербайджана и даже Грузии (не говоря уже о массовых движениях собственно русского крестьянства империи), это была бы более или менее научная постановка проблемы. Попутать театр военных действий с областью развертывания народных движений оказалось плохой идеей Марксена Блиева, напроць выдававшей ограниченный характер его мышления.

Однако, когда в 70–80-х гг. XX в. в СССР усиливался диктат «добровольных вхождений» и неприятие признания каких-либо трений и противоречий в национальных отношениях не только в настоящем, но и в далеком прошлом, блиевская концепция едва ли не пришлось ко двору власть предержащим и тогдашним ширым патриотам.

Противники и последователи. Осетино-ингушский конфликт и «блиевщина». Надо отдать должное нашим советским историкам: отчетливо видя, откуда дует ветер в паруса Марксена Блиева, они, тем не менее, не пошли на сделку с совестью, за исключением, может быть, «вульгаризатора» В.Б. Виноградова. Тем не менее, вопреки мнению практически всего исторического корпуса Северного Кавказа, и не только Чечено-Ингушетии и Дагестана, Блиев почему-то продолжал считать до самой своей смерти, что его недоброй памяти «статья, преследовавшая сугубо научные цели, снимала с Кавказской войны антироссийский идеологический груз, за долгие годы накопившийся в ряде районов Северного Кавказа». Хотя все было с точностью наоборот: идеологема Блиева усугубляла историческую «вину» горских народов перед «прогрессивной» крепостнической империей.

К любопытной стороне деятельности М.М. Блиева на полях истории нельзя не отнести попытки «теоретизирования» психологически весьма своеобразного свойства: «Чтобы Кавказская война обрела наконец давно заслуженный ею статус научной проблемы и перестала служить предметом идеологического

надзора или экзотическим сувениром, необходимо отказаться от традиционного отождествления ее наружного облика с внутренней сутью. И тогда из-под толщи «антиколониального грима» проступит ее подлинная природа, определяемая формулой: Кавказская война – это одна из многообразных локальных вариаций перехода к классовому строю, лишь подтверждающая общие закономерности исторической жизни человечества»³².

Данные положения обладали ясностью, видимо, только для него самого, потому что представители виноградовщины и другие участники националистического шаша в России сегодня, вплоть до начальника Генерального штаба ВС РФ Ю.Н. Балуевского, усвоили из блиевской концепции другое: «Русская армия на Кавказе использовалась по своему прямому назначению – не против народов региона, а исключительно с целью их вооруженной защиты от тех представителей горских общин, для которых основной формой жизнедеятельности являлась «набеговая система»³³. Где же этому научился наш арбатский полководец?

Нашлись, согласно видному историку В.В. Шнирельману, подражатели и другого рода: «Вслед за Блиевым московский профессиональный историк Гатагова провела параллель между осетино-ингушским конфликтом 1992 г. и ингушскими «набегами» в XIX в. Эта [блиевская] концепция находит место даже в федеральных учебниках истории России (к примеру, Зырянов 1999. С. 66–68; Сахаров, Боханов. 2003. С. 319–320). Идею Блиева о «горской экспансии» и «набеговой системе» с благодарностью подхватывают авторы шовинистических произведений, изображающие чеченцев «варварами» и доказывающие, что русским, якобы, «свойственно чувство принципиальной несовместимости с чеченцами».

Кстати, сам Блиев в ходе осетино-ингушского конфликта и двух чеченских войн публично обвинял всех чеченцев, а заодно и ингушей, в природной хищности и грабительстве, выставляя при этом чеченцев виновными в развязывании антирусской войны (он видел в «набеговой системе» чеченцев некий архетип, неизвестно каким образом сохранившийся в период совет-

³² Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. 1994. С. 592.

³³ «Красная Звезда». Центральный орган МО РФ. 16 мая 2000 г.

ской модернизации и в неизменном виде доживший до конца XX в.»), а ингушей – агрессорами против Осетии. Правда, «новатор» получил весьма резонные возражения, что т.н. «набеговая практика» была широко присуща тем же осетинам и русским казакам³⁴. Хуже того, в той же Грузии позапрошлого века синонимом этнонима «осетин» оказалось определение «вор, грабитель»³⁵.

Позиция М.М. Блиева в этот сложный для горских народов период была крайне националистической, провокационной и, к чести осетин, далеко не всеми разделяемой в той же Осетии. Своеобразной ответной реакцией на подобные блиевские эскапады стали также конспирологические выводы отдельных ингушских авторов о зловещей роли Осетии и осетин в исторических судьбах народов Северного Кавказа, в первую очередь, ингушей³⁶.

М.М. Блиев и Хаджи-Мурат Ибрагимбейли. Вообще, упомянутого исследователя трудно бывает понять, если не усвоить главной составляющей его мировоззрения – в центре Вселенной находится Марксен Блиев с «его идеями». Те, кто выступают против него, – проходимцы, завистники, «казановы» и т.д. Вот страница из его воспоминаний «Осетия – кручина моя», посвященная оппоненту Блиева – видному российскому военному историку, полковнику Хаджи-Мурату Ибрагимбейли (умер в 2001 г.), служившему в Институте военной истории МО СССР (эта выдержка, кстати, исключительно ярко характеризует объективность подходов нашего кавказоведа и в сугубо научных вопросах):

«По профессии Ибрагимбейли был военнослужащим. Работал военкомом в Баку, но когда правоохранительные органы заинтересовались его деятельностью, Ибрагимбейли срочно выехал в Москву. Он был по-своему незаурядным человеком. Во всяком случае, первый же авантюрный ход, сделанный им

³⁴ Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. С. 81-82

³⁵ Дзугаев К.Г. Южная Осетия в контексте российско-грузинских отношений. Часть 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rudocs.exdat.com/docs/index-249209.html

³⁶ Костоев Беслан. От Иосифа Сталина до Таймураза Мамсурова. Магас-Москва, 2007.

в Москве, достоин высшего балла. Ибрагимбейли женился на секретаре Президиума Верховного Совета РФ. Ее звали Роза (к стыду своему, фамилию не помню). Она ранее занимала в Дагестане должность Председателя Президиума Верховного Совета республики. Роза была умницей и, несомненно, редкой красавицей. Отборных женихов у нее было предостаточно. Может быть, по этой причине Роза и задержалась с выходом замуж. Но вот у ее ног появился «бакинский Казанова», и она вверила свою судьбу неожиданному поклоннику. Теперь через секретаря Президиума Российской Федерации «молодожен» мог решить немалый круг вопросов. Во-первых, он обезопасил себя от тяжелого следа прежней деятельности; во-вторых, устроился на работу в Институт военной истории, где для него открылся путь к приобретению ученых степеней и званий. Роза все же разобралась, с кем имеет дело, и разошлась с проходимцем. Ибрагимбейли тут же женился на молодой ингушке и благодаря этому стал в Ингушетии «патриархом» кавказоведения и заправилкой в антиосетинском движении экстремистских сил.

На одной из научных конференций – он был их завсегдаем – Ибрагимбейли объявил меня «евреем», да не простым, а «сионистом». На Национальном конгрессе ингушского народа при обсуждении вопроса о физическом уничтожении А. Галазова и А. Дзасохова он внес предложение включить в этот список и меня; а некий Костоев, как победную реликвию, напечатал в грузинской правительственной газете сообщение о смертном приговоре, вынесенном в Назрани главным «осетинским злодеям» ...

Впрочем, Ибрагимбейли и в Осетии нашел почитателей. Владимир В. Дегоев видел в Ибрагимбейли родственную душу. Пригласил его на защиту своей докторской диссертации в качестве оппонента. Чтобы понравиться будущему доктору наук, Ибрагимбейли написал отзыв на 40 страницах, нарисовал губы, щеки... и в таком «антрахиноне» явился на заседание ученого совета МГУ»³⁷. И т.д., и т.п.

Нельзя не высказаться в защиту имени замечательного человека от однозначно глупейшего и злобного навета. Речь

³⁷ Блиев Марк. Осетия: кручина моя. Очерки. Книга 1. С. 49.

идет о крупном военном историке и патриоте нашей страны – подлинном рыцаре науки, безумно любившем Кавказ. Может быть, и ошибавшегося, может быть, шумного и экзальтированного, но его невозможно было не уважать. Вся его «вина» перед Блиевым заключалась в том, что он весьма скептически относился как к «открытиям», так и к личности самого М.М. Блиева. Хочется привести здесь сведения из некролога Б. Костоева, посвященного Хаджи-Мурату, умершему в марте 1999 г. в возрасте 76 лет и дополнить их. Да, он действительно был солдатом, гражданином, ученым – происходил из дворянской, бекской семьи (горского происхождения) Азербайджана, давшей России несколько поколений офицеров. В 1941 г., в 17 лет, Хаджи-Мурат ушел на фронт, в 1942 г. досрочно закончил офицерские курсы и младшим лейтенантом вернулся в окопы. В течение войны трижды был тяжело ранен, получил ряд боевых наград, начиная с ордена «Солдатская слава» (всего имел до 40 правительственных наград).

После войны служил в ГРУ, владел восточными языками, пересекал границы и выполнял ответственные задания. Командовал артиллерийской бригадой в Баку, но увлекшись историей, закончил исторический факультет Азербайджанского государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию, издал в 1963 г. первую монографию. В 1973 г., после защиты докторской диссертации, Хаджи-Мурат был переведен в Москву для прохождения службы в Институте военной истории, где последние годы был начальником отдела.

Да, он действительно был женат первым браком на женщине, которую любил и от которой имел сына. Да, после ее смерти он долго не женился, пока друзья не сосватали ему чеченку из уважаемой патриархальной семьи из с. Ачхой-Мартан. Да, он действительно общался с представителями всех горских движений в период перестройки и поддерживал тех, чьи интересы были грубо задеты, а национальные чаяния ущемлены, в т.ч. ингушей. Например, широкую известность получила его деятельность по защите прав репрессированных народов в качестве члена палаты национальностей Политического консультативного совета при Президенте РФ.

Свидетельствуем, что все, о чем с такой уверенностью пишет Марксен Блиев о Хаджи-Мурате, есть дурно пахнущая инсинуация. Впрочем, характеризующая не Хаджи-Мурата, а его оппонента. И так, к сожалению, во всем творчестве нашего маститого ученого. Потрясает в характере профессора М.М. Блиева три момента: первый – среди ученых подобные субъекты не задерживаются, этот числился в интеллектуальной корпорации до самой смерти, второй – наличие искреннего убеждения в правоте собственной лжи (о научной ошибке речи не идет, это совершенно другое), третье – когда М. Блиеву четко доказывали его ложь (что было несложно), он единственно краснел, никогда не оспаривал, но никогда и не исправлялся.

Мания величия и спор с самим собой. Национально-освободительная борьба осетин с евроазиатской деспотией. Отдельной темой проходит обязательная для подобного типа личности мания величия. Так, в 2010 г. М.М. Блиев скромно написал о себе: «В советскую историографию М.М. Блиев вошел как разрушитель непритязательных методологических стереотипов, с позиций которых освещались сложнейшие проблемы русско-кавказских отношений. Как и положено первопроходцу, М.М. Блиев испытал полную меру жестокой критики. Время, однако, все расставило по своим местам. Сегодня профессора М. М. Блиева называют не иначе, как «выдающийся российский историк», «патриарх кавказоведения», «ученый с мировым именем»³⁸.

Земледелие и скотоводство, ремесленные занятия и торговля не являлись, по М. Блиеву, определяющими в жизни указанных выше горских народов Кавказа, а только набеги и грабежи. И ничего не могло изменить эту стадильно-генетическую предрасположенность природных бандитов к насильственному изъятию собственности. И хотя львиная доля грузинских пленников на рынках Северного Кавказа обеспечивалась усилиями его собратьев-осетин («гурджи-гурдзиаг» в осетинском языке стало синонимом раба), а образ «осетина с ружьем», убивающего и грабящего русских на Военно-Грузинской дороге, на-

³⁸ Блиев Марк. Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752. Присоединение Осетии к России. Владикавказ, 2010. С. 2; Не секрет, что представление об авторе пишет, как правило, ... сам автор.

долго стал типичной военной реальностью, последние (как, к примеру, карачаевцы, балкарцы и кабардинцы и, на какое-то время, по политическим соображениям – ингуши) были вычеркнуты им из почетного разбойничьего ряда.

Хотя, если следовать логике того же М.М. Блиева, ингуши и осетины находились на куда более архаической стадии общественного развития, чем чеченцы, кабардинцы или аварцы. Еще в начале XIX в. у осетин и ингушей присутствуют языческие верования, институт левирата и (в некоторых ущельях) пережитки группового брака. А уж нехватка в элементарных средствах жизнеобеспечения была просто катастрофической – это действительно были самые бедные народы Северного Кавказа. Данные русских документов по набеговой практике осетин и ингушей практически не расходились с другими народами, если не признать их несколько менее масштабными по количеству участников (и с большим упором на уголовную составляющую).

Впрочем, М.М. Блиев в 2006 г. вступил в спор и с самим собой. Оказалось, что за некоторыми народами Кавказа он сохранил право на национально-освободительную борьбу, согласно его словам, с «евроазиатской деспотией» в лице царской России. Так, в работе «Южная Осетия в грузино-русских отношениях» (написанной, кстати, в сугубо конспирологической тональности – сосредоточением мирового зла объявляются грузинские князья-тавады) он передает данные о выступлениях северных осетин в 1804 г. (пытаясь совершенно неубедительно представить их «антигрузинскими»), которые стали причиной карательных экспедиций царских войск: «Весной 1804 года Ахмет Дударов создал вооруженный отряд и перекрыл Военно-Грузинскую дорогу...³⁹ Действия Ахмета Дударова послужили поводом для применения к осетинскому населению знакомых генералу Цицианову методов насилия... Он приказал «карать, пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища...». Осетинское население Восточной и Южной Осетии, ставшее жертвой прогрузинской политики Петербурга, обратилось к российским

³⁹ Конечно, М.М. Блиев просто забыл, что все это было совершено мусульманским феодалом Дударовым в тесном союзе с чеченцами и ингушами.

властям с заявлением: «Мы, – подчеркивалось в нем, – все до единого остановились на том, что если другая какая напасть не постигнет нас, дабы избавить от нестерпимой горести, то зажечь своими руками наши дома, жен и детей вогнать туда и самим броситься и так сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен»⁴⁰.

Карательные экспедиции – «эззекуции» – совершались по обеим сторонам хребта как в Южной, так и в Северной Осетии, в течение не только всей Кавказской войны, но и на протяжении всего XIX в. «оккупационным (по словам М.М. Блиева) режимом»,⁴¹ с пугающей регулярностью и крайней жестокостью. Так, в мирном 1884 г. горийский уездный начальник князь А. Амилахвари обосновывал необходимость масштабной эззекуции в югоосетинских ущельях тем, что пограничные им грузинские села являлись постоянной жертвой осетинских воров и разбойников. «Положение населения, – писал он губернатору, – нельзя описать... громадная масса потерпевших, осаждая эти селения с плачем и рыданием в буквальном смысле слова, ...категорически заявляя о решительной невозможности дальнейшего сосуществования, если не будет положен конец продолжающегося их разорения».⁴²

Сам М.М. Блиев находил объяснение этим карательным ударам в социальном родстве грузинских и российских крепостников, действовавших «на одной и той же социально-исторической «поверхности». Причем выражался довольно резко – «у России был свой особый татаро-монгольский «историко-деспотический» след, который так или иначе обуславливал длительность господства в стране крепостничества ...». «Уместно напомнить и другое, – продолжает тот же Блиев, – Российское государство XVI–XVIII веков, по справедливой оценке Г.В. Плеханова, напоминало по своему политическому устройству азиатско-деспотические режимы. Перечисление этих важных «штрихов» политической истории России можно было бы про-

⁴⁰ Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006. Изд. 2-е доп. С. 24-25.

⁴¹ Указ. соч. С. 145.

⁴² Там же. С. 142.

должить, но и из упомянутого видно, что у России и Грузии было предостаточно «феодальной общности», чтобы состоялось их совместное господство над грузинским и осетинским крестьянством»⁴³.

М.М. Блиев и Ингушетия. Исторические закономерности, характерные, по соображениям М.М. Блиева, для осетин в вопросах национально-освободительной борьбы с «оккупационным режимом» и отсталым «азиатско-деспотическим» правлением не получают (без каких-либо объяснений) распространения на соседей. Все вышеуказанные справедливые суждения замыкаются для Марксена Блиева на одном, но «избранном» народе. А вот в ряде школьных учебников истории России эпохи XIX века (на наш взгляд, не без подачи Блиева и присных) 90-х годов XX в. четко прописывается тезис о «набеговой системе», как основной причине войны между Россией и горцами Северо-Восточного Кавказа и Черкесии. Здесь невольно приходится подозревать наличие некоего единого властного центра, откуда столь «оригинальная» блиевская посылка настоятельно рекомендовалась к включению в массовые издания для российских детей.

Более того, еще в марте 1993 г. «Верховный Совет Северной Осетии по инициативе своего лидера А. Галазова, сославшегося на мнение общественности, принял расистское по своему духу постановление о «невозможности совместного проживания» осетин и ингушей... «Научной» основой... – согласно абсолютно справедливому мнению историка В.В. Шнирельмана, – послужила теория... М.М. Блиева, провозгласившего «набеговую систему», коварство и жестокость «этногенетическими» особенностями ингушей, связанными с «определенной формационной стадией». Блиев отстаивал эту концепцию с 1983 г., когда он впервые заявил о том, что агрессивность была будто бы обусловлена формационной принадлежностью горских «вольных» обществ, лишь недавно расставшихся с родоплеменным строем...

Блиев писал, что «современный ингушский тайп еще недавно обладал всеми признаками классического ирокезского

⁴³ Там же. С.88.

рода... и многое из происходящего сегодня в Ингушетии объяснимо именно этими признаками». Он убеждал читателя, что причиной конфликта была «стадиальность» ингушского общества, будто бы жившего по законам «военной демократии» и обладавшего «особой агрессивностью». Таким образом, тот же осетино-ингушский конфликт конца XX века «фактически переводился из области политики в область культуры»⁴⁴.

Вместе с тем, мы имеем в научной печати и альтернативные оценки творчества М.М. Блиева поражающие своей циничной дерзостью, но не подкупающие объективностью и благоразумием. Так, кубанский историк, профессор О.В. Матвеев пишет в специальном историографическом обзоре, посвященном, по существу, Кавказской войне, что «итогом его [Блиева] кавказоведческих изысканий явилась многоплановое исследование «Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации» (М., 2004). По широте привлеченных исторических источников, глубине и профессиональности исторических и концептуальных построений оно, несомненно, является уникальным историографическим фактом российской науки. Это подтвердило недавнее обсуждение монографии, состоявшееся на историческом факультете Московского университета с участием специалистов из Института истории России РАН. На нем единодушно было отмечено, что новая монография М.М. Блиева, посвященная наиболее сложным и по своей актуальности значимым проблемам кавказоведения, – одно из важнейших достижений отечественной науки»⁴⁵.

М.М. Блиев и Чечня. Самое удивительное в этом панегирике – его истинность с точностью наоборот: профессионально слабое место в огромном опусе Блиева – поражающая бедность доказательной базы. Так, на двадцати одной страницах блиевского текста, посвященных истории чеченцев (глава «Чечня»),

⁴⁴ Шнирельман В. «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и школьные учебники истории // Расизм в языке образования. Сб. статей. СПб., 2008. С. 94–96, 102–103.

⁴⁵ Матвеев О.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе 1830–1864 гг. в научной деятельности современных отечественных исследовательских центров и учебных заведений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf>.

мы насчитали свыше 50 сносок на проблематичную по меркам и вчерашнего, и сегодняшнего дня работу «Чеченское племя» первого чеченского этнографа Умалата Лаудаева (у М. Блиева он упорно именуется историком), изданной в 1872 г.⁴⁶

Между тем, в своем сочинении Лаудаев оперировал исключительно фольклорными данными и, будто предполагая, что его работа может быть использована шарлатанами, предупреждал читателей: «Чеченцы часто переиначивают предания, соображаясь с настоящими событиями». Кстати, уже отмечено, что все чеченофобские сочинения последних лет непременно обращаются к бедному Лаудаеву так, будто в 1872 г. чеченская историография достигла совершенства и навсегда поставила себе предел в своем дальнейшем поступательном развитии.

В отношении истории того же «неудобного» ему чеченского народа (кстати, самого крупного на Северном Кавказе, по крайней мере, с начала XIX в.) Блиев проявляет вызывающую некомпетентность, утверждая, что до XVI в. «чеченское племя» обитало где-то там, в горах, в верховьях Аргуна, да и вообще его появление на Северном Кавказе – «позднее явление». При этом доказательством оказывается то обстоятельство, что «первый чеченский историк» **не отрицал**, что «чеченцы – пришлый на Кавказе народ» (!?)». А вот если бы отрицал... И это называется наукой?

Все это очень плохо, но дальше – еще хуже, так как в ход пошла прямая и явная ложь. Так, якобы: «Работавшие в 70-е годы в Чечне археологические экспедиции, изучавшие досредневековые периоды материальной культуры, не обнаружили памятников, тесно связанных с чеченским этносом...»⁴⁷. Между тем, как раз археологи, работавшие в Чечне и в 60-х, и в 70-х, и в 80-х гг. XX в., их и обнаружили, что широко представлено только в специальных, но и в обобщающих трудах⁴⁸.

⁴⁶ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... С. 43–63; Есть еще одна глава в опусе М. Блиева, посвященная развитию русско-чеченских отношений (стр. 63–108). Но ее не только анализировать, читать стыдно! Полнейшая беспомощность. Видно, что человек лет с 30 ничего нового просто не читал.

⁴⁷ Там же. С. 44–45.

⁴⁸ См.: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; . Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967; Марковин

В своем фантастическом опусе, являющемся, по мысли О.В. Матвеева, одним «из важнейших достижений отечественной науки», наш М. Блиев отказался как от всей огромной историографической базы истории Чечни, так и от научности как таковой. Фактически была сделана грубая инсталляция на заданную тему в параметрах черной, а скорее, даже грязной пропаганды.

М.М. Блиев и Черкесия. Завершая раздел о творчестве М.М. Блиева, отметим издание им в 2011 г. еще одного памфлета – «Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории»⁴⁹, основанного на собственноручных рассуждениях сугубо маргинального характера с минимумом источников (и уже дважды изданного в качестве отдельных глав в работах «Кавказская война» и «Горцы Большого Кавказа...»). Здесь, в последнем издании, куда более многоречиво доказывается нехитрая мысль, что черкесы «сами себя высекли», но в каком-то невообразимом изложении: «Основная масса черкесского населения, оказавшаяся в условиях необычайной катастрофы, устремилась в Османскую империю, что надолго предредило их собственную историческую судьбу...

Оказавшись в водовороте острых международных противоречий, Черкесия, вдобавок имевшая свои собственные внутренние социальные коллизии, окончательно растеряла не только исторические ориентиры, но и национальные интересы. По воле международных политических сил она вступила в войну с Россией, и тем самым навсегда лишила себя перспективы быть в составе евразийской государственности, где, несомненно, могла бы иметь свою национальную автономию»⁵⁰.

В.И. Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.). Грозный, 1972; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. 1. Грозный, 2006; и др.

⁴⁹ Блиев Марк. Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории». М., 2011. Заметим, что данное издание получило в Интернете такую невероятную рекламу, которую за последние 10 лет единственно удастаивался только злобно-ксенофобский пасквиль И. Пыхалова «За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие?» (М., 2008). Все это заставляет предполагать наличие серьезного, если не государственного, то корпоративного интереса.

⁵⁰ Блиев Марк. Указ. соч. С. 171,174.

При этом видный гуманитарий – «патриарх кавказоведения» – призывал коллег беречься от «нравственных трактовок» трагедии черкесов (это о том бесспорном факте, когда до полумиллиона черкесов к 1864 г. были согнаны русской армией со своих земель на узкую береговую полосу Черного моря, где они массами умирали от голода, а оставшихся в живых вывезли турки в Малую Азию и на Балканы)⁵¹.

Скибицкая И.М. и крыловское зеркало. В связи с «новатором» М.М. Блиевым отметим, исключительно для примера, еще одного кубанского исследователя – И.М. Скибицкую, давшую в своей кандидатской диссертации развернутый историографический анализ проблемы Кавказской войны, окрашенный нездоровым отношением к т.н. «национальному мифотворчеству», в особенности в части, якобы, «внедрения» концепции «геноцида адыгов в массовое сознание...» Высоко оценив труды Блиева по доказательству того, что горские народы «находились на стадии перехода от патриархально-родовых общественных отношений к отношениям ранне-феодальным», она обличила «некоторых авторов», допустивших в отношении нашего «неомаркиста» (по определению В.В. Дегоева) «ряд необоснованных эмоциональных выпадов...»⁵². Добавим, автор (как до нее и Марксен Блиев) забыла, что массовый геноцид адыгов в форме изгнания был тщательно и полно документирован собственно его исполнителями, возведшими дикое, даже по нетребовательным меркам XIX в., варварство себе в заслугу⁵³. И нечего здесь Скибицкой на зеркало пенять...

⁵¹ См.: Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (Конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2003; Баудинов И. Марк Блиев. Черкесия и черкесы, Чечня и чеченцы, Осетия и осетины... Что дальше? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: stole.tie.ru/fakty_i_kommentarii/pravilno_li_...

⁵² Скибицкая И.М. Завершение Кавказской войны (1860-1864 гг.): Военно-политические и социальные аспекты. Автореферат дисс.. канд. истор. наук. Краснодар, 2011. С. 6.

⁵³ См.: Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33,36; Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. Ростов-Дон. 1925; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992; Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию: последствия Кавказской войны. Нальчик, 1994; Берзедеж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996; Трагические последствия Кав-

Заключение по Блиеву. Искренне жаль, что М.М. Блиев, несмотря на то, что многое ему было дано природой, так и не состоялся как ученый и гражданин. Перефразируя интереснейшую работу Б.И. Пружинина, можно сказать, что он так и не смог осознать, что его работы легко проверяются «в рамках научной критики, при непосредственном включении фрагментов псевдознания в контекст научно-познавательной деятельности. В ходе рабочего соотнесения этих фрагментов со сложившимся массивом научного знания и утвердившимися методологическими основаниями «подлинных» наук обнаруживаются те или иные нарушения требований научности. И если нарушитель продолжает упорствовать и не может представить когнитивное оправдание этих нарушений, то у научного сообщества есть все основания утверждать, **что действовал он, на самом деле, не ради объективного познания мира, но с какими-то иными целями, и что, скорее всего, ради обслуживания этих непознавательных целей он и нарушал требования и нормы научного разума** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)»⁵⁴.

§ 2. Кавказская война и профессор В.В. Дегоев

Начало пути. В современном чеченском обществе, как и на всем Северном Кавказе, с глубоким уважением относятся к представителям Северной Осетии, изначально выражавшим в своем творчестве общегорские идеалы, настроения и чаяния. В попытке христианизировать и русифицировать на Северном Кавказе малые народы, которые представлялись им наиболее слабыми и «податливыми», царские власти, независимо от своих целей, невольно способствовали раннему приобщению тех же образованных осетин к идеям передовой русской интелли-

казской войны для адыгов вторая половина XIX века. Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000; Эмиграция кавказских горцев в Османскую империю (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Сб. статей. Махачкала, 2000; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2014; Панеш А. Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). Майкоп, 2006; и др.

⁵⁴ Пружинин Б.И. Ratio serviens? // Вопросы философии. № 12. 2004. С. 42.

генции. Именно в Северной Осетии сформировался великий поэт Коста Хетагуров, выдающийся осетинский писатель Дзахо Гатуев, посвятивший свое творчество Чечне и чеченцам, выдающийся историк Чечни, осетин Феликс Тотоев и, как нам казалось до недавнего времени, замечательный историк современности, едва ли не единственный представитель историософии в российской исторической науке, блестящий научный талант – осетин Владимир Дегоев. Можно было во многом с ним не соглашаться, но нельзя было не уважать за присутствие в его трудах мысли и поиска, высочайшей философии исторического познания.

Однако, и здесь, на примере указанного прекрасного историка, но по необвинительным причинам – не бойца и не гражданина, можно попытаться проиллюстрировать, какое тяжелое время переживает сегодня историческая наука, когда в обществе вновь начинают утверждаться фальшивые парадигмы и идейно-охранительные учения, успевшие погубить в свое время Российскую, а затем и Советскую империи.

Владимир Дегоев начал свой исследовательский путь в Северо-Осетинском государственном университете на кафедре профессора Марксена Блиева. Уже в 1984 г. он получил всесоюзную известность, выступив одним из соавторов коллективной монографии «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России»⁵⁵, выдержанной в рамках традиционного для того времени, условно говоря, «великорусского» дискурса. Участие соавтором указанного произведения также и М.М. Блиева, за год до этого получившего «геростратову славу» публикацией статьи «Кавказская война: социальные истоки, сущность» (История СССР. №2, 1983), придало указанному событию легкую скандальность. В 1994 г. В.В. Дегоев выпускает в соавторстве с М.М. Блиевым концептуальную книгу «Кавказская война», где ему принадлежали отдельные тексты и главы (с необозначенным в оглавлении авторством). Довольно скоро он стал дистанцироваться от «набеговой идеологии» М.М. Блиева, а в 1999 г. в журнале «Вопросы истории» опубликовал статью «Кавказская во-

⁵⁵ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

йна: альтернативные подходы к ее изучению», где попытался, и безуспешно, обрисовать самостоятельные от М.М. Блиева подходы к этому важному явлению в истории России и Кавказа⁵⁶.

Обозначение позиций. При этом В.В. Дегоев четко обозначил свою авторскую позицию: «В качестве одного из главных аргументов (в дореволюционной историографии. – Д.А., Я.А.) проводилась мысль о провокационном поведении самих горцев, которые, в силу своей «дикой» и «хищнической» природы (обусловленной неблагоприятной природной средой обитания и этно-психическим складом), совершали грабительские набеги на русско-казачьи территории. России, якобы, ничего не оставалось, как отвечать тем же, почему и возникло перманентное состояние войны. Таким образом, для русских эта война принимала вид едва ли не оборонительной. Чтобы подчеркнуть данный тезис, утверждалось, что горцев побуждала к агрессии восприимчивость к «изуверскому», «фанатическому» учению юридика – доктрине, способствующей созданию «образа врага» и нагнетанию воинственного настроения масс»⁵⁷.

Порядком уязвленный «отступничеством» В.В. Дегоева (хотя тезис о колониальном характере действий России на Кавказе позже и у него стал вызывать панический страх) наш маститый «новатор» М.М. Блиев в своей предсмертной книге воспоминаний «Осетия – кручина моя» весьма уничижительно охарактеризовал поведение последнего: «Окончательно недружественное поведение, обставленное Дегоевым различного рода домыслами, проявилось, когда он в журнале «Вопросы истории»⁵⁸ подверг критике мою концепцию Кавказской войны, назвав ее «версией», а меня «неомарксистом»: стоит напомнить, в то время «марксист», «неомарксист» звучало как ругательство. Я был потрясен... Первый, кто мне вспомнился, был Иуда, продавший своего учителя за 30 серебряных монет... Дегоев в упомянутой статье «ругал мою часть»

⁵⁶ Дегоев. В.В. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. № 6, 1999.

⁵⁷ Там же. С. 156.

⁵⁸ Имеется в виду статья В.В. Дегоева «Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению» // Вопросы истории. № 6, 1999.

монографии [«Кавказская война». М., 1994], забыв о своем соавторстве»⁵⁹.

Вместе с тем, В.В. Дегоев посчитал, что историки спорят «преимущественно о том, с чем связаны эти факторы [вызвавшие Кавказскую войну] в большей степени – с внешней силой (активизация России на Северном Кавказе) или же с внутренними, общественно-хозяйственными условиями существования горцев (военно-набеговый образ жизни, порожденный скудной продовольственной базой и неблагоприятной природной средой обитания). Отсюда две точки зрения. Согласно первой, Кавказская война – это национально (народно-)освободительное и антифеодальное движение против царизма и его местных классовых союзников, в интересах которого Шамиль объединил дагестанские и чеченские общины и создал мощную государственно-теократическую структуру – имапат. Согласно другому мнению, Кавказская война – это, в конечном итоге, процесс образования собственности, классов, государства (со всеми атрибутами, включая идеологию), вызванный переходом от патриархально-родового строя к раннефеодальному и отягощенный расширяющимся присутствием России»⁶⁰.

Данная тема соперничества версий и мнений о причинах Кавказской войны получила детальное развитие и в более полном исследовании автора, однако и в нем мы также не нашли окончательных выводов о научной достоверности и ценности той или иной «версии».⁶¹ А ведь «версии» не есть знание! Считать же научными взгляды некоей узкой группы людей на Кавказскую войну как сопротивление диких разбойников-горцев цивилизаторской роли России было невозможно, такие подходы располагаются в рамках иных теорий, которые принято называть националистическими, расовыми и просто бредовыми.

⁵⁹ Блиев Марк. Осетия – кручина моя. С. 56. Как будет показано далее. в заключении раздела В.В. Дегоев окажется способным позабыть не только о своем соавторстве, но даже о собственном авторстве.

⁶⁰ Блиев Марк. Осетия – кручина моя. С. 159.

⁶¹ Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. / Под общ. ред. В.В. Дегоева. М., 2007.

Наш взгляд по вопросу горской стадиальности и общественной организации народов гор. В нашей стране случилось то, что случилось: несмотря на то, что Кавказская война для народов Северного Кавказа была национально-освободительной борьбой по форме и содержанию (в ходе которой социальные процессы, естественно, продолжали развиваться в формате классовых отношений), главный уклон в некоторых «научных» и околонаучных кругах был сделан на аспект разложения неких только им известных «родовых отношений» (!?) и «набеговой экспансии» горцев (не всех, а согласно реестру М. Блиева) против России, что, якобы, и породило ответную войну России против «дикарей-экспансионистов». Здесь, пожалуй, мы имеем не столько научный аргумент, сколько «прием отвлечения» из арсенала информационной войны, когда вина перекладывается на жертву.

При этом напрочь игнорировалась невозможность сохранения собственно родовых отношений в горных районах региона уже на заре перехода от охоты и собирательства к производящему хозяйству, вследствие природных особенностей: здесь физически было невозможно практиковать (подобно германцам эпохи Тацита и славянам Восточной Европы) коллективную собственность на землю и скот – основу родовых отношений. Хозяйство в горах изначально ведется отдельными патриархальными семьями, которые по мере освоения ландшафта дробятся и расходятся. Так называемые тайповые, тукхумные, вольнообщинные, джамаатские и фамильные связи в той же Чечне, Дагестане, Осетии, Ингушетии, Балкарии и Черкесии представляли рутинную социализацию – складывание многообразных форм общественных связей по мере развития горских этносов⁶². Естественно, наблюдалась, как и во всех горных районах мира, стагнация некогда найденных удачных форм сосуществования и организации. И еще: горская община-общество (долженствующая, согласно марксистской схеме, разлагаться по пути к развитому феодализму) играла здесь роль не столь регулятора отношений земельной собственности, сколько (как,

⁶² К примеру: Натаев С.А. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала, 2013; и др.

к примеру, в Норвегии, Стране Басков и Швейцарии) властного образования (только на первый взгляд потестарного характера).

Речь на Северном Кавказе шла, на наш взгляд, не о разложении общины-общества при переходе к классовому обществу, а о развитии горских обществ как (условно говоря) полисных государственных образованиях. Вместе с тем, между крестьянскими вольными обществами Кавказа и феодально-государственными образованиями региона никогда не было каменной стены: они не только были связаны тысячами уз, но даже вырабатывали институциональные формы вассально-союзнических отношений. И последнее: важным фактором неуклонного «приближения» населения горной части Северного Кавказа (как той же горной Шотландии, Швейцарии и Норвегии) к прогрессу, без обязательного прохождения через классического типа феодальный уклад, стало развитие товарно-денежных отношений и объемов производства традиционных видов хозяйства. К примеру, в Чечне, да и в ряде районов Черкесии, относительный подъем хозяйства и торговли, совпавший с распространением огнестрельного оружия (XVI–XVIII вв.), «приблизил» рядовых общинников по качеству традиционного вооружения к дворянской (узденской) панцирной коннице, лишив тем самым знать не только монополии на военное дело, но и оттеснив ее к XVIII в. от рычагов общественного управления.

В целом, крестьянские «республики» («вольные» общества) в ряде районов Северного Кавказа оказались, образно говоря, сильнее феодального строя. Так, в той же Чечне в конце XVIII в. потомственные князья из фамилии Турловых физически покидают свои старые владения на Чеченской равнине (Чеченское княжество-государство, просуществовавшее почти полтора века) и уходят на вновь осваиваемые земли по Тереку.⁶³

⁶³ Тема, поднятая нами, относится к проблемам социально-экономического развития горских народов, своеобразия «кавказско-горской цивилизации» и, к сожалению, не имеет сложившейся историографии. Обращаем внимание читателей на отдельные работы: Покровский М.И. Завоевание Кавказа // Дипломатия и войны в царской России в XIX столетии. М., 1983; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Его же. Норвежское общество в раннее Средневековье. М., 1977; Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. №2, 1978; Гадло А.В. основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических

«Большая игра на Кавказе» и «Имам Шамиль». В 2001 г. московское издательство «Русская панорама» выпустило две объемные монографии В.В. Дегоева «Большая игра на Кавказе» и «Имам Шамиль»⁶⁴, встретившие положительную реакцию не только в научной среде но и, что бывает реже, позитивное внимание во всем российском обществе. И не мудрено: ведь на Северном Кавказе шла вторая за последнее десятилетие русско-чеченская война. Это были более историософские работы, нежели исторические, и надо отметить, что они не только отвечали на жгучие вопросы, но и ставили их. Даже не соглашаясь с В.В. Дегоевым нельзя было не признать, что он заставил целое поколение историков во многом по-новому взглянуть на, казалось бы, известные хрестоматийные вещи.

В первой книге были подведены историографические итоги Кавказской войны и еще раз поднята проблема различных методологических альтернатив ее изучения. Прорывным и очень симптоматичным был исторический очерк В.В. Дегоева «Пасынки славы: человек с оружием в буднях Кавказской войны», где были обрисованы фигуры солдата и горца, противопоставленных историей друг против друга. Однако наличествующая уже на тот момент квазинаучная политизированная историография Северного Кавказа, сводящая всю сложность великого действия к отсталости и «хищничеству» горцев, стадийно не желающих принимать благотворную «российскость» (против которой, кстати, почему-то рьяно боролось и собственно русское кре-

общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. Вып. 1. 1986; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988; Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е годы XIX в.). Майкоп, 2002; Апрыщенко В.Ю. Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов-на-Дону, 2006; Петров И. Очерки истории Швейцарии. Берн, 2006; Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч. I. Владикавказ, 2007; Ч. II. Владикавказ, 2008; Андреев А.И. Швейцарское товарищество по присяге: реликт прошлого или воспоминание о будущем? // Вестник Российской Академии наук. Т. 77. №1. 2007; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009; и др.

⁶⁴ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; Его же. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

стьянство), осталась в работах В.В. Дегоева за скобками. Между тем, на фоне академических изысканий именно вульгарно-прокативная оценка причин и движущих сил Кавказской войны почему-то чаще всего попадала в школьные и вузовские учебники Российской Федерации 90-х гг. и начала нового века.⁶⁵ В этом вина «большой науки» и отдельных авторитетных историков, в т.ч. Владимира Дегоева, имевшего достаточное влияние в академических и вузовских кругах Москвы (к тому же, организовавшего и возглавившего в 2004 г. авторитетную научную группу – Центр Кавказа и региональной безопасности МГИМО).

Некоторые новации историософа Дегоева в рассмотрении Кавказской войны. Усложнение сущностей. В 2012 г. наш исследователь опубликовал на сайте информационного агентства REGNUM новую точку зрения на проблему Кавказской войны⁶⁶, в которой учел некоторые свежие факторы в деле исследования феномена Кавказской войны, связанные с современными идеологическими и политическими реалиями. В частности, Дегоев справедливо отметил: «Сегодня в вопросах, связанных с Кавказом, грубая пропаганда, к сожалению, торжествует не только над научно-историческим подходом, но и над логикой, здравым смыслом, волей к миру и согласию в обществе... Здесь нужна долгая, комплексная, системная работа, значительная часть которой будет сосредоточена в сфере массового просвещения».

Новации Дегоева, на наш взгляд, проявились в том, что автор, лет десять назад признававший научный статус марксистской методологии подхода к Кавказской войне как к национально-освободительному движению горских народов, вызванного социально-экономическими причинами и завоевательной политикой царизма, наряду (с признанием такого же статуса за точкой зрения, что причины Кавказской войны лежат в факторах, связанных, якобы, с переходом «от патриархально-родового

⁶⁵ См.: Расизм в языке образования. Сб. статей. СПб., 2008; Светова Зоя. Специфическая история. Учебник как пособие по ксенофобии // «The New Times» № 21. 2010.

⁶⁶ Дегоев Владимир. История российско-кавказских отношений как научно-образовательный проект. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1589817.htm>

строю к раннефеодальному» и присутствием России в регионе)⁶⁷, теперь посчитал другое. Якобы, в «большинстве американских и европейских исследований по-прежнему настойчиво и последовательно акцентируется агрессивный, завоевательный, жестокий характер политики России на Кавказе и решительная, непримиримая, «национально-освободительная» по своей природе ответная реакция кавказских народов. Эта глубоко конфронтационная модель отношений, с разной степенью научного или наукообразного изящества, преподносится как системное, историческое и непреходящее явление... Такая незамысловатая формула продолжает быть востребованной в качестве идеологии, обращенной к массовому, управляемому сознанию»⁶⁸.

Здесь уместно вспомнить Л.С. Гатагову (правда, образца 2000 г.): «Вдохновения кавказским авторам (много пишушим, на ее взгляд, о экспансионистской политике русского царизма, колониальном гнете, русификации и геноциде. – Д.А., Я.А.) прибавляют столичные исследователи с их демонстративным русоцентризмом и чрезмерной увлеченностью цивилизаторской миссией империи в отношении ее инородцев»⁶⁹.

Дальше – не лучше. Дегоевым выносятся суровый приговор как северокавказским, так и закавказским народам и государствам: «По отношению к обеим частям региона можно утверждать об отсутствии там жизнеспособных, суверенных, геополитически и цивилизационно состоятельных политических организмов. Для любой из кавказских политий XVI–XVIII вв. распространенное ныне определение «несостоятельное государство» будет чрезмерным комплиментом. Но если сегодня причины этой несостоятельности можно связывать (и многие связывают) с субъективными факторами, то тогда это была не вина, а беда всех кавказских народов». Ясно, что речь идет о «неисторических народах», не вписавшихся в какие-то цивилизационные стандарты и параметры, возможно, известные само-

⁶⁷ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. С. 296.

⁶⁸ Дегоев Владимир. История российско-кавказских отношений как научно-образовательный проект. Понятно, что такие утверждения В.В. Дегоева (перекликающиеся с явно блиевскими даже по стилистике) назвать научными чрезвычайно затруднительно, если не, сказать невозможно. Однако мы не знаем, насколько верно отражает новостное агентство мысль историка.

⁶⁹ Гатагова Л.С. Чему мы учим? // Родина. №1. 2000. С. 204.

му В.В. Дегоеву (то, что оные народы имели свою цивилизацию, как-то выпало из поля зрения, как и то обстоятельство, что высказанная, или повторенная, им мысль, имеет вполне коричневый оттенок). Но за тысячелетия истории существования человеческого рода десятки «состоявшихся» великих государств, империй и народов (в отличие от того же чеченского народа) исчезли с лица земли. Чья же «полития», в конечном счете, окажется сильнее в будущих веках? Поживем, увидим.

Что же на сегодня предлагается в рассматриваемой статье в качестве главного методологического подхода в изучении Кавказской войны, историография которой насчитывает не менее двух веков? Ответ В.В. Дегоева таков – постмодернизм. Причем такой постмодернизм, в котором эклектика будет являться синергетическим соединением различных методов (элементов теории фронта (Фредерик Тернер), ориентализма (Эдвард Саид), неомарксизма, компаративистики, политологического анализа, гипотетических построений ⁷⁰.

На наш скромный взгляд, речь у В.В. Дегоева идет здесь скорее о примате обыкновенного релятивизма как методологического принципа, заключающегося в абсолютизации относительности познания (преодоление уровня того или иного знания в процессе развития рассматривается как свидетельство его неистинности, субъективности). При том однако еще непреложном положении, что гносеологические проблемы познания действительности реально могут помочь в осмыслении тех или иных фактов истории, но никак не изменить оную. Например, перманентные массовые убийства гражданского населения в ходе колониальных войн никак не искупаются объективно цивилизующей ролью тех или иных империй и государств или же наличием у них острой потребности в изменении границ на более «безопасные».

Новая книга В.В. Дегоева – новый уход от существа проблемы. В 2013 г. выходит очередная монография исследователя «**Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век)**» ⁷¹, которая посвящена на наш взгляд феноменальному яв-

⁷⁰ Дегоев Владимир. История российско-кавказских отношений как научно-образовательный проект.

⁷¹ Дегоев Владимир. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013.

лению в истории не только Чечни, но и всего Северного Кавказа – первой попытке в новой истории Кавказа объединения ее народов на основе исламской идеологии (единая мусульманская умма) и открытия всеобщего освободительного движения против наступления северной империи, которое на то время – конец XVIII в. – приобрело масштабно-системный и жесткий характер. Движение Мансура имело на тот момент и несомненное международное значение, наряду с русско-турецкой войной 1787–1791 гг. оно не дало Екатерине Второй вооруженной силой вмешаться в европейские дела в связи с Великой Французской революцией.

При этом сам автор указал, что эта книга не столько собственно о личности исторического героя шейха Мансура, но и его времени, связанном с движением Российской империи на юг и выстраиванием здесь отношений с народами Кавказа. Отметим, что отсутствие собственно научно-справочного аппарата снижает возможности достойной оценки работы, написанной рукой мастера.

Казалось, что историография горских народов (не только чеченского) обогатилась новой работой, которая не только систематизирует наличную базу знания об этом явлении, но и поднимает читателя в сферы историософского мышления⁷². Но на наших глазах Дегоевым совершается некое движение в направлении создания новой «классики» отечественного дискурса Кавказской войны с отрицательным знаком. Причем это такой подход, который, объявляя все, что было сделано в науке до В.В. Дегоева «незамысловатыми суждениями», реально снижает его последние соображения до воззрений «маститых» и «талантливых» деятелей националистических «наук» из вузов Средней Кубани и Южного Ставрополя⁷³.

⁷² Современная историография о движении под руководством шейха и имама Мансура постоянно обогащается: Мусаев Алауди. Шейх Мансур. М., 2007; Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур: Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Грозный, 2010; Чирг А.Ю. Шейх Мансур на Северо-Западном Кавказе (1787–1791 гг.) // Журнал Prometheus №18. Париж, 2014; и ряд др.

⁷³ О них смотрите: Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. О деятельности «кавказоведческой Школы академика В.Б.Виноградова» в освещении вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук ЧР. №2, 2010.

Видения и видения профессора В.В. Дегоева. Постараемся рассмотреть ниже некоторые установочные положения проблемы «горское общество и освободительные движения», изложенные В.В. Дегоевым в указанной монографии в главе 1: «Им бог – свобода, их закон – война» и в главе 2: «Империя и Чечня: факторы несовместимости». Именно здесь автором высказано главное, все последующее принадлежит, к сожалению, к разряду заурядных умозаключений.

Начнем, к примеру, с такого любопытного пассажа: «Парадоксальным в этом общественно-культурном организме (Чечня нового времени. – Д.А., Я.А.) представляется полный диссонанс между его колоссальной пассионарной энергией и «общенациональной» цивилизационной задачей, на которую вся эта мощь работала, – консервация патриархального покоя и неподвижности. Внешне невероятно динамичная жизнь, наполненная междоусобными войнами и грабительскими набегами, не ускорила течение исторического времени, а останавливала его»⁷⁴.

Красивая и привлекательная фраза, но не более того. В XVI–XVIII вв. чеченцы – один из немногих народов Кавказа, который сложился в нацию с единой религией и национальным самосознанием, создал новый хозяйственно-зерновой центр на Чеченской равнине (влиывший также на экономику Нагорного Дагестана и Кабарды). Общества Чечни, при всей их видимой разобщенности, стали проводить некую консолидированную внешнею и оборонительную политику на всех направлениях. Именно на ее территории появился «предтеча имамов» – шейх Мансур, отсюда последовали импульсы общегорского объединения и создания некоего горско-исламского объединения с элементами государственного типа⁷⁵.

Неким попаданием «пальцем в небо» отмечен и следующий, хотя и менее значимый, тезис Дегоева: «В социальном быту поселений, хорошо защищенных природным ландшафтом, доля

⁷⁴ Дегоев Владимир. Указ. соч. С. 11.

⁷⁵ См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009; Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур: Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Грозный, 2010.

военного дела (грабительские рейды на равнину) была значительно больше, чем у тех, кто располагался на открытой и уязвимой местности. Приверженностью к этим занятиям особенно славились горные аулы Атаги и Алды»⁷⁶. К сведению для автора: указанные селения расположены не в горах, а на Чеченской равнине: Алды – в районе современного Грозного, Атаги – на р. Аргун в нескольких км от входа в Аргунское ущелье. Разумеется, никаким-таким «разбоем» они не славились, но активно участвовали в обороне Чечни от набеговой экспансии царских войск, как то было в 1758, 1782 и 1783 гг.⁷⁷

Очень любопытный подход проявил автор в попытке низвержения подхода к движениям горцев как к борьбе с царской деспотией «за свободу», на основании того, что самим горцам понятие «свобода», якобы, было недоступно. Не знакома «свобода», как совокупность прав человека, или «свобода», как свод обязанностей личности как члена определенного социума?⁷⁸ Нет ответа! Или вот, к примеру, еще один дегоевский посыл: «Любые волнения, любой всплеск набегово-грабительской активности горцев на Кавказе безоговорочно именовались «национально-освободительной борьбой против колониально-захватнической политики» (и т.д.). И тотчас попадали в категорию «прогрессивных...»⁷⁹.

Таким образом, чтобы бороться за свою землю, традиционные ценности и вольности горцам требовалось прежде сдать экзамен по общей политологии и социологии (на худой конец, в МГИМО), а затем действовать в духе трудов хотя бы Дени Дидро, Жан-Жака Руссо и других просветителей XVIII столетия. Если

⁷⁶ Дегоев Владимир. Указ. соч., С. 12.

⁷⁷ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991; и др.

⁷⁸ Например: «Анализ бесчисленного множества примеров из законодательных установлений и реальных жизненных стереотипов поведения позволяет говорить, скорее, о существующей до сих пор в Швейцарии общинной свободе обязанностей, нежели о свободе как совокупности прав человека, ибо вторые во многом ещё не оторвались от первых и находятся в некоторой взаимной гармонии», – пишет, к примеру, А.И. Андреев, характеризую аналогичную ситуацию в Швейцарии. См.: Андреев А.И. Швейцарское товарищество по присяге: реликт прошлого или воспоминание о будущем? // Вестник Российской Академии наук. Т.77. №1. 2007. С. 86.

⁷⁹ Дегоев Владимир. Указ. соч. С. 17–20.

Владимиру Дегоеву так не нравится здесь использование понятия «свобода», так почему бы не заменить его на «независимость».

Борьба горцев и оригинальные концепты Дегоева. Хуже того, оценка «прогрессивности» борьбы горцев была, по мысли Дегоева, умозрительным концептом, сконструированным (естественно, врагами из НАТО – это не шутка!) под «идеологически-ангажированные цели». Каким это образом, взвывается в риторическом вопросе наш автор, «горское общество глубоко патриархальной культуры, проникнутое мощным потенциалом сопротивления любым реформам, могло иметь какую-то причастность к тем системным модернизационно-преобразовательным задачам», которые ставили пред собой не только русские революционеры, но и «официальная, «самодержавно-реакционная власть»⁸⁰? Вероятно, опосредованное, косвенное, ответили бы мы, ведь и Крымская война велась европейскими странами отнюдь не за отмену крепостного права в России. Хотя привела к ней и объективно способствовала прогрессивным реформам в отсталой стране. Наряду с той же на порядок более длительной и затратной Кавказской войной (народно-освободительным движением горских народов).

И не следует, конечно, в «цивилизационном» угаре столь низко оценивать Дагестан и Чечню (исторически включенную в культурно-географическое пространство «Дагестан») ⁸¹. По крайней мере, уже к XVII в. традиционное исламское образование здесь было повсеместным. «В Дагестане изучались разнообразнейшие науки, но в основном – 12 наук, после усвоения которых человек считался алимом: это морфология, синтаксис, логика, риторика, акида, фикх, основы фикха, хадисоведение, корановедение, сира (жизнеописание Пророка), астрономия; также глубоко и всесторонне изучали течения суфизма. В ходе образовательного процесса в Дагестане арабский язык стал научно-литературным языком общения, а также и языком делопроизводства. Параллельно изучались фарси и тюркские

⁸⁰ Его же: Указ. соч. С. 20.

⁸¹ По крайней мере во второй половине XVIII в. в равнинных аулах Чечни функционировали при каждой мечети мусульманские школы, в которых обучались арабскому и «турецкому» (книжный тюрки) языкам. – РГВИА. Ф.482. Д. 192. Л. 160.

языки». К XVII–XVIII вв. относится становление, а к XIX – началу XX веков и расцвет местной научно-философской мысли. Вывод академика И. Ю. Крачковского говорит о том, что «дагестанские ученые того времени владели уже всей полнотой общерабского наследия своих веков... Не случайно знатоки истории просвещения в Дагестане П.К. Услар и М.Н. Покровский подчеркивали, что эта гряда скал была одним из наиболее просвещенных уголков России, снабжавших Кавказ... знатоками арабского языка, мударрисами и кадиями и т.д.»⁸²

Отдельно стоит вопрос о своеобразном хозяйственном прорыве, наблюдавшемся в хозяйстве горцев Чечни и Дагестана в XVIII – начале XIX в. (дело шло к товарному земледелию и к «рассеянной» мануфактуре)⁸³.

А вот согласно нашему профессору, горцы как бы вне истории, культуры и прогресса... Потому их сопротивление (Кавказская война), якобы, вызывалось «укладом жизни горцев», а не стремлением к свободе и независимости (кто они еще такие, чтобы в этом что-то понимать!). То обстоятельство, что в советское время сопротивление горцев рассматривалось не только как «национально-освободительное движение против царизма», но еще как проявление классовой, антифеодальной борьбы...», есть, по автору, вульгарная социология, малоперспективные оценки с точки зрения исторической науки (какой еще науки – дегоевской?) и т.д., и т.п.⁸⁴

Как горцы доходили до идеи свободы и независимости.
Мы, пишущие эти строки, люди приземленные и конкретные,

⁸² См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 209; Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. Т. VI. М., 1961. С. 613–615; Абдуллаев М.А. Арабо-мусульманские ученые и мыслители XVII–XIX вв. // Возрождение. №2. Махачкала, 1995. С. 38–42; Мугаилов Магди-хаджи. Религиозное образование в Дагестане: традиция, опыт, проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : IslamDag.ru Аналитика>2420

⁸³ См.: к примеру: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. С. 56–112.

⁸⁴ Дегоев Владимир. Указ. соч. С. 21. В этом плане интересна позиция жителя одного горного села Чечни, высказанная в советское время в адрес председателя сельсовета: «Да, ты можешь написать справку с печатью, что стремительный Аргун течет не с наших гор на равнину, а наоборот – с равнины в горы. Но послушается ли Аргун?»

постараемся объяснить нашему эстету, как доходили до мысли о свободе, независимости и сопротивлении даже не относительно продвинутые чеченцы и дагестанцы, а более отсталые в общественном и религиозном плане северокавказские народы. Вот ниже обращение (от 1804 г.) таких горцев, выгнанных царскими властями на принудительные работы в Дарьяльское ущелье, записанное, видимо, русским доброхотом: «Нас заставили срубать хворост и бросать в эту грязь... в насланном таким образом хворосте завязли ноги казачьей лошади, и за это стали бить нас плетью и убили 2 человека. Пришли 80 солдат и 12 конных казаков, для которых администрация требовала продовольствие от крестьян: в день – на солдат 10 штук скота, на казаков – 2... На лошадях и быках от перевоза тяжестей не осталось и кожи, а платы нам не давали... Двух женщин запрягли в ярмо и привязали сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетьюми.

...Мы предпочитаем умереть..., чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен» (выделено нами. – Д.А., Я.А.)⁸⁵.

Следовательно, чтобы проникнуться идеями свободы и независимости, горцам Сорбонна была не нужна, достаточно было всего-то навсего, чтобы отобрали скот, который тебя кормит, твоих братьев забили до смерти, а жен и дочерей запрягли вместо быков в сани и ездили на них, подбадривая плетью.

На подобные «цивилизаторские» усилия следовала соответствующая реакция рядовых горцев, очень возможно, и в форме набегов. Сопротивление горцев получало соответствующий карательный ответ «цивилизаторов» в шинелях. Так, генерал Ренненкампф во время экспедиции в осетинские горы «... [обложив башню] кострами сухих дров, приказал зажечь оные со всех сторон, надеясь сею мерою заставить осажденных просить пощады; но горцы оказали примерное ожесточение: из числа защищавших только 10 человек, бросаясь с неимоверной яростью на солдат наших, хотели открыть себе путь оружием,

⁸⁵ Блиев М.М. Социально-политическая основа тагаурских движений начала XIX века // Известия Северо-Осетинского НИИИ. Т. 19. Орджоникидзе, 1957. С. 5–6. Необходимо отметить, что в той же крепостнической России образ русских крестьян с женами и детьми, «впрягаемых вместо лошадей в сохи...» или телегу, являлся хрестоматийным. – Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011. С. 40–41.

но были подняты на штыки и только один из них был взят в плен; все же оставшиеся в крепости, пренебрегая жизнью, сгорели посреди стен»⁸⁶.

Исследователь В.В. Дегоев взялся, видимо, стать почетным охранителем каких-то «кустоев»: так, он утверждает, что те из историков, что переводят вопрос с Кавказской войной в выяснение степени исторической вины России «за пролитую кровь» (кто эти мифические историки? – Д.А., Я.А.) желают, ни много ни мало, спекулируя на «современном международном праве, выставить России компенсационный иск и получить соответствующие материальные и политические дивиденды в качестве «прямых наследников жертв геноцида»⁸⁷. Да, тут, конечно, в словах Дегоева нет ни капли уличной демагогии, вульгарной социологии и обывательской конспирологии. Одно благолепие и самодержавие, православие и народность. Обидно, что подобные унижающие, в первую очередь, самого автора, суждения никому не нужны. Уж поверьте нам, уважаемый Владимир Владимирович, что людям и учреждениям, которым вы все это адресовали, вряд ли интересны какие-то «оценки» какой-то там Кавказской войны.

На что способны дикие горцы и профессор Дегоев? Прежде всего, выскажемся по отсталым, на взгляд Дегоева, горским обществам. Не спешите вы их хоронить. Вы не знаете ни России XVIII–XIX вв. (с «неолитическим крестьянством» находившемся в состоянии дичайшего рабства), ни Кавказа с его свободным крестьянством, социализированным в «вольные общества», «республики» и «федерации»⁸⁸. Лучше посмотрите, на что способ-

⁸⁶ Блиев Марк. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Изд. 2-е доп. М., 2006. С. 41.

⁸⁷ Дегоев Владимир. Указ. соч. С. 20–21. Было бы, безусловно, правильно назвать таких желающих. А то у нас развелось желающих самим изобретать проблемы, а затем их героически решать.

⁸⁸ См. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; Его же: Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007; Его же: Традиционные горско-кавказские общества: к проблеме особенностей функционирования в свете истории интерпретаций // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Преемственность и разрывы в социокультурных практиках. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010; Агларов М. А. Сельская община в

ны дикие, отсталые горцы, когда имеют дело с соответствующим окружением: «Швейцарцы создали уникальный цивилизационный уклад, базирующийся на общинных, а не государственных ценностях. Миновав феодализм в его классическом виде, Швейцария без буржуазных и социалистических революций вошла в XXI в. как одна из самых развитых в экономическом и социальном отношении стран мира. При этом архаичная община, плавно изменяясь, превратилась в социальный и психологический фундамент «идеальной» формы общества будущего»⁸⁹.

И, наконец, о уровне осмысления социальных и политических факторов сопротивления царизму в интерпретации горских крестьян-узденей⁹⁰, заметно отличных от воззрений нашего продвинутого образованного современника – доктора исторических наук, профессора В.В. Дегоева: «По возникшим между нашими беками и управлявшими лицами разногласиям и неудовольствиям, обиженная сторона пригласила вас в Дагестан, и сама эта сторона сделалась предводителем и, таким образом, вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого, напротив того, словами вашими и беками, находящимися при вас, мы были обмануты, и через этот обман вы сделались над нами начальниками и влезли на голову нашего народа, обрекая нас несноснейшею тягостью...

Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. – М., 1988; Его же: Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002; Его же: Гражданская община в Дагестане (XVIII – нач. XIX в.) // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: гуманитар. контекст : к 85-летию акад. Г. Г. Гамзатова М. : Наука, 2011; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII– начале XIX в. (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX в.), Грозный, 2002; Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Умхаев Х. Структура чеченского общества и его расселение // Нухажиев Н., Умхаев Х. В поисках национальной идентичности. Грозный, 2012; и мн. др.

⁸⁹ Андреев А.И. Указ. соч. С. 87.

⁹⁰ Письмо жителей Дагестана к генералам Гурко и Клюки фон Клугенау с изложением причин перехода их на сторону Шамиля // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959. Док. 226.

Сверх того, вами отняты были у нас места наши без согласия хозяев. Словом, вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день превращен в ночь; ... мы уже проснулись от сна и находим вас неблаговерными; следовательно, должны вы оставить места наших мусульман и возвратиться на прежнее место своих неверных.

В противном случае мы божились великим богом в следующем: вести с вами войну до тех пор, покуда вы отступите от наших земель. Могущество присвоено одному сердечному богу».

«Империя и Чечня: факторы несовместимости» – версия Дегоева. Начало главы 2 «Империя и Чечня – факторы несовместимости», как не странно, порождает некие странные аллюзии. Такое ощущение, что, по крайней мере, первые страницы исполнены в жанре жестокого цыганского романа – «к лихим рейдам на русскую границу», «целью являлась добыча», «чеченец привозил из набегов... овещественную славу»; свободу он, чеченец, понимал «как естественное право идти в своих желаниях как можно дальше, до тех пор, пока в чередe препятствий ...» и, ах-ах, не могла «Екатерина II спокойно воспринимать сообщения о непрекращающихся чеченских разбоях и междоусобицах» и т.д., и т.п.⁹¹ По такому вот примерно поводу в свое время известный российский этнограф Владимир Бобровников писал:

«Распространенный в дореволюционной науке и обществе взгляд на горцев как профессиональных разбойников еще в 1860-е годы остроумно раскритиковал крупнейший исследователь кавказских языков того времени П. К. Услар. «В эпоху романтизма (1820–40-е годы. – В. Б.) и природа, и люди на Кавказе были непонятны... – писал он. – Горцев не могли мы себе представить иначе, как в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу – людей, режущих налево и направо, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся...»

...Несостоятельность оценки горца как профессионального разбойника окончательно показали исследования, проведенные историками и этнографами советского времени. В ходе полевых и архивных изысканий доказано, что основой существования горского общества было многоотраслевое земледельческо-ско-

⁹¹ См.: Дегоев В.В. Указ. соч. С. 22–23, и др.

товодческое хозяйство. Набеги же носили, скорее, спорадический характер...»⁹².

А еще точнее: набеги были продолжением, если так выразиться, политики горских политий иными средствами. Надо полагать, что В.В. Дегоев не собирается путать политику набегов с уголовной практикой воровства и разбоев, встречавшихся не только и не столько на Северном Кавказе.

Недаром некто В.В. Дегоев образца 1999 г. утверждал в академическом журнале, что «в качестве одного из главных аргументов (в дореволюционной историографии. – Д.А., Я.А.) проводилась мысль о провокационном поведении самих горцев, которые в силу своей «дикой» и «хищнической» натуры (обусловленной неблагоприятной природной средой обитания и этно-психическим складом) совершали грабительские набеги на русско-казацкие территории. России ничего не оставалось, как отвечать тем же, почему и возникло перманентное состояние войны»⁹³.

Внимательное чтение главы 2-й новой книги и далее позволяет выявлять слабое знание автором вопросов социально-экономического состояния чеченского народа, его общественно-политического строя, сути и фактической стороны весьма разнообразных по содержанию русско-чеченских отношений в XVIII столетии. Между тем, сугубо научное исследование данных отношений с широким использованием российских архивных источников было проведено еще в 60–70-х гг. прошлого века тем же Н.П. Гриценко, Ф.В. Тотоевым, Ш.Б. Ахмадовым, и Я.З. Ахмадовым.⁹⁴ В последние годы широко были изданы коллективные и обобщающие работы⁹⁵.

⁹² Бобровников Владимир. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. №1. 2000. С. 22.

⁹³ Дегоев. В.В. Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопросы истории. № 6, 1999. С.156.

⁹⁴ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный, 1961; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40 е гг. XIX в.) Рук. дисс... канд. истор. наук. М., 1966; Ахмадов Ш.Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в.: Рук. дисс... канд. наук. М., 1974; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии в XVIII веке. Рук. дисс... канд. наук. Махачкала. 1978; и др.

⁹⁵ История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Грозный, 2006; Чеченцы / Отв. редакторы: Л.Т. Соловьева, В.А., Тишков, З.И. Хас-

Автор незнаком и с существованием на протяжении полутора веков на территории плоскостной части страны такого феномена, как Чеченское княжество-государство (XVII–XVIII вв.), в соответствии со своими возможностями выстраивавшее отношения с представителями русского государства, главами дагестанских феодальных владений, грузинскими правителями Кахетии и Картлии, крымскими ханами и т.д. В конечном счете, здесь, в Чечне, к концу 30-х гг. XVIII в. усиливается, наконец, пророссийская внешнеполитическая ориентация, а чеченские князья и уздени получают даже официальное жалованье от империи⁹⁶.

Переломным в отношениях Чечни и России стала даже не крупная военная экспедиция русских войск в 1758 г. (из-за волнений в Чечне, вызванных недовольством правлением князей, строительством Червленского редута на чеченской стороне Терека и арестом влиятельных чеченских узденей) на равнинные селения, а русско-турецкая война 1768–1774 гг. и строительство сплошной Кавказской военной линии в 1770–1774 гг. Сооружение укрепленных станиц Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской (между Моздоком и Червленной) привело к прекращению доступа чеченцев на левый берег Терека к затеречным степям, веками использовавшимся горцами в хозяйственно-торговых целях.

Дальше – хуже. В связи с устройением постоянного сообщения между Россией и Грузией по кратчайшему и единственно возможному на тот момент пути от Моздока в Тифлис (в т.ч. через Дарьяльское ущелье), Российская империя ставит целью зачистить фланги стратегической дороги от наиболее сильных потенциальных противников, фактически владевших Кабардинской (Владикавказской) равниной – чеченцев и кабардинцев – и подтянуть к себе их традиционных вассалов – ингушей и осетин. В 1783 г. был подписан русско-грузинский Георгиевский трактат

булатова. М.: «Наука». 2012; Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII в. Грозный, 2012; и др.

⁹⁶ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии в XVIII веке. Грозный, 1991; Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006; и др.

(союз), а в 1784 г. апреля 25 была заложена крепость Владикавказ. Между ней и Моздоком было сооружено 4 укрепления (Потемкинское, Кумбелевское, Григориополис, Константиновское), отрезавших, помимо прочего, от взаимного сообщения Чечню и Кабарду. Между тем, торговые связи между этими двумя странами имели подлинно жизненное значение для их народов ⁹⁷.

В принципе, отношения Чечни и России в XVIII столетии, вопреки престранным представлениям В.В. Дегоева, развивались не в духе жестокого романса, а в событийных рамках международных отношений того времени и в формате объективно развивающихся торгово-экономических отношений.

Важными политическими факторами в отношениях чеченцев с той же Россией становятся соль, хлеб, рыба, лошади, металлы (в полосах), нефть, золотая и серебряная монета, ткани, краски, ремесленные изделия (кинжалы, пистолеты, войлоки, горские сукна, бурки, аробные колеса и т.д.). Кабардинцы широко сбывают в Чечню табуны лошадей в обмен на хлеб и ремесленные изделия, чеченцы, в свою очередь, сбывают кабардинских лошадей в Дагестан и Иран, где они пользуются высоким спросом. Благодаря дешевому чеченскому хлебу, Нагорный Дагестан переходит к товарному ремесленному производству и снабжает в широком ассортименте различными изделиями для хозяйства и домашнего быта всю Чечню (а здесь все больше производят качественное холодное оружие и ружья, которым снабжаются все терско-гребенские казаки) ⁹⁸.

⁹⁷ См.: Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках...; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII–XIX века. Грозный, 2002; Ахмадов Я.З. Русско-чеченские взаимоотношения в XVI–XVIII веках // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. Исследования и документы / Отв. ред. Х.В. Туркаев. М., 200– XVIII веках // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России. Исследования и документы / Отв. редактор Х.В. Туркаев. 2008; и многие др.

⁹⁸ См., к примеру (помимо приведенных выше ссылок): [Фальк]. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб., 1824; О прорытии татаула (канала) из р.Сунжи к Терреку // Ставропольские губернские ведомости. № 43, Ставрополь, 1857; Берг В.Р. Полеводство и посевные культуры Горной Чечни // Посевные культуры северных склонов Кавказа. Ч. 2. Ростов-на-Дону, 1930; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы.

Чечня, ислам и Дегоев. Очередное видение? Весьма странны для человека науки фантастические сентенции, звучащие на страницах указанной главы относительно ислама и чеченцев. Судите сами: «Им [чеченцам] было трудно проникнуться новой и очень странной для них реальностью, которая лишала русских всякой возможности уйти далеко и надолго (!?)...»; «Чеченцы со своей стороны не могли никуда деться от суровой реальности, заставлявшей их военно-социальную организацию находиться в непрерывной работе, последствия которой для России становились все более неприемлемыми»; «Эта империя, как бы того ни хотела, уже не могла «оставить в покое» тех, кто сам не давал ей покоя (это, безусловно, видение! – Д.А., Я.А.)»; «После того, как чеченские общества показали свой нор и были укрощены...» (это не репортаж из цирка, это авторский текст профессора МГИМО! – Д.А., Я.А.); «Молитва к Аллаху или шариатское правосудие зачастую облакались в форму понятного и знакомого языческого обряда. Из уст большей части неграмотных мулл суры из Корана, заученные в искаженном виде до неузнаваемости, тоже звучали почти как идолопоклонническое заклинание» (!?)⁹⁹.

М., 1958; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961; Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX веках // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. Грозный, 1964; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Калоева Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981; Калоев Б.А. Развитие скотоводства на Северном Кавказе. М., 1983; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991; Россия в Кавказской войне. Исторические чтения. (Вып.3.). СПб., 2000; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XX веков. Грозный, 2002; Хасиев С.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX вв. Ч.1. Нальчик, 2004; его же: Из истории развития кустарных промыслов у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда, № 10. 2006; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Нальчик, 2009; и мн.др.

⁹⁹ Дегоев Владимир. Непостижимая Чечня... С. 26–30.

Особенно свежо и сенсационно выглядят последние соображения. Плохо, что они напрочь противоречат немалой источниковой базе. Так, конечно, в Чечне и Дагестане не было Аль-Азхара, но существовала крепкая и авторитетная исламская база с долгой историей и хорошей отработанной системой обучения¹⁰⁰. И недаром покойный М.М. Блиев еще в 2011 г. отметил (характеризуя труд В.В. Дегоева «Имам Шамиль»¹⁰¹) вызывающую странность воззрений своего бывшего ученика в понимании ислама на Кавказе:

«...а) у Дегоева в XIX в. в Дагестане господствует язычество. С язычеством борется имам. Разве здесь нет основания считать, что автору неизвестен факт о более чем тысячелетнем (с VII—VIII вв.) господстве в дагестанских обществах ислама, изжившего язычество,

б) в книге Дегоева Шамиль в трех духовных ипостасях — пророк, имам, жрец. Подозреваю, что автор не видит между

¹⁰⁰ См., к примеру: И. Иванов. Чечня // «Москвитянин», Ч. 1. № 19–20. М., 1851; Самойлов К. Заметки о Чечне // "Пантеон" № 10. СПб, 1855; Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Известия ЧИНИ-ИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963; Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969; Магомадова Т.С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья // Археология и вопросы атеизма. Сб. научн. трудов. Грозный, 1977; Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979; Т.М. Айтберов, Я.З. Ахмадов. Известия арабоязычных документов XV–XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982; Умаров С.Ц. «Информационная война» царской администрации на Кавказе в связи с восстанием шейха Мансура // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992; Беннигсен Александр. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994; Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008; Ахмадов Я.З. Мусульманское духовенство Чечни XVIII в. по сведениям документальных источников // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008; Акаев В.Х., Акаев А.В. Арабские завоевания и распространение ислама на Кавказе // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №1 (18). Грозный, 2013; и др.

¹⁰¹ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001.

ними большой разницы — все равно, как если бы математик не владел арифметикой,

в) Дегоеву не ведома такая фундаментальная сторона в исламе, как духовные и нормативные источники, составляющие шариат. По этой причине он, похоже, окончательно запутавшись в исламе, утверждает: «предшественники Шамиля и сам Шамиль взяли из суфизма самую простую и непритязательную часть – шариат – свод обрядовых, бытовых и правовых предписаний ислама».

...Хотелось бы объяснить Дегоеву, что «непритязательной истиной в исламе» является совсем другое: шариат взят не из суфизма, а состоит из двух основ – Корана, и жизненного опыта (Сунны) пророка Мухаммеда; в них для правоверного суннита нет «непритязательной части», они для него основополагающие»¹⁰².

Конечно, согласно Гегелю, «все вещи противоречивы в себе». Но нам хотелось бы обнаружить в новой работе В.В. Дегоева выверенную научно-содержательную составляющую, а не какую-то политизированную риторику сегодняшнего изменчивого дня, наложившуюся на какие-то до конца неясные личностные психологические мотивы. Историк Дегоев может еще многое, поэтому больно видеть его в качестве политизированного маргинала, излагающего в данном случае мутные, искаженные, недоработанные представления о самом крупном на Северном Кавказе чеченском народе в героический и одновременно драматический период его истории, связанный с именем подлинно великого человека, пытавшегося раздвинуть пределы возможного, – шейха и имама Мансура.

§ 3. «Война историографий», или информационная война. Новации и направления

Различность подходов. В последние годы выходит немало статей и иных работ историографического характера посвященных русско-северокавказским отношениям и собственно Кавказской войне. Да и каждая диссертация, посвященная истории горских народов и кавказской политике России в XVIII–XIX вв.,

¹⁰² Блиев Марк. Осетия – кручина моя. С. 57.

не обходится без обширных историографических разделов. Не раз поднимались вопросы, связанные с методологической оценкой исторических процессов на Северном Кавказе в ходе представительных научных конференций¹⁰³.

Все знакомые нам публикации довольно различны как по подходам, так и преследуемым познавательным научно-исследовательским и непознавательным задачам. Одни авторы просто «регистрируют» наличие тех или иных методологических подходов, не углубляясь в суть проблемы, вторые определяют свою принадлежность к той или иной новомодной «школе», отмечая явные и ложные новации, третьи придерживаются формационных оценок и классовых подходов, перешедших из советской историографии, четвертые стараются сохранить в своих исследованиях объективистский подход к рассмотрению явлений и событий вне зависимости от сегодняшней общественно-политической конъюнктуры, пятые используют научное поле исключительно в параметрах грязной националистической пропаганды, неустанно обличая горские народы в исторической неполноценности и имманентно присущей вражде к России и цивилизации вообще (соответственно, зеркально обнаруживаются пока еще немногочисленные антиподы из противоположного – сепаратистско-исламистского – лагеря¹⁰⁴.

Что такое «война историографий». В.В. Шнирельман.
Новомодный термин «война историографий», все чаще исполь-

¹⁰³ См.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века. // Всесоюзная научная конференция. 20–22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989; Кавказская война – уроки истории и современность: материалы научной конференции г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995; Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006; Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. / Под общ. ред. В.В. Дегоева. М., 2007; Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2013; и др.

¹⁰⁴ См.: Вашаев М. А кто постоянно угрожает Ичкерии? // Ичкерия. – 1999. № 2; См. подробную характеристику «ичкерийской» исторической публицистики: Вахаев Лема. Политические фантазии в современной Чеченской Республике // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999; и др.

зубый в современной практике в связи с изучением Кавказа и Кавказской войны можно отнести:

а) к столкновениям национальных горских историков и расово-национально озабоченных величием парадигмы «российскости» немногочисленных, но плодовитых пропагандистов из некоторых учебных и исследовательских учреждений;

б) к спорам собственно историков различных северокавказских республик по вопросам «кто древнее и автохтоннее», а также границ расселения, масштабов политического доминирования и вклада их народов в кавказскую и мировую историю;

в) к противоречиям подлинных ученых-историков, независимо от национальности, со всеми, кто преследует либо субъективные задачи, либо ненаучные и непознавательные¹⁰⁵.

Отражение всех указанных противоречий из научных кругов проникает зачастую в скандальной форме в СМИ, интернет, общественное сознание, объективно усугубляя обстановку межнациональной напряженности в стране.

Охватить все стороны и направления современной российской историографии, посвященной истории народов Северного Кавказа, в масштабах нашего небольшого исследования практически невозможно, потому мы остановимся на некоторых именах «новой» агитпроповской волны, воспользовавшись для зачина выдержкой из текста прекрасной статьи В.В. Шнирельмана:

«Между тем, вслед за Блиевым среди осетинских интеллектуалов стало популярным представление об *«избыточной пассионарности чеченцев (и ингушей. – В.Ш.) с их реликтовым менталитетом, законсервировавшим уровень сознания эпохи «военной демократии»* (97). Похоже, что эту концепцию усвоили российские военные и журналисты, усматривающие при-

¹⁰⁵ Данный термин в форме «Кавказская война историографий» был предложен современным историком Д.И. Олейниковым, который подразумевал наличие трех противоборствующих историографических направлений – собственно российское, кавказско-горское и западноевропейское. – Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810–1860-е гг. // Actio nova 2000. Сборник научных статей. М., 2000. С. 315–317; Сегодня научная «война историографий» в условиях, мягко говоря, своеобразной общественно-политической ситуации в Российской Федерации переросла в масштабную информационную войну.

чину Кавказской войны в столкновении державных российских интересов с традиционным укладом жизни горцев (абречество, похищение людей, работорговля, заложничество), которые, якобы, *«терроризировали все прилегающие области»* (98). Подхватили ее и некоторые московские и кубанские ученые (99). К этому хору, как мы видели, присоединился и бывший референт патриарха Алексия II – диакон А. Кураев. Даже такой видный демократ, как один из «прорабов перестройки» Гавриил Попов, попытался объяснить Кавказскую войну XIX века тем, что Россия начала наводить порядок и бороться с «рэкeтом» горцев, лишив их доходов. Это будто бы и привело к восстанию (100). Последняя книга Блиева, вновь излагающая концепцию «набеговой системы» и ставящая ее в прямую связь с современными событиями на Северном Кавказе, удостоилась положительных рецензий в ведущих российских исторических журналах (101).

Вслед за Блиевым, историк Людмила Гатагова провела параллель между осетино-ингушским конфликтом 1992 года и ингушскими набегами в XIX веке (102). Эта концепция находит место даже в новых федеральных учебниках истории России, где главным виновником Кавказской войны объявляется «набеговая система», а захватническая политика Российской империи и исключительная жестокость ряда российских генералов в отношении горцев остается за скобками (103).

Мало того, идею Блиева о «горской экспансии» и «набеговой системе» с благодарностью подхватывают авторы шовинистических произведений, изображающие чеченцев «варварами» и доказывающие, что русским, якобы, *«свойственно чувство принципиальной несовместимости с чеченцами»* (104). В Москве разбойничья политика Российской империи и Советского Союза на Кавказе получает индульгенцию у депутата Госдумы от блока «Родина», историка Наталии Нарочницкой. В духе сталинской историографии она полностью реабилитирует царских генералов и возлагает ответственность за Кавказскую войну на Англию, Персию, Турцию и даже Польшу, а также, разумеется, на «разбойников-чеченцев». Что же касается более близкой к нам эпохи, то Нарочницкая объявляет чеченцев «союзниками фашистов» (105). Подобного рода исторические

построения убеждают казаков в том, что их предки когда-то заселили пустынные земли, а Кавказскую войну спровоцировали горцы (106)»¹⁰⁶.

¹⁰⁶ Шнирельман В.В. «Несовместимость культур» – от научных концепций и школьного образования до реальной политики // Русский национализм: идеология и настроение: (сб. статей) / Информ.-аналитический центр «Сова»; сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2006. С. 209–211.

См. также текст сносок из приведенной цитаты: «98. Азаров Виталий, Марущенко Владимир. Кавказ в составе России // Красная звезда. 2001. 19 января; Ротарь Игорь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. М.: АИРО-XX, 2001. С. 25; 99. Гагагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5. С. 124–125; Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны / Под ред. В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 10–12, 36, прим. 14; Война и ислам на Северном Кавказе. XIX–XX вв. / В.В. Трепавлов (ред.). М.: ИРИ РАН, 2000. С. 12; Скаков А.Ю. Выступление на круглом столе «Проблемы истории черкесского народа в свете обращения президента РФ Ельцина к народам Кавказа в связи с 130-летием окончания Кавказской войны» // Жизнь национальностей. 1999. № 2–3; Авраменко А., Матвеев О., Матющенко П., Ратушняк В. Кавказская война: уроки истории и современность // Кубанские новости. 1994. 26 мая; Матвеев В.А. Исторические особенности утверждения геополитических позиций России на Северном Кавказе дискуссионные аспекты проблемы и реалии эпохи // Россия XXI. 2002. № 6; Он же. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2006; Виноградов Б.В. Об историческом предназначении строительства Кавказской линии // Некоторые черты и особенности обретения и обустройства северокавказской окраины России / Под ред. Н.Н. Великой, В.Б. Виноградова. Армавир, 2005; 100. Попов Г.Х. Разделение Чечни // Независимая газета. 2001. 17 января; 101. Трепавлов В.В. Рец.: Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004 // Вопросы истории. 2004. № 9; Бзаров Р.С. Рец.: Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004 // Отечественная история. 2005. № 2; 102. Гагагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны. С. 53–54; 103. Буганов В.И., Зырянов П.Н. История России. Конец XVII–XIX вв. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 1995. С. 158; Зырянов П.Н. История России. XIX – начала XX вв. Учебная книга для 8–9 классов средней школы. М.: Антика, 1999. С. 66–68; Боханов А. Н. История России. XIX – начало XX в. Учебник для 8–9 классов. М.: Русское слово, 1998. С. 105–107; он же. История России XIX вв. Учебник для 8 класса средних общеобразовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003. С. 89–95; Сахаров А.Н., Боханов А.Н. История России. XVII–XIX века. Учебник для 10 класса общеобразовательных учебных заведений. М.: Русское слово, 2003. С. 319–320. Об этом см.: Шнирельман В.А. «Патриотическое воспитание»: этнические конфликты и

Нам представляется необходимым в плане изучения системной «войны историографий» назвать еще несколько имен, оставшихся за скобками исследования В.В. Шнирельмана, как, к примеру, засветившихся в спецоперациях, проведенных в рамках обсуждения, казалось бы, сугубо научных проблем. Так, в начале 2000 г. журнал «Родина» провел круглый стол с участием историков, философов, религиоведов и искусствоведов в лице Л. Гатаговой, А. Джендубаева, Р. Шукурова, П. Куценкова (вели беседу редакторы Т. Филиппова и Д. Олейников) по обсуждению «кризиса» в кавказском регионе, где уже шла т.н. вторая чеченская война.

Усилиями Л. Гатаговой и П. Куценкова все обсуждение свелось к специфическому разговору о грабительских наклонностях и этнопсихологических особенностях чеченского народа. Например, в таком формате: «Особенности поведения чеченцев определяет их чрезвычайно архаичная этнопсихология, восходящая к неолитической доминанте: МЫ – ОНИ. Все, кто не есть чеченцы-вайнахи, для них – другие, и по отношению к ним допустимо все, что угодно»¹⁰⁷.

Причем, если Л. Гатагова задолго до 2000 г. была уже известна своими сомнительными публикациями и нездоровой активностью в оценках тех или иных народов Кавказа (не вызывающих, впрочем, особого внимания по причине тривиальности ее текстов и их чрезвычайной скучности), то П. Куценков, являющийся специалистом в психологии первобытного и традиционного искусства (!), никогда в своей творческой жизни до дуэта с Гатаговой и после замечен в выступлениях по «чеченцам» или иным вопросам, выходящим за пределы его узких научных интересов, не был. Это было одноразовое вы-

школьные учебники истории. Доклад на междисциплинарном семинаре «Ра-систский дискурс в российском образовании», организованном Центром независимых социологических исследований в Петербурге 10–11 апреля 2004; 104. Кольев (Савельев) Андрей. Чеченский капкан. М.: Конгресс русских общин, 1997. С. 260–267, 280–281, 285–286; 105. Нарочницкая Н.А. Правда о Чечне. М., 2003. (Правда о Чечне. Кавказские войны – средство геополитики. Часть 1, 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gys-arhipelag.usoz.gov/publ/46-1-0-1349); 106. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении // Социс. 1995. № 11. С. 61».

¹⁰⁷ «Кавказский нерв», или пожелаем им добра // «Родина». № 1. 2000.

ступление расистского характера, запущенное, как оказалось, с определенной целью.

Спустя короткое время под патронажем соответствующих государственных и информационных учреждений выходит издание «Чечня. Белая книга» (М., 2000)¹⁰⁸, в котором со ссылкой на вышеназванных «научных экспертов» были приведены указанные выдержки из ксенофобских материалов круглого стола журнала «Родина» (№1, 2000) о этнопсихологической и исторической ущербности чеченцев, как нации. В своеобразном предисловии-рекомендации к электронному изданию данной «Белой книги» некоего Ю. Кондратьева было прямо отмечено: **«Понимаю, что данная книга составлялась по заказу и под полным контролем определенных государственных органов и учреждений. Собственно книга и предназначалась, как служебное пособие, именно для них, а не для широкой публики (выделено нами. – Д.А. Я.А.)».** Круг, таким образом, замкнулся.

Вот так примерно в нашей стране, в т.ч. с помощью таких вот приспособленцев-псевдоученых, выстраивалась ксенофобская характеристика целых российских этносов и совершался процесс негативной мобилизации общественного мнения. Можно сказать, что так начиналась новая волна информационной войны против чеченского народа, объективно повинного только в том, что он стал жертвой российских и международных политических авантюристов, посадивших в Чечне в 1991 г. послушный себе антинациональный бандитский режим. Отметим, что, в конечном счете, та же ельцинская клика обильно расплатилась за чеченские информационные и реальные войны и за собственные ошибки отнюдь не виртуальной кровью русских солдат и мирных жителей Чечни.

«Кавказская война в ресурсах сети интернет». Л.В. Шатохина. Решительно отметилась на «антикавказском» паранаучном фронте другая brutally-духовная ученица Марксена Блиева – кандидат исторических наук Л.В. Шатохина, опубликовавшая историографическую статью на весьма интересную тему – «Кавказская война в ресурсах сети Интернет». Особую пикантность ситуации придает то обстоятельство, что более

¹⁰⁸ Чечня. Белая книга /Сост. Романов В.П. М.. 2000.

чем сомнительная работа, насыщенная отвратительными менторскими выпадами в адрес горских народов Северного Кавказа в духе «цивилизационного превосходства» и животной злобы, вышла в свет в 2001 г., ни много, ни мало, в Вестнике Московского университета – достаточно почтенного учебного заведения¹⁰⁹. Приведем здесь несколько показательных выдержек из статьи Л.В. Шатохиной, не требующих особого комментария:

«Понятие «свобода», часто используемое в связи с характеристикой горских обществ, – категория более сложная, чем **констатация факта об их ментальной склонности к неподчинению**. Применительно к общественным связям, «свобода» означает гарантию от посягательств на права других людей, ответственность за свои поступки. К горским народам, у которых в XIX в. традиционной была работорговля, составляющая экономическую основу жизнедеятельности, это понятие, на наш взгляд, неприменимо¹¹⁰.

Говоря же о «свободе» как о суверенитете, горцы всегда ссылались на «особые» отношения с Османской империей, которые, по их мнению, не подразумевали подчинения. Не выступая как самостоятельный субъект международных отношений, но при этом оказывая на них непосредственное влияние, горцы фактически создавали конфликтную ситуацию, в которой никогда не несли юридической ответственности за свои действия. Постоянно используя военные средства противоборствующих сторон для извлечения собственной выгоды, **не проявляя склонности к мирному коллективному общежитию между собой, препятствуя развитию культурно-экономических связей Европы и России с Востоком, горские народы Северного Кавказа в 20-е годы XIX в. являлись опасным катализатором в межгосударственном соперничестве** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)...»¹¹¹.

¹⁰⁹ Шатохина Л.В. Кавказская война XIX в. в ресурсах сети Интернет // Вестник Московского университета. № 1. Сер. 8. История. 2001. С. 39–60.

¹¹⁰ Видимо, автор незнакома с историей античного общества, не говоря уже о категориях свободы для афинских или римских граждан. Что тогда сказать о самой России, где на этот момент в юридически оформленном рабстве находилась более трети населения, угнетаемого самыми жестокими и подлыми способами?

¹¹¹ Шатохина Л.В. Указ. соч. С. 43–44.

И еще: «...Поиск возможностей урегулирования возникшего конфликта с помощью политических средств и развития экономических отношений (как решение более общезначимой задачи цивилизационного взаимодействия) был отвергнут горцами, ментально не расположенными к усвоению идеалов и ценностей других культур; ...у России не было оснований считать хищнические и слаборазвитые в хозяйственном отношении многочисленные горские племена своими надежными союзниками в решении восточного вопроса и постоянными экономическими партнерами»¹¹²;

«...Налаживанию мирных долговременных связей народов России и Северного Кавказа препятствовал менталитет горцев, не склонных поддерживать и развивать подобные отношения. Становясь преградой в установлении цивилизационного взаимодействия между Россией и Востоком и территорией формирующегося антироссийского военного блока Турции и Ирана при посредничестве Англии и Франции, народы, населяющие Кавказ, провоцировали российские власти на более активные силовые действия»¹¹³.

В целом, перефразируя В.В. Шнирельмана, можно уверенно сказать о вышеприведенных утверждениях следующее: «Фактически речь идет о «стереотипах, приписывающих нам добродетели, которые отрицаются у других: мы цивилизованны и уравновешенны; они – варвары и фанатики, или примитивны и слепы» (Lowenthal 1994. P. 46). Такие стереотипы нередко составляют важный компонент идентичности, требующей противопоставления себя другим». И еще: описанные выше взгляды на «варварство» горцев «вполне совместимы с расовыми установками, развивавшимися, например, в ЮАР (Spiegel 1994)»¹¹⁴.

Ксенофобия, расизм и этническая дискриминация в российском обществе. Таким образом, логическим следствием провозглашения царской, крепостнической России оплотом цивилизации на Кавказе «на все времена» неизбежно должна была стать культурно-расовая дискриминация горцев и «обоснованность» использования против них силы оружия. Признать, что

¹¹² Там же. С. 44.

¹¹³ Там же. С. 51.

¹¹⁴ Шнирельман В.В. Быть аланами... С.83.

на Кавказе речь шла о другой цивилизации, может быть, и не столь статусной, нашим оппонентам в голову почему-то не пришло. Как и то обстоятельство, что если подобные подходы Шатохиной и иже с ними относительно горцев научны, то они универсальны, проверяемы и применимы в оценках по отношению и к истории других народов. Как, к примеру, «оборотной стороной провозглашения Запада нормой и идеалом выступала **негативизация России и русскости, провозглашавшихся неполноценными и подлежащими тотальной переделке** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)»¹¹⁵.

Из-за нарастающей античеченской, антикавказской и антиисламской активности в целом подобных ученых-«экспертов», проникновения ксенофобии в широкие маргинальные слои российского общества и ошибочной политики «определенных государственных органов» в национальном вопросе наша страна рано столкнулась с «новым» видом расизма, абсолютизирующего этническую идентичность, несовместимость различных культур и на этих факторах выстраивающих ту или иную форму дискриминации (сходной с расовой). Это обстоятельство – усиление расизма в России и выход его, как течения, из-под контроля властей, неоднократно отмечалось российскими правозащитниками и экспертами ООН»¹¹⁶.

¹¹⁵ Соловей. В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 420.

¹¹⁶ Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости г-на Дуду Дьена. Добавление МИССИЯ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: memo.ru/2007/06/18/1_ru.pdf. См., к примеру, с. 31 указанного документа: «Расистские и ксенофобные тенденции отражают также глубокий кризис самоидентификации в российском обществе, проистекающий из противоречия и напряжения между новой идеологией национализма и новым процессом мультикультурализма. Доминирующую идеологию и дискурс политического национализма, вырабатываемые властями в целях защиты и обеспечения сплоченности российского общества перед лицом внутренних и внешних «угроз», националистические политические партии и крайне правые группировки наполняют этническим, расовым и религиозным содержанием... Эта доминирующая идеология, усиливаемая средствами массовой информации, служит питательной средой для формирования расистской и ксенофобной культуры и менталитета с использованием образа иностранца, работника-мигранта или представителя этнического, культурного или религиозного меньшинства как субъектов, несущих ответственность за кризис».

Новый этап профанации Кавказской войны. В.А. Матвеев. В научном мире формируются и «растут вширь» личности, путающие собственно науку, историю с религиозной проповедью и серой пропагандой, а борьбу идей – с информационной войной. К примеру, это – В.А. Матвеев, профессор кафедры истории вполне приличного учебного заведения – Ростовского государственного университета. Его первые научные публикации изначально строилась в оригинальном формате – проповедь о сущей «духовности и соборности» политики российского самодержавия в кавказском регионе и всемерного проявления ее благолепия в отношении туземных «заблудших» чад ¹¹⁷.

Однако удержаться в состоянии своеобразного религиозного (но, отнюдь, не христианского) видения божественного величия административных установлений и военных мер самодержавия на Северном Кавказе В.А. Матвееву не дали некоторые русские, зарубежные и горские исследователи Кавказской войны. Видимо, потому в специальной историографической главе, занимающей одну треть содержания монографии «Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.)» ¹¹⁸ наш автор занялся низвержением «версий» и утверждением «постулатов». Читаем: «России по-прежнему на рубеже XX–XXI в. приписывается «историческая вина за покорение других народов». Поддерживается утверждение и о существовании на ее окраинах, в том числе на Северном Кавказе, «колониальных порядков». Сохранилась и идеализация в отношении антироссийского сопротивления. Наметилось в изданиях по региону выпячивание в ряде случаев этнической исключительности...».

¹¹⁷ К примеру: Матвеев В.А. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Посев. 1994. № 4; Матвеев В.А. Незамеченные итоги Кавказской войны // Россия в XX веке. Сб. научных статей М., 2003; Матвеев В.А. Применим ли в полной мере имперский феномен к характеристике российской государственной системы // Проблемы истории. Вып. 3. Тезисы докладов науч. конф, исторического факультета РГУ. Ростов-на-Дону, 1996; Матвеев О.В. На круги своя... // Вопросы северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005; Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. (управленческие аспекты). Ростов н/Д, 2010; и др.

¹¹⁸ Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону, 2012.

В подтверждение В.А. Матвеев утверждает, что кубанский историк И.Я. Куценко (отличается своей взвешенностью и объективностью) выражает «некие опасности «в оправдании политики самодержавия», и он же, мол, «приписывал России... постоянное стремление к завоеванию «новых территорий и народов». Выдающемуся израильскому историку М. Гаммеру (скончался в апреле 2013 г.), блестящая работа которого по национально-освободительному движению на Северном Кавказе выдержала целый ряд европейских изданий, в т.ч. и на русском языке¹¹⁹, вменено в вину, что «несмотря на привлеченные сведения из архивов разных стран (Австрии, Англии, Германии, Франции, Финляндии Турции и др.), М. Гаммер не смог избежать односторонности и преодолеть установившиеся барьеры сугубо отрицательных характеристик российской политики». Так сказать, вплотную приблизился к диалектическому материализму и остановился перед историческим...

Но зато, как оказалось, по Матвееву (преодолевшему все «установившиеся барьеры»), следовало «особо... отметить наследие В.Б. Виноградова». Выясняется, что «позиция» этого типажа (автора то ли 1700 то ли 2000 работ!), давно характеризуемого в литературе шарлатаном и графоманом (И. Баудинов) и вульгаризатором от науки (М.М. Блиев) «создавала предпосылки для преодоления представлений о колониальном характере Российской империи, насаждении соответствующих порядков на ее иноэтнической периферии. Опровергалось и наличие освободительной борьбы на Северном Кавказе». Зато позиция профессора Ш.А. Гапурова, в отличие от современных «идеологов агитпропа», на основании огромного числа архивных и опубликованных документов, **погодно и помесечно** исследовавшего ход национально-освободительного движения горцев Чечни и Дагестана и политику самодержавия в регионе за полвека, остается, по мнению В.А. Матвеева, без «достаточной доказательной базы» (!?). Более того, доказательный вывод Ш.А. Гапурова (имеющий и до него огромную историографическую, базу) относительно «включения значительной части

¹¹⁹ Гаммер М. Шамиль: мусульманское сопротивление царизму – завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998.

«...народов... региона... в состав России в результате Кавказской войны» объявляется «версией»¹²⁰.

Завершается 150-страничная историографическая глава В.А. Матвеева на оптимистической ноте. Оказывается, в современной отечественной историографии, на его взгляд, в целом показана «конструктивность отечественного имперского феномена для этнического развития. Выявлено отсутствие признаков колониального характера Российской империи (это кем и где выявлено-то? – Д.А., Я.А.). Получило признание заключение, что проводившимися на северокавказской окраине преобразованиями во второй половине XIX в. предопределились взаимозависимые процессы российской универсалистской трансформации и ослабления сепаратистской обособленности»¹²¹.

Объективность феномена захватнических войн и освободительных движений. В общем-то здесь, как и в других публикациях, у В.А. Матвеева присутствует оглушительная профанация исторической науки и законов развития человечества, как таковых – мировая история не знает государств и иных крупных регулируемых объединений (например, союз племен), не стремящихся к расширению и захватам новых территорий. При этом в той или иной форме в человеческой истории неизбежно происходили коллизии в форме войн и освободительных движений. Так, в истории той же Московской Руси и Российской империи на протяжении всей ее истории происходили национально-освободительные движения (против печенегов и половцев, ордынского ига, польско-шведской интервенции, нашествия Наполеона, хотя последний прогрессивно и успешно боролся с феодальной реакцией Европы); шли те или иные антигосударственные движения собственно русского народа против существующего строя, приведшие в конечном счете военно-феодальную Российскую империю к разрушению и кровавой гражданской войне.

Наконец, никакие формы вхождения (военные, невоенные) тех или иных народов в состав империи не отменяют их дальнейшего саморазвития и стремления элит к достижению оптимальных форм существования своих наций, в частности, образования суверенного государства. Задача историка – ис-

¹²⁰ Матвеев В.А. Указ. соч. С.101, 106–107. 116, 142.

¹²¹ Там же. С. 143

ключительно в научных рамках исследовать объективные явления и процессы, происходившие в прошлой реальности, а не изобретать новые идеологические сущности в формате преходящей горячки сегодняшнего дня и, уж тем более, основанные на мнимом превосходстве одних и ущербности других.

О.В. Матвеев. В этом плане несколько строк следует уделить и другому Матвееву – Олегу Владимировичу, профессору Кубанского госуниверситета, выпустившему несколько небезынересных историографических статей по нашей тематике. Так, в последней из них (выставленной пока в интернете) он пишет: «Изыскания коллег из столичных и северокавказских центров показывают бесперспективность противостояния версий о жестокой колониальной политике России, как главной причины Кавказской войны, и идеи о провоцирующей роли дикого, разбойничьего образа жизни горцев, от которого Россия вынуждена была обороняться. Стандартный набор аргументов одной и другой стороны может повторяться до бесконечности без всякого продвижения вперед. Самой перспективной областью предстает изучение интегративных факторов в истории отношений между Россией и народами Кавказа – политических, духовных, социально-экономических»¹²².

Подкупающая некоей видимостью объективности данная теза разбивается самим же автором в этой же самой работе умеренным восхвалением трудов и взглядов М.М. Блиева, стоящего как раз на дезинтегративных позициях, о чем мы уже разввернуто говорили выше.

В другой статье¹²³, более широкой по охвату проблемы и географии исследователей, О.В. Матвеев повторяет приведенный выше тезис и интересно расширяет историографию Кавказской войны за счет характеристик этнографических работ, посвященных «антропологии войны» (в частности, таких, как В.А. Тишков, А. Марзей и В.В. Лапин), а также оценками т.н.

¹²² Матвеев О.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе 1830–1864 гг. в научной деятельности современных отечественных исследовательских центров и высших учебных заведений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: teoria-practica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf

¹²³ Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.teoria-practica.ru/-11-2013/history/matveev.pdf

«контактных зон» (фронтир) и новомодной империологии. При этом смело утверждается, что, якобы: «В современной западной историографии Российская империя также нередко оценивается как фактор мира, процветания и глобального обмена идеями; империям вообще, оказывается, свойственно чувство ответственности за проживающие на имперской территории народы в гораздо большей степени, чем демократическим колониальным державам Европы (!?)». Дай-то бог нашему теляти...!

Буквально в 2013 г. в значительной части в авторстве О.В. Матвеева выпущена в свет коллективная монография по проблематике кавказской политики России от XVIII столетия до начала XXI столетия¹²⁴. В целом, О.В. Матвеев повторяет в своих разделах данной книги доводы, известные по прежним публикациям, в т.ч. в части негативной оценки тех «национальных историков», которые осмеливаются высказывать критику в адрес историков ему, О.В. Матвееву, угодных.

Оценка О.В. Матвеевым армавирской «Школы» и «парадигмы российскости». Но самым любопытным представляется оценка автора, связанная с т.н. «Школой» армавирского «академика» В.Б. Виноградова, которая, по мнению автора, якобы «отстаивает концепцию «российскости», как парадигму северокавказского историко-культурного единства в составе России». При этом: «Концепция «российскости», по мысли её авторов, предполагает осмысление механизма вхождения Кавказа в этнокультурное пространство России как глобальную предопределённость, тесную сопричастность, «совместничество», как взаимное тяготение во всех сферах исторического бытия. Исследовательскими усилиями В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева, Н.Н. Великой. Ю.Ю. Клычникова, Б.В. Виноградова и др. концепция была творчески применена к изучению российско-чеченских отношений, к западнокавказскому мате-

¹²⁴ Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем: коллективная монография / Под ред. А.Г. Иванова. Краснодар: КубГУ, 2013; Как указано в авторской аннотации, монография адресована «преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам учреждений культуры, образования и науки». Оказалась, что она основана на материалах научной конференции: Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.

риалу, прошлому северокавказского казачества, ...». Далее, О.В. Матвеев уверенно констатирует: «На сегодняшний день встречаются самые разные оценки концепции «российскости», в том числе и крайние, **которыми движет чувство неприязни, плохо скрываемой зависти и воинствующего экстремизма** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)»¹²⁵.

При этом нашим историографом, которым, безусловно, двигало чувство глубокой всечеловеческой приязни и христианского всепрощения, была почему-то опущена в соответствующей ссылке статья с критикой «Школы», выпущенная в научном издании профессорами Я.З. Ахмадовым и Ш.А. Гапуровым, а приведен некий ее вариант из интернета, подписанный Исламом Баудиновым¹²⁶. Хуже того, не указано, что примерно подобные оценки виноградовщины – «вопиющий непрофессионализм и националистически-ксенофобский стиль» – звучат в научном мире той же Кубани по крайней мере с 2007 г.¹²⁷

Между тем, весьма серьезные претензии и чувство неприязни к т.н. «Школе» с ее виноградовской парадигмой у вышеназванных авторов вызваны глубоко антинаучными положениями, открыто и многократно выраженными виноградовцами публично (нисколько не стесняясь своих амбиций):

– горские народы являются не субъектом исторического процесса, а его объектом, «элементами» в процессе «интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей»;

– «все факты репрессивной политики русских властей в отношении «немирных обществ» (Северного Кавказа. – И.Б.)

¹²⁵ Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем: коллективная монография. С. 61.

¹²⁶ Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой школы» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2 (13). Грозный. 2010; Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ran55.livejournal.com/2781.html>.

¹²⁷ Сень Д.В. Дискурс империй и актуальные проблемы истории Северо-Западного Кавказа второй половины XVIII в. – начала XIX в. (проблемы и перспективы теоретического изучения) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. Под. ред. Ю.А. Стецурь. Армавир, 2007. С. 30–45.

почти не выходят за рамки фрагментарно отслеживаемых происшествий». Не было ни Кавказской войны, ни национально-освободительного движения с громадными жертвами, а была справедливая борьба интегрирующего «центра» против «набеговой экспансии» горцев Дагестана, Чечни и Черкесии с приведением их к имперскому порядку;

– «геноцида адыгов» также не было. Все разговоры о жестоком изгнании царизмом черкесов (адыгов) Северо-Западного Кавказа в Османскую империю – от лукавого. В крайнем случае, была добровольная «миграция» адыгов за границу, т.к. вследствие своей порочной ментальности они не могли ужиться в условиях благотворных законов Российской империи;

– любые попытки изучения национально-освободительных движений в северокавказских республиках с иных позиций, кроме как определенных В.Б. Виноградовым и его командой, являются поползновением «расшатать государственно-цивилизационное единство нашей Родины, порожденное фактором «российскости»;

– чеченцы, ингуши и, по всей видимости, адыги (в первую очередь, кабардинцы) не являются переселенцами на равнинах Северного Кавказа. Те же чеченцы захватили «русские» земли по Сунже и Тереку только в XVIII в. Ранее кабардинцев и чеченцев их освоили некие «восточнославянские элементы» и «рязанские казаки», сложившиеся в XVI–XVII вв. в Терско-Гребенское казачье войско (отмети сразу – все это ненаучная фантастика). Россия в XIX в. вела на Тереке и Кубани «отвоевание» исконно русских земель (тезис о «русских равнинах» и «вайнахских горах» стал, кстати, расхожим и в ряде откровенно фашистских сайтов Интернета);

– деятельность указанной «Школы» и «принципиальная позиция» ее коллектива внесли «свою лепту» в преодоление «кризисной ситуации, несущей в себе страшный заряд, губительный для архитектоники всего евразийского пространства»;

– ученые, осмелившиеся оспорить взгляды отдельных виноградовцев и «Школы» в целом, занимаются «бесчестной критикой», высказывают «голословные» реплики, совершают «нападки» и попросту ангажированы, в отличие от армавирских

носителей истины, «идеями разрушения единой истории нашего общего Отечества». Причем, в этом ряду находятся не только горские, но и русские историки, не преклонившиеся перед величием «парадигмы российскости»;

– носителем истины в последней инстанции, неутомимым организатором сопротивления попыткам национальных историков сказать свое слово, создателем «кавказоведческой Школы академика В.Б. Виноградова», автором концепции «российскости», «мудрым учителем и наставником», «Он!», «Патриархом», «Шефом» и «Человеком» с большой буквы, является на сегодня именно В.Б. Виноградов. Соответственно, его ученики сплошь – «маститые» и «талантливые»¹²⁸.

Естественно, здесь-то и возникают вопросы: а завидовать, согласно О.В. Матвееву, оппонентам здесь надо чему – заурядному невежеству или незаурядному шарлатанству? И у кого из названных авторов – И. Баудинова, Я.З. Ахмадова и Ш.А. Гапурова или у В.Б. Виноградова, Б.В. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова – наличествует «воинствующий экстремизм»? Приведите, как делаем здесь и мы, развернутые доказательства. Видимо, О.В. Матвееву придется все-таки или прекратить бросаться легкомысленными фразочками, или продолжить периодическое получение виртуальной трепки от своих коллег.

Поразительно, но в самых последних сочинениях тех же В.Б. Виноградова, Б.В. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова «парадигма российскости» исчезла напрочь. Возможно, окончательный отказ от ношения «овечьей шкуры» в этом случае совершается с целью объявления прямой (пока, бумажной) войны диким кавказским «туземцам», не воспринявшим поучений

¹²⁸ См.: Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ran55.livejournal.com/2781.html>; Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Указ. соч. С.78–79.

Рекомендуем читателям посмотреть несколько изданий по затронутой теме: В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). – Армавир, 2008; Виноградов В.Б., Е.Г. Люфт, Ю.Е. Чарыкова. Эскизы принципов и практики кавказской « ». Москва–Армавир, 2009; Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара) / Под ред. В.Б. Виноградова. Москва–Армавир, 2009.

«талантливых» и «маститых» представителей Школы, приобретенной, как им представляется, монополию на истину в вузах Средней Кубани и Южного Ставрополя.

Алексия Т.П. Хлыниной. В связи с придыханием названными О.В. Матвеевым персоналиями виноградовцев и с негодованием их критиков, любопытная переключка начинается с другим профессором, ростовским автором того же, на первый взгляд – псевдорусскоохранного направления – Т.П. Хлыниной, успевшей отметить в горской тематике коротким историографическим теоретизированием вокруг термина «фронт» и повторением в печати этнопсихологических характеристик чеченцев, заимствованных у идеологов колониализма, как и положено, люто ненавидевших ими же ограбленных горцев¹²⁹. В 2012 г. она опубликовала любопытную для нашей тематики статью «Горячая» память народов Юга России: какое прошлое необходимо современному российскому обществу?» в качестве работы, выполненной в рамках проекта «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности»¹³⁰.

«Пристальный интерес к истории народов юга России, вернее, ее «правильной версии», породил целые «историографические войны», в эпицентре которых оказались не высокие идеалы исторической науки, а «неприемлемые» взгляды оппонентов», – пишет Т.П. Хлынина. И продолжает: «При этом экспертами исследований в области прошлого все чаще ока-

¹²⁹ Хлынина Т.П. Мятежная Сунжа: к вопросу о причинах казачье-горского противоборства на Тереке в 1918 г. Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Под ред. В.Б.Виноградова, С.Н. Лукаш. Краснодар–Армавир, 2004; ее же. Роль подвижной границы во взаимоотношениях народов России и Северного Кавказа во второй половине XIX в.: заметки по поводу // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006.

¹³⁰ Хлынина Т.П. «Горячая» память народов Юга России: какое прошлое необходимо современному российскому обществу? // European researcher. 2012. № 2 (17).

зываются «массмедийные лица», заложником эмоциональной риторики которых становится неискушенный читатель. Развернувшаяся на страницах одной из республиканских газет полемика относительно «научной сомнительности сочинений» довольно известного в регионе кавказоведа (Хлынина имеет в виду Ю.Ю. Клычникова. – Д.А., Я.А.) является наглядным свидетельством вырабатывающихся на наших глазах практик формирования «удобного» прошлого.

Отмечая пагубный характер его «изысканий», некорректно названных «смесью псевдоистории, истерии и фанаберии», авторы (журналист и известный общественно-политический деятель)¹³¹ подчеркивают: *«По «факту» мы имеем дело с сочинением, объективно рекомендованным для «просвещения» молодого русского поколения в вузах Кубани в духе войны «русских» против «горцев», воспитания предубеждения и ненависти русскоязычного населения региона к своим горским соседям, формирования расистского комплекса «белого человека» и алармистско-воинственных настроений в российском обществе в целом. Все это требует своего противодействия, ибо подобные псевдоисторические «экзерсисы» объективно служат катализатором настроений, направленных на отторжение национальных регионов от России. Такой подход вдвойне опасен для собственно горских народов Кавказа, вопреки всем колониальным издержкам прошлого нашедшим свое место в многонациональном русском государстве и жертвующим сегодня кровью своих сограждан в необъявленной войне против террористически-сепаратистского интернационала (курсив. – Т.Х.)»*¹³².

На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся с классической формой алексии (потеря способности понимать прочитанное, «словесная слепота»), когда автор, не воспринимая, насколько серьезна проблема, о которой говорят И. Баудинов и Д. Абдурахманов (при том, что Хлынина сама приводит цитату, которая

¹³¹ Имеются в виду Ислам Баудинов, Дукуваха Абдурахманов со статьей «Сахиб Ю.Ю. Клычников, редактор Б.В. Виноградов, народы Северного Кавказа, или Кто у нас хищники-рабовладельцы?» // «Вести Республики». 18, 20, 24, 25, 31 января, 1 февраля 2012 г.; См.: также: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.grozny-inform.ru

¹³² European researcher. 2012. № 2 (17). С.121- 122.

буквально кричит!), пытается оппонировать им ссылками на социально-служебное положение критиков и авторитет некоего «известного кавказоведа» Ю.Ю. Клычникова. Как прикажете все это понимать?

Однако явление алексии наблюдается не только у отдельно взятой Хлыниной, но и у огромного отряда северокавказских историков и политологов в отношении ... самой Хлыниной! Так, еще в 2009 г. указанный автор приняла участие в международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ», прошедшей в г. Владикавказе, 6–7 октября 2009 г. Здесь она выступила с докладом под уже скандальным названием: «Национальная государственность как особенность и вызов Российской цивилизации»¹³³. Правда, основная часть выступления была посвящена убаюкивающе объективистскому изложению части ее докторской диссертации «Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии», защищенной в 2003 г.

Главное было прямо и дерзко брошено в лицо, в первую очередь, горским народам, имеющим национальную государственность в составе РФ в конце доклада: «С течением времени, выполнив стоящую перед нею задачу, национальная государственность превратилась в исторически оправданную и безальтернативную форму учета цивилизационных и культурных особенностей российского общества. Ее наличие в административно-территориальном устройстве страны оценивается по-разному: от дестабилизирующего воздействия на государственную целостность до поддержания режима «культурной плюральности». **Вместе с тем, подавляющее большинство специалистов склонно видеть в ней вызов не только развитию, но и существованию российской цивилизации в целом** (где это мифическое большинство? Таких «специалистов» мы видели только в партии ЛДПР во главе с В.В. Жириновским. – Д.А., Я.А.). **Будучи во многом искусственным порождением географии, культурных особенностей народов и**

¹³³ Хлынина Т.П. Национальная государственность как особенность и вызов Российской цивилизации // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ» (Владикавказ, 6–7 октября 2009 г.). Владикавказ, 2010.

практических потребностей власти, национальная государственность крайне неохотно приспосабливается к стремительно меняющимся требованиям времени. Заложённая в ней инерция самосохранения этноса зачастую оборачивается резким неприятием различного рода нововведений, приводящим к потере ощущения времени и цивилизационной стагнации. Угроза такой опасности вполне реальна и особенно ощутима в многонациональных государственных образованиях (подчеркнуто нами. – Д.А., Я.А.)»¹³⁴.

Сожалеем, что узнали об этой отнюдь не украшающей исследователя выходке только накануне выхода данной книги. Надеемся еще вернуться к столь примечательному утверждению. Сейчас ограничимся только указанием, что национальные автономии современной Российской Федерации давно сравнивались по статусу и полномочиям с русскими областями страны (или наоборот). Отнять еще и название означает войти в полосу бифуркации, в которую в свое время попали Сербия с автономным краем Косово и Грузия с автономной областью Южная Осетия. Воистину, с такими специалистами из Южного научного центра РАН, как Т.П. Хлынина, и с такими, мягко говоря, предельно застенчивыми северокавказскими историками и политологами нашей стране враги не нужны!

§ 4. Эпопея лжеакадемика В.Б. Виноградова и покушение на историческую науку армавирской «Школы»

Заурядное невежество или незаурядное шарлатанство?
Подводя некий промежуточный итог, следует отметить, что движение историографического процесса в плоскости рассмотрения Кавказской войны, освободительных движений горских народов и длительной истории интеграции горцев в российское государство проходит не только в научных учреждениях, вузах, но и в многочисленных СМИ, форумах и сайтах интернета, в среде различного рода группировок и «школ», чаще всего использующих научную тематику в целях националистической пропаганды и выработки дискурса вражды.

¹³⁴ Там же. С. 277-278.

Так, за последние 20 лет на обочине российской исторической науки в маргинальной части российского кавказоведения организационно сложилось провокативное направление, связанное, прежде всего, с именем армавирского (ранее – грозненского) профессора и лжеакадемика В.Б. Виноградова¹³⁵ и его «кавказоведческой Школы». Последние данные говорят о том, что принципиально антинаучные, скандальные взгляды В.Б. Виноградова и некоторых его учеников с агрессивной настойчивостью навязываются в учебные курсы вузов всего Юга России, а также широко распространяются в Интернете.

Следует отметить, что в некоторых современных сайтах Интернета типа «Кавказцентр» и «Чеченпресс» также ведется порой националистическая пропаганда, но антироссийского характера. Идет неумеренное смакование «национальных недостатков» русских и причиненных в прошлом Россией кровавых потерь горским народам. Как и компания Виноградова, откровенно заявляющая о полной правомерности всех действий России в прошлом против «виновных» горцев в ходе завоевательной войны, подобные националисты готовы взвалить на современную Россию и русский народ всю ответственность за преступления царизма и сталинизма в прошлом. Правда, взгляды подобных радетелей не внедряются для изучения в школах и вузах национальных республик Северного Кавказа и не пропагандируются в трудах современных национальных историков Северного Кавказа.

¹³⁵ С какого испуга В.Б. Виноградов упорно рекомендовал себя «академиком»? Если речь идет о членстве «Учителя» в Международной академии информатизации, то это сугубо общественная организация, созданная на базе Мосгорсправки. Хуже того, члены Комиссии по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований государственной РАН уже давно отнесли МАИ к разряду «организованной лженауки». К практической «информационной» деятельности МАИ есть, кстати, вопросы и у Русской православной церкви. – См. Баудинов Ислам. В.Б. Виноградов, кавказоведческая Школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ran55.livejournal.com/2781.html. А может это МАН (то ли Международная академия наук, то ли «моя академия наук»), тоже общественная организация, учрежденная в каком-то из городов Поволжья, в которой В.Б. Виноградов именовался академиком-секретарем? Одним словом, сюжет для фельетона.

Более того, историки Северного Кавказа призывают конкретно и на деле изучать сложные вопросы русско-горских отношений с учетом реалий сегодняшней демократической России, являющейся общим государством народов, его населяющих. И в этом они меньше всего нуждаются в каких-либо наставниках и надзирателях, страдающих, непомерными амбициями и ксенофобией.

Профессор Ш.А. Гапуров и странный метод его критики. Объектом особого внимания В.Б. Виноградова (умер в сентябре 2013 г.) и некоторых его учеников стали научные работы профессора Ш.А. Гапунова. Погромной, огульной критике скопом, стаей, подверглась монография Ш.А. Гапунова – «Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века» (Нальчик, 2008), написанная в соавторстве с Д.Б. Абдурахмановым и А.М. Израйловым. Оказывается, это сугубо научное исследование, по мнению виноградовцев, несет в себе «достаточно откровенный провокативный и разрушительный потенциал»¹³⁶.

Доказательства «разрушительной» деятельности свелись к тому обстоятельству, что авторы монографии посмели заявить, что события на Северном Кавказе в первой половине XIX в. надо характеризовать как освободительную борьбу горцев против имперской политики царской России, а главная причина Кавказской войны заключена в колониальной политике царизма, нашедшей свое яркое выражение, прежде всего, в репрессивных действиях А.П. Ермолова. И что неизбежные ответные действия горцев в форме набегов не могли стать единственной причиной столь многопланового феномена, как Кавказская война¹³⁷.

В течение последних 10–15 лет в России вышли десятки книг и статей, в которых, совершенно четко и независимо от Ш.А. Гапунова, были высказаны аналогичные приведенным в коллективной монографии постулаты. Однако в качестве объекта нападок была выбрана именно она. Вопреки абсолютно безосновательному мнению доктора исторических наук Б.В. Ви-

¹³⁶ Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы. Москва-Армавир, 2009. С. 3.

¹³⁷ Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой Школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа. С. 80.

ноградова (сын), что «данное историческое исследование претендует на новое прочтение характера российской политики на Северном Кавказе», в указанной книге решались скромные задачи – наполнить новыми фактами давно уже известные аксиомы. Достаточно указать на капитальный труд Н.И. Покровского или другие основательные работы российских историков, о которых мы уже говорили в том же «Предисловии».

Хуже того, так называемый «Совет Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова», т.е. сам В.Б. Виноградов, показал себя совершенно неспособным к диалогу, беззастенчиво определив взгляды своих оппонентов (без приведения каких-либо доводов) «откровенно националистическими, неприкрыто антироссийскими и огульно воинственными»¹³⁸.

Оправданные зверства. «Славный» генерал Засс. Сегодня виноградовцы настойчиво призывают не просто не писать о «негативе» в российско-кавказских отношениях. Хотя полуправда или замалчивание правды как раз порождает околонучные мифы, которые действительно становятся одной из причин для возникновения протестных и националистических настроений. Нет, виноградовцы недвусмысленно требуют признать документированные исполнителями массовые зверства по истреблению коренного населения в ходе военных действий законными, оправданными и полезными с точки зрения «российскости», не выходящими «за рамки фрагментарно отслеживаемых происшествий, ...»!

Вот очерк В.Б. Виноградова о «славном» генерале Зассе, чье имя восстановлено сегодня в названии одной из кубанских станиц – Зассовская, а также увековечено памятным бюстом в центре г. Армавира. Это был один из самых отвратительных деятелей Кавказской войны, вызывавший омерзение у горских противников и у порядочных русских людей. Ящики с отрубленными головами черкесов, по словам очевидцев, он хранил под своей кроватью, наслаждаясь трупным запахом. Вокруг его резиденции на кольях также были выставлены отрубленные головы. Но именно В.Б. Виноградов ведет политику «героизации» Засса, как выдающегося деятеля России периода Кавказской войны, «вдохновенного и преданного охранителя той России, ко-

¹³⁸ Российский Северный Кавказ... С. 3.

торая и породила его, как яркого представителя своеобразного военно-политического типа». Нет никакого сомнения, что подобная «российскость» гарантированно приведет к обострению межнациональных отношений на Северном Кавказе ¹³⁹.

Казачество в «этюдах». Совершенно беззастенчиво виноградовская компания будирует вопросы исторического прошлого кавказского казачества, пытаясь, по существу, заразить массу современного русского населения духом состязательности и реванша. Их не удовлетворяет «современное состояние исторической науки», которая «не дает» места казачеству на Северном Кавказе ранее второй половины XVI в. Причем документированным аргументам по данной проблеме они противопоставляют не документы и факты, а «теории», «версии» и «мнения», воплощенные в «этюдах» и «эскизах»! С каких это пор «версии» и «мнения» стали фактами и свидетельствами? Между тем, один из наиболее профессиональных историков в стане виноградовцев – профессор С.Л. Дударев, был вынужден справедливо отметить: «История – крайне взрывоопасный материал, и с ней нужно обращаться очень осторожно. В истории ничего изменить нельзя, но можно с ее помощью установить новую несправедливость, изломать жизнь своих современников, и нанести свежие, долго незаживающие раны будущим поколениям людей»¹⁴⁰.

Геноцид адыгов и «внешние силы». Остро взволновал гуманиста В.Б. Виноградова, «его семью и «Школу» вопрос о геноциде адыгов. Так, Б.В. Виноградов (сын) пишет: «В контексте продолжающихся попыток обвинить Россию в геноциде адыгов просматривается довольно единый, маскируемый под историческую объективность «идеологический фронт» от Северо-Восточного Кавказа до Адыгеи, цель которого, обвинив Россию в экспансии против горцев, как минимум, добиться от нее определенных «капитуляций». А как максимум? Ведь не

¹³⁹ См.: Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 81; Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 53–66; Виноградов В.Б. «Он усмирил Закубанье». Черты портрета ген. фон Засса // Российский исторический журнал. 1994. №2; Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет!». Армавир, 2000; Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 81.

¹⁴⁰ Дударев С.Л. Возможный сценарий этнополитической истории Северо-Западного Кавказа после 1864 г. // Российский Северный Кавказ... С. 9.

секрет, что за стремлением к развалу российского многонационального государства стоят внешние силы. Таким образом, противодействие очередным тенденциозным интерпретациям российско-северокавказского взаимодействия имеет не только чисто научный смысл»¹⁴¹. Вот так и получается, что любой историк, пишущий о политике царской России в XIX в. на Кавказе, которая, по определению, была колониальной, априори работает на «разрушение России» по заданию «неких темных сил» зарубежья. Просто и мило!

Между тем, научной и гражданской общественности Чеченской Республики имя В.Б. Виноградова (отец) и явления, связанного с его именем («виноградовщина»), более чем хорошо знакомы. В данный момент в Краснодарском крае, пока в масштабах Армавира, осуществляется один к одному типологически тот же проект, что самым скандальным путем реализовывался в 70–80-х гг. XX в. в Чечено-Ингушской Республике и имел отрицательные политические последствия. Отдельные российские ученые Кубани (профессор Д.В. Сень) уже обратили внимание на непомерные амбиции армавирских наставников, их «вопиющий непрофессионализм и националистически-ксено-фобский стиль»¹⁴².

Виноградов и «200-летие добровольного вхождения...». **От наглого диктата до трусливого покаяния.** На взгляд еще одного виноградовского доктора исторических наук Н.Н. Великой попытки объективного, как мы считаем, восстановления исторической правды в Чечне и на Северном Кавказе 80–90-х гг. XX в. «вылилось на практике в дестабилизацию общественно-политической обстановки, привело к всплеску национализма и террору. Исторические и иные мифы послужили идеологической основой сепаратизма»¹⁴³.

¹⁴¹ Виноградов Б.В. К проблеме интерпретации характера российско-северокавказского взаимодействия в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Российский северный Кавказ... С. 41.

¹⁴² Сень Д.В. Дискурс империй и актуальные проблемы истории Северо-Западного Кавказа второй половины XVIII в. – начала XIX в. (проблемы и перспективы теоретического изучения)... С. 30–31.

¹⁴³ Великая Н.Н. О преемственности в развитии отечественной исторической науки // Вопросы Южнороссийской истории. Москва-Армавир, 2008. С. 49.

У нас несколько иные данные на главные источники дестабилизации в той же Чечено-Ингушетии в указанные хронологические рамки, которые были связаны как раз с политически-спекулятивной деятельностью В.Б. Виноградова.

Профессиональный археолог Виталий Борисович Виноградов (Тарахтиенко), положивший было начало романтическим ночным раскопкам могильников при свете костров (!), был лишен Институтом археологии АН СССР открытого листа на проведение стационарных раскопок и с конца 1970-х годов, забросив любимую археологию, занялся «исследованиями» в области этнополитической истории. Здесь он быстро превратил служение науке в политико-идеологические игры, став орудием и рупором Чечено-Ингушского обкома КПСС в борьбе с так называемым «национализмом» в области исторической науки.

Ярким примером искажения истории в угоду политико-идеологической целесообразности стала выдвинутая В.Б. Виноградовым на рубеже 70–80-х годов XX столетия концепция 200-летия «добровольного вхождения» народов Чечено-Ингушетии в состав России (позже добавился политический тезис «так называемая Кавказская война»), против чего выступили многие историки из Дагестана, Москвы и Ленинграда. Однако при малейшем отклонении от ряда табу, наложенных на целые периоды и события в истории местных народов, следовал донос В.Б. Виноградова в Чечено-Ингушский обком КПСС, а то и в ЦК КПСС, и начиналась травля неугодных, и не только из числа чеченцев и ингушей. Официально шельмовались за свое несогласие с «концепцией 200-летия» доцент Чечено-Ингушского госуниверситета Ф.П. Боков, профессора Н.П. Гриценко, В.П. Крикунов. Пытались осадить за мотивированные возражения против концепции таких известных на всю страну ученых, как Л.И. Лавров и Е.Н. Кушева¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Боков Ф. П. По поводу концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный: Книга, 1990; Ахмадов Я. З. Проблема присоединения народов Чечено-Ингушетии к России // История и историки / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1995. С. 56–59; Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа «академика» В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ran55.livejournal.com/2781.html>; и др.

Пользуясь «концепцией 200-летия добровольного вхождения» как дубиной, В.Б. Виноградов попытался грубо подмять под себя не только историческую науку, но и практическую деятельность вузов и научно-исследовательских учреждений республики, редакций газет, телерадиовещания, общества «Знание». В эти годы Виноградов стал главным советником обкома КПСС по идеологии и общественным наукам, что фактически сделало его первым цензором научной и издательской деятельности в республике... Зато его оппоненты были лишены возможности высказать свое мнение; наиболее активные из них обвинялись в национализме, отстранялись от научных исследований или же вообще теряли работу»¹⁴⁵. Все это приносило заурядному грозненскому археологу и существенные материальные блага.

Вот, к примеру, выдержка из протокола заседания бюро Чечено-Ингушского обкома КПСС от 29 июня 1984 г. о недостатках в работе Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии (все с подачи нашего «ученого»): «Ряд работников нарушает принцип партийности и научной добросовестности в исследованиях, игнорируют сложившиеся в науке концепции по тем или иным проблемам, допускает политически незрелые суждения националистического характера. Неклассовую оценку исторических и общественных явлений ревизует отдельные положения истории народов. Вагапов Я.С., Ахмадов Я.З., Вацуев А.З. допускают политически вредные суждения, оспаривают научность концепции добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России...» и т.д. и т.п.¹⁴⁶

И только наступление периода «гласности» и «перестройки» в нашей стране позволило Чечено-Ингушской Республике освободиться от этого кошмарного идеологического безумия, от которого страдали независимо от национальности все – от последнего ученика в школе до секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС. Позже ЦК КПСС отменит свое решение о

¹⁴⁵ Шнирельман В.В. Быть аланами... С. 137-138.

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.153. Д. 1566. Л.16; Д. 1184. Л. 156–157. Позже, в 1990 г., тот же орган КПСС отменил свое решение по поводу института и его сотрудников как ошибочное. Приведенные документы выявлены благодаря усилиям историка Р. Гайлаева. Благодарим его за возможность их использования.

праздновании юбилея «200-летия добровольного вхождения» как ошибочное.

Первым с отказом от концепции выступил один из ее «подписантов» С.Ц. Умаров, «признавший, что авторам концепции приходилось тщательно сортировать факты, отказываясь от самых неудобных из них...» Со своей версией случившегося выступит и Виноградов. По его словам, до 1979 г. в историографии господствовал плюрализм мнений, но затем концепция «добровольного вхождения» была взята на вооружение властями республики, объявлена «единственно верной» и использована для празднования юбилея в 1982 г. Она не только навандила СМИ, но и активно внедрялась в сферу образования... По словам Виноградова, «кто-то – принимал происходящее, искренне заблуждаясь, а кто-то самым грубым образом, из чисто конъюнктурных соображений «подпевал», беспринципно заискивая перед «официальной историей». Он сообщал, что теперь, в условиях перестройки, эта концепция его уже не устраивала». Более того, он не только признавал ошибки, но и каялся: «Я со всей строгостью стремлюсь изжить в себе и хотел бы предостеречь других от излишней поспешности, монополярной безапелляционности, партнерской глухоты...» Об этой истории довольно подробно рассказано в обстоятельном историографическом исследовании В.А. Шнирельмана «Быть аланами...»¹⁴⁷.

С этого момента наш герой рассматривался в Грозном не более, чем в роли «городского сумасшедшего», и представлял интерес исключительно для политических маргиналов, завоевывавших имя на улице. Тем не менее, дело было сделано, «виноградовщина» – полное пренебрежение к национальной истории и тотально-истеричное навязывание фальшивых идеологем – стала одной из причин острого общественного кризиса в Чечне в начале 90-х гг.

Складывание Школы злословия с элементами тоталитарной секты в Армавире. В 1992 г., в результате печально

¹⁴⁷ См.: Шнирельман В.В. Указ. соч. С. 139–141; Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 82–83; Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ran55.livejournal.com/2781.html>.

известных событий в Чечено-Ингушской Республике, В.Б. Виноградов покинул Грозный. Продав весьма прибыльно и совершенно незаконно государственную квартиру, получив от новых чеченских властей охрану и транспорт, он спокойно вывез все свое имущество, вплоть до последней бумажки, включая и подпольное собрание местных археологических раритетов. Более или менее благополучно уехали в Армавир и его ученики. Со времени «перемещения этого уникального сообщества (сиречь – Школы. – Д.А., Я.А.) из г. Грозного на Кубань» в работах В.Б. Виноградова и части его учеников явно стала звучать нескрываемая озлобленность не только по отношению к чеченцам и к чеченской истории, но и ко всем горцам. Психологически это было понятно – месть за пережитый страх. «Уникальное сообщество», созданное в Армавире, оказалось неспособным беспристрастно, объективно оценить события, произошедшие в стране и в Чеченской Республике в конце XX в., а тем более взвесить свою отнюдь не скромную деструктивную лепту. Даже более разумные и объективные ученые-историки из Грозного оказались в Армавире в полной зависимости от В.Б. Виноградова, обеспечивавшего самолично должностями и квартирами.

В тихом Армавире виноградовцы превзошли все допустимые и недопустимые пределы научной полемики – работы последних 10–15 лет густо насыщены ксенофобией и жадной диктата в исторической науке. Они постоянно и системно оскорбляют историческую память горских народов, внося напряженность в межнациональные отношения; многие их утверждения находятся на грани (если не за гранью) практической деятельности по разжиганию межнациональной вражды.

Нам представляется, что черты организационной структуры армавирской «Школы», давно и заслуженно прозванной Школой злословия, особенности формирования данного сообщества, линия поведения лидера и некоторых учеников (которые принадлежат, как правило, к одному и тому же психологическому типу) позволяют использовать при ее характеристике определения, относящиеся к тоталитарным сектам. Здесь мы

имеем четко обозначенную границу «свой – чужой», коллективное верование (как и положено, радикальное и бескомпромиссное) в виде идеологемы, абсолютную эмоциональную приверженность ряда адептов своему гуру (именуемого не иначе, как: «Он», «Наставник», «Шеф», «Учитель»!), непоколебимую убежденность в принадлежности к элитной «группе», которая всемогуща и права.

Особый интерес составляет и «научный» маркетинг руководства «Школы академика Виноградова». Это тотальное навязывание «вероучения» (виртуальных идеологем, парадигм и концепций) сверху донизу во всех средствах массовой информации и по «начальству», причем в формах, исключающих рациональное осмысление. Это и лихорадочно частое проведение собраний, конференций и семинаров с неопределенными темами (типа «всем обеспокоенным судьбой России по парадигме» и т.д.). В ход идет едва ли не уличная реклама, буклеты, брошюры, сборники. Звучат назойливые приглашения историкам к «сотрудничеству» (которое, в конечном счете, оборачивается для «купившегося» жесткой установкой: «мое – это мое, а твое – тоже мое»), звучат неумеренные восхваления в адрес одних и злобные обличения других (еще не разделивших накал очередной идеологической кампании, затеянной виноградовыми, клычниковыми и т.п.)¹⁴⁸.

Возможно, перелом? Однако, буквально в последние полтора года в рядах «школьников» произошел своеобразный перелом, возможно, связанный со смертью сектантского лидера «подавляющего» типа и отколом наиболее «мутных» деятелей «Школы», страдающих личными психологическими проблемами в области восприятия сложных вопросов этнического взаимодействия народов Российской Федерации. Произошло то, что должно произойти, когда нормальные ученые освобождаются от диктата политики «держат и не пущать», ущербных концепций и парадигм и начинают заниматься собственно наукой. Свидетельством тому являются, на наш взгляд,

¹⁴⁸ См.: Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Указ. соч. С. 79–81; Баудинов И. В.Б. Виноградов, кавказоведческая школа академика В.Б. Виноградова, история народов Северного Кавказа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gan55.livejournal.com/2781.html.

работы, изданные в сборнике «Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции», под редакцией профессора С.Л. Дударева ¹⁴⁹.

Небесспорные публикации, и не только по содержанию, но даже по выбору тематики. Однако все это где-то в рамках науки и научной дискуссии. Можно не соглашаться с теми или иными положениями, но, опять-таки, статьи производят впечатление написанных в познавательных целях. Остается надеяться, на худой конец, что все, кто был прикован к пресловутой Школе, вернется с той информационной войны, начатой «Гуру» в конце 70-х гг. XX в. и займутся мирным, творческим трудом. И такие обнадеживающие известия до нас доносятся даже в отношении виноградных и клычниковых. Однако пока никто из них еще не прибрал за собой...

Невротическое перепроизводство дискурса Кавказской войны и переход проблемы в политическое русло. Таким образом, на сегодня есть современная научная российская историография Кавказской войны где продолжается интенсивная «переработка» новых документов, материалов, фактов, смыслов воззрений и концепций. А есть и квазинаучная деятельность объединенных многопишущих группировок, нервно требующих самого широкого признания и монопольного положения. В этой области поднялись и маргинальные слои блогосферы интернета. Слаженными усилиями многопишущие «ученые» группировки и многочисленные анонимные блогеры практически добились того, что в российском обществе наблюдается невротическое перепроизводство дискурса Кавказской войны, окрашенное порой животной ненавистью к горским народам на все времена.

В связи с итогами и перспективами развития собственно историографии Кавказской войны бесполезно напомнить высказывание замечательного, на наш взгляд, подвижника на-

¹⁴⁹ Межэтническое взаимодействие на Северном Кавказе в контексте становления и развития российской государственности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2014. – 276 с.

уки, профессора В.В. Черноуса от 2003 г. Он пишет: «Пока же дискуссионными остаются практически все основные аспекты проблемы: сама дефиниция; хронология; причины и характер борьбы; социально-политические процессы у народов Северного Кавказа; становление российской администрации и правовой системы в ходе Кавказской войны; мухаджирство и др. Этот круг проблем обозначается во всех историографических очерках по отдельным аспектам истории Кавказской войны при обобщающих обзорах»¹⁵⁰.

Правда, в качестве примера качественно «новых работ, удовлетворяющих неким требованиям, В.В. Черноус посчитал возможным назвать и «фундаментальную монографию молодого исследователя из Пятигорска Ю.Ю. Клычникова»¹⁵¹. Вряд ли В.В. Черноус мог предвидеть, что молодая надежда российской историографии Кавказской войны столь быстро переключится в иную плоскость общественно-политической деятельности, имеющей весьма далекое отношение к науке вообще, а частной более к красочным расистским перформансам и к некоторым статьям уголовного кодекса.

По существу, члены армавирской Школы и их сторонники на определенном этапе попытались подменить картину реального течения русско-северокавказских взаимоотношений, как системы последовательных, взаимосвязанных событий, явлений и процессов, давно исследуемых в рамках объективной науки, некоей умозрительной схемой, призванной подменить реальность, но не объяснить ее. Оказалось, что чьи-то взгляды, концепции, парадигмы, видения и видения важнее реального исторического бытия (осмыслением которого занимались и будут заниматься поколения историков).

Дело дошло до того, что усилиями ростовских и горских историков во главе с В.В. Черноусом в октябре 2013 г. была коллективно обсуждена острая ситуация противостояния, сложившаяся в деле изучения Кавказской войны, и сделана попыт-

¹⁵⁰ Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. 2003. С. 60.

¹⁵¹ Автор имеет в виду следующую работу: Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840). Пятигорск, 2002.

ка выработать некую общую платформу, в т.ч. и напомнить о правилах научной этики. Однако, как видно из полного текста обобщающего документа, каждая из оппонировавших сторон вложила в него свое содержание.

«Хартия историков-кавказоведов

Мы, участники Международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 года, Ростов-на-Дону), отмечаем, что в условиях динамичного и нестабильного современного мира возрастает роль исторического сознания, как фактора самоидентификации личности, народов и государств.

Историческая память и историческое научное знание выступают одним из оснований определения Россией своего места в глобализирующемся мире. Особое значение историческая наука и историческая память занимают на многонациональном Кавказе и Юге России, достижения и трагедии многовековой совместной истории, сложной и противоречивой, но, несомненно, поступательной, переживаются как современность. Системный кризис социо-культурной идентичности в постсоветский период привел к обострению социальных и межнациональных противоречий в Российской Федерации в 90-ые годы прошлого века. Некоторые политики и радикальные движения стали использовать трагические и спорные страницы истории для легитимации этнополитической мобилизации и конфронтации. Неизбежное в этих условиях переосмысление истории российского Кавказа стало сводиться подчас к ее этноцентричному пониманию у ученых различной этнической принадлежности и, как следствие, к сегментации единого южно-российского научного пространства, сформировавшегося в 70–80-ые годы XX века, на локальные полузакрытые научные направления и школы. За последние годы они обогатили историческую науку новыми, введенными в научный оборот источниками, концептуальными подходами, отражающими отдельные грани исторического процесса, однако полемика между ними часто носит непримиримый и эмоциональный, подчас несправедливый характер.

Используются ненаучная публицистично-оценочная, недостаточно аргументированная или устаревшая терминология, навешивание друг на друга идеологизированных, политизированных ярлыков, обвинений в фальсификации, что практически исключает возможность налаживания диалога, проведения конструктивных дискуссий. В преддверии Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году стало очевидно, что сохранение таких тенденций может иметь самые негативные последствия для самочувствия народов, их искусственного противопоставления друг другу, для региональной и национальной безопасности. В частности, может использоваться деструктивными силами для нагнетания межнациональной напряженности, ослабления российской идентичности на Кавказе и Юге России, что является, как показывают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке, вызовом безопасности всем народам России и Закавказья.

Мы призываем, исходя из социальной и профессиональной ответственности, к консолидации исторического цеха кавказоведов на основе отказа от политизации исторической науки, соблюдения объективности и всестороннего комплексного использования источников на основе их научной критики, принципа историзма. Для этого необходимо восстановить системные научные коммуникации, сделать форумы кавказоведов регулярными и провести конструктивные дискуссии с участием представителей всех школ и направлений по спорным проблемам истории Кавказа и Юга России на базе различных научных центров региона. Полагаем целесообразным разработать Этический кодекс кавказоведа. В науке не может быть закрытых тем для исследования, невозможно единомыслие, но важно наладить диалог между учеными, возродить традиции совместных общерегиональных трудов. У нас общая историческая судьба и общее будущее. Историческое кавказоведение может и должно стать фактором развития наших народов и укрепления российской идентичности»¹⁵² (курсив наш. – Д.А., Я. А.).

¹⁵² «Вести Республики». №198 (2131). 19 октября 2013.

Этот своеобразный крик отчаяния является отражением серьезной проблемы, о которой давно говорят политологи. Причем, не просто идеологической. Весьма разумный ученый Эмиль Паин откровенно предупреждает: «Подъем ксенофобии и русского национализма оказывает не только прямое воздействие на рост ответного недовольства этнических и религиозных меньшинств. Еще опаснее его косвенное влияние на рост терроризма, прикрывающегося, якобы исламскими идеями. Разумеется, было бы неверным считать, что террористические акты на Северном Кавказе обусловлены только ростом русского национализма, но связь между этими явлениями очевидна»¹⁵³.

Вместо заключения. В адрес ревнителей иных, не познавательных задач в изучении Кавказской войны, развязавших «войну историографий» и выступивших, в первую очередь, против объективного изучения явлений и процессов в рамках классической науки, хотелось бы привести в заключение интересную оценку одного из российских ученых – Е.В. Анисимова, извлеченную из его работы, размещенной в международном интернетовском издании. Он полагает, что вся проблема заключена в имперском мышлении:

«Восток был одной из стабильных целей имперского движения. В представлении о Востоке имперское сознание опиралось на вполне традиционный ЕВРОЦЕНТРИСТСКИЙ ИМПЕРСКИЙ СТЕРЕОТИП. Суть его – в представлении о «ничейности» Востока, о том, что движение на Восток есть движение в пустоте, по землям, которые никому не принадлежат. Те государственные и этнические образования, которые встречаются на пути завоевателей, покоряются, а сопротивление воспринимается как действие «банд», «диких скопищ», потом – «незаконных военных формирований». Люди Востока в рамках этого стереотипа кажутся дикими, они руководствуются инстинктами, а не умом. «Все дикари одинаковы», все они грубы, коварны. Система же ценностей восточных народов – собрание нелепых предрассудков, реально же существует только одна истинная христианская (православная) система ценно-

¹⁵³ Паин Эмиль. *Метарморфозы политической напряженности в России // «Дружба народов».* №1. Москва, 2014. С. 228.

стей. В имперском сознании на разных уровнях (от интеллектуалов до простого солдата) весь многообразный мир делится на наш, цивилизованный, лучший, настоящий мир, и их мир – «дикий», худший, ненастоящий и его нужно покорить, чтобы потом сделать своим.

Отсюда два главных вывода, которые также стали стереотипами имперского мышления. Первый: нормы международного права, ценности христианской этики не могут распространяться на «черных», «чучмеков», их можно и нужно уничтожать. Второй: единственное средство отношений с «диким» Востоком – это устрашающая, показательная жесткость и насилие. Основатель политики геноцида горцев Кавказа генерал А.П. Ермолов писал: «Между народами, загрубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила. Один только страх, оружие может удержать горцев в покорности». По этим стереотипам воспринимали Восток несколько столетий, этой философия господства лежала в основе властвования в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Империя невозможна без предельной военизации метрополии. Армия – вечная любовь империи, она орудие завоеваний, она и образец для общества. На подавляющей военизации была создана Российская империя. Подобно Шведской и Прусской (Германской) империям армия в России воспринималась как модель общества. И эту модель в виде военных губернаторств и переносили на завоеванный Восток.

Важно заметить, что движение на Восток, да и в другие места мира, не было обусловлено в России демографически, экономическими и торговыми интересами. Они, естественно, фигурировали, но оставались либо второстепенны, либо фантомны, нереальны. Инерция имперских завоеваний была сильнее голоса разума и здравых расчетов. Задачи освоения огромных пространств внутренних территорий, строительство дорог, экономической инфраструктуры – все это отходило на второй план в сравнении с имперскими задачами. Неслучайно одна из первых протяженных железных дорог в России была построена от Красноводска к Ашхабаду. В XIX веке, когда процесс завоеваний пошел гигантскими скачками (Средняя Азия),

вставал вопрос: а где тот предел мира, который мы должны завоевать?»¹⁵⁴

Вот так и мы задаемся вопросом: а где тот предел, на котором могут остановиться историки в вопросах и оценках Кавказской войны? Очень возможно, что он обусловлен не только параметрами науки, но и гражданственностью и моральными качествами исследователя: честь и честность, совесть и справедливость, сострадание и стойкость. Не потому ли нам так часто и настойчиво подсказывают отказаться от моральных оценок, как только речь заходит о войнах на Кавказе в XVIII–XIX веках? Однако, дальше мы увидим, что рассматриваемая проблема еще шире и глубже, чем представляется на первый взгляд.

¹⁵⁴ Анисимов Е.В. Исторические корни имперского мышления в России / (Institute of Russian History, RAS). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: srch.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html

Часть II. УСТОЙЧИВАЯ ПАРАНОЯ – КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ИЗЛОЖЕНИИ КЛЫЧНИКОВЫХ И ВИНОГРАДОВЫХ

§ 1. Цели и средства зачинателей информационной войны. «Горские хищники», российская действительность, «Школа злословия» и «сахиб» Ю.Ю. Клычников

Введение в проблему. Мы начинаем данный раздел уместным цитированием одной из страниц работы ростовского автора А.Т. Урушадзе¹⁵⁵, которая познакомит нашего читателя с внешней, цивильной, стороной исследуемой нами проблемы (другая сторона, как будет показано позже, связана с публичным разжиганием вражды и ненависти между народами под видом высказывания «оригинальных» научных взглядов).

Читаем:

«После распада СССР на постсоветском пространстве начался процесс регионализации исторического знания, который в «содержательном отношении свелся к преимущественному изучению отдельных территорий и их народов». Особенно масштабно данный процесс протекал в полиэтничных регионах, таких, как юг России. Эпоха 1990-х гг. связана с обретением национальных историй народами Северного Кавказа, а также с формированием отдельного казачьего исторического нарратива. Обе научно-исследовательские практики, первоначально, развивались как составные части крупных просветительско-возрожденческих проектов. И, как следствие, почти неизбежно

¹⁵⁵ Урушадзе А.Т. Историки юга России: профессиональная жизнь в условиях разделенного научного сообщества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mkonf.iran.ru/Доклады/?id=43; Доклад подготовлен в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» – проект «История и политика на Северном Кавказе: проблемы и механизмы взаимодействия».

оказывались втянутыми в общественно-политические баталии. В дальнейшем образовавшиеся идеологические «линии разлома» оказались труднопреодолимы, и накал историографического противостояния продолжал нарастать.

В настоящее время историки юга России остаются разделенными на два больших лагеря – «государственников» и «националов». Историки-«государственники» выступают с державных позиций, в своих трудах всячески подчеркивают позитивную, созидательную роль российского государства в исторической судьбе региона. Организационным ядром этого лагеря уже давно (с начала 90-х гг.) выступает армавирская кавказоведческая школа профессора В.Б. Виноградова. Представители школы В.Б. Виноградова работают в вузах различных городов юга России: Ростов-на-Дону (В.А. Матвеев), Пятигорск (Ю.Ю. Клычников), Славянск-на-Кубани (Б.В. Виноградов), что позволяет говорить о региональном масштабе данной исследовательской группы. На страницах трудов В.Б. Виноградова и его многочисленных учеников региональная история зачастую предстает не только как объект профессионального исследования, но и в качестве ресурса патриотического воспитания в духе примата ценности «единого Отечества». Историки, входящие в школу В.Б. Виноградова, активно и последовательно критикуют ученых, выступающих с иных гражданских позиций. В свою очередь, школа В.Б. Виноградова подвергается не менее жесткой критике со стороны историков-«националов».

Отметим сразу, что указанные деятели «армавирской Школы» определяют в разряд «национальных историков» (с негативным оттенком) отнюдь не тех ученых, которые, якобы, «не любят Россию», а тех, кто не любит их (виноградовых и клычников) нервно-истерический дискурс, нездоровую активность в стремлении подмять под себя научный мир Юга России, тех, кто не считается с благотворным воздействием «армавирской школы» на исправление «кризисной ситуации, несущей в себе страшный заряд, губительный для архитектоники всего евразийского пространства» (!?). У оппонентов «Школы...» есть все основания полагать, что в тяжелой борьбе за преодоление этого «страшного заряда, губительного для всего евразийского про-

странства», адепты «армавирской школы» В.Б. Виноградова серьезно надорвали свои физические и умственные силы.

Мы хотим представить здесь несколько работ, которые открыто провозглашают войну (пока информационную) горским народам, причем с отказом от столько лет страстно и громко проповедуемой парадигмы «российскости» и «совместничества» (ведь это же предполагает, хотя бы с натяжкой, некие две взаимодействующие, с положительным знаком, стороны)¹⁵⁶. Указанная информационная (пока!) война выстраивается примерно на тех же принципах, что велась фашистскими пропагандистами в отношении русского народа в начальный период войны 1941–1945 гг., т.е. с «ветеринарным» уклоном.

Речь будет у нас идти, прежде всего, о деятельности давно и профессионально ксенофобствующих авторов: В.Б. Виноградов (отец), Б.В. Виноградов (сын) и Ю.Ю. Клычников. Три профессора, три доктора исторических наук, живущих и работающих на Северном Кавказе и, судя по всему, подхвативших друг от друга бациллу националистического бешенства.

Цели и средства зачинателей информационной войны. Угрожаемые факторы. Нескрываемая цель указанных деятелей заключена, ни много ни мало, в виртуально-информационной «ликвидации» горцев как объективного фактора в по-

¹⁵⁶ Долгое время идеологемы «российскости» и «совместничества» муссировались т.н. «Школой» псевдоакадемика В.Б. Виноградова как величайшее достижение мировой науки, выработанное в рамках Армавирского пединститута. Суть сводилась к тому, что горские народы являются не субъектом исторического процесса, а его объектом, «элементами» в процессе «интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей». Также считалось, что «все факты репрессивной политики русских властей в отношении «немирных обществ» (Северного Кавказа. – Д.А., Я.А.) почти не выходят за рамки фрагментарно отслеживаемых происшествий». Не было ни Кавказской войны, ни национально-освободительного движения с громадными жертвами, а была справедливая борьба интегрирующего «центра» против «набеговой экспансии» горцев Дагестана, Чечни и Черкесии с приведением их к имперскому порядку. См. наиболее яркие положения в следующих изданиях: В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008; В.Б. Виноградов, Е.Г. Люфт, Ю.Е. Чарькова. Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». – Москва–Армавир, 2009; Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы (Материалы 13-го научно-педагогического семинара). / Под ред. В.Б. Виноградова. Москва–Армавир, 2009; и др.

литическом и культурно-цивилизационном плане в масштабах нашей страны. Силы профессоров-ксенофобов заключены в воспитываемых ими сектантскими методами единомышленниках из числа студентов и сотрудников учебных заведений, в которых они заняты; формирование «виноградовцев» до последнего дня происходила в формате суггестивно внушаемой идеологии конфликта с горским миром в стенах т.н. «кавказоведческой Школы», имеющей все признаки секты. География действий – провинциальные вузы Армавира, Славянска-на-Кубани и Пятигорска с попытками выхода на большие научные сообщества Ростова-на-Дону, Ставрополя и Краснодара. В целом подобная негативная работа ведется практически официально и на государственные деньги.

Личные амбиции «руководителей» наглядны и заключены в достижении их личного и интеллектуального преобладания в научно-общественной сфере, создании «под них» механизмов руководства научными процессами и кадрами; естественно, предусматривается реализация на этой основе и личных меркантильных задач (все так было, буква в букву, в Чечено-Ингушетии 70–80-х гг. в процессе утверждения концепта «200-летия добровольного вхождения» под водительством В.Б. Виноградова).

Степень опасности антигуманистической идеологии и иезуитской практики виноградовщины заключена еще и в том, что усвоение их взглядов может легко настроить молодое поколение русского населения Северного Кавказа на межнациональные конфликты и даже толкнуть на противоправные акции. Можно предполагать, что подобная идеология, вложенная в сумму идеологии «народной войны против чеченцев», повлияла в свое время на настроения солдат и офицеров Ограниченной группы войск в Чечне в пользу совершения особо жестоких военных преступлений в отношении мирного гражданского населения. Чего мы ранее ожидали только от исламистских террористов-отморозков.

Вместе с тем, нельзя и излишне преувеличивать опасность виноградовщины как идеологии – в современном русском обществе, занятом в целом проблемой выживания одних и накоплением богатств другими, подобные суррогатные идеологии

мало кому интересны, хотя и порождают порой негативные коллизии. Но само их появление уже глубоко симптоматично: в здоровом демократическом обществе и подлинно правовом государстве подобные концепты и такие личности вряд ли были бы возможны. И другое – ведь кто-то сейчас оплачивает издание этой, по сути, ущербной, националистической литературы виноградовцев.

Более высока опасность подобных идеологических перверсий в другом: агрессивная идеология, рядящаяся в русские национально-«державные» флаги, может сформировать устойчивое отторжение горского общества от обозначаемой виноградовской группой якобы русской, а на деле антицивилизационной позиции прямо оскорбляющей их человеческое и национальное достоинство.

Здесь горские интеллектуалы и властные слои северокавказских республик никак не могут оставаться в стороне – ведь их стратегический курс направлен на крепкий, исторически обусловленный союз с Россией и русским народом. Понятие дружба, а тем более «дружба народов» никогда не было для горцев виртуальным понятием, оно всегда наполнялось конкретно-историческим смыслом и живым человеческим теплом.

«Так буйную вольность законы теснят...» Предметом рассмотрения в данной части нашей работы является, во-первых, сборник «исторических очерков» Ю.Ю. Клычников и А.А. Цыбульниковой, озаглавленный с использованием пушкинских строк: «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе» (Пятигорск, 2011)¹⁵⁷ и, во-вторых, совместной работы Б.В. Виноградова, В.Б. Виноградова, Ю.Ю. Клычникова «Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века» (Славянск-на-Кубани, 2012. – 224 с.).

Необходимо предупредить нашего читателя, что мы практически исключаем из поля внимания при рассмотрении пер-

¹⁵⁷ Она уже удостоилась развернутой критической статьи, помещенной в СМИ и в ряде сайтов Интернета: «Сахиб» Ю. Ю. Клычников, «редактор» Б. В. Виноградов, народы Северного Кавказа или Кто у нас хищники-рабовладельцы? // «Вести республики». Грозный, 18, 20, 24, 25, 31 января 2012.

вой работы «очерки» собственно А.А. Цыбулькиной, которые посвящены вопросам «пленопродавства» на Северо-Западном Кавказе женщин (как русских, так и кавказских), в виду отсутствия (на этот раз) заметной националистической риторики¹⁵⁸. При всей методологической ущербности разделов Цыбулькиной (там нет даже намека на сравнительно-сопоставительный анализ, и «тружениками» грязного ремесла в регионе почему-то выступают исключительно горцы), автор вводит в научный оборот оригинальные архивные документы.

Другое дело – Ю.Ю. Клычников, его материалы в «очерках» представляют собой смесь некритически воспринятых фактов прошлого, элементов националистической идеологии и фанатерии в тяжелой форме, включая даже синдром «бремя белого»¹⁵⁹. Притом, что природа отпустила этому человеку толику способностей к историческому познанию, потраченных, к сожалению, втуне.

Как известно, на ниве возвращения звериной ненависти к горским народам и циничного извращения их исторического прошлого в последние десятилетия вырос целый легион мастеров «грязных дел». Но подобные профессиональные провокаторы обходятся без научных грифов и публикуются, чаще всего, в специфически окрашенных сайтах Интернета.

¹⁵⁸ Указанная риторика беззастенчиво звучит, например, в выступлении А.А. Цыбулькиной «О старых проблемах с новых позиций» // Дискуссионные аспекты российско-северокавказской интеграции (о монографии В.Г. Шнайдера). Материалы преподавательско-аспирантского семинара. Вып. 8. Армавир, 2005. С. 31–35.

¹⁵⁹ Отметим, что в критическом внимании нуждаются и другие труды того же Ю.Ю. Клычникова. Сравните, к примеру, содержание: Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Эссенцуки, 1999, и: Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827). Нальчик, 2003; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) Пятигорск, 2002, и: Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века). Грозный, 2009.

Много вопросов и к таким откровенно «конфликтным» произведениям «маститого историка», как: Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006. (соавтор С.И. Линец); Из истории формирования российского Северного Кавказа. Пятигорск, 2008; и др.

Что означает гриф Министерства образования и науки РФ в антинаучных изданиях? В нашем случае вся необычность ситуации заключена еще и в том, что книга Ю.Ю. Клычникова и А.А. Цыбулькиной украшена грифом Министерства образования и науки РФ и трех (!) высших государственных учебных заведений Краснодарского края. Основным автор является доктором исторических наук, профессором Пятигорского государственного лингвистического университета. Научным редактором отчетливо вызывающего издания назван также доктор исторических наук, профессор Б.В. Виноградов. Небезынтересно, и то обстоятельство, что книга ярко антигуманистической и антинаучной направленности, возвращающая нас к враждебной риторике времен кровавой Кавказской войны, издана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №10-01-38101а/ю).

По «факту» мы имеем дело с сочинением, настойчиво рекомендованным для «просвещения» молодого русского поколения в вузах Кубани в духе войны «русских» против «горцев», воспитания предубеждения и ненависти русскоязычного населения региона к своим горским соседям, формированию расистского комплекса «белого человека» и алармистско-военственных настроений в российском обществе в целом. Все это требует своего противодействия, ибо подобные псевдоисторические «экзерсисы» объективно служат катализатором настроений, направленных на отторжение национальных регионов от России.

Такой подход вдвойне опасен для собственно горских народов Кавказа, вопреки всем колониальным издержкам прошлого нашедшим свое место в многонациональном русском государстве и жертвующим сегодня кровью своих сограждан в необъявленной войне против террористически-сепаратистского интернационала.

Главные тезисы «редактора» Б.В. Виноградова. Кто такие «хищники»? Вследствие того, что мало кто-либо из наших читателей за пределами Кубани и Ставрополя имеет возможность ознакомиться с малотиражной работой Ю.Ю. Клычникова, мы вынуждены приводить здесь порой самые характерные

тезисы. Это поможет нам также избежать обвинения, что наши суждения предваряют анализ текста. Хотя такой «научный» текст, как упомянутый, не требует академически выстроенной рецензии, он говорит сам за себя.

Из первых же строк «Предисловия научного редактора» Б.В. Виноградова, печально известного своими словоупражнениями о «набеговой экспансии» горских народов¹⁶⁰, становится ясным, что за откровения ждут нас в рассматриваемой книге. Так, читаем: «Догматы о колониальной политике России и справедливой борьбе против нее горцев чрезвычайно надолго задержались в советском кавказоведении». Предполагается тем самым, что и первое, и второе неверно: политика Российской империи в регионе не была колониальной, а борьба горцев с ней – справедливой. Убогие словесные построения о набеговой традиции, сиречь экспансии грабителей-горцев, опубликованные в столь же жалких по своей содержательности опусах М.М. Блиева, что рассматривалось нами в первой части своей работы, объявляются большим научным открытием¹⁶¹.

А вот «силами» «национальных историков» как оказывается, введена некая «конструкция», согласно которой горцы посредством набегов боролись с российской колониальной экспансией, а набегии являлись формой партизанской борьбы против «завоевания». И далее: «При этом горские традиционные «доблести» (так! – Я.А., Д.А.), ...как набегии и работорговля, либо не рассматриваются (оними национальными историками. – Я.А., Д.А.) в качестве хронического дестабилизирующего фактора, либо... подаются в выгодном свете». Ав-

¹⁶⁰ См.: Виноградов Б.В. Горские набегии в контексте российско-кавказских взаимоотношений периода правления Павла I // Вопросы северокавказской истории. Вып. 1. Армавир, 1996; Его же: Азово-Моздокская Линия как эпохально мотивированная форма защиты российских границ и интересов на Северном Кавказе // Азово-Моздокская Линия на рубеже XVIII–XIX вв. Материалы региональной научно-практической конференции. – Пятигорск, 2003; Его же: Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. – Славянск-на-Кубани, 2005; Его же: Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. – Славянск-на-Кубани, 2009; и др.

¹⁶¹ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе». Пятигорск, 2011. С. 5–6.

тор предисловия далее утверждает, что надуманная подобными ему дилетантами от науки «набеговая традиция» отнюдь «не вписывается в конструкцию о героической правоте горцев в борьбе с «российским завоеванием». И добавляет: «Если набеговая активность была проявлением горского традиционного уклада, это не означало, что российские власти обязаны были, вопреки интересам безопасности, мириться с подобным положением вещей, уважать и поощрять «подобные атрибуты местной вольности»¹⁶². В националистическом угаре грезится, так сказать, «Великая Кавказская Отечественная война...»!

Между тем, частые набеговые экспедиции царских генералов в горские земли по своим масштабам и кровавым последствиям (что тщательно зафиксировано в тех же российских документах) превосходили в десятки и сотни раз разрозненные партизанские действия горцев. Тем не менее, термин «хищники» остается фальсификаторским информационным приемом в русских официальных документах эпохи Кавказской войны надолго¹⁶³. Привычка к терминам так въедается, что горцы остаются «хищниками» даже в том случае, когда они пытаются отбить угоняемые у них карателями собственные стада и защитить свои жилища: «...за аулом Алда, ...кавалерия... отбила до двух тысяч штук разного скота, неоднократно ходив успешно в атаку на хищников, которые покушались отбить завоеванную у них добычу (подчеркнуто нами. – Д.А., Я.А.)»¹⁶⁴.

В силу своих, весьма своеобразных для нашего времени, воззрений, Б.В. Виноградов в редактируемых очерках узрел, что «на документальной основе объемно и рельефно показано, как горские набеговые доблести ...осложняли складывание российского Северного Кавказа, приносили несчастье простым людям, а не «царизму» ...». При этом делается феноменальный по уровню своей предвзятости вывод в отношении современных горских народов: «Ведь в совсем недавнем прошлом набе-

¹⁶² Там же. С. 6–8.

¹⁶³ Согласно В. Далю, «хищническое, хищник» – это грабитель, несправедливый стяжатель, склонный к присвоению себе чужого, тать, вор, грабитель; «Хищничий, к ним относящ. Хищничать, промышлять хищничеством» и т.д.

¹⁶⁴ Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М.: 2003. С. 488.

говая традиция и практика работорговли нашли свое воплощение на Северном Кавказе в новых условиях и на новом уровне. Быть может, истязание людей в зинданах предприимчивых сепаратистов кто-то тоже захочет назвать проявлением освободительной партизанской борьбы? Имеем ли мы право допускать подобное? Ведь вседозволенность, как правило, начинается со слов – устных или письменных»¹⁶⁵.

Кто виноват в воспитании межнациональной ненависти? Таким образом, «виновные» названы, «взвешены» и осуждены. Горским народам с вмененной им исторической виной, конечно, не место на «российском Северном Кавказе». Тем более «зинданы», «практика работорговли» и «набеговая традиция», возродившиеся сегодня на новом уровне... Однако, есть весьма серьезные противоречащие обстоятельства – фактами называются! Упрямые факты, мешающие согласиться с жуткой картиной, нарисованной воображением Б.В. Виноградова. Достаточно посмотреть перечень разнообразных преступлений части «федералов» против мирного гражданского населения в той же Чечне и на Северном Кавказе в ходе двух «чеченских» войн¹⁶⁶. Но мы сейчас говорим не об этом (там, как-никак, какой-то фон действиям бандитов в форме создавали бандиты без формы – сепаратисты). Мы говорим о собственно русских субъектах РФ, где имеем такие яркие примеры: несколько миллионов гастарбайтеров, обращенных в прямое рабство в городах и весях России, массовое вовлечение в сексуальное рабство российских женщин, наличие многотысячной профессиональной армии славянской преступности. Согласно российским СМИ, новых русских рабовладельцев и мафиози, «смотрящих» над властью, бизнесом и народом, мы можем воочию наблюдать и во всех городах и станицах Краснодарского и Ставропольского краев. Тем более, что феномен станицы Кущевской здесь, скорее, не исключение, а правило.

¹⁶⁵ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 8–9.

¹⁶⁶ Дмитриевский С.М., Гварели Б.И., Чельшева О.А. Международный трибунал для Чечни: правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике / Под ред. С.М. Дмитриевского. Нижний Новгород, 2009.

Кто будет спорить с тем обстоятельством, что «славную» традицию торговли людьми на Северном Кавказе возобновили, начиная с 1995 г. именно представители федеральных вооруженных сил и спецслужб¹⁶⁷? И их противники-сепаратисты, как слабые подражатели, только подхватили эту моду. Не говорим уже о прямом людокрадстве – похищении мирных российских граждан на Северном Кавказе по откровенно преступным мотивам. С 1995 и в 2000-х гг. неустановленные лица в военной форме, передвигающиеся на БТРах и «спецтранспорте двойного назначения» похитили (скорее, всего убили) в регионе до 7 тыс. граждан России (в их число не входят убийства в ходе внесудебных расправ над боевиками и их пособниками). По факту похищения мирных граждан, ставших жертвами «эскадронов смерти», соответствующими российскими органами давно были заведены уголовные дела¹⁶⁸.

Надо полагать, что ненависть к представителям горских народов в головах подобных убийц и людокрадов в форме вначале должна была сформироваться в головах. Кто этим занимал-

¹⁶⁷ Вот любопытное свидетельство из ичкерийского лагеря: «Жёсткая идеологическая установка Москвы, о том, что на территории Чечни проводятся «точечные» операции «по разоружению бандформирований», а не фактически полномасштабная война, и нежелание признавать за чеченцами статуса комбатантов, заведомо сводила на нет возможность цивилизованного решения вопроса обмена пленных, в большом количестве находившихся в руках обеих воюющих сторон. Именно отказ российского руководства от официального решения данной проблемы с чеченским правительством и создал тот вакуум, в котором расцвела индустрия заложничества». – Ильяс Ахмадов: «Воевать вечно – невозможно» // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – kavkaz-uzel.ru/articles/182172/

¹⁶⁸ См.: Деятельность Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике в 2008 году. Грозный, 2009; Доклад российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в период 2006 – 2012 годы. М., Октябрь 2012. – 116 с.; «Мукомолов: в списке пропавших без вести на Северном Кавказе числятся 7570 человек» // Кавказский узел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kavkaz-uzel.ru/articles/231102/; и мн. др.

С другой стороны, необходимо отметить, что в период господства ичкерийского режима в 1996–1999 г. боевиками-людокрадами с целью выкупа было похищено в Чечне до 3 тыс. человек и несколько сот в соседних регионах. Подавляющая их часть была освобождена благодаря действиям российской армии и спецслужб, разгромивших базы ваххабитов-людокрадов.

ся? В каких «школах» учили их ненависти и пренебрежению к представителям нерусских народов, хотя и являющихся равноправными гражданами Российской Федерации? Ведь вседозволенность начинается со слов – устных или письменных!

Рабство «у них» и «у нас». Еще более достойно сожаления, что именно России принадлежит сегодня одно из главенствующих мест на мировом рынке работорговли. Причем отловом «живого товара» и его реализацией занимаются в нашем государстве, по данным МВД РФ, главным образом, т.н. славянские организованные преступные группировки. При этом преступный мир России играет универсальную роль, выполняя функции «транзита», «поставщика» и «получателя рабов» одновременно. Следует учесть, что подавляющая доля рабов, поставляемых российскими ОПГ в Европу, США и страны Ближнего Востока, составляют женщины и дети. Елена Мизулина, депутат Государственной Думы, в свое время писала, что Россия занимает первое место в мире по торговле рабынями для сексуальных услуг, как россиянками (главным образом, из центральных областей РФ), так и гражданками СНГ по происхождению¹⁶⁹.

Все это являлось отражением того непреложного факта в жизни нашего общества, что громадная общенародная собственность России была без особой маскировки разворована различным жульем, а инвариантом советского общества и государства стала воровская малина с понятиями и без оных. И сегодня, утверждают некоторые политологи, господствует в стране корпоративная модель, пытающаяся подменить собственно государство¹⁷⁰.

На фоне вышеуказанных поистине убийственных фактов странные псевдонаучные «сопоставления» и адресные экивоки Б.В. Виноградова на «прошлое и настоящее» горцев Северного Кавказа не могут не вызвать закономерных сомнений в наличии в их выступлениях признаков научного мышления.

Набеговая экспансия, или кто там у нас «хищники-рабовладельцы». Начнем, наконец, рассмотрение текста книги с очерка Ю.Ю. Клычникова «Хищничество» и пленопродавство

¹⁶⁹ См.: Мизулина Елена. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М.: Юристъ. 2006; и др.

¹⁷⁰ Кантор Максим. Хроника стрижки овец. М., 2014. С. 66–69, 137, 182 и др.

на Северном Кавказе». Автор, отнюдь не являющийся специалистом по земледелию, скотоводству и ремеслам Дагестана, Чечни и Черкесии в XVIII–XIX вв., тем не менее делает жесткий вывод, резко противоречащий собственно исторической истине как таковой, так и целому корпусу исторических документов: «Отсутствие необходимых для развития любого общества излишков продуктов труда приводило к тому, что их искали в набегах или наездничестве, выступающих в качестве компенсирующего экономического фактора». И далее: «чеченцы... перешли... от эпизодических набегов к широкомасштабной, систематической экспансии на своих соседей»¹⁷¹.

В качестве доказательства приведенным выше благоглупостям приводятся бородатые исторические анекдоты, имеющие распространение на всех земных широтах: «На призыв прекратить нападения, горцы отвечали: «А что же станет с нами, когда перестанем хищничать? Мы сделаемся из воинов пастухами». «Виновна», оказывается, и разделяемая горцами исламская религия: «Как писал барон Сталь: «Воровство приняло религиозный характер. Хищничество и набеги в наши пределы считаются делом душеспасительным... (единственно плохо, что наука не знает такого авторитетного специалиста в погонах по исламу. – Д.А., Я.А.)». Если же российские власти в ходе завоевания Кавказа применяли «традицию набегов с целью захвата добычи у горцев – т.н. «баранты», то, согласно автору, только исключительно с целью «возместить экономический ущерб, понесенный от их «хищничеств»¹⁷². Видимо, потому царь Александр I указывал своим генералам на Кавказе: **«Если свойственно горским народам покушаться на всякие хищничества, то с другой стороны, по сведениям, довольно достоверным, нельзя оправдать, кажется, поступков с ними разных чиновников или жителей наших, позволяющих себе нередко отгонять их скот и делать им и другие притеснения, отвлекавшие их от нас и истреблявшие всякую доверенность (выделено нами. – Д.А., Я.А.)».**¹⁷³

¹⁷¹ Клычников Ю.Ю. Цыбульников А.А. Указ. соч. С. 8–9, 13.

¹⁷² Там же. С. 14, 17, 19.

¹⁷³ Блиев М.М. Социально-политическая основа тагаурских движений начала XIX века // Известия Северо-Осетинского НИИИ. Т. 19. Орджоникидзе, 1957. С.6.

В принципе, мы не отрицаем формирование в ходе истории человечества тех или иных сообществ, живущих войной: в истории нашей страны казаки Запорожской Сечи, Войска Донского и Терско-Гребенского войска, по крайней мере в XVI–XVII вв., практически не занимались производящим хозяйством, а жили войной, грабежами, пиратством, рыболовством и охотой. Здесь «набеговая система» опиралась на «мужские братства» и «войсковую общину» с запретом, к примеру, на такие хозяйственные занятия, как хлебопашество. Да и для характеристики русского общества XVII–XVIII вв. в целом никак не обойтись без использования терминов «разбой», «разбойничество», «разбойник».

Причем и в неказачьих районах России распространялись сугубо разбойные нравы и криминальная мораль, порой чудовищных для христианской страны масштабов. Разбойничество, как образ жизни, приобретало организованный характер: так, пойманные в начале 1699 г. лихие люди утверждали, что они «ездили на разбой по 30–40 человек с луками, пищалями, копьями и бердышами, а пристанища они находили у посадских людей в разных слободах». Любопытно, что: «Воровские банды (в XVIII в. – Д.А., Я.А.) организовывались по традиционному для российской экономики артельному принципу, в основании которого лежала круговая порука. Постепенно у них стала формироваться иерархия и вырабатываться собственные этические и моральные нормы... В XIX век российский преступный мир вошел сплоченным и окрепшим, ...».

Еще при правлении императора Павла I конце XVIII – начале XIX в. беглые крепостные, объединяясь в вооруженные отряды по несколько десятков человек, грабили на дорогах и речных путях по Волге, Оке, Дону и Днепру, захватывали и сжигали помещичьи усадьбы¹⁷⁴.

¹⁷⁴ См.: Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. Кн. V. Т. 9. М., 1990. С. 308–310; Записки князя Петра Долгорукова / пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой. СПб., 2007. С. 320–321; В.Г., Шманева Л.В. Быт и нравы царской России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.e-reading.ws/...php/.../Anishkin-Byt_i_nravu-carskoj-Rossii.ht; Простаков Сергей. Преступность, которую мы не потеряли // Русская планета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/society/prestupnost-kotoruyu-myi-ne-poteryali-14623.html>

Для древних земледельческих народов Северного Кавказа их национальные ополчения выполняли в целом оборонительные функции, а не завоевательные. Собственно военные набеги горцев до складывания Имамата (когда происходили организованные, масштабные военные действия), которые совершались вовне, являлись для горцев формой войны, средством принуждения противной стороны к выполнению нарушенных условий или принуждения к миру, в конечном счете и реализацией божественного права народов на защиту достояния, жизни и чести в борьбе против сильнейшего врага. Что же касается феодальных малых и больших войн и набегов (инспирированных зачастую великими соседями) и чисто уголовной практики, к примеру, бандитизм и грабежи, то такая практика не являлась исключением для горских обществ. Однако в рассматриваемый период в целом она была не выше аналогичной ситуации с криминалом в Московской, Санкт-Петербургской или любой другой русской губернии того времени.

Вот, к примеру, самый центр тишайшей русской глубинки: «Разбойничество представляло серьезную проблему на Волге... Особенно это касалось участка между Тверью и Нижним Новгородом. Речные разбойники часто нападали на казенные и частные суда, не оставляя своим вниманием и такие крупные города, как Ярославль, Тверь и др. Это серьезно беспокоило местные губернские власти... На рубеже XVIII–XIX веков костромской губернатор М. И. Кочетов организовал рейд лейтенанта Сорохтина с командой из 17 человек на вооруженном «одною пушкою и четырьмя фузеями горткоуте...» Одним из объектов нападений разбойников являлись не только города, корабли но монастыри и церкви. Некоторые отдаленные монастыри власти были вынуждены закрыть, и заброшенные здания превратились в разбойничьи притоны¹⁷⁵. Такие примеры можно множить.

Когда начинаешь ближе знакомиться с разбойной укладностью и стадиальностью того же русского народа, понимаешь, что речь идет о серьезном и малоизученном явлении, а не о

¹⁷⁵ Дутов Н.В. Волга и ушкуйники. Колыбель речного разбоя. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gvw.rggu.narod.ru/section/arhiv/SBORNIK/sbornik2008/GVW2008.pdf>;

каких-то отдельных примерах. Так, на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. речное судоходство и население Волжского пути страдало от организованных разбоев в таких масштабах, что начиная с 1717 г. правительство стало учреждать постоянные казачьи «волгские» станицы и ставить воинские команды по берегам великой реки. В течение 30 лет число станиц, не считая действующих крепостей (начиная с крупнейшей в Астрахани), дошло до 10. Это было куда больше, чем на «немирном» Северном Кавказе.

Вот боевые будни на реке Оке (приток Волги): в 1756 г. здесь крейсировала на двух речных судах команда разбойников в 90 человек. Русский воинский отряд ввязался в бой с хищниками и отступил, потеряв 27 солдат убитыми и утонувшими и 5 человек ранеными. В 1797 г. правительство было вынуждено приступить уже к строительству целой флотилии из 9 гребных речных судов (гардкоуты), оснащенных пушками и фальконе-тами для охраны торговых путей по Волге и ее притокам от Астрахани в центр России и в районе Казани. К 1829 г. число гардкоутных судов достигло 28, которые обслуживал специальный Гардкоутный экипаж Главного управления путей сообщения. Разбойничество пошло на убыль только к 50-м гг. XIX в.¹⁷⁶.

«Пленоправство», «рабовладение» и «сахиб» Ю.Ю. Клычников. Весьма оригинальные, если не сказать извращенные, представления присущи Ю.Ю. Клычникову относительно «пленопродавства» и «рабовладения» у горских народов в XVIII–XIX вв. Которые, оказывается, «свои трагические рецидивы имеют поныне... Как только фундамент российской государственности дал трещину, это явление вновь напомнило о себе» (С. 20–21). Выше мы уже говорили об эскападах Б.В. Виноградова по поводу рабства и «пленопродавства». Согласимся, что на фоне «мировых достижений» нашей страны в области указанных «рецидивов» (которые только-только начинают уходить в прошлое), утверждения Ю.Ю. Клычникова неизбежно вызывают в его адрес вопросы медицинского свойства. Тем более, что именно чеченцы первыми на территории Российской Федерации в 1993 г. с оружием в руках организованно поднялись на

¹⁷⁶ Черников И.И. Энциклопедия речного флота. М., 2004. С.66–67.

борьбу с диктатом криминального режима, в данном случае в лице генерала Дудаева, и до ввода российских войск в декабре 1994 г. успели отбить 11 карательных экспедиций сепаратистов на города и села Чечни¹⁷⁷.

Согласно утверждениям цитируемого автора, царская Россия вела на Северном Кавказе решительную борьбу с работорговлей (вопреки даже желанию жертв этой практики), дабы «изменить менталитет горцев и их взгляд на подобные вещи». Далее следует расистская реплика автора, заимствованная из произведения хорошего писателя, но патентованного барда колониализма Р. Киплинга: «Неси это гордое бремя – / Ты будешь вознагражден / Придирами командиров / И криками диких племен: / Чего ты хочешь, проклятый, / Зачем смущаешь умы? / Не выводи нас к свету / из милой Египетской Тьмы!»¹⁷⁸. Ю.Ю. Клычников – сахиб, однако!

Кстати, вариант перевода стихотворения Р. Киплинга, использованный носителем «бремени белого» человека Ю.Ю. Клычниковым, имеет такой многозначительный зачин:

«Неси это гордое бремя:
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых,
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей».

Согласимся на время рассмотреть ситуацию на Северном Кавказе, как населенном «мятущихся дикарями», через своеобразную призму, предлагаемую нашим автором – новоявленным сахибом. При этом выясняется, что, к примеру, для Чечни, это «бремя белых» было реализовано, и только в 1817–1859 гг. в военных и санитарных потерях, равных не менее 150–200 тыс. человек (половина населения). Еще несколько десятков тысяч чеченцев изгоняются навсегда в Османскую империю во

¹⁷⁷ См. материалы: Временный Совет Чеченской Республики. Документы и материалы. Знаменское, 1994; Чеченский излом: преступления дудаевского режима против чеченского народа. Грозный, 1995; и др.

¹⁷⁸ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 28–29.

второй половине XIX в. Если прибавить к этим потери и демографические, то эта цифра возрастет вдвое¹⁷⁹.

В Черкесии ситуация была еще хуже: в результате реализации комплекса колониальных задач, по разным подсчетам, из 500 до 800 тыс. человек населения некогда цветущего края большинство адыгов были либо убиты, либо доведены до преждевременной смерти, либо изгнаны. В родном краю осталось не более 60 тыс. адыгов (черкесов и кабардинцев)¹⁸⁰.

Северокавказская «повседневность», набеги и грабежи. Их «пятигорско-армавирские» и научно-исторические оценки. Следующий острый приступ ксенофобии настигает Ю.Ю. Клычников в очерке «Хищничество в северокавказской повседневности первой половины XIX века (по материалам ГАСК)»¹⁸¹. Термин «хищничество» более в кавычки, как ранее, уже не берется, «горцы» теперь всего лишь синоним определения «хищники», а борьба народа с отягчавшими его действиями рабовладельцев в погонах в форме набегов расценивается как основной фактор эскалации конфликта между «имперской властью и туземным населением (!)»¹⁸².

Поражают в тексте доктора исторических наук и профессора развязные фразочки, неприязненные выпады в адрес горцев как таковых – «хищники», «борцы за свободу и независимость» (слова насмешливо взяты в кавычки) и т.д. Даже в случае криминального «хищничества» неким горским отрядом с прямым соучастием русских чиновников, включая приставов и судей и местных российских подданных ногайцев (в отношении торговых обозов в Ставрополе), дело списывается автором в духе «армавирских» оценок на «специфические северокавказские условия», когда, как морализирует автор, «в тугой узел завязы-

¹⁷⁹ История Чечни с древнейших времен до наших дней. В четырех томах. Т. III. Грозный, 2013. С. 289–290.

¹⁸⁰ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е г. XIX в.): Сборник архивных документов / сост. Проф. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001; и др.

¹⁸¹ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 164–177.

¹⁸² Отметим, что в официальных документах времен Кавказской войны термин «хищники» в отношении горцев обязательный. Даже в том случае, если горцы пытаются отбить у грабителей в погонах свое же собственное имущество.

валась традиционная набеговая практика и чиновничий произвол, легко находивший общий язык с местными хищниками»¹⁸³.

Заканчивается очерк авторским предупреждением, что данные происшествия «никак нельзя «представлять...» как проявления «народно-освободительной войны» с царским режимом...» Возможно, имелась в виду работа Ш.А. Гапурова (с соавторами)¹⁸⁴, на которую критически ссылается не только Ю.Ю. Клычников, но и редактор книги Б.В. Виноградов¹⁸⁵. Между тем, мы читаем у Ш.А. Гапурова следующее: «Горцы же защищали свою землю, свою свободу, свою культуру, свой образ жизни. ... Защищали, как умели, как могли, как они привыкли это делать в течение многих веков. А это – партизанские (набеговые) формы борьбы». И далее: «Наконец, надо отметить и тот факт, что вплоть до образования имамата Шамиля и действия российских войск, не говоря уже о действиях казаков, осуществлялись, в большинстве своем, в форме набегов... карательных и превентивных»¹⁸⁶.

Так, некий казачий есаул Чернов, отъявленный «мошенник», по определению самого А.П. Ермолова, им же был назначен российским приставом (правителем) над терскими чеченцами. Этот, с позволения сказать, типичный представитель русской власти занимался в густонаселенном районе масштабной контрабандой, бесстыдным вымогательством, чудовищными пытками и, хуже того, тайно водил отряды «немирных чеченцев» в набеги на русские селения, а с русскими отрядами явно грабил мирные чеченские аулы¹⁸⁷.

Кстати, к такому же выводу, что и Ш.А. Гапуров, как до, так и после него, пришли десятки исследователей. И не только на Северном Кавказе, но и в Москве, Лондоне, Тель-Авиве, Берлине и в Санкт-Петербурге. Но на «других» оппонентов клыч-

¹⁸³ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 168, 171–172.

¹⁸⁴ Речь идет о коллективной монографии: Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик, 2008.

¹⁸⁵ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 5, 162, 164, 177.

¹⁸⁶ Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б., Израйлов А.М. Указ. соч. С. 13–15.

¹⁸⁷ Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в период «проконсульства» А.П. Ермолова (1816–1827). Нальчик, 2003. С. 80–81; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX вв. М., 2005. С. 100.

никовы и виноградовы почему-то не ссылаются. Как и на то обстоятельство, что ни один народ на земле не освобожден от священной обязанности своей защиты, тем более во имя собственного самосохранения.

О содержательных сторонах этих терминов – «набеги» и «грабежи», а также о типологии политики Российской империи на Кавказе, можно говорить бесконечно. Но в рамках научной дискуссии, а не в духе грязной националистической риторики. Сейчас мы ограничиваемся указанием на то, что в общественно-политической жизни горских народов наличествовала и справедливая борьба в форме набегов, и криминальная практика, когда воры и грабители грабили и «своих», и «чужих». Между такими действиями пролегла четкая дистанция, обозначенная в обычном праве и культуре горцев. Так, выделялись своими криминальными ухватками горские князья Кабарды, считавшиеся, тем не менее, царскими властями, образно говоря, «социально близкими». С такими князьями вело жесткую борьбу в форме тех же «набегов» крестьянство Чечни, Ингушетии и Осетии, да и самой Кабарды.

Ю.Ю. Клычников, горское «культурное воздействие» и русское крепостничество. Судя по всему, Ю.Ю. Клычников серьезно болен темой «хищничества». Содержание двух последних очерков книги не влезает ни в какие этические, а уж тем более, научные рамки. Как описывает автор, в августе 1849 г. на трупку театра г. Пятигорска в дороге напала вооруженная партия молодых русских людей и казаков во главе с офицером Кузьминским и потребовала «выдачи девицы Гончаровой, ...». Причем все нападавшие были «одеты в азиатские костюмы», чтобы «представить нападение как горский набег». Далее Ю.Ю. Клычников приводит другой пример, когда в 1832 г. начальник штаба Кавказского корпуса генерал Панкратьев, оказавшийся на отдыхе в Пятигорске, неоднократно пытался убить (вплоть до отравления ядом) или похитить силами казаков помещика Терпигорева, чтобы овладеть его законной женой. В общем-то типичное «дикое барство», известное по литературе и свойственное военно-крепостническому сословию империи того времени, подумает неискушенный читатель. А вот по Клычкову оказывается, что «очарование дикой вольности» Кавказа

было таково, что российская публика «допускала поступки, которые в обычной жизни, наверно, даже не пришли бы ей в голову» (!?). Увы, сожалеет наш автор, культурное воздействие Кавказа на русское общество «не всегда было полезным...»¹⁸⁸.

В связи с этим невольно вспоминаются сотни и тысячи «происшествий» из жизни дикого русского барства времен крепостничества с набегами друг на друга, гаремами и отвратительным насилием. «В 1754 году орловские помещики-братья Львовы, поссорившись со своим соседом – поручиком Сафоновым, отправились на него в поход. Вместе с дворовыми и крепостными людьми, а также крестьянами присоединившихся к походу родственников армия Львовых насчитывала более 600 человек. Кавалерию составляли сами помещики вместе со своими денщиками, приказчиками и наиболее приближенными из дворовых. Крестьяне шли пешими. Перед походом два священника отслужили молебен, а предводители произнесли вдохновительную речь, причем призывали своих ратников «друг друга не выдавать, а врага не жалеть». В последовавшем жестоком бою было убито и ранено более 50 человек. В следующем году помещица Побединская с отрядом крестьян напала вооруженной рукой на двух соседних помещиков, которые оба пали в неравном бою. Крестьяне князей Долгоруких и Несвицких отправлялись на работу на спорные участки, вооруженные и с предосторожностями «как на враждебную пограничную полосу»¹⁸⁹.

Ознакомимся и с другим сюжетом, связанным с именем просвещенного князя Гагарина: «В его доме находятся две цыганки и семь девок; последних он растлил без их согласия, и живет с ними; первые обязаны были учить девок пляске и песням. При посещении гостей они составляют хор и забавляют присутствующих. Обходится с девками князь Гагарин так же жестоко, как и с другими, часто наказывает их арапником...» Примечательно, что дворяне уезда, соседи-помещики Гагарина, отзывались о нем в высшей степени положительно... князь не только что «в поступках, противных дворянской чести не

¹⁸⁸ Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А. Указ. соч. С. 219, 226, 228.

¹⁸⁹ Тарасов Б. Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011. С. 112–114.

замечен», но, более того, ведет жизнь и управляет имением «сообразно прочим благородным дворянам!» Последнее утверждение, в сущности, было абсолютно справедливо»¹⁹⁰.

Даже самый европеизированный российский город XVIII – первой половины XIX в. – Санкт-Петербург – «представлял собою тип античного невольничьего города, перенесенного в XIX век»¹⁹¹. Первое прикосновение к теме крепостного рабства в России указанного периода может шокировать любого читателя – эта правда настолько неправдоподобна, что даже в советской историографии была окружена молчанием и считалась по разным соображениям слишком неудобной. Крепостное право представляло собой, особенно в обыденной жизни, столь безнравственную и отвратительную грязь, что, как писал современник, «нельзя было о ней подумать без невольного ужаса и негодования».¹⁹²

Каннибал и генерал Г.Х. Засс как «вдохновенный представитель России». В следующем очерке «Сострада к несчастным пленным...» из опыта освобождения невольников на Северном Кавказе» Ю.Ю. Клычников искренне печалится и сострадает командующему Правым флангом Кавказской линии, генералу Г.Х. Зассу (так сказать, «Кавказскому Мюрату»¹⁹³) пойманному за руку на работорговле пленными горянками. Оказалось, что в 1841 г. с левого фланга Кавказской линии для размена и выкупа российских подданных из черкесского плена были присланы 60 пленных женщин-тавлинок (дагестанки), часть которых по прямому поручению генерала были проданы армянскими торговцами в рабство тут же, на российской стороне. Деньги, понятно, были поделены. А русские люди так и остались в нелегком горском плену.

¹⁹⁰ Там же. С. 157.

¹⁹¹ Яцевич А. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л., 1933. С.

¹⁹² Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск. 1988. С.390; См. также: Mrsalutasi. Россия, которую мы потеряли // Журнал «Деньги». №25 (832) 27.06.2011. (См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nnn.ru/blogs/Mrsalutari/2011/06/).

¹⁹³ Клычников Ю.Ю., Плуталов С.А. «Кавказский Мюрат» (к портрету генерала Г.Х. Засса) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы IX краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Под редакцией В.Б. Виноградова и И.И. Марченко. Армавир – Краснодар. 2001.

За генералом Г.Х. Зассом числится немало чудовищных преступлений против человечности, которые не имеют прощения. Однако представитель армавирской параистории лжеакадемик В.Б. Виноградов (отец «редактора» Б.В. Виноградова) характеризует генерала в одном из своихopusов как «вдохновенного и преданного охранителя» России. Таковым же считают его названные выше историк О.В. Матвеев и пропагандист А. Епифанцев. Если верить клычниковым, виноградовым и епифанцевым, барон всего лишь «жертва обстоятельств»: он, якобы, жил по принципу: «С волками жить – по-волчьи выть...». Генерал принадлежал, оказывается, к тем заслуженным военачальникам, «которые слишком адаптировались к местным реалиям, восприняв их отвратительные стороны».

Дабы не возвращаться более к этой одиозной личности, заметим, что А.Х. Засс не просто занимался отрезанием голов убитых в бою черкесов и выставлением их на шестах вокруг своей резиденции. «Кавказский Мюрат» держал ящики с головами в своей спальне, упиваясь запахом мертвечины, лично вываривал на кухне черепа и торговал ими, сдавая по «червонцу» для Академии наук. Кстати, следовал примеру другого любителя черепов и скальпов – генерала А.А. Вельяминова, также одного из самых «прославленных» русских военных на Кавказе. Увлекались этим делом и менее известные армейские «цивилизаторы», и казаки в корыстных целях (головы продавали родственникам). В конечном счете, сам император Николай Первый был вынужден в 1841 г. категорически воспретить это средневековое варварство¹⁹⁴.

¹⁹⁴ См: Клычников Ю.Ю., Цыбульников А.А. Указ. соч. С. 229–239; Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир. 1993. С. 53–66; Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом. Гл. XXIII // Интернет сайт: Historic.ru; Аскер Сохт. О черкесской истории и современности // Интернет сайт: Circas.ru С. 6–8; Матвеев О.А., Фролов Б.Е. Глава 5 «Слава зассовцам лихим!» // «В вечное сохранение и напоминание славных имён...» (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска), Краснодар 2004; Епифанцев А. Генерал Засс. Обычный и ужасный Кавказ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: arp.ru Публикации/article24011.htm; Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. Указ. соч. С. 201–202. Так, авторы ссылаются на архивное дело – «Приказ Главного Штаба о запрещении казакам скальпировать убитых ими горцев». – РГВИА. Ф.13454. Оп.6. Д.561; и др.

Игры с головами и бюст генерала Засса. Тем не менее, в декабре 1844 г. другой прибалтийско-эстонский немец Смиттен, совершивший карательный поход в одно из обществ Южной Осетии, приложил к своему рапорту генералу Нейдгарту, так сказать, «документальные материалы»: две отрубленные головы осетинских повстанцев. Этот эпатаж обошелся ему пребыванием парочки дней на гауптвахте, но далее он получал одни повышения, в т.ч. и от нового наместника Кавказа – англизированного аристократа М.С. Воронцова¹⁹⁵. В свою очередь, едва ли не «полумилорд» (согласно эпиграмме А.С. Пушкина) М.С. Воронцов сам выставил отрубленную голову наиба Хаджи-Мурата на всеобщее обозрение в Тифлисе.

«Им, игравшими человеческими головами, – на этот раз справедливо пишет М.М. Блиев, – сложно было понять людей противоположной стороны – горцев, хоронивших близких, над которыми надругались»¹⁹⁶.

В принципе, мусульманские народы Северо-Восточного Кавказа с большим предубеждением относились к калечению трупов противника. На Северо-Западном Кавказе посмертное отрубание ушей и конечностей противника в XVIII–XIX вв. среди адыгов встречалось уже редко (на сегодня документы сообщают о нескольких фактах надругательства над трупами русских). Как правило, подобное практиковали народности со слабым укоренением норм ислама. Потому мясницкие увлечения «вдохновенных» царских генералов с их «российскостью» порождали в массовой горской среде безусловное негодование и отвращение.

Между тем, в 2012 г., в т.ч. благодаря усилиям таких «патриотов», как виноградовы, матвеевы, епифанцевы и клычниковы, в центре г. Армавира появился головной бюст торговца черепами и невольницами, каннибала и генерала А.Х. Засса. Сегодня кубанские казаки проводят перед бюстом генерала торжественные мероприятия, возлагают в ходе празднеств цветы, служат молебны. При этом молодое поколение не только показывает

¹⁹⁵ Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006. С.194–195.

¹⁹⁶ Там же. С.196.

«свое стремление быть похожими на старших... они, исполняя песню, демонстрировали виртуозное владение саблями»¹⁹⁷.

В целом, очень странно, что доктор исторических наук Ю.Ю. Клычников, прежде чем выражать свое благоговение перед цивилизаторскими усилиями хищников в погонах и эполетах, осуждать горское «хищничество» и демонстрировать культурное превосходство одичавших крепостников над горскими «туземцами», **которые, как он полагает, оказывали на последних вредное влияние (!?)**, не обеспокоил себя малейшим умственным усилием узнать что-либо о предмете разговора. Между тем, обладай наш профессор знанием общественно-политического состояния России XIX в. в пределах школьного курса истории (о вузовском мы и не говорим), рука бы не поднялась писать подобную ксенофобскую чушь.

§ 2. Без жалости и сомнений – приговор виноградовых и клычниковых горским народам

Фактический отказ «Школы злословия» от «парадигмы российскости и совместничества». При всей, скажем, чуждости клычниковых, виноградовых и К* традиционной российской историографии, которой свойственны объективность, гуманистическая направленность и приверженность к общечеловеческим ценностям, мы не имеем права отмахнуться от их более чем пристрастной антигорской риторики и очень своеобразно понимаемой парадигмы «российскости и совместничества». «Теория «совместничества» В. Б. Виноградова в истории горцев и России, имеющая целью общее созидательное прошлое, его учениками, как ни странно, подкрепляется активной разработкой темы природного «хищничества» горцев, проецируемого из XIX в. в настоящее время», пишет известный в стране этнограф Ю.Ю. Карпов¹⁹⁸. Сегодня уже не подкрепляется, а

¹⁹⁷ 215-летие генерала Засса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Armavir.BezFormata.ru/Лента...-general-a-zassa/4133161

¹⁹⁸ Карпов Ю.Ю. Страницка из истории управления горцами Кавказа Российской империей // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV Среднеазиатско-Кавказских чтений 2010–2011 гг.: этнология, история, археология, культурология. СПб., 2011. С.270.

декларируется как главная составляющая; теории отброшены, осталась «**кровь и почва**» и, так сказать «**война идеологий и борьба рас**» (все строго по Г. Гимлеру).

Новая книга, старые проблемы. «Национальность» историка как презумпция виновности. Очередная гротескно-программная работа Б.В. Виноградова (сын), Ю.Ю. Клычников и В.Б. Виноградова (отец) «**Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века**» вышла, как мы указывали выше, в Славянске-на-Кубани в мае 2012 ¹⁹⁹. Она рекомендована в печать редакционно-издательским советом филиала Кубанского государственного университета г. Славянск-на-Кубани и имеет рецензентами упомянутого в первой части нашей работы профессора КубГУ О.В. Матвеева и доцента филиала КубГУ в г. Славянск-на-Кубани А.Н. Рябикова.

Книга содержит пять очерков, содержащих, главным образом, как материалы, уже не раз изданные Б.В. Виноградовым и Ю.Ю. Клычковым в той или иной форме, так и некие новации по советскому и постсоветскому периодам. Предваряя развернутую характеристику труда, отметим, что «российскости и совместничества» вы здесь не найдете даже на уровне лексики. В представлении-аннотации авторы уверенно отмечают: «В коллективной монографии, на основе широкого круга источников и исследований, анализируются сложный и противоречивый процесс взаимодействия российской и государственной власти и горского традиционного уклада в контексте внешнеполитических и внутрорегиональных реалий конца XVIII – начала XXI века и его оценки в «национальной» историографии...»

В общем, вся та же «идея» о превосходстве «высшей цивилизации» над «низшими», что само по себе подразумевает биологическое превосходство одной нации и отсталость другой. В данной монографии долго, нудно и скучно речь идет о неистребимой вражде горских народов к «высшей цивилизации» и их несовместимости с конструктом передовых российской, советской империй и современной России. Так сказать, реин-

¹⁹⁹ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века / [под ред. Б.В. Виноградова]. Славянск-на-Кубани, 2012.

карнация сочинения Евгения Дюринга «Еврейский вопрос как вопрос о расовом характере и о его вредоносном влиянии на существование народов, на нравы и культуру»²⁰⁰.

При этом, в самом начале, и отнюдь не иносказательно, в трехстраничном «**Введении**»²⁰¹ авторами четко обозначается, что рассмотрение истории северокавказских народов будет вестись исключительно с позиции цивилизационного превосходства:

– «во второй половине XVI века российское государство по уровню своего стадийного развития стояло значительно выше северокавказских этносоциальных сообществ. Такое положение вещей сохранялось и в дальнейшем ...»;

– «Горский традиционный уклад не обладал большими трансформационными способностями и возможностями, зато обладал выраженным конфликтным потенциалом...»

Собственно современные «национальные историки» оцениваются авторами «армавирской истории» с профессиональной точки весьма низко, а с точки зрения идеологии – предосудительно: «Принадлежность к действительно российской, а не национально заикленной исторической науке предполагает исследование отечественной истории без явных или маскируемых этнических пристрастий... [им, горским историкам] склонно видеть «свои» народы однозначно «максимально древними», сугубо героическими, всегда и во всем правыми... именно и только Россия (или советская власть) объявляется ответственной за эскалацию напряженности в отношениях с горскими народами, которые «по условию» преподносятся правой и страдающей стороной, практически без недостатков и собственного конфликтного потенциала».

Между тем, в ряде «национальных» историографий Северного Кавказа представлены, хотя и сравнительно редко, ученики армавирской школы – Школы злословия. Почему-то они не отделяются от «национальных историографий» скорее

²⁰⁰ Дюринг Евгений. Еврейский вопрос как вопрос о расовом характере и о его вредоносном влиянии на существование народов, на нравы и культуру. Перевод (с последнего, пятого, издания) Виктора Правдина. М., 1906. Правда, в отличие от рассматриваемого нами труда, на основании решения Мещанского районного суда г. Москвы от 03.12.2008 г. книга Дюринга внесена в Федеральный список экстремистских материалов под №979.

²⁰¹ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 4–6.

всего, потому, что в силу своей национальности не вписываются в систему «своих». Это совершенно в духе советско-сталинского, а затем российского расизма, когда людей делят не по их реальной культуре, а по происхождению предков. Даже в Чечне можно найти 2–3 преданных В.Б. Виноградову (ныне покойному) учеников, трепетно защищающих своего гуру (называемого не иначе, как «Он», «Шеф», «Учитель»)²⁰². Вот последний пример с авторефератом докторской диссертации преподавателя Чеченского госуниверситета К.З. Махмудовой. Она дает в историографической части позитивную оценку трудов М.М. Блиева, В.В. Дегоева, С.Ц. Умарова, В.Б. Виноградова, Б.В. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова, считая их «концептуальными». Другие ученые, в т.ч. горские, стоящие на объективно-научных позициях в вопросах Кавказской войны, объявлены «полемизирующей стороной» (хотя как раз ситуация в данном вопросе совершенно противоположная: полемизирующей стороной являются указанные выше немногие авторы). Любая критика в адрес виноградовцев, по выражению диссертанта, носит «идеологизированный» и «политизированный» характер. Тепло отмечена К.З. Махмудовой даже концепция «200-летия добровольного вхождения», о которой сами ее создатели предпочли бы не вспоминать²⁰³.

В конце виноградовского введения к разбираемому нами пасквилю железной рукой утверждается: «Сохранение действительной научности в кавказоведении настоятельно требуют внятных и принципиальных оценок писаний «национальных» историков, которые пытаются закрепить за собой «право» на изречение абсолютных истин, расстановку «окончательных точек» [в изучении характера и особенностей российско-горского взаимодействия, в то время, как это право принадлежит исключительно нам троим – авторам данного опуса] (слова, заключенные в квадратные скобки, шутка, но с большой долей правды. – Д.А., Я.А.)»²⁰⁴.

²⁰² В.Б. Виноградов глазами наставников, коллег и учеников (к 70-летию со дня рождения). Армавир, 2008. С.13, 19, 28, 30 и др.

²⁰³ Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XX в. Автореферат докт. дисс. Владикавказ, 2013. С. 12–15.

²⁰⁴ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 4–6.

Феодализм, планы НАТО и ветеринарный расизм. Эти и подобные странные вещи пишут люди, отметившиеся и расписавшиеся в своем реальном национализме и ксенофобии как целыми книгами, так и отдельными высказываниями. Вот еще к примеру: «Таким образом получается, что **«развитый феодализм» – осознают это или нет конкретные «национальные» историки – есть звено натовских планов в отношении российского Северного Кавказа и России в целом** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)²⁰⁵. Следовательно, если вы, как историк, исследуете и, не дай бог, обнаруживаете в каком-либо горском сообществе черты развитого феодализма, вы агент НАТО и враг России. Так сказать, добрая сталинская паранойя: «Любой еврей – националист, это агент американской разведки...»

Примерно такой же смысловой и «стилистический» подход к изучению сложных вопросов историографии Северного Кавказа мы обнаружили еще единственно в публикации ставропольского историка Р.Э. Германа. Здесь, как в свое время в ходе религиозных войн средневековья, горские участники научно-исторического, религиозного и политического процесса на Юге России обозначаются весьма негативно. Таким национальным авторам по-доброму предлагается проводить в своем регионе «разрядку» на фронте борьбы «за непредсказуемое прошлое» и начать «клиотерапию – излечение общества при помощи истории»²⁰⁶. Солидаризируясь в принципе с подобными предложениями, хотелось бы расширить географию действия за счет всей нашей родины России. Видимо, Р.Э. Герман, сосредоточившись на одном регионе, плохо представляет себе, что делается сегодня в стране. Между тем, вот об этом давно уже бьют тревогу и в России, и в мире! У нас зашкаливает ненависть всех против всех, мы живем в условиях пока не вооруженного, но массового межнационального конфликта, и в нем уже гибнут люди.

²⁰⁵ Виноградов Б. В., Клочков О.Б. К проблеме историографических оценок стадийного развития горских сообществ XVI – середины XIX в. в контексте современных вызовов безопасности российского Северного Кавказа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 29.

²⁰⁶ Герман Р.Э. История как инструмент политического влияния на Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции (13–15 сентября 2011 г.). Ростов-на-Дону. 2011. С. 20–21, 23.

И самое важное в деятельности рассматриваемых авторов – фанатичное желание квалифицировать прошлое народов Северного Кавказа как генератор современных политических коллизий, а собственно горские народы – конфликтогенным фактором истории. Все это, на наш взгляд, проистекает из застарело-примитивного, ветеринарного типа расизма и скинхедовской ксенофобии авторов опуса и, вероятно, острого желания путем окучивания факторов страха и предубеждения заполучить определенные преференции от современных властей. К науке все это не имеет ровно никакого отношения, с такими подходами каждый шарлатан найдет в истории то, что ему выгодно и в сколько угодно количестве.

Реальные проблемы в историографии горских народов.

Между тем, хотя в историографии горских народов есть реальные проблемы и узкие места, долженствующие было заинтересовать наших взыскательных критиков, но не они стали объектом их внимания. Так, в связи с определенной «наполненностью» в течение последних десятилетий ранее неизученных вопросов истории горских народов (как той же Кавказской войны) можно и необходимо вернуться к изучению всех положительных сторон взаимодействия собственно горцев с великим русским народом и инкорпорации в великой империи. Также следует специально исследовать феномен пресловутых набегов как горских, так и со стороны армейских и казачьих сил, комплекс всесторонних взаимоотношений собственно народов Кавказа между собой, вопросы т.н. горского рабства и пленопродавства, масштабы и формы коллаборации в годы Великой Отечественной войны и т.д., и т.п. То есть тех вопросов, которые чаще всего являются предметом различного рода националистических спекуляций.

Отдельной и насущной проблемой в историографии Северного Кавказа становится этноцентризм. Как правило развиваемый людьми либо далекими от науки, либо неспособными к организованной научной работе. Однако ученые Северного Кавказа и здесь не сидят сложа руки, они с принципиальных позиций развенчивают этноцентристские мифы.²⁰⁷

²⁰⁷ К примеру: Гаджиев М.С., Кузнецов В.Д., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской истории Северного Кавказа. М., 2006.

Естественно, необходимы специалисты в историографическом «сопровождении» непростой истории развития исторической науки в северокавказском регионе и как воздух нужна профессиональная научная критика. Благодушные тех, кто реально ответственен за развитие науки и культуры в северокавказских республиках в условиях сегодняшнего дня выглядит по крайней мере, вызывающе. Наука, это не рынок, где спрос и предложение сами по себе все утрясают. Наука – история, тем более требует планирования, организации и финансирования. На нее должен быть общественный заказ, так как те, кто работает в свое удовольствие, избирают темы, зачастую далекие от наших животрепещущих проблем.

Говоря о чеченской историографии, нельзя не отметить, что мы наблюдаем импульсы разжигания ненависти между народами не только из российского националистического лагеря, но и из другого, но столь же идеологизированного политического лагеря – ичкерийско-ваххабитского. Так, еще в напряженный период 1995–1999 гг. идеологи Ичкерии буквально снимали кальку с произведений разработчиков «чеченского вопроса» в России. Например: «В Ичкерии Россия видит своего вечного врага. Поэтому, видимо, настало время... назвать официально вечного и постоянного врага чеченского народа». Таким историческим врагом называется Россия²⁰⁸.

С другой стороны, дрова в костер межнациональной вражды подбрасывают, пусть немногочисленные, чеченские и ингушские «исследователи»-дилетанты с российским гражданством, резвящиеся как бог на душу положит, но в целом дружно совершающие «покушения» на чеченскую историю с контрцивилизационных позиций²⁰⁹. В той или иной мере все они под-

²⁰⁸ Вашаев М. А кто постоянно угрожает Ичкерии? // Ичкерия. – 1999. № 2; См. подробную характеристику «ичкерийской» исторической публицистики: Вахаев Лема. Политические фантазии в современной Чеченской Республике // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

²⁰⁹ См.: Дени Баксан. След сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1997; Дауев Саламу. Чечня: таинства истории. М., 1999; Абдиев И.У. Происхождение чеченского народа. Назрань, 2004; Кодзоев И. История Ингушетии. Назрань, 2004; История Ингушетии / Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева. Магас–Нальчик, 2011; Ибрагимов Ризван. Палестина? Нет. Чечня! Элиста, 2014; и др.

вергались критике в чеченской историографии и в средствах массовой печати Чеченской Республики.

Сенсационным с точки зрения посягательств на «великую» историю и объемам накопившихся претензий на общее историческое прошлое ряда современных горских народов стало издание в 2011 г. официальной «Истории Ингушетии» группой воинствующих фолк-историков из Назрани. По их скромному мнению, оказалось, что предки современных ингушей – жители 4-х небольших обществ из глухих ущелий имели в прошлом огромные «ингушские» царства, владели едва ли не всем Кавказом и Передней Азией. На основании каких-то совершенно неясных для всех других языковых «ингушизмов» занимали Чечню до Аргуна, а то и до Сулака. Логично, что такая «История...» удостоилась чести стать предметом забавного фельетона в газете «Вести Республики», выходящей в Грозном, и серии разоблачительных статей²¹⁰.

По такому поводу в свое время высказывался известный ученый В. Шнирельман: «Миф о [великих] предках может быть как инклюзивным, так и эксклюзивным. Например, мечтая объединить усилия, адыгейцы, кабардинцы и черкесы следуют инклюзивному мифу об общеадыгском далеком прошлом, а балкарцы и карачаевцы в тех же целях выковывают миф о единых тюркских предках. Напротив, осетин и чувашей больше устраивает эксклюзивный миф, и они не желают ни с кем делиться соответственно аланским и болгарским наследием. Обычно господствующий в полиэтничном государстве народ развивает инклюзивный миф ради территориальной целостности страны и более полной интеграции ее обитателей; зато этнические меньшинства, заботящиеся о сохранении своего культурного лица, более склонны к эксклюзивному мифу»²¹¹.

²¹⁰ Нухажиев Н., Умхаев Х. В поисках национальной идентичности. Грозный, 2012; Нахчиев Т. О провокационной деятельности организованной пишущей группировки (ОПГ) «Кодзоев и К» // «Вести Республики». 03.02.2012; и др.

²¹¹ Шнирельман В. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // «Неприкосновенный запас» 2004, №5(37) – magazines.russ.ru/nz/2004/37/sh13.html

Хапизовщина. Все чаще обвиняемый в той же дагестанской печати в национализме и ура-национализме,²¹² в фальсификации истории и плагиате бывший редактор дагестанской газеты «Новое дело» экономист Шахбан Хапизов (к тому еще соискатель отдела этнографии ИИАЭ ДНЦ РАН) не далее, как в 2013-2014 гг. издал два скандальных опуса²¹³ не нашедших еще осмысления и оценки в вегетарианской научной критике чеченской и дагестанской историографий. Так в произведении «Ума-нуцал (Умахан) Великий» многонациональный Дагестан исчезает из исторической реальности в небытие оставив нам единственно лучом света в темном царстве аристократического члена Хунзахского общества Нагорного Дагестана, военного предводителя горских ополчений Мусал-нуцала и его сына Ума-хана. Тех самых биладов (предводитель), которые вели во второй половине ХУШ в. широкие завоевательные войны против грузинских княжеств и восточнокавказских ханств весьма противоречиво оцениваемых в современной историографии.

При этом, практически все аварские общества-«республики», весьма болезненно (вплоть до того, что общинника могли жестко оштрафовать за любое общение с аристократом) относившиеся к покушениям на свой независимый статус, объявлены подвластными, а то и данниками хунзахских нуцалов. Этой участи не миновали даже чеченские районы, также объявленные ханскими подвластными, да еще обязанными продуктовой рентой²¹⁴. Что вследствие целого ряда ясных исторических и географических обстоятельств, законов логистики и синергетики было гипотетически и практически просто невозможно. Исторические общества-республики Северного Кавказа не могли по определению являться, чьими-то данниками, иначе

²¹² Мы склонны считать, что в какой-то мере национализм национализму рознь. Есть явление непомерного любования собственной нацией, что не слишком приятно, но не смертельно. А есть попытки возвеличивания собственного народа через унижение других, а это мерзко и подло.

²¹³ См.: Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины ХУШ в.). Махачкала, 2013; Его же: Саламеэр, Эндирей, Аух (очерки этнической истории населения Терско-Сулакского междуречья). Махачкала 2014; Со второй книгой мы ознакомились в интернете.

²¹⁴ Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий... С.23

вольное узденство теряло свой высоко ценимый статус. Аварский (хунзахский) нуцал не был собственником даже в селении Хунзах!

Во втором опусе с использованием как исторического мусора (набора вырванных из контекста цитат) и непрофессионального собрания хронологически разнесенных источников (от краденых из чужих работ документов до лингвистических экзерсисов и побасенок) совершенно разной значимости и уровня автор пытается «аваризировать» как половину Кавказа в общем и Кумыкскую плоскость, в частности.

Наш мелкотравчатый «исследователь» сознательно опустил тот непреложный факт, что все отношения зависимости на том же Северо-Восточном Кавказе складывались исключительно как поземельные. Горские общества Северного Кавказа как своеобразные политии функционировали в пределах границ собственных земель. Переход за их пределы – шел исключительно только по договоренности о взаимных одолжениях, через куплю, продажу, аренду и т.д.

Потому те списки якобы «податных селений», составленные дворовыми писцами, которыми потрясали ханские жены и вдовы (а вслед за ними ныне и Хапизов), в начале XIX в.²¹⁵ перед русскими представителями с точки зрения горского обычного права являлись ничтожными. Их жанр, как и некоторых других местных арабоязычных сочинений, скорее относится не к историческому, а к общественно-политическому полю. Кстати, подобные списки, происходящие от шамхалов и нуцалов, зачастую соперничают друг с другом и повторяются в формулировках²¹⁶. Кроме того, в реальности «огромный» по северо-

²¹⁵ См. для сопоставления данные первой четверти XIX в. тех же Хрисанфа, Скалона и др. по ситуации в Аварии и вокруг нее. – История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 265–277, 291, 297–298; и др. В таких списках ханских жен намеренно не разделялись собственно поселения крепостных и вольных аулов. Во-вторых, даже разовая аренда пастбищной горы нуцала могла фигурировать в списках столетиями.

²¹⁶ Например, в 70-х гг. ХУШ в. И.Гюльденштедт (Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С.245–246) утверждал, что 1500 дворов из состава Аварского ханства платят дань чеченским князьям. Для того, чтобы узнать, что речь идет все-таки не о Хунзахе, а о неких наследственных правах чеченских князей на общество Гумбет (откуда собственно выходцами и были оные князья надо же было проделать определенную работу).

кавказским масштабам нахо-чеченский этнос буквально «нависал» над куда более скромными по размерам и численности андоцезскими и собственно аварскими обществами. Чечня, как более ресурсный в земледельческом плане район, обеспечивала работой тысячи дагестанских отходников и давала надежный кров беглым пассионариям.

В печати и интернете тот же Хапизов и ранее запускал более мелкие, но также подловатые сюжеты, и не только, по аварско-чеченской тематике. Видно, что мы имеем дело с очередной акцией в деле реализации серьезного политтехнологического проекта, а именно: ни в коем разе не допустить развития контактов, какого-либо сближения между двумя самыми крупными (и по многим параметрам родственными) этносами Северного Кавказа – чеченцами и аварцами. Известно, что однажды в истории такое сближение породило общенациональное государство Имамат (Чечня и Нагорный Дагестан) и Кавказскую войну.

Подобные пропагандистские потуги способны потенциально вызвать деструкцию ситуации в регионе. Но когда речь идет о сохранении и развитии целых систем и структур в российском государстве кормящихся (и очень неплохо!) исключительно за счет фобий и страхов – о каких там объективных общенациональных интересах, позитивной государственной работе, а уж тем более о высших интересах российского общества может идти речь!

Кстати последние соображения напрямую относятся и к деятельности гг. Виноградовых, Клычниковых и прочих верно угадавших этот скрытый нерв напряженности во внутриполитической жизни современной России, которую постоянно «пугают» Кавказом (правда при этом наши фразеологи просто опоздали – эта кормушка по всему периметру плотно занята).

Немалых высот достигли, пусть немногочисленные, представители альтернативной истории и в Чечне. Если раньше наиболее ретивые этномифологи писали о происхождении чеченцев от древних хурритов, то теперь муслируется вопрос о происхождении хурритов ... от древних чеченцев! После возмущенных выступлений профессиональных чеченских истори-

ков уже уже и руководство Чечни вынуждено публично осаживать ретивых мифотворцев²¹⁷.

А вот наши заклятые наставники из Армавира и Славянска на-Кубани по таким замечательным поводам не обмолвились ни единым словосочетанием. И понятно, почему: ложь и дураки им не страшны. Более того, приятны. Опасны – правда и мысль!

Собрание благоглупостей, расизма и ксенофобии. Очерк I – «Российская власть и горский традиционный уклад в конце XVIII – начале XIX века», скорее всего, принадлежит Б.В. Виноградову. Интересно отметить, что, защитив в 2006 г. докторскую диссертацию на тему «Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.», автор занимался дальше клонированием текстов и публикациями, главным образом, алармистско-публицистического характера с явной националистической окрашенностью²¹⁸. При этом его тексты, чем дальше – тем больше, становились изложением исторической лжи и недоброжелательства к целым народам, да еще непременно в подчеркнуто суггестивной манере (главный прием пропаганды – повторение и помещение «Чечни» и «чеченцев» непременно в негативный контекст!). Не стал исключением и настоящий «очерк».

Он начинается с обвинений чеченцев конца XVIII в., якобы находившихся на «догосударственной и доклассовой ступени развития» (!?) в неподчинении власти «чужих феодалов», в «набеговой экспансии» и в том, что их «традиционный уклад... вступал в противоречие с российским пониманием вектора развития отношений сторон и с безопасностью самой России». Бедная Россия, ее не поняли! Далее следуют уже рассмотренные нами благоглупости «а-ля Ю.Ю. Клычников» о «хищничестве» рядовой «массы населения», «пленопродавстве», предвзятости трудов и ошибочности выводов Ш.А. Гапурова о набегах как форме антиколониальной борьбы горцев²¹⁹ и т.д., и т.п.

²¹⁷ Абдурахманов Д.: «Кулинару не место на политической кухне». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ChechnyaTODAY.com

²¹⁸ См.: Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Краснодар–Москва, 2004; Его же: Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Дисс. ... доктора истор наук. Армавир. 2006; Его же: История российского Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. Славянск-на-Кубани. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.

²¹⁹ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 16–17.

В самом концентрированном виде главная «идея» Б.В. Виноградова заключена в положении о несовместимости российского государства (стоявшего на очень высокой стадии развития), но все равно пытавшегося выстроить отношения на основе договоренностей с ментально порочными и отсталыми горцами. К обеспечению такой занятой идеи легкомысленно привлечены «соответствующие» оценки некоторых авторов (естественно, У. Лаудаев и М.М. Блиев) и некие исторические свидетельства, правда, сами по себе требующие серьезного критического подхода²²⁰.

При этом автор очерка не гнушается ничем. Даже реальные факты, приводимые им же, превращаются в ничто. Вот выразительный пассаж: «В конце июля 1806 г. И.В. Гудович начал переговоры с чеченскими старшинами. Он созвал съезд старшин 104 чеченских селений ... [которые] заявили..., **что недовольство в Чечне и нападение чеченцев на Кавказскую Линию порождены притеснениями жителей со стороны местного русского начальства. Интересно, что И.В. Гудович не исключал тогда возможных случаев неадекватных действий российских военных властей** (выделено нами. – Д.А., Я.А.). Однако еще более интересно, что со стороны горцев Северного Кавказа обвинения местного русского начальства... было явлением довольно типичным... Нельзя не заметить, что данный не лишенный лукавства прием взят на вооружение целым рядом современных «национальных» историков, вполне готовых все обострения местной обстановки в конце XVIII – начале XIX в. объяснять исключительно действиями русских властей» (!?)²²¹. Вот так! Вместо реального анализа реального документа выстроена закрученная фразочка, адекватная темным предубеждениям Б.В. Виноградова к прошлому и настоящему тех же чеченцев и к национальным исследователям.

Для автора просто невыносима мысль, что даже в таком децентрализованном виде Чечня указанного периода могла вырабатывать консолидированный внешнеполитический курс и совершать некие значительные шаги в собственных национальных интересах. Б.В. Виноградов «читает» и эту ситуацию

²²⁰ Там же. С. 18–19; 44–45; и др.

²²¹ Там же. С. 46–47.

как проявление некоей «этнической солидарности» чеченцев, которая оказалась «выше присяг, обязательств и т.п. по отношению к России»²²².

Какая-то там «колониальная экспансия» России? Отказ в праве на участие в политической жизни. Очерк заканчивается отрицанием научного подхода к такому огромному и сложному явлению, как Кавказская война. «Так или иначе, – резюмирует Б.В. Виноградов, – причины данного кризиса в российско-горских взаимоотношениях не сводимы к констатациям какой-то «колониальной экспансии» России (так в тексте! – Д.А., Я.А.), ее «военно-феодальной политики» и т.п. Другое дело, что ряд существенных проявлений горского традиционного уклада вступил в трудноразрешимое противоречие с российскими «стадиальными реалиями», интересами и безопасностью. Разрешение данного противоречия происходило в ходе так называемого «силового периода» российско-горских взаимоотношений (т.е. Кавказской войны. – Д.А., Я.А.)»²²³.

Понятно, чтобы развиваться подобным образом «на полях истории», надо абсолютно отказать тем же чеченцам, как и всем горцам, в праве на какое-либо участие в политической жизни своего времени, не говоря уже о самой возможности быть субъектом истории как таковой. А ведь о конкретной политике писал в 1834 г. в своей рукописи офицер российского Генерального штаба И. Бларамберг: «Горские народы имеют свою политику, так же, как и цивилизованные народы Европы. Они имеют также свое народное право – свод предписаний обычного неписаного права, который передается по преданию и который они тщательно соблюдают. Они используют те же средства, что и мы, для заключения союза, для усмирения могущественного врага, для того, чтобы выиграть время. Им ведомы переговоры, посольства, подарки, посредничество, поручительство, заложники и т. д. Все это разъясняется природой вещей и является результатом существующего у них положения дел»²²⁴.

²²² Там же. С. 47.

²²³ Там же. С. 55.

²²⁴ Бларамберг Иоганн. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с фр., предисл., и комм. И.М. Назаровой. М., 2010. С.54

Суггестия и мизантропия. Понятно также, что часто повторяемые на каждой странице к месту и не к месту своеобразные мантры о «набеговой экспансии», «недопущении набегов», «хищничества», «незыблемость традиционного уклада, освящающего набеги», «освященная в горском сознании набеговая традиция», «набеговая экспансия», «набеговая традиция», «очаг агрессивных форм ислама» и т.д., и т.п., являются переводом проблемы из области, маскируемой Б.В. Виноградовым под научную, в область психологического внушения и пропаганды; мы видим в этом конкретные действия, откровенно нацеленные на разжигание межнациональных коллизий.

Между тем, дойдя в своей мизантропии до пароксизма ненависти к горцам и их истории, напрочь забыв ранее «священную» парадигму «российскости и совместничества» (предполагающую хотя бы теоретически некое взаимное тяготение и взаиморасположение), гуру «кавказоведческой Школы» не учли, что теперь они становятся заложниками не только жгучей ксенофобии, но и собственных слов.

Низведение авторами горцев, в особенности чеченцев, до дикой враждебной массы, с которой невозможны были в тот период какие-либо переговоры и соглашения не случайно. Тем самым происходит оправдание всех аспектов политики царизма на Кавказе: какие еще такие переговоры с хищниками, варварами, находящимися на доклассовой стадии развития? Как с ними можно считаться? Это затертый пропагандистский прием «опускания» противника, но никакая не наука!

Впрочем, подобные приемы в отношении горцев (и больше – в адрес никого) использовались в свое время и «специалистами» из Московского государственного университета в учебнике «История России», предназначенного для вузов страны²²⁵.

Сущностное содержание политики крепостнической России на Северном Кавказе. Если следовать методике и логике ав-

²²⁵ «При А. П. Ермолове усилилось сопротивление горских народов, вылившееся в религиозно-политическое движение мюридизм. Оно подразумевало религиозный фанатизм и непримиримую борьбу против «неверных» (газават). На Северном Кавказе это движение было направлено исключительно против русских, что придавало ему националистический характер». – Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: учебник. 2-е изд. М., 2004. С.155–156.

торов книги, то истина в сухом остатке получится таковой: подняв вопрос об искомой стадиальности в отношении не горцев, а собственно Российской империи, четко и ясно обнаруживается, что именно она в XVIII – первой половине XIX в. представляла собой отсталую рабовладельческую империю с правящим классом, тотально пронизанным милитаризмом и стремлением к внешним захватам. Выявляется, что армия и военизированное сословие – казачество, которых держала империя на Кавказе, институционально, по предопределению, занимались хищническим грабежом местных земледельческих народов.

Вот, к примеру, образ мыслей и действий командующего российскими войсками на Кавказе генерала П.Д. Цицианова (убит в 1806 г.), о котором Б.В. Виноградов стыдливо (ах-ах!) отмечает: «О нем... распространилось суждение, основанное на восприятии силовой составляющей его действий». Давайте посмотрим и на «суждение», и на «силовую составляющую». Так, в апреле 1804 г. Цицианов пишет к кабардинским князьям, осмелившимся отказаться от его требований: «...Кровь во мне кипит, как в котле, и члены все мои трясутся от жадности напоить ваши земли кровью преослушников... Ждите... по моему правилу штыков, ядер и пролития вашей крови реками...»²²⁶. И названный генерал отнюдь не ограничивался пустыми угрозами, с превеликим удовольствием он занимался на Кавказе кровавой резней. Какие еще враги нужны были России на Кавказе, когда там был Цицианов, а позже Ермолов?

Не менее важно для формирования характера русско-горских отношений было то обстоятельство, что уже в эпоху Петра Первого на Кавказе уверенно стали ставиться сугубо колониальные задачи. Если в XVI–XVII вв. Москва владела на Северном Кавказе небольшим анклавом в нижней части Терека (откуда стремилось завязать с горцами вассально-союзнические отношения), а степное междуречье Волги, Дона и Днепра (Дешт-и-Кипчак) представляло собой «крымскую Украину», населенную кочевыми народами, то в течение следующего столетия произошло имперское «заполнение» восточноевропейских, причерноморских

²²⁶ Цитирую по: Гапуров Ш..А. Наместники и кавказская политика России (первая половина XIX в.) // Вестник Академии наук Чеченской республики. №1. 2013. С. 108.

степей, Крыма и Предкавказья. Теперь предстояло выстроить отношения с северокавказскими народами не как с вассалами и союзниками, а как с рядовыми подвластными. К чему последние оказались вовсе не готовы, по мнению характеризуемых авторов потому, что у горцев, якобы, оказалась негодная «стадиальность», хуже того, опасная для империи.

По нашему скромному мнению, эта горская «стадиальность» была не более ущербной, чем стадиальность основной массы великого русского народа, который также находился в конфликте с хищническим военно-феодалным сословием империи в целом.

Между тем, наступательная политика империи на Восток, включая Кавказ и ее отношение к «восточным народам», были, в принципе (как не парадоксально), «европейскими»: «Суть его в представлении о «ничейности» Востока, о том, что движение на Восток есть движение в пустоте, по землям, которые никому не принадлежат. Те государственные и этнические образования, которые встречаются на пути завоевателей, покоряются, а сопротивление воспринимается как действие «банд», «диких скопищ», потом – «незаконных военных формирований». Люди Востока в рамках этого стереотипа кажутся дикими, они руководствуются инстинктами, а не умом. «Все дикари одинаковы», все они грубы, коварны. Система же ценностей восточных народов – собрание нелепых предрассудков, реально же существует только одна истинная христианская (православная) система ценностей»²²⁷.

Многовариантность исторического развития Северного Кавказа. И здесь для России были возможны (если следовать логике того же Б.В. Виноградова) два варианта действий:

а) отступить от Северного Кавказа на север на собственно русские земли, оставив его в покое;

б) покорить регион военной силой на собственных условиях.

Причем, как не парадоксально, логика исторического развития в первом случае обернулась бы для горских народов замедлением общественно-политического развития и, в луч-

²²⁷ Анисимов Е.В. Исторические корни имперского мышления в России / (Institute of Russian History, RAS). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: srch.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html

шем случае, складыванием горского государства восточно-дееспотического типа, периодически ведущим войны с Ираном и Турцией. Второй вариант, как известно, был отмечен войнами, растянувшимися на несколько поколений, и громадными человеческими потерями, с одной стороны, и в искореженной форме приобщением народов к общеевропейской цивилизации в рамках инкорпорации Российской империей.

Следует ли удивляться тому, что нещадное тотальное насилие безжалостного военно-феодального государства логично повлекло оправданное сопротивление горских народов. И надо ли ставить это сопротивление им в вину, если даже огромные массы русского населения веками протестовали (включая вооруженное сопротивление) против порядков рабовладельческой на тот момент Российской империи с ее хищнической по природе военно-феодальной правящей верхушкой.

Между тем, существовали, конечно, и третий, и четвертый и т.д. варианты взаимодействия и взаимосуществования народов и государств. Вот, к примеру, горный народ баски в Испании и Франции, который является древнейшим народом Европы. Приведем длинную цитату: «С XIII в. у басков существовал специфический режим политико-административного самоуправления (в рамках того или иного королевства. – Д.А., Я.А.). В ведении местных властей находились сбор налогов, таможенная политика. Военная служба басков проходила лишь на территории своей провинции. Их права и обязанности фиксировались так называемыми фюральными правами (от понятия «фуэрос» – совокупность льгот, привилегий и обязанностей, во многом определявших отношения между, скажем, испанским Центром и Страной Басков). Скажем, нечто вроде кавказских адатов.

Испанские короли, обладавшие огромными властными полномочиями, в Стране Басков вынуждены были приносить клятву верности фуэрос. Этот символический жест значил очень многое, ибо служил подтверждением верховенства фуэрос над королевской властью. На протяжении столетий фуэрос были для басков воплощением их старинных традиций и обычаев, символом национальной самобытности. Фуэрос не означали отказа от норм общеиспанского законодательства, действовавших во многих сферах жизни наряду с фюральными правами.

Фуэрос декларировали, в числе прочего, принцип юридического равенства всех басков. Распространение формально-эгалитарных отношений во многом объяснялось отсутствием среди них четкой социальной иерархии. Так, в находившихся порой на значительном расстоянии друг от друга горных долинах сеньориальная система не была по-настоящему развита. Здесь существовало полунатуральное хозяйство, доминировали мелкие землевладельцы. Психологическая дистанция между крестьянами и местной знатью была менее заметна, чем в других регионах Испании.

Всем уроженцам баскских провинций присваивался благородный статус идальго (дворянин. – Авт.). Уместно заметить, что этот статус вполне коррелировался с просуществовавшей до первых десятилетий XX в. общеиспанской историко-юридической традицией, в соответствии с которой основанием для принадлежности к «благородному» сословию дворянства объявлялась «чистота крови» ...»²²⁸. Как говорится, разумному достаточно.

Россия и Чечня – хронология взаимоотношений. Давайте теперь попытаемся понять, сколько раз сталкивались российские войска и чеченские ополчения в течение XVIII – начале XIX в. в условиях международной ситуации на Кавказе и кавказской политики российского самодержавия и его представителей на местах. Ниже следует небольшая хронологическая выборка исторических событий, связанных с Чечней, Кавказом и Югом России в XVIII – начале XIX в.

1688–1689 гг. – Массовое бегство казаков на Куму, Терек и Кубань в результате зверской расправы царских властей над участниками очередного народного движения на территории Войска Донского.

1691–1700 гг. – Карательные рейды царских сил против беглых казаков и их горских союзников (кумыков и чеченцев) на Терек и Сулаке.

1693 г. – Калмыцкий хан Аюка идет походом для наказания кумыков и «по ошибке» разоряет Брагунское владение на Сунже, имевшее мирное соглашение с Терским городом.

²²⁸ См.: Хенкин С.М. Регионы как соперники государства: опыт Испании. Доклад подготовлен в рамках гранта РГНФ (проект 08-03-00003а). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mgimo.ru/files/34545/Khenkin-Regions-Spain.doc

1695–1696 гг. Азовские походы – военные кампании России против османских владений и крымцев в Приазовье. С турецко-крымской страны наблюдалось участие тысяч «черкесов» – горцев Северного Кавказа.

1694–1722 гг. – Правление персидского шаха Солтан Хусейна (верховного сюзерена Восточного Кавказа, Картлии, Кахетии и Дагестана), когда по причине тяжелого внутреннего кризиса произошло разрушение институтов власти великой восточной державы.

1696 г. – Выражение покровительства Россией Брагунскому княжеству в Чечне (в 1706 г. вторичное объявление о «защите» брагуновцев).

1700 г. – Русско-турецкий (Константинопольский) мир закрепил за Россией Азов (с прилегающими районами Приазовья) и отменил ежегодную дань России Крыму, выплачиваемую с начала XVI в.

1704 г. – Переговоры кумыкских и чеченских князей с крымским ханом.

1705 г. – Массовое восстание гарнизона Терского города и гребенских казаков в поддержку Астраханского восстания (1705–1706).

1704–1711 гг. – Антиколониальная война в Башкирии и Поволжье.

1707–1709 гг. – Булавинское восстание на Дону, затронувшее весь юг России и Украину.

1708 г. – февраль – Народное движение в Чечне во главе с башкирским ханом Муратом, оказавшимся на Тереке при возвращении из посольства в Турцию.

1708 г. февраля 12 – Восставшие чеченцы с примкнувшими ногайцами, кумыками, беглыми русскими казаками во главе с Муратом штурмом взяли г. Терки и осадили гарнизон в цитадели. 26 февраля – 5 тыс. войско графа Апраксина освободило Терки, раненый Мурат попал в плен (после взятия Терков повстанцы намеревались «захватить Астрахань», соединиться с восставшими казаками и даже «идти... в Башкирцы»).

1708 г. сентябрь 30 – На переговорах петровского военачальника П.М. Апраксина с калмыцким ханом Аюкой заключается соглашение из 8 статей, включая обязательство хана «о преследовании чеченцев и ногайцев».

1708 г. сентябрь – Бегство атамана Некрасова с 8 тыс. казаков во владения крымского хана на Кубань после подавления булавинского движения.

1709/1710 г. – «Исламский» набег на низкогорное общество Чечни Арштхой, располагавшемся в междуречье Ассы и Фортанги.

1711 г. – Победный для Турции Прутский мир, завершивший новую русско-турецкую войну 1710 г., уничтожает результаты азовских завоеваний Петра I.

1711–1712 гг. – По распоряжению царя все мелкие казачьи гребенские городки по левобережью Терека сводятся в 5 станиц от Червленной до Курдюковской (в 1721 г. гребенские казаки переходят в ведомство Военной коллегии).

1712–1713 гг. – Укрепление связей Крымского ханства с чеченцами и кумыками. Организация последними военного давления на прорусски настроенных кабардинских князей.

1717 г. – Обследование минеральных источников и других природных богатств р. Терека доктором Готтлибом Шобером по заданию Петра Первого.

1718 г. – Грабительская экспедиция отрядов донских казаков и союзных Петру I кабардинских князей на «чеченский уезд» на Сунже и Аргуне. Было захвачено 800 человек пленных, не считая «пожитков».

1719 г. – Первое упоминание Чечни в русской картографии.

1720 г. сентябрь-ноябрь – Установление дружеских отношений кумыкских и чеченских князей с крымским ханом Саадет-Гиреем, стоявшим с армией в Кабарде. Военные выступления князей с участием чеченцев против Терской крепости и гребенских станиц.

1721 г. август – Свержение сефевидского владычества на Восточном Кавказе ширванскими и дагестанскими повстанцами во главе с Хаджи-Давудом.

1721 г. август-октябрь – Победное завершение русско-шведской войны (Ништадский мир 30 августа). Провозглашение Сенатом 22 октября 1721 г. царя Петра I императором.

1721 г. октябрь – конец года – Афганская оккупация Персии с взятием столицы и капитуляцией шаха Султан-Хусейна.

1721 г. – Рейд силами терских и донских казаков по указанию астраханского губернатора А. П. Волынского на кумыкско-чеченские владения, занимавшие прокрымскую ориентацию. Новые переговоры А.П. Волынского с горскими князьями по Тереку.

1722–1723 гг. – Персидский поход Петра I с 80 тыс. армией для занятия прикаспийских провинций Ирана, Дагестана и Восточной Грузии (Картлия, Кахетия).

1722 г. июль – Штурм русскими драгунами бригадира Ветерани аула Эндирей и его оборона кумыкско-чеченскими силами.

1722 г. августа 4 – Рейд генерала Кропотова с 10 тыс. донских казаков и 5 тыс. калмыков на Эндирейское владение с уничтожением 3 тыс. домов и сожжением хлеба в полях.

1722 г. осень – отъезд императора Петра I в Россию. Посещение гребенских станиц и источников горячих минеральных вод на правом берегу Терека под Брагунами, получившие с того времени название Петровские теплицы.

1722–1724 гг. – строительство крепости Святого Креста на Сулаке. Кроме гарнизона здесь расселяют 1 тыс. семей казаков с Дона. Переводят также гарнизон упраздненной Терской крепости, включая Окоцкую слободу, населенную выходцами из Чечни.

1723–1727 гг. – Кампания турецкой армии против Персии. Захват османами западной Персии и южного Закавказья, включая Восточную Грузию. Перемирие в Хамадане (4 октября 1727).

1723–1737 гг. – Османское правление над Восточной Грузией.

1724 г. июня 12 – Стамбульский договор, разграничивший сферы влияния Турции и России на Кавказе (признание турецкого господства над всей Грузией). Россия, получившая прикаспийскую полосу Дагестана и Азербайджана, впервые становится участником международных соглашений по Кавказу.

1725 г. июнь-июль. – Изложение выехавшим в Россию грузинским царем Вахтангом VI ситуации на Кавказе с указанием опасности подчинения османами и всех высокогорных обществ (включая чеченские и ингушские).

1726 г. – Приезд в крепость Святого Креста представителей «трех чеченских князей» с выражением подданства Екатерине Первой.

1727 г. – Первое упоминание Чечни (известное на сегодня) в европейской картографии (итальянская карта).

1728 г. – Написание офицером русской службы и географом И.Г. Гербером работы «Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря, между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году».

1729 г. сентября 8 – Сообщение выехавшего в Россию грузинского царя Вахтанга VI о намерениях турок построить крепость близ Кабарды и Чечни.

1732 г. не позже – Начало складывания предгорно-плоскостного Карабулакского (Арштхойское) общества на западе Чечни.

1732 г. лето – Собрание 10 тыс. горско-чеченского ополчения на Чеченской равнине под «предводительством Аджи» и с религиозными лозунгами.

1732 г. июля 4–7 – Экспедиция генерала графа Дугласа в Чечню, отправленная из крепости Святого Креста на р. Сулак. Уничтожение отряда подполковника Коха под Чечен-Аулом и гибель русского сторонника князя Казбулата.

1732 г. лето – Набег донских и гребенских казаков во главе с атаманом Д. Ефремовым и князем Алибеком Казбулатовым на аулы князя Айдемира в Чечне.

1733 г. июль – Поход крымских войск под командованием Фети-Гирея в Иран через Чечню и Дагестан при поддержке чеченского князя Айдемира. Разгром крымско-чеченской армией войск генерала Гессен-Гомбургского на р. Белой (при переправе через Сунжу).

1733 г. – Письмо старшин «Кистецкой провинции» (южная, высокогорная часть Чечни) о принятии присяги верности грузинскому царю Вахтангу VI, находящемуся в России.

1735–1740 гг. – Новое массовое восстание в Башкирии, в т.ч. под руководством Кильмяка Нурушева – участника восстания в Чечне в 1708 г. во главе с чингизидом Муратом Кучюковым.

1735 г. марта 10. – Гянджинский мир: договор между Россией и Персией о возвращении Россией всех бывших владений Персии на Кавказе (включая Дагестан) и установлении границы по Тереку.

1735 г. лето – Поражение сил крымского хана Каплан-Гирея в Хан-кале. Старший чеченский князь Айдемир, выступивший на этот раз против хана, принес присягу на верность России и ему назначено ежегодное жалованье.

1735 г. октября 27 – генерал-аншеф В. Я. Левашов начал сооружение Кизлярской крепости. Из крепости Святого Креста на Сулаке сюда переводятся казаки и находящиеся на службе России чеченцы-аккинцы, кабардинцы, ногайцы, армяне и грузины. Часть их вошла в состав Терско-Кизлярской иррегулярной команды под начальством генерал-майора Эльмурзы Бековича-Черкасского.

1736 г. – От гребенских станиц вниз по Тереку до Кизляра основывают три казачьи станицы: Бороздинская, Каргалинская, Дубовская, а от Кизляра к морю поселяют еще 430 казачьих семей (они составили Терское семейное войско).

1736–1739 гг. – Война России против Турции под «претекстом» прохождения крымских войск через Дагестан. Усиление России в Приазовье (возвращение Азова) и на Северном Кавказе.

1736–1747 гг. – Правление в Иране великого азиатского полководца Надир-шаха, восстановление мощи державы и ее влияния на Северном Кавказе (Дагестан, Чечня).

1737–1747 гг. – Восстановление иранского (кызылбашского) господства над Кахетией и Картлией.

1739 г. – по русско-турецкому Белградскому миру Кабарда, считавшаяся вассалом Крымского ханства, признается «барьерной» (независимой, нейтральной) территорией между двумя державами, включая и вассальные ей территории (Карачай, Балкария, Осетия, Ингушетия).

1741–1743 гг. – Переговоры чеченских старшин и князей (Алибек и Айдемир) с персидским шахом Надир-шахом во время его пребывания в Дагестане.

1741–1745 гг. – Пребывание персидской армии в Дагестане и разгром здесь в 1745 г. Надир-шаха, стремившегося захватить весь Северный Кавказ и идти походом на Астрахань.

1741–1748 гг. – Активизация русско-чеченских политических и торговых связей. Наделение российским жалованьем 4 чеченских князей и их узденей. Принятие присяг подданства новыми обществами Чечни, в т.ч. и горными.

1747 г. – Объявление выговора войсковым начальством Кизляра атаману Борисову, напавшего с отрядом на нескольких мирных чеченцев в пути.

1748–1752 гг. – Войны грузинских правителей Ираклия II и Теймураза с ханами Ширвана, Еревана и Шеки. Вовлечение в войну горских ополчений.

1748 апреля 15 – Признание императорским двором присяги подданства жителями общества Герменчик и определении к ним «во владельцы», по их просьбе, ротмистра Девлет-Гирея Черкасского из Кизляра.

1749–1752 гг. – Посольство осетинских старшин в Россию и переговоры в Петербурге.

1751–1754 гг. – Переселение Девлет-Гирея Черкасского с чеченскими узденями из Герменчика на Терский (Брагунский) хребет и основание селения Девлет-Гирей-Юрт (Старый Юрт).

1754–1755 гг. – Успешные военные действия кахетинского царя Ираклия II против вторжения дагестанских ополчений.

1754 г. – Приглашение на военную службу кахетинско-картлийскими правителями Грузии верхнеаргунских чеченцев (киштов) и глигвов (галгаев).

1756 г. не позднее мая 12 – Письмо чеченских князей кизлярскому коменданту И.Л. фон Фрауендорфу о намерении выселиться к Тереку в связи с «неподслушанием» народа.

1757 г. – Волнения в Чечне, вызванные недовольством правлением своих князей, строительством Червленского редута на чеченской стороне Терека и арестом влиятельных чеченских узденей.

1757 г. середина – Российский источник подтверждает, что граница между Чечней и Кабардой в Притеречье проходит в 8 верстах от правого берега речки Курп, впадающей в Терек.

1758 г. апрель-май – Карательная экспедиция в Чечню генерал-майора Фрауендорфа во главе регулярных войск, казаков, калмыков и горских союзников (до 6 тыс. человек); по призыву восставших на помощь чеченцам выступают добровольческие отряды андийцев, аварцев и кумыков.

1758–1762 гг. – Установление российско-ингушских и российско-карабулакских политических контактов.

Не позже 1762 г. – Образование чеченского Галашинского (Галашкинского) общества на левобережье Ассы.

1759–1763 гг. – Беспорядочный в целом период в русско-чеченских отношениях.

1762 апрель 2 – Определение кизлярским комендантом А.А. Ступишиным в охрану к князю Р. Айдемирову казачьей команды.

1763 г. июля 5 – Начало строительства крепости Моздок на левом берегу Терека в землях исторической Кабарды.

1764 г. июль – Вооруженное столкновение между князьями Девлет-Гиреем Черкасским и Расланбеком Айдемировым на Терском хребте.

1764 г. август 24 – Сообщение об участии Алисултана Казбулатова в военных действиях в Дагестане совместно с аварским ханом.

1764–1765 гг. – Новые волнения и вооруженные столкновения в Чечне, вызванные враждой нескольких феодальных групп. Попытки местных русских властей добиться примирения путем переговоров.

1765 г. июля 11 – Попытка князя Расланбека Айдемирова пригласить к себе аварское войско для разгрома феодальных противников.

1765 г. – Князь Алисултан Казбулатов просит о пропуске на правый берег Терека 100 арб (подводы) его подвластных для закупки вяленой рыбы и соли.

1768–1774 гг. – Русско-турецкая война. Чеченский князь Алисултан Казбулатов производит с подвластными мелкие нападения на

русскую Линию. Князь Раслаббек Айдемиров с небольшим отрядом чеченцев действует в составе русских войск на Кубани.

1769 г. август – Ввод русского отряда генерала Тотлебена в Грузию через Дарьяльское ущелье и его участие в боевых действиях против турок.

1769–1770 гг. – Военно-дипломатическая (отчасти, геологическая) миссия капитана М. Гастотти (Дегастодий) из Кизляра в Чечню, Ингушетию и Кабарду.

1770 г. февраль – Карательная экспедиция командующего Кавказской линией генерала графа де Медема в Чечню. Покорение сунженских аулов, подвластных Алибеку, с взятием у них аманатов.

1770 г. весна – Начало сооружения по левому берегу Терека укрепленных станиц Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской и Калиновской (между Моздоком и Червленной). Водворение в них 517 волжских и нескольких сот донских казачьих семейств с артиллерией (Моздоцкий казачий полк).

1770 г. марта 17–19. – На территории горного общества Ангушт ингушские старшины подписывают присяги подданства России перед пограничными властями.

1770 г. апреля 20. – Ираклий II с грузино-горским войском разбил турецко-лезгинскую армию в Аспиндзской битве.

1770–1771 гг. – Усиление присяг подданства Ангуштинского общества. Участие ингушей в подавлении восстания осетинского феодала Дударова, закрывшего Дарьяльскую дорогу на Грузию.

1770–1773 гг. – Путешествия по Кавказу (с охватом Чечни) видного немецкого ученого на русской службе, академика И. Гюльденштедта.

1770–1774 гг. – Продолжение строительства русской пограничной Линии. Прекращение доступа чеченцам на левый берег Терека к затеречным степям, использовавшимся горцами веками в хозяйственно-торговых целях. Начало нападений чеченцев на новые станицы и укрепления.

1770–1772 гг. – Пребывание беглого донского казака Емельяна Пугачева в «нижних» терских станицах Дубовской и Каргалинской.

1771 г. весна – Бегство большей части российских калмыков с ханом Убаши в Западный Китай, вызванного недовольством политикой российских властей. Упразднение Калмыцкого ханства.

1771 г. лето – Сообщение кизлярского коменданта о массовых, но безуспешных «подбегах» чеченцев между Червленной и Моздоком.

1771 г. июля 21 – Отклонение чеченскими старшинами приглашения хунзахского Магомед-нуцала принять участие в войне с азербайджанскими ханствами.

1772 г. июнь – Письма чеченских старшин генералу И.Ф. Медему и кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру с требованием не вмешиваться в их взаимоотношения с соседними народами.

1773 г. – Поездки естествоиспытателя академика И.П. Фалька в Астрахань и на Северный Кавказ с приведением материалов о Чечне.

1773 г. май – Арест русскими властями 12 кабардинских аристократов в Моздоке с целью принудить князей к подчинению и вывести вассальных ингушей из-под их власти. Кабардинские вожди выставляют на поле боя 25 тыс. человек за счет горцев Кубани, Дагестана и Чечни, чем принуждают к отступлению генерала де Медема.

1773–1775 гг. – Крестьянская война в России под предводительством Емельяна Пугачева. Крестьянский вождь использовал недовольство не только русских казаков, заводских рабочих и крепостных, но и антиправительственные настроения среди башкир, татар, казахов, мокшан, эрзян, чувашей, удмуртов и калмыков.

1774 г. – Гребенские казаки заподозрены властями в намерении бежать во владения крымского хана на Кубань из-за недовольства преследованием «старой веры» и занятием пространства между Червленной и Моздоком, находившегося в их совместном хозяйственном пользовании с горцами.

1774 г. июля 10 – Подписание Кючук-Кайнарджийского мира между Турцией и Россией, согласно которому она выходит на берега Черного моря. Крымское ханство объявляется самостоятельным от Стамбула, а ее вассал – Кабарда (Большая и Малая) отходит к России.

1774 г. – Переговоры в Моздоке о вхождении Осетии в состав России и использовании ее рудных богатств.

1775 г. – Новые антифеодальные и антирусские волнения Чечне. Обращения князей и их узденей (дворян) за помощью к русским властям. Демонстративный карательный набег генерала Медема с 2 тыс. отрядом и артиллерией на аулы на Качкалыковском хребте.

1777–1780 гг. – Окончание строительства Кавказской военной Линии от Моздока до Азовского моря (Моздокско-Азовская Линия). На территории Кабарды возникают крепости Марьинская, Екатериноградская, Павловская и другие укрепления.

1779 г. весна-лето – Набеги чеченцев и кабардинцев на Кавказскую Линию. Массовое восстание Кабарды при поддержке чеченцев и черкесов против занятия их земель под русские крепости.

1779 г. июнь-сентябрь – (9 июня 1779 г.) 15 тыс. кабардинцев и чеченцев осадили Марьинскую крепость. Их разгром войсками во главе с генералом И.В. Якоби. 27 сентября 1779 г. новое крупное сражение у крепости св. Георгия окончилось также поражением горцев.

1781 г. лето – Разведка дивизионного квартирмейстера Л.Л. Штедера по Чечне, Ингушетии и Осетии с составлением подробного описания (опубликовано в Германии в 1797 г.).

1781–1782 гг. – Возобновление русско-чеченских договорных взаимоотношений. Присягают основные аулы на Чеченской равнине и по Сунже.

1781–1799 гг. – Заселение левобережья Сунжи и Притеречья чеченскими общинниками и представителями княжеских фамилий.

1782 г. марта 3–4 – Карательная экспедиция русских войск в Большие Атаги и Алды под начальством полковника Коха и против ингушского общества Ангушт под начальством майора Река (сражения состоялись у Ханкальского ущелья и в карабулакских землях) с целью «умиротворения» всех плоскостных нахских обществ.

1782 г. сентября 30 – Просьба кизлярского коменданта А.М. Куроедова к чеченскому владельцу Р. Айдемирову принять меры по отысканию казаков, бежавших в Чечню.

1782 г. ноябрь – Комендант Кизляра требует от князя Р. Айдемирова воспретить его подвластным «вербоваться» на службу в Персию.

1783 г. июнь – В ходе попыток чеченских лидеров установить контроль над Владикавказской (Кабардинской) равниной и началом Дарьяльской дороги происходит сражение 1 тыс. чеченцев с ингушским ополчением, закончившееся захватом плоскости.

1783 г. июль 24 – Подписание в Георгиевске грузино-русского договора о протекторате России над Восточной Грузией, согласно которому в Тифлис ввели (через Дарьяльскую дорогу) 2 русских егерских батальона под начальством полковника Бурнашева.

1783 г. август – Ликвидация Крымского ханства и включение его территории в состав Российской империи. Манифест об этом был отправлен также и в чеченские аулы.

1783 г. сентябрь – Фаворит Екатерины II князь Григорий Потемкин лично распоряжается провести карательную экспедицию на равнинную Чечню с целью подкрепления обществами и аулами присяг «подданчества».

1783 г. октября 6 – происходит жестокое сражение чеченского ополчения с войском генерала П. Потемкина (племянник Г. Потемки-

на) на Чеченской равнине. 27 октября его силы вернулись на левый берег Терека.

1784 г. начало года – Смена чеченских аманатов из знатных влиятельных фамилий, содержащихся в русских укреплениях.

1784 г. апреля 25 – Заложена крепость Владикавказ. Между ней и Моздоком было сооружено 4 укрепления (Потемкинское, Кумбелевское, Григориополис, Константиновское), отрезавших, помимо прочего, от взаимного сообщения Чечню и Кабарду.

1784 г. ноября 115 – Сообщение о поездке ингушской делегации в чеченские селения, «чтобы сделать мир».

1785 г. февраля 12–13, марта 4 – Землетрясение на Северном Кавказе и 8 марта следует первое сообщение генерал-майора Пеутлинга о появлении мусульманского «святого» (Мансур) в ауле Алда.

1785 г. март – 1791 г. июнь – Освободительная война горцев Чечни и Северного Кавказа против царских колонизаторов под руководством имама и шейха Мансура.

1785 г. март – Обращение шейха Мансура к кумыкским князьям с просьбой подняться на священную войну и переход кумыкских князей и князя Малой Кабарды Дола на сторону Мансура.

1785 г. апрель – Сообщение коменданта Владикавказа подполковника Матцена, что с выступлением шейха Мансура в Чечне начались волнения и в Осетии.

1785 г. мая 5 – Указ императрицы Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества (именовалась и губернией) с включением в него Астраханской области (южная граница наместничества проходила по левому берегу Терека). В 1802 г. губерния была разделена на 2 области – Кавказскую (позже Ставропольская) и Астраханскую.

1785 г. июля 6 – Разгром чеченцами отряда полковника Пиери у аула Алды. Убито 300 солдат, 9 офицеров, в т. ч. Пиери, взято в плен около 200 чел., в том числе и прапорщик П.И. Багратион, будущий герой Отечественной войны 1812 г.

1785 г. июля 15 – Первая осада шейхом Мансуром крепости Кизляр. Взятие Мансуром Каргинского редута.

1785 г. конец июля – Переход «черного народа» в селениях Малой Кабарды на сторону Мансура. Героическая попытка войск Мансура штурмом взять крепость Григориополис.

1785 г. 19 – 22 августа – Вторая осада и неудачная попытка Мансура взять крепость Кизляр. Отход шейха Мансура от Кизляра и нападение на Томский пехотный полк.

1785 г. октябрь-ноябрь – Передвижения чеченско-кумыкских сил вдоль Терека. Создание угрозы станицам и крепостям всей Кавказской Линии. Крупное сражение Мансура с русскими соединениями полковника Нагеля в Малой Кабарде 21 ноября с использованием передвижных деревянных щитов для защиты от картечи. Нагель оставил поля боя.

1785 г. ноябрь-декабрь – Начало отхода от шейха Мансура князей, владельцев и старшин различных горских народов, их обращения к царским властям с просьбой о помиловании.

1787 г. – Указами русской императрицы 5 крепостей на Северном Кавказе, начиная с Владикавказа, были срыты, а гарнизоны спешно отведены за Терек. Выведены русские силы и из Тбилиси.

1787 г. июль – Ираклий II после ухода русских батальонов из Грузии и уничтожения Владикавказа вынужден подписать мирное соглашение с Турцией.

1787 г. август – Турецкий султан Абдул-Гамид I признал Мансура, на-ходящегося теперь на Кубани, имамом горцев Северного Кавказа.

1787 г. января 17 – Набег русских сил в Чечню под начальством полковника Савельева. Сражение на Качкалыковском хребте.

1787 г. 20–22 сентября – Имам Мансур во главе отрядов закубанских горцев и ногайцев (8 тыс. чел.) вступает в бой с русскими войсками под начальством генерала Потемкина (8 тыс. чел., 35 орудий) и терпит поражение.

1787 г. октябрь – Второе поражение шейха Мансура на р. Уруп, его уход в турецкую крепость Суджук-Кале.

1787–1791 гг. – Русско-турецкая война с охватом Северо-Западного Кавказа.

1788 г. – «Уверительная записка» царя Восточной Грузии Ираклия II старшинам глигвинцев (галгаев) о выступлении их на военную службу с обещанием жалованья.

1789 г. – Обращение шейха Мансура к заволжским киргиз-кайсацким (казахи) народам с призывом подняться против русского царя (в Младшем жузе Казахстана – между Волгой и Уралом, в 1783–1797 гг. шло освободительное движение под руководством Сырыма Датова).

1789 г. лето – Тревога в Крыму в связи со слухами о намерениях Мансура, якобы прибывшего в Крым, поднять на восстание местных татар и ногайцев.

1790 г. декабрь – Вторжение генерал-поручика Бибикова с отрядом в 7609 чел. за Кубань, против Мансура. Катастрофическое отступление русских войск после поражения под Анапой.

1790 г. июня 12–21 – Осада, штурм и взятие турецкой крепости Анапа русскими войсками под командованием И.В. Гудовича. Пленение имама Мансура и отправка его в Петербург.

1791 г. октября 15 – Отправка по решению императрицы Екатерины II шейха Мансура из Петербурга в Шлиссельбургскую крепость «на безысходное в ней пребывание».

1791 г. декабря 29 – Заключение русско-турецкого Ясского мира, который, помимо прочего, подтвердил права России на Крым, Тамань и правый берег Кубани.

1794г. апреля 13 – Смерть первого имама горцев Северного Кавказа шейха Мансура (Ушурма) в Шлиссельбургской крепости.

1795 г. сентябрь – Вторжение 35 тыс. армии во главе с шахом Ага-Мохаммед Каджаром в Закавказье, разгром грузинско-горского войска, взятие Тбилиси и разорение Восточной Грузии.

1796–1797 гг. – Персидский поход русской армии под командованием В. Зубова для овладения восточнокавказскими провинциями Ирана и Дагестаном. Шах вывел свои войска из Грузии.

1797–1798 гг. – Путешествие графа Яна Потоцкого на юг России с описанием горских земель и чеченцев (в 1829 г. в Париже публикуется его книга «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи»).

1797 января 5 – Рескрипт императора Павла I на имя генерала И.В. Гудовича на Кавказе о желании создать из местных вассальных владений приверженных к России «федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя».

1798 г. – Князь Али Алхасов из владельческой фамилии шамхалов Тарковских основал чеченское селение Али-Юрт напротив станции Галюгаевской (западнее Девлет-Гирей-Юрта на 80 верст).

1798 г. ноября 26 – Вступление в Тифлис Эриванского полка под командованием генерала Лазарева.

1799 г. – Усиление чеченских набегов в ответ на нападения русских сил. Проведение генералом К.Ф. Кноррингом переговоров с чеченскими старшинами и подписание мирных «статей» о торговле.

1800 г. июля 8 – Рескрипт Павла I генералу К.Ф. Кноррингу о проведении экспедиции на герменчиковцев и других горцев, «взяди чеченцев обитающих».

1800 г. ноября 7. – Разгром русско-грузинскими войсками 15 тыс. ополчения знаменитого горского вождя – аварского Умма-хана на р. Йори в Кахетии.

1800 г. декабря 22 (по старому стилю) – Манифест императора Павла I о присоединении Восточной Грузии к России.

1801 г. сентябрь 12 – Подписание Александром I манифеста об упразднении Картло-Кахетинского царства. Учреждение грузинского Верховного правительства, назначение генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга главнокомандующим в Грузии и губернатором Кавказской губернии.

1802 г. июль – Подавление первого вооруженного выступления в Грузии (Кахетия) против установления российского правления. Публичное принесение присяги подданства императору Александру I грузинской знатью.

1802 г. сентябрь – Назначение главнокомандующим на Кавказе генерала П.Д. Цицианова и резкое обострение русско-горских отношений.

1802 г. сентябрь – Громкий набег Бейбулата Таймиева на казачьи кордоны. Схватка с казачьими отрядами у с. Порабочевского. Взятие в плен полковника Дельпоццо.

1803 г. июнь – Экспедиция генерала Шепелева в Чечню. Хищническое разграбление качкалыкских сел Исти-Су и Наимберды.

1803 г. лето-осень – Набеги и грабежи терско-гребенских казаков под командованием полковника И. Савельева в Чечне. Усиление ответных набегов чеченцев и других горцев вглубь Кавказской Линии.

1803 г. – Закончено строительство крепостных сооружений обновленного Владикавказа близ ингушского аула Заур.

1804 г. конец мая – Отряд подполковника Максимовича из Владикавказского гарнизона хищнически разграбил карабулакские и ингушские аулы за Сунжей. Жители оказали упорное боевое сопротивление, преследуя Максимовича до стен крепости.

1804 г. июня 4 – Опубликованы грамоты Александра I о принятии Имеретии и Мингрелии в подданство России.

1804–1813 гг. – Русско-иранская война за преобладание в Закавказье, Прикаспии и Дагестане.

1804 г. май-октябрь – Вооруженное выступление южных осетин и всей горной части Картлии против произвола русских властей. К августу повстанцы взяли под контроль южную часть Военно-Грузинской дороги. На севере поднялись осетины, ингуши и чеченцы. Документы говорят о «восстании 47 горских народов» от Каспия до Черного моря. Подавление «бунта» Цициановым (вынужденным снять осаду Еревана) с особой жестокостью.

1804 г. октябрь – Карательная экспедиция князя Цицианова в Восточную Осетию.

1804–1805 гг. – Обострение русско-чеченских отношений. Информация о том, что иранский шах считает чеченцев серьезным противником России на Кавказе.

1806 г. конец июля – Переговоры нового военачальника генерала И.В. Гудовича с представителями 104 чеченских селений в Науре об условиях мирного сосуществования.

1807 г. февраля 13 – Вторжение 10 тыс. корпуса генерала С.А. Булгакова в Чечню. 17 февраля состоялось кровавое сражение у входа в Ханкальское ущелье с общенациональным чеченским ополчением (от Карабулака до Ауха, включая и дагестанские отряды) под командованием Борз-Баьриг (Волчий глаз).

1807 г. февраля 14. – Бои в Малой Чечне в карабулакских аулах с отрядами генерала Ивелича и Мусина-Пушкина, выступивших из Владикавказа на соединение с Булгаковым.

1807 г. марта 5 – Новое сражение армии Булгакова с новым общечеченским ополчением у аула Герменчик, который был взят и дотла сожжен. Однако дух сопротивления настолько силен, что командование вынуждено заплатить взятки ведущим старшинам, чтобы склонить их к присяге.

1807 г. апрель – 52 чеченских старшин, получившие денежные «дачи», подписали документ – «Постановление» о вступлении в российское подданство. В октябре того же года представители еще 12 селений подписали указанные обязательства.

1806–1812 гг. – Русско-турецкая война с развертыванием военных действий на Балканах и в Закавказье.

1807 г. июня 25 – Заключение русско-французского Тильзитского мира после поражения России и ее союзников от Наполеона.

1807–1816 гг. – Военно-политическая и дипломатическая деятельность Бейбулата Таймиева. Переговоры с русскими военачальниками о принципах взаимоотношений Чечни и России.

1807 г. ноября 7 – Предложение русским командованием Бейбулату Таймиеву офицерского чина и 250 руб. жалованья в случае перехода на русскую службу. Вызов Бейбулата в Тифлис на переговоры с главнокомандующим, генералом Гудовичем.

1808–1810 гг. – Обострение русско-чеченских отношений вследствие нарушения условий мира и взаимных набегов и стычек.

1809 г. – Выход в свет на русском языке описания путешествий на Кавказ И. Гюльденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И. А. Гильден-

штета чрез Россию и по Кавказским горам» в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб.: Императорская Академия наук, 1809.

1809 г. июнь – Совещание представителей духовенства Кабарды, Чечни и Дагестана с целью обсуждения фирмана турецкого султана с призывом подняться на войну против России.

1809 г. ноябрь – Подписание духовенством Чечни и Кабарды договора о урегулировании взаимных претензий и военно-политическом союзе.

1810 г. январь-декабрь – Бейбулат с отрядами чеченцев Большой и Малой Чечни (карабулаки) вступает в бои с российскими силами на Кавказской Линии.

1810 г. апрель – Карательная экспедиция во главе с генералом С.А. Булгаковым уничтожила в Кабарде 200 населенных пунктов и захватила огромное количество скота – главного богатства кабардинцев. Страна была принуждена принести новые присяги подданства с отказом от союза с Чечней.

1810 г. июнь-август – Обострение русско-чечено-кабардинских отношений из-за контроля над местностью Назрань и вовлечение назрановских ингушей в российское подчинение. Разбитие авангарда горского ополчения под Назранью.

1810 г. августа 22 – В Владикавказе 60 ингушскими старшинами подписан акт о российском «подданстве» и вооруженном противодействии «чеченцам и карабулакам».

1811 г. – Открытие менового двора в Науре для чеченцев.

1811 г. мая 30 – Встреча Бейбулата с генералом Тормасовым в Тифлисе. Короткое возвращение «атамана всей Чечни» на русскую службу и последующее бегство в горы.

1811 г. лето – Переговоры Бейбулата с хунзахским нуцалом о совместном выступлении против колонизаторов.

1811 г. конец августа – разгром русскими регулярными силами передовых отрядов 10 тыс. чеченско-дагестанского ополчения, двигавшегося на укрепления Назрань и Владикавказ.

1811 г. октябрь 20 – попытка 2 тыс. чеченского отряда переправиться на левый берег Терека, отбитая в течение 4 часов боя.

1811 г. вторая половина – март 1812 г. – усиление русско-чеченских контактов по вопросам прекращения набегов и заключение «дружественного договора» генерала Ртищева с чеченскими вождями в Моздоке.

1812 г. мая 16 – Бухарестский мир между Османской и Российской империями, согласно которому Россия получила права на Бессарабию, Западную Грузию, Аджарию, Абхазию и морские порты на Черноморском побережье Кавказа.

1812 г. июнь – Вторжение наполеоновской армии в Россию. Антиправительственные и антидворянские движения крестьянства в западных и центральных губерниях России.

1812 г. декабрь – Подъем народного движения против французов. Изгнание наполеоновской армии из России.

1812–1813 гг. Восстание в Кахетии (территория Арагвского, Дарьяльского и Аргунского ущелий, Хевсуретия и Пшавия). из-за отъема хлеба и тягловой силы для снабжения русской армии в Закавказье. Мятежные царевичи подняли на помощь повстанцам своих сторонников по всей Грузии, Чечне и Дагестане. Военные действия продолжались до ноября и закончились поражением повстанцев.

1813 г. начало года – Обращение грузинского царевича Александра к чеченцам, кабардинцам, осетинам и кумыкам с просьбой о совместном выступлении против русского владычества.

1813 г. января 7 – «Управляющий чеченцами» полковник Эрстов по личной инициативе с отрядом в 1,5 тыс. человек и пушками переходит Терек у станицы Шелкозаводской и хищнически уничтожает первое попавшееся мирное чеченское селение с его населением (было убито даже 30 женщин). Это вызвало в адрес набегового карателя «высочайшее порицание» Александра I и выговор непосредственного начальства.

1813 г. май – Воспользовавшись начавшимся по его же вине обострением русско-чеченских отношений, Эрстов с войсками на «законных» основаниях переходит Терек и разрушает несколько упорно оборонявшихся чеченских селений по Сунже. Это позволяет ему получить долгожданное звание генерал-майора и орден, что было невозможно в мирный период.

1813 г. конец мая-июнь – Экспедиция русских войск со стороны Грузии на Хевсуретию и верхнеаргунские «кистинские» (чеченские) общества, поддержавшие восстание в Кахетии и укрывшие мятежных грузинских царевичей. Уничтожение 20 хевсурских и 9 чеченских селений.

1813 ноября 12 – Гюлистанский мир между Россией и Ираном, по которому шах уступал России Дагестан, Картли-Кахетию и хан-

ства Северного Азербайджана. Означал начало вхождения Дагестана в состав Российской империи.

1815 г. июнь – Сообщение генерала Н.Ф. Ртищева об обращении «почетных чеченских старшин», возвращавшихся из Мекки, к турецкому султану о «подкреплении со стороны Порты против России».

1816 г. мая 24 – Назначение А.П. Ермолова главнокомандующим на Кавказе, командующим Отдельным Грузинским корпусом, затем главноуправляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях и чрезвычайным послом в Иране. Принятие в отношении горцев тактики резни («при малейшей защите истреблять...[и] не обременять себя излишним ... числом пленных...»).

Таким образом, даже такая относительно поверхностная хронология по нашей теме говорит о несравненной сложности русско-горского исторического бытия, которая нашим исследователем столь загадочным для всех образом примитизирована до последнего предела. Столь сурово оценив стадиальность и уклад горских народов, заключавших якобы в себе конфликтный потенциал, направленный, согласно Б.В. Виноградову, перпендикулярно против более развитого, прогрессивного мира России, автор, вместе с тем, упустил из поля зрения некоторые важные факты, касающиеся собственно институциональной сути российского государства и российского общества рассматриваемого периода.

§ 3. Российское крестьянство со своим укладом и стадиальностью – прямой антагонист военно-феодального государства

Внутрироссийская крепостническая практика. Цена европеизации. Рассматриваемая нами Россия в исследуемое время была прямо враждебна не только укладу и стадиальности горских народов, но и собственно русскому народу, который нещадно угнетался военно-милитаристским сословием, ведущим себя в собственной стране как на оккупированной территории. Образ действий кавказского «начальства», безусловно, был сформирован в условиях внутрироссийской практики – это

барская ненависть и враждебность к основной части русского населения – туземному «быдлу» в их глазах.

Так, в течение именно XVIII в., согласно консолидированным данным тех же школьных и вузовских учебных пособий (оставшихся неизвестными нашим профессорам–фразеологам), российское государство довело личную зависимость крестьян практически до полного рабства. Более того, во второй половине XVIII в. крепостное право распространяется на Левобережную и Слободскую Украину, Черноземный Центр, на Дон, Заволжье и Урал. Сотни тысяч государственных крестьян раздавались в награду и в «пенсион» частным и государственным лицам, тем самым переходя из рабов государства в частное рабство. По указу Екатерины II от 1765 г. помещики получили право отдавать своих крепостных в каторжные работы, а в 1767 г. появился запрет крестьянам подавать на ее имя жалобы на помещиков.

Таким образом, начиная с Петра I главным способом решения проблемы оплаты амбициозных имперских проектов стало, по мнению известного историка С.М. Иванова, «расширение поместного землевладения и увеличение числа крепостных крестьян для обеспечения достойного содержания служивого дворянства, этой опоры растущей империи и проводника реформ... рост империи и ее вестернизация сопровождались усилением крепостничества»²²⁹.

«Кавказская» война в границах Российской империи. Какой же стадиальностью и традиционным укладом русского народа надо объяснять то обстоятельство, что от политики Петра I и его ближайших сотрудников и преемников крестьяне и другие податные сословия массами бежали в глухие леса, за границу и на окраины (Западную Украину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, Урал, Сибирь, Башкирию, Яик, Дон, Крымское ханство, Кубань, Чечню и Дагестан), сжигали себя в скитах

²²⁹ Иванов С.М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время). М., 2000; При этом автор ссылается на известное положение Н.С. Трубецкого: «Военная служба и крепостное право существовали и в допетровской Руси, но страной милитаристической и крепостнической по преимуществу Россия стала только в эпоху европеизации» (Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре //Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993. С. 76).

и оказывали массовое вооруженное сопротивление, переходившее порой в крупные восстания и войны? Так, только в начале XVIII столетия в стране происходят такие мощные внутренние вооруженные конфликты, как Астраханское восстание (1705), Терское восстание (1705), Булавинское восстание (1707–1709), которое интерпретируется и как крестьянская война, национально-освободительная война на Урале и в Поволжье – Башкирское восстание 1704–1711 гг. и т.д., и т.п.

Население России за примерно 30 лет правления царя-реформатора уменьшилось на 20 % (за счет вымирания и бегства) и продолжало уменьшаться. К 1727 г., только по официальным данным, было зарегистрировано около 200 тыс. беглых. Причем крестьяне снимались с мест целыми деревнями и уездами. «В 1735 г. в дворцовых селах Морозовской волости Можайского уезда ушло более половины всего населения. В 1742 г. только в одном Переславль-Залесском уезде остались пустыми 68 помещичьих деревень. В 20–30-х годах из 16 вотчин князя А.М. Черкасского бежали свыше 11 тыс. человек... В 1731 г. за сокрытие беглецов и «разбойников» полагалась «смертная казнь, без всякой пощады»²³⁰. Вот такая вот «стадиальность» и «соборность».

В 40–50-х годах XVIII в. по всей стране прокатывается волна выступлений монастырских крестьян, насчитывавших к середине века около 1 млн. душ мужского пола и другого крепостного люда. Причем крестьянский отказ от работ обычно завершался жестокими порками и экзекуциями со стороны присланных воинских команд. В вотчине Бестужева в Псковском уезде 2 тыс. толпа устроила настоящее сражение с карателями, число одних убитых крестьян составило свыше 50.

Волнения происходили и среди нерусских народов. Так, в 1743 г. вспыхнули волнения мордвы в Терюшевской волости Нижегородской губернии, поводом к которым послужил приказ разрушить мордовские языческие молельни и сжечь «свя-

²³⁰ Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XX века. В 3 томах. Раздел II. Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II. Глава 9. Социально-экономическое развитие России и социальные взрывы во второй четверти XVIII века. § 6. Социальные взрывы и национальные движения после Петра I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bohan_2/66.php

щенные роши». Мордовцев активно поддержали русские крестьяне, и число участников сопротивления достигло 6 тыс.; из Нижегородской губернии волнения перекинулись в уезды Воронежской и Казанской губерний. Взявшиеся за оружие крестьяне сумели продержаться около двух лет. После разгрома повстанцев каратели сжигали их вождей на кострах.

Сопротивление наблюдалось и среди работных людей, «вечноотданных» к фабрикам и заводам, и среди т.н. приписных крестьян уральских горных заводов²³¹.

Что говорить о Крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева в 1773–1775 гг., когда повстанцы брали штурмом русские города и крепости и, по существу, потрясли основы всей империи? Отметим, что в период Крестьянской войны только в Поволжье повстанцами было убито 1572 дворян – мужчин, женщин и детей. Это был ответ русских крепостных рабов на нескончаемое хищничество со стороны русского дикого барства.

Только с конца XVIII – начала XIX в. (1796–1817 гг.) в России крестьяне произвели почти 600 крупных выступлений, включая в ряде случаев разграбление поместий и убийство помещиков²³², что заканчивалось вызовом воинских команд, убийствами крестьян, розгами, пытками и ссылкой на каторгу. Это была то затихавшая, то вновь вспыхивающая внутренняя война, растянувшаяся на столетия. Ну, совсем как на Северном Кавказе!

Империя и русский традиционный уклад. Вместе с тем, чтобы не дать возможность даже намеком трактовать все вышепоказанные явления (на первый взгляд, социальные) иначе, как антигосударственные (империя являлась собственностью исключительно военно-феодального сословия), остановимся на проблеме «российская государственность и традиционный

²³¹ Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с древнейших времен до конца XX века. Кн.2 . Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II. См.: Глава 9. Социально-экономическое развитие России и социальные взрывы во второй четверти XVIII века § 6. Социальные взрывы и национальные движения после Петра I. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [gumer.info>Mobi>History/Bohan_2/31.php](http://gumer.info/Mobi/History/Bohan_2/31.php)

²³² Сборник документов по истории СССР. Первая половина XIX века. М., 1974. С. 40 – 41.

русский уклад с его стадиальностью, духовностью и соборностью» в условиях высочайшего патриотического подъема – Отечественной войны 1812 г. Прочитируем здесь историка Е.Н. Понасенкова, автора монографии «Правда о войне 1812 года» (М., 2004), тезисно изложившего свои соображения отдельной статьей для прессы и интернета ²³³.

«Вначале на сторону армии вторжения (французской. – Авт.) переходят национальные окраины (в Литве даже сформирован большой корпус для борьбы с **русскими оккупантами**: около 20 000 бойцов в составе 15 эскадронов, 18 батальонов и 1 арт. роты. – Понасенков Е.Н. Указ соч., с. 141), затем по всей России усиливаются крестьянские выступления против помещиков (один из главных сюжетов переписки русских дворян – страх перед тем, что крестьяне, среди которых уже ходит слух о том, что «пришел Наполеон нам волю дать», поднимут восстание...).

За двести лет ни один историк не акцентировал внимания на известных документах – на официальных «приказах по армии» М.И. Кутузова, где первой фразой и главной темой была проблема мародерства (среди своего же населения!) и колоссального дезертирства из армии! И это в дни Бородина! Вот что гласит, например, приказ по армии № 2 от 18 августа (по старому стилю): «Сегодня пойманы в самое короткое время разбродившихся до 2000 нижних чинов. Сие сделано не старанием начальников, но помощью воинской полиции... Привычка к мародерству сею слабостию начальства, возымев действие свое на мораль солдата, обратилось ему почти в обыкновенное...».

...В 1812 году **крестьянская война против крепостничества и царского режима** охватила почти всю империю – 32 губернии (Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967, с. 130). Это больше, чем во времена подавленной любимцем отечественных «патриотов» Суворовым пугачевщины! Таким образом, параллельно с одной войной происходила другая. Крестьян-

²³³ Понасенков Е.Н. Почему войну 1812 года никак нельзя назвать «отечественной». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: diletant.ru Статьи|дополнительные материалы

ские бунты *мгновенно* вспыхнули как в центральных губерниях (Московская, Смоленская, Витебская, Могилевская, Минская), так и в отдаленных (Вологодская, Пермская, Тамбовская, Саратовская, Оренбургская; подробнее см.: Бабкин В.И. Классовая борьба в период Отечественной войны 1812 г. Иваново, 1984).

Я подчеркну: война крестьян против помещиков и режима имела несравнимо больший фронт, чем локальная кампания Наполеона! Восстание Дорогобужских крестьян в официальных документах даже назывались **«революцией»** (Савин Н.И. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых Дорогобужского уезда Смоленской губ. Дорогобуж, 1926. С 10, 23)! Крупнейший бунт (более 20 тысяч участников!) произошёл в 12 волостях Пермской губернии (Бабкин В.И. Указ. соч. С. 96–97). А самым жестоким подавлением «прославилось» вооруженное восстание *ратников* Пензенского ополчения. Семь тысяч ополченцев захватили город Инсар, посадили в тюрьму офицеров. **Горожане поддержали крестьян:** «Это не Пугачёво: тогда вас не всех перевешали, а нынче уже не вывернетесь!» – предупредили бунтовщики дворян (Шишкин И. Бунт ополчения в 1812 г. // Бунт военных поселян в 1831 г. СПб., 1870, с. 245). Кутузов направил против повстанцев войска. После кровопролитных столкновений бунт был подавлен. **Плененным ратникам вырывали ноздри, до смерти секли палками: так расправлялись одни православные люди с другими** (Годин В. С. Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. // Краеведческие записки. Пенза, 1963, Вып. I, с. 25). Теперь, зная об этих фактах, ответьте мне честно на вопрос: о какой «отечественной» войне против французов может идти речь? **Скорее, это была гражданская война в России на фоне локальной русской кампании Наполеона...**

Знаменитый хабрец, в будущем «покоритель Кавказа» генерал Алексей Петрович Ермолов вспоминал, что уже после оставления русскими Смоленска **«атаман Платов перестал служить, войска его предались распутствам и грабёжам, рассеялись сонмищами, шайками разбойников и опустошили землю от Смоленска до Москвы.** Казаки приносили менее пользы, нежели вреда» (Понасенков Е.Н. Указ. соч. С. 207). Их стоянки напоминали, по выражению будущего на-

чальника Третьего отделения Александра Христофоровича Бенкендорфа, «воровские притоны»... Даже создатель официозов для «Николая Палкина» А.И. Михайловский-Данилевский был вынужден записать: «... меня уверяли достоверные люди, что Платов посылал на свой счет грабить деревни и села, и отправлял на Дон несколько обозов с похищенными таким образом вещами». (Там же. С. 145)...

Вот свидетельство о роли и поведении дворянства в 1812 году князя С.Г. Волконского: «В годину испытания... не покрыло ли оно себя всеми красками чудовищного корыстолюбия и бесчеловечия, расхищая все, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратников, и рекрутов, и пленных, несмотря на прославленный газетами патриотизм, которого действительно не было ни искры?..» («Вестник Европы», 1867. Кн. 2. С. 197)...

Крестьяне оказались достойны своих недостойных хозяев. В 1812 году они начали самую настоящую войну против помещиков, армии и государства (это официозные историки всегда замалчивали). К примеру, 28 (10) июля под местечком Голубичи вооруженные земледельцы напали на большой войсковой транспорт 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли, захватили все повозки с вещами Каргопольского, Рьльского и Московского драгунских полков («Совершенно секретно». № 8, 2012. С. 15–16.)... Подобные *военные* действия против «своих» стали нормой (подробнее о десятках похожих случаев в ходе *всей* войны – см.: Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года)...

В итоге, из собранного силой ополчения 1812 года практически сразу дезертировало 70 % состава («Совершенно секретно». № 8, 2012. С. 15)! И оставшимся 30 % ждать от жизни было нечего – еще в июльском воззвании к своим подданным Александр предупреждал: как только война закончится, крестьяне обязаны вернуться в свое «первобытное состояние» (Бутурлин Д.П. Указ. соч. С. 99)...

Одна из *запретных* тем – коллаборационисты. До наших исследований 2000–2004 гг. никто из ученых ее основательно не поднимал, а в советское время и просто не упоминали ни полусловом! Между тем, мне довелось выяснить, что **коллаборационистов в 1812 году оказалось предостаточно: настоящий бум!** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)...

И, конечно, не обошлось без попов: Святейший синод констатировал, что «две трети духовенства по могилевской епархии учинили присягу на верность врагу» (Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Под ред. К.А. Военского. Т. 3. СПб., 1912. С. 236). Архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел всей епархии называть «впредь... в благодарственных молебствиях вместо Александра французского императора и италийского короля великого Наполеона» (Там же. С. 170). Православные священники Смоленска встречали Наполеона со всевозможными знаками покорности; в Минске епископ отслужил торжественную обедню, в Подолии и на Волыни церковники раздали прихожанам листки с текстом «Отче наш», где «вместо имени бога вставлено имя императора французов» (Там же. Т. 1. С. 361; Т. 3. С. XV–XVI; Андреев П.Г. Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1959. С. 57–58)...

Наполеон, как известно, не просто не желал освобождать крестьян из крепостного права, но даже и всячески сопротивлялся подобным порывам, происходившим от самих крестьян... Но крестьяне, *озверевшие* от вековых цепей и несправедливости, весьма энергично стали переходить на сторону «нового хозяина» (которому, как я уже говорил, такой «подарок» был совершенно некстати!)...

В итоге – слушаем перечисление фактов. Крестьяне Рославльского, Сычевского (это «коренная Русь»!) и Печорского уездов перестали повиноваться властям..., заявив, что они теперь «подданные французов»! В Дорогобужском уезде начались бунты против царских властей в деревнях: Алексино, Подопхай, Баканово, Заборье, Маркова, Пустошка, Верегово, Потапово, Чесноковка, Митино (подробнее – см.: Савин Н.И. Указ. соч.). То же самое – в Вяземском уезде. В Юхновском уезде «крестьяне некоторых селений от вольнодумия начинают убивать до смерти господ своих и подводят французов в те места, где оные от страха укрываются» (Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 382). Крестьяне Волоколамского, Серпуховского, Коломенского, Покровского уездов Московской губернии заявили, что «Бонапарт в Москве, а стало быть, он их государь...»

Понятное дело, что и народное движение против французов (особенно при их отступлении) также наличествовало. Партизанские отряды русских крестьян нападали на отдельные отряды врагов, особенно в Московской и Калужской областях. Тем не менее, из таких вот приведенных выше материалов усматривается настоятельная необходимость решения вопросов о вредоносной «стадиальности и укладности» на другом, более обширном историческом материале, нежели чем избранном Б.В. Виноградовым и Ю.Ю. Клычниковым. А уже потом, следуя методике сравнительно-исторического анализа, они могли бы вернуться и к мелкотемью нашего региона, если оное желание не исчезло бы вконец.

Люди не знают истории своей страны. Сказанное выше тем более важно, что, по примеру рассматриваемых авторов, введших скандальный дискурс вражды и ненависти в рассмотрение прошлого и настоящего горских народов, оное националистическое бешенство стало понемногу входить в моду в научных кругах Северного Кавказа. Появляется гиперболизация «мнимых горских достоинств» по любому поводу и без повода. Но теперь мы видим, что подобных мнимых «достоинств» было более, чем достаточно, и в истории других, более значительных народов.

А вот молодой кандидат исторических наук Скворцов А.А. даже в своем ограниченном по объему автореферате²³⁴, посвященному ситуации на Северном Кавказе в период 1812–1815 гг., удосужился развернуто указать следующее: «О набегах горцев, воровстве, разбойничестве имеется информация в различных архивных фондах, в частности, в ГАСК. Наиболее важными здесь являются дела о горских народах и о происшествиях по Кавказской губернии в 1812–1815 гг.: «Рапорты нижних земских судов, городских полиций о происшествиях по Кавказской губернии за 1812 год»; «Рапорты Моздокского, Георгиевского и других земских исправников о происшествиях» (за 1813 г.); «Ведомости о происшествиях по Кавказской губернии» (1812, 1813 гг.); «Рапорты о намерении горских народов напасть на Кавказскую губернию» (1812 г.); «Отношение генерал-майо-

²³⁴ Скворцов А.А. Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном, и историческая память местного общества об эпохе 1812–1815 гг. Автореферат канд. дисс. Ставрополь, 2008.

ра Портнягина о построении оборонительных укреплений в селениях с целью защиты от набегов неприятеля» (1812 г.); «Рапорты нижних земских судов, полицмейстеров и др. о происшествиях по Кавказской области за 1813 год»; «Ведомость и рапорты о происшествиях по Кавказской губернии 1814 г.»; «Отношение ген.-м. Дельпоцо о мерах защиты от набегов горцев. 1814 г.»; «Отношение генерал-майора Дельпоцо о набегах горцев на жителей г. Кизляра. 1814 г.»; «Прошения для защиты от набегов и грабежей...» и т.п.

Теперь мы можем указать Скворцову (и иже с ними) на необходимость в плане объективности привести документы о грабительских набегах русских войск и казаков не только на горские, но и на коренные русские земли в рассматриваемый период и в обязательном порядке ознакомиться с материалами о впечатляющих выступлениях русских крестьян в 1812 г., происходивших во всех губерниях Европейской части России. Как уже описанных выше, так и подобных этому: «Крестьяне помещиков Малиновского и Репнинского в Полоцком уезде с начала июля [1812 г.] «взбунтовались, вышли из повиновения у своих господ...». Против крестьян был послан отряд Московского драгунского полка, которых карателей крестьяне встретили, будучи вооруженными «ружьями... кольями». Отряд вынужден был отступить, преследуемый крестьянами до деревни Казулино, где 9 августа ночью он был окружен. И «бунтовщики со стрельбою и большим криком бросились на команду, смяли оную, убив до смерти 2 человека драгун, поручика Квятковского и заседателя Ольшевского прибили бесчеловечно, потом перевязали схваченных ими одного унтер-офицера и 11 человек рядовых драгун и отвели в Полоцк к французам»²³⁵.

Уважаемые профессора! Вы просто-напросто не знаете историю нашей страны! Вы не знаете (или зная, скрываете), что против такой хищнической империи выступало, вплоть до вооруженного сопротивления, прежде всего многомиллионное русское «туземное население». Масштабная война с «таким государством» шла не только и не столько как на Кавказе.

²³⁵ Бабкин В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 343–350.

Соловей В.Д. об этническом аспекте конфликта русско-го народа с государством и правящими классами. Указанный современный философ исследовал ряд воззрений, высказанных в трудах русских писателей, философов и историков последних двух веков относительно причин столь острого характера векового классового противостояния в России вылившегося наконец в кровавую гражданскую войну 1918–1921 гг.

Автор напоминает, что для низших слоев российского общества «социальные отношения приобрели очевидный оттенок национального угнетения». И дело не только в повышенной роли «немцев» в госаппарате и армии, что было ощутимо. Главным был «драматический культурный разрыв между простонародьем и образованными классами, пусть даже в значительной мере укомплектованными выходцами из народа»²³⁶. Объективно, русская элита – этнически, культурно и экзистенциально – была чужда русскому народу.

Отчуждение началось с раскола русской церкви и петровских реформ; по мере вестернизации страны оно только усиливалось. Причем, по мнению В.Д. Соловья, этническое отчуждение «от управляемого большинства составляло сознательную стратегию российского правящего сословия». Для того чтобы так беспощадно и жестоко эксплуатировать свой же русский народ, «элите надо было порвать с ним культурно и экзистенциально; имперская власть в России должна была приобрести нерусский и даже антирусский облик». Все это позволяло дворянству смотреть на русских как на другой, низший народ, «нуждающийся в руководстве и цивилизаторском воздействии»²³⁷.

Поэтому, стоило ли удивляться тому обстоятельству, что «народ (русский народ, не горцы и не чеченцы. – Д.Б., Я.А.) отвечал колонизаторам взаимностью, то есть держал их за врагов и оккупантов?» В Российской империи образовались своеобразные этноклассы. Причем, что любопытно (и дает, на наш взгляд, некоторую переключку с народами Северного Кавказа), русское народное представление о государстве «носило сти-

²³⁶ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С.124–125.

²³⁷ Ну все как у рассматриваемых нами авторов, только у них вместо русского народа – горские.

хийно-демократический характер». Русская земля мыслилась «федерацией самоуправляющихся крестьянских миров» (своеобразная концепция христианской демократической нации). В целом, русская этническая идентичность не только не совпала с дворянско-имперской, но и «находилась в постоянном конфликте с нею»²³⁸.

Потому, резюмирует профессор В.Д. Соловей, революционная динамика начала XX в. в России «фактически была национально-освободительной борьбой русского народа против чуждого ему в социальном, культурном и этническом смыслах правящего слоя и угнетающей империи»²³⁹. Наверное, уместно дополнить указанный вывод выношенным суждением исследователя крепостного быта в России Б.Ю. Тарасова: «Приходится признать, что двести лет дворянского ига в истории России по осуществленным разрушительным последствиям на характер и нравственность народа, на цельность народной культуры и традиции превосходят любую потенциальную угрозу, исходившую когда-либо от внешнего неприятеля. Государственная власть и помещики поступали и ощущали себя как завоеватели в покоренной стране, отданной им «на поток и разграбление»²⁴⁰.

Приведенное выше придется не раз вспоминать, читая последующие страницы рецензируемой монографии. И не раз отмечать впечатляющий разрыв ее авторов не только с внутренним содержанием приводимых фактов, но порой и со здравым смыслом вообще.

§ 4. Явление конфронтационного прочтения Кавказской войны клычниковыми и виноградowymi

Тезисы клычниковых и виноградowych. Подобный развернутый разговор, навеянный чтением первого очерка разбираемой нами монографии, позволяет нам сэкономить не одну страницу

²³⁸ Там же. С. 126–128; С. 130; См. также: Шевченко Михаил. Сквозь Мутное время. Русский взгляд на необходимость сопротивления духу века сего: книга публицистики. М., 2013. С. 83–85.

²³⁹ Там же. С. 133.

²⁴⁰ Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. История народного рабства. М., 2011. С.151.

при рассмотрении очерка 2: «Влияние горского традиционного уклада на реалии и перспективы российско-северокавказского взаимодействия во время «силового периода» взаимоотношений» (так озаглавлен феномен Кавказской войны, или национально-освободительного движения горских народов против царизма), принадлежащего перу, скорее всего, Ю.Ю. Клычникова (надо отметить, что в профессиональном плане он стоит на голову выше Б.В. Виноградова, тупо напирающего больше на элементы внушения и психологического программирования).

Можно сказать, сразу, что обеих авторов – Б.В. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова (мы исключаем здесь умершего до выхода книги соавтора В.Б. Виноградова), связывает не только тематика горской истории, но и еще одно общее свойство – ксенофобия и примитивный нацизм. Страх, в данном случае перед чуждыми (для них лично!) народами и их представителями. Основная причина, по которой антисоциальные личности типа Виноградова и Клычникова ведут себя в науке конфликтно, в подавляющей манере заключается еще и в том, что для людей подобного типа, как некогда в глубокой древности, НЕ МЫ являются врагами, которые физически или психологически должны быть уничтожены. Само же их, авторов, выживание полагают они, зависит от «сдерживания других». Чужие успехи пугают людей подобного склада, им кажется, что успешные люди угрожают выживанию ИХ группы ²⁴¹.

В данном очерке есть не только СВОЕ видение проблемы Кавказской войны, но и, на их взгляд, ЛИНИИ, проводимой «лицами кавказской национальности», ее изучающими. Приведем длинную цитату: «Данные тенденции определили преимущественно положительное, во многом комплементарное историографическое и общественное восприятие движений горцев против «царизма». Региональная историческая наука, комплек-

²⁴¹ Так Адольф Гитлер ненавидел евреев, полагая, что они обладают преференциями перед немцами и добиваются власти над арийцами и над всем миром. Эта мания в Третьем рейхе была воплощена в стройную государственную бюрократическую систему, направленную на неумолимое уничтожение евреев (позже и тех же «расово неполноценных славян») даже при возникновении при этом конкретного ущерба военным и национальным интересам Германии.

туемая в значительной степени «национальными кадрами», развивалась в русле обозначенной тенденции. **Подобное положение вещей вписывалось в реалии национально-государственного строительства в северокавказских автономиях, где «титультные» народы получали все больше негласных преимуществ в сравнении с остальным населением** (выделено нами. – Д.А., Я. А.). Конец 80-х – начало 90-х гг. ознаменовался переломом в традиционной системе координат оценивания российско-горских взаимоотношений вообще и периода «Кавказской войны» в частности. Именно в это время, на наш взгляд, происходило структурирование сил и идеологом «национальных» историков. И дело здесь не только в фактическом их возврате в 1990-е гг. к постулатам пресловутой концепции «абсолютного зла», характерной для 20–30-х годов, и в издании за два десятка лет огромного количества книг и сборников статей (материалов конференций), где в большей или меньшей степени, при наличии определенных подвижек и модификаций, демонизировались политика России на Северном Кавказе при идеализации жизненных привычек и действий горцев и их стадийного уровня развития... «центр тяжести» «правоты» горцев по отношению к России перемещается из социально-классовой в чисто этническую плоскость.

... Именно такое положение вещей и позволяет нам говорить о «национальном историописании», «национальных историках». Любопытно, что в последнее время есть попытки сконструировать **некий единый фронт действий «северокавказцев» против экспансии России** (выделено нами. – Д.А., Я.А.), ...». И, наконец, последний гвоздь: «Ведь для «национальных» историков оспаривание правоты их собственных народов в столкновении с «царской», советской (а то и современной российской) властью является той ересью, с которой необходимо бороться, исходя из весьма своеобразных представлений о достоинстве горцев, их народной памяти» и современных политических интересах»²⁴².

Еще на предыдущих страницах авторы рецензируемой монографии с редкостной безапелляционностью заявили, что объявление в историографии советского времени царской

²⁴² Виноградов Б.В. Виноградов В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 57–59.

России «тюрьмой народов» привело к оценке ее политики на национальных окраинах как «колониальной», что было продиктовано чуть ли не «Кратким курсом ВКП (б)». При этом, якобы, колониальная практика России на окраинах «оставалась недоказанной», а трактовка «горских антироссийских выступлений в качестве антиколониальных, народно-освободительных» вводила исследователей от «внутренней семантики этих движений». Тем не менее, в силу классовых подходов горские движения стали, мол, определяться еще и как антифеодалы.

Логическая семантика содержит, как известно, теорию референции (обозначения) и теорию смысла. Вторая часть, как наглядно видно из приведенного текста, осталась недоступной для наших оппонентов²⁴³.

Вот таково начало любопытного очерка № 2, в котором национально-освободительная борьба горских народов виртуально-фразеологически исторгается из исторической реальности и предстает неким грубым мыслительным просчетом первых советских идеологов и историков, а все попытки т.н. «национальных историков» исследовать вопросы Кавказской войны и русско-горских отношений в целом носят, по их мнению, вполне предосудительный, если не политически преступный характер.

И что беспокоит, что такие субъекты, как Ю.Ю. Клычников и Б.В. Виноградов, впадают в обиду и нервную суету, когда им указывают, что их труды ничего общего с наукой не имеют²⁴⁴.

Рецензируемый очерк, как по постановке, так и по разрешению заявленных задач, абсолютно не вносит новизны в отечественную историю. Поставленные в нем якобы «проблемы» представляются умозрительными и неаргументированными, служащими идеологии и практике информационной войны, направленной на расшатывание общественно-политической ситуации в России. Тем не менее, хотим привести от нашего имени и некоторые конкретные суждения.

²⁴³ Там же. С. 56–57.

²⁴⁴ Мы уже отмечали ранее, что труды того же Ю.Ю. Клычникова (защитившего в 2006 г. с научным консультированием известного графомана В.Б. Виноградова докторскую диссертацию «Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.)» нуждаются в самом пристальном критическом внимании.

Прежде всего отметим, что представление о Северном Кавказе, Средней Азии и некоторых других районах как землях, завоеванных русской царской армией силой оружия в ходе длительной жестокой войны (независимо от идеологии и парадигм, воли и желания «национальных» историков), сложилось в результате всестороннего и тщательного документирования своих действий собственно представителями царской армии и властными институтами империи. С возведением, естественно, своих, в том числе предосудительных, деяний в героизм и заслуги. Все это отложилось громадным корпусом самых разнообразных документов в архивах и частично в публикациях. С этим бы следовало разобраться нашим ксенофобам, а затем переходить к «национальным» и иным неугодным историкам по тем или иным конкретным вопросам.

Складывание партийно-националистического дискурса горской истории. Второе: дискурс о Кавказской войне как таковой, как и о национально-освободительном и героическом характере борьбы горских народов, – не изобретение сталинского режима и национальных историков, а серьезное научное направление как передовой русской исторической и общественно-политической мысли, так и европейской исторической науки и восточно-исламской историографии XIX–XXI веков. В отличие от магистральной линии развития мировой и русской исторической науки «раньше и теперь» – голословные и неприятные, отдающие националистическим духом идейки о набеговой экспансии горцев, защитном характере действий русских войск на Северном Кавказе и обусловленной их стадийностью ущербности горцев возродились (после 1917 г.) только в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в.²⁴⁵ Они принадлежали зачастую лицам фашизоидного типа (со своеобразным общественно-психологическим складом), ставшим столь типичными для городов и весей нашей огромной страны (националисты, сталинисты, фашисты, фанаты, скинхеды, гопники, расисты, нацисты и просто сумасшедшие, и т.д. и т.п.). Но, к сожалению, и некоторые дипломированные ученые-историки решили, что

²⁴⁵ Если не считать уже упоминавшейся нами статьи М.М. Блиева, вышедшей в 1983 г.

раз началась «Отечественная война против чеченского народа», следует и им поучаствовать в формировании образа врага.

Как известно, период «разрешенного» изучения главного аспекта Кавказской войны – национально-освободительного и антифеодального движения горских народов – в нашей стране продолжался недолго²⁴⁶, скажем с 1917 до 1944 г. (когда была разрушена Чечено-Ингушетия, а чеченцы и ингуши на 13 лет буквально вычеркнуты из истории – это обстоятельство, наверное, относится к числу тех важных «преференций», которые горцы, по мысли Клычниковых, получили от советской власти).

После молчания по поводу движения горцев наступают, начиная с 1947 г., открытые гонения, а в 1950 г. орган ЦК ВКП (б) газета «Правда» четко указала, что движение горцев под руководством Шамиля «являлось реакционным, националистическим и находилось на службе у английского капитализма и турецкого султана». Буквально следом в журнале «Большевик» глава компартии Азербайджана М.Д. Багиров публикует статью «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля», в которой утверждал, что в указанном движении «ничего народного, демократического не было и не могло быть»²⁴⁷. В 1953 г. был издан совершенно тенденциозный документальный сборник, посвященный движению и имаму Шамилю²⁴⁸.

В первой части своего исследования мы уже говорили, что период оттепели в плане «разрешенности» исследования «движения Шамиля» наступает в 1956 г. Закончился он сравнительно рано – в начале 60-х гг. XX в., когда было предложено считать идеологию «кавказского мюридизма», ну, очень... реакционной. В течение брежневского правления историки, согласно партийным указаниям, искали в прошлом своих наро-

²⁴⁶ Хотя уже в самом начале 30-х гг. власть пыталась контролировать некоторые процессы в исторической науке. См.: Буркин И.Г. Великодержавность и национализм в горской историографии // Революция и горец. № 5. Ростов-на-Дону. 1931.

²⁴⁷ Гашимов Р. Р. Борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50-х гг. XIX века в советской историографии. Автореферат дисс. Канд. ист. Наук. Махачкала, 2003. С. 14–15.

²⁴⁸ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш. В. Цагарейшвили. Тбилиси, 1953.

дов то, что их объединяет с русским народом, а не разъединяет (вследствие чего пошли процессы легкого культурного этноцида). На закате брежневизма, как и характерно идеологической агонии подобных режимов, возникли фантомы блиевщины и виноградовщины.

Ситуация сегодня. Перо и арматура. Да, Ю.Ю. Клычников и Б.В. Виноградов правы в том плане, что, начиная с эпохи перестройки и по сегодняшний день, в Российской Федерации вышло много работ разной значимости, проведены десятки научных конференций, посвященных истории национально-освободительных движений народов Северного Кавказа, Татарстана, Башкирии, разоблачению эпохи большевизма, сталинщины и тоталитарной системы в целом. Настоящий переворот происходит на наших глазах в рассмотрении внешней политики царской России, крестьянских войн, русского революционного движения, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и т.д. Ведь историки молчали о национально-освободительном движении горских народов и Кавказской войне, по крайней мере, с 1947 г. (с небольшим перерывом в 1956–1960 гг.) вплоть до 1988 г., почти 40 лет. Чему удивляться, когда этот вакуум стал бурно заполняться. Не во всем этот процесс сохранил научную чистоту опыта, так как «в историки» повалили буквально все, за редким исключением, едва ли не все половозрастные жители Российской Федерации. В том числе и наши дипломированные скринхеды от науки, типа виноградовых и клычниковых.

Кто-то шагает в берцах с арматурой в руках в «стаи» и спартанские клубы, а кто-то, повязав галстук, идет в общественные движения, в ЛДПР и даже в науку. Но что делать? Демократия плохо приспособлена для установления какого-либо диктата, не говоря даже об определенном порядке в науке; в современной истории все двери открыты всем.

Ксенофобия и одержимость – вместо науки и поиска истины. Все последующие суждения, высказанные авторами в рассматриваемом очерке, как нам представляется, вызваны не только свойствами «подавляющего» типа личности, со страхом воспринимающей любое мнение, кроме как солидарных с ним, по ксенофобской одержимости.

Мы видим здесь самое шокирующее невежество и фанатерию. Судите сами: «...в горах пальма первенства (в традиционном хозяйстве. – Д.Б., Я.А.) переходила к овцеводству и козоводству... «Промышленность» выступала в качестве домашних промыслов, а торговля имела преимущественно обменный характер. В качестве компенсирующего экономического фактора выступала практика наемничества и набегов»²⁴⁹. Весь этот набор тщательно сконструированных фразочек обосновывается ссылкой на такой научный авторитет как ... «академик» В.Б. Виноградов (весьма «авторитетный» графоман и шарлатан!). Только вот к науке все это не имеет никакого ровного отношения, так же, как «ководство» к скотоводству в горах Большого Кавказа (здесь разводили исключительно овец и коров горной породы).

«Нередко, особенно в советской историографии, звучали заявления о колониальной, экономической подоплеке поглощения империей этого края», говорится в очерке. Но здесь, мол, не было никаких привлекательных для эксплуатации природных богатств (нефть еще не стала привлекательной) или транзитных торговых путей, а «порабощение и эксплуатация горцев также были бы шагом неоправданным... Воспитанные в духе маскулинных ценностей, они... не были носителями каких-то выдающихся профессиональных производительных навыков...» и т.д., и т.п. Сколько здесь высказанного через губу «цивилизационного» превосходства! Главный интерес заключался, мол, в военно-стратегической необходимости, чтобы «эффективно оборонять собственную территорию от враждебных вторжений»²⁵⁰. Бедняги не знают ответа, а он на поверхности – земля! Вот главное богатство империй – земля, на которой она расселяет «своих».

Границы Российской империи. Безусловно, русская военно-феодалная империя (как, впрочем, любая империя того времени и ранее) на первое место ставила военные, завоевательные задачи: границы империй выдвигались далеко вперед в земли других народов, а затем их обороняли от этих самых народов. Как-то границы России, благодаря присоединению Восточной Грузии, оказались в 1801 г. далеко на юге, за Кавказским хребтом (в полутысяче верст от «вольной», еще непокоренной Чечни).

²⁴⁹ Виноградов В.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 60.

²⁵⁰ Виноградов В.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 60–61.

Однако, удивительное дело эти границы: «Они [русские] верили, что граница Русского государства проходит там, где находится передовая линия русской армии», – пишет один из современных грузинских авторов. В 1829 г. великий русский поэт А.С. Пушкин оказался в Азиатской Турции (турецкое Закавказье) в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в лагере командующего И.Ф. Паскевича, когда русские войска впервые вторглись столь далеко в границы Османской империи. «В своем известном произведении «Путешествие в Арзрум» он пишет: «Вот и Арпачай», – сказал мне казак. Арпачай! Наша граница! ... Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России»²⁵¹.

Освоение горских земель как имперская задача. Возвращаясь к вопросу сомнительности тезиса «о колониальной, экономической подоплеке поглощения империей этого края», объясним сие неосведомленностью автора. Между тем, обширные северокавказские земли по окончанию строительства Кавказской Линии от Каспия до Азова начинают немедленно осваиваться переселенцами из России, как «вольными крестьянами», так и помещиками. К 1775 г. русские дворяне-крепостники успели получить в Предкавказье 403 300 десятин земли. С 1784 г. здесь создают поселения и за счет отставных солдат. С 1786 г. последовал указ Екатерины II о переселении казенных крестьян, и «в том же году начали приходиться [в Кавказскую губернию] из многих таких губерний, в коих великие недостатки в землях они имели; ... получают на каждую душу по 15 десятин земли...» Одновременно увеличивалось количество станиц и казаков, в 1792 г. число последних в станицах по Тереку достигло более чем 11 тыс. человек мужского пола ²⁵².

²⁵¹ Бухрашвили Паата. Русское колониальное сознание и закавказская этнополитическая реальность // История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде. Статьи ученых-историков и экспертов из Азербайджана, Армении и Грузии. Ереван, Ереван, 2010. С. 138.

²⁵² См.: Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 490, 492; Фадеев Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. С. 35, 39; Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 32–33. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кав-

Отметим также, что к середине XIX в. 43 % всех равнинных земель Северного Кавказа и т.н. Предкавказья (в общем 2,83 млн. десятин) были отведены полкам Кавказского линейного казачьего войска в 39 тыс. дворов; из них только в Чечне из общего фонда равнинной и предгорной Чечни в 643 тыс. десятин 222 тыс. (34, 5%) вместе с нефтеносными участками были отрезаны полкам Терского казачьего войска, а еще 70 тыс. десятин закреплено за русскими и чеченскими офицерами и казной. В казну было отобрано и 100% всех немалых чеченских лесов²⁵³.

Думается, что дальше наши «школьники» смогут легко вычислить, сколько мигрировало из центральных областей России в Кубанскую, Терскую области и в Ставропольскую губернию в течение только второй половины XIX в.²⁵⁴ и, возможно, самостоятельно придут к элементарному соображению, что одна из причин живучести отсталой военно-феодальной системы Российской империи как раз и заключалась в том, что внутреннее напряжение стабильно, веками разгружалось переселением излишней массы русского «туземного» населения на вновь завоеванные земли.

Есть, конечно, и другие любопытные имперские свойства, о которых надо помнить, если касаешься подобных вопросов, а именно: «Особенность Российской империи, как континентальной, привело к стиранию границ расселения русских и нерусских, подчиненных им, народов. Шедшую впереди волну государственной колонизации нагоняла волна русских переселенцев, осваивавших казавшиеся им «пустыми» земли, которые они отбирали или покупали за гроши у «инородцев». Имперское восприятие самой империи русскими строилось на том, что ИМПЕРИЯ – ЭТО И ЕСТЬ РОССИЯ, А РОССИЯ – ЭТО И ЕСТЬ

каза в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 194–196; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). Изд. 2-е. СПб.. 2002. С.117.

²⁵³ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни XIX–XX веков. М.. 2005. С.224; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 4 томах. Т.III. Грозный, 2013. С. 363.

²⁵⁴ За тридцать лет (с 1867 по 1897 гг.) в Ставропольскую губернию, Кубанскую и Терскую области переселилось 1586,8 тыс. человек. – Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С. 361; См также: Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957.

ИМПЕРИЯ. Населенные другими народами земли назывались «украинами», «окраинами» большой, Великой России, на которых, кроме русских, жили еще «инородцы». Последние воспринимались либо как неизбежное, но временное зло, либо как особенность, экзотика жизни русского человека на окраине»²⁵⁵.

А.П. Ермолов и историки-«фразеологи». Набеги и «набеги». Все остальное в очерке примерно того же качества. Вот к примеру, соображение о культово почитаемом клычниковыми и виноградowymi патологическом заговорщике и масоне генерале А.П. Ермолове²⁵⁶. Оказывается, он отказался от политики «ласканий» горцев (т.е. попыток своих предшественников выстроить отношения с горцами на основе хотя бы формальных взаимных обязательств), «разобравшись в приоритете brutальных ценностей в местной шкале достоинств». Вот так! Раскроем, что «brутальный» в английском, немецком, французском, испанском и т.д. языках «означает бесчеловечный, жестокий, грубый, скотский»²⁵⁷.

Итак, поставив целью якобы прекратить набеги «грубых, скотских» чеченцев, а на деле захватить плодородные равнины Чечни (оплот экономической состоятельности народа и базу для ведения войны с северным противником), Ермолов решил

²⁵⁵ Анисимов Е.В. Исторические корни имперского мышления в России (Institute of Russian History, RAS). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: srch.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html

²⁵⁶ См. материалы Н.М. Михайловой «Суворов и Смоленский заговор против Павла I в 1796 г. (содержит раздел «Тайные общества в Грузии: А.П. Ермолов, «ермоловцы» и грузинские князья»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chelkar@domarchive.ru

²⁵⁷ Нельзя, конечно, не прокомментировать лихие высказывания нашего историка-фразеолога. «Brутальные» горцы никогда не забивали насмерть шпидерутенами своих братьев, не били их по лицу кулаками и палками, не морили голодом и не держали в оковах и тюрьмах. Они никогда не вытаптывали посевы, не вырубали сады, не калечили трупы противника и сознательно не убивали женщин и детей. То есть они не делали того, что их противник – рабовладельцы в эполегах – совершал часто и не обязательно по приказу. В XX в. наука, наконец, выяснила: для организации массовых, изуверских преступлений и проведения геноцида требуется определенный уровень цивилизации. «Отсталые» народы действительно находятся в плену ограничений, табу и жестких правил некоей системы того же традиционного неписанного этикета – к примеру, адыгство, нохчалла, княжеско-узденская этика и т.п.

перенести цепь русских укреплений ближе к горам. А вот комментарий наших скинхедов в профессорских мантиях: «Главным итогом этих шагов должно было стать прекращение практики «населять горы увлекаемыми в плен подданными» российского императора» и перемена разбойнического образа жизни». О последнем мы скажем отдельно, а сейчас процитируем еще одно пафосное заявление наших героев: «Если проанализировать требования, которые он (Ермолов. – Д.А., Я.А.) выдвигал к горцам, то они сводились к одному и тому же – отказаться от хищничества и вернуть беглых и пленных... Могли ли они выполнить требования и отказаться от набеговой практики, которая играла для них не только промысловую роль, но была еще институтом социализации? Более чем сомнительно!»²⁵⁸

Конечно, нам несложно в который раз повторить (сложнее для клычниковых и виноградových усвоить сказанное им вследствие своей ксенофобской ментальности, ветеринарного уклада в мышлении и крайней мизантропии): **все нападения горцев на Кавказскую Линию (за исключением, конечно, фактов уголовной практики) и сопротивление хищническим набегам царских войск были направлены, в конечном счете, к принуждению империи к отказу от захвата их земель и нарушения их суверенитета.** Вот это и объявлялось царскими властями безусловным «хищничеством» со стороны «диких племен». Считалось, говоря словами современника, что «мы не воевали с горцами, а постоянно их *наказывали* (курсив автора. – Д.А., Я. А.)»²⁵⁹.

Русские солдаты и Чечня. Рассмотрим и практику «населять горы увлекаемыми в плен подданными» российского императора. Да, факты побегов целых казачьих семей и партий солдат к тем же чеченцам наблюдались еще в XVIII в. Более массовый характер побегии приобретают в следующем столетии. Известный историк-марксист Михаил Покровский мало преувеличивал, когда писал, что «ермоловские солдаты... массово перебежали в демократическую Чечню. Вопрос о вы-

²⁵⁸ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 62.

²⁵⁹ Карпов Ю.Ю. О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. СПб., 2007. С. 49.

даче этих беглецов был одним из наиболее острых и портивших отношения между русской администрацией и чеченцами», причем и значительно позже – в шамилевское время ²⁶⁰. Приступая к строительству крепости Грозной на Сунже в 1818 г. А.П. Ермолов в прокламации-ультиматуме к чеченским старшинам требовал, в первую очередь, незамедлительно выдать всех содержащихся у них пленных и беглых русских солдат: «Пленные и беглые, или мщение будет ужасное», – грозил он ²⁶¹.

Старшины еще соглашались выдать пленных, но отдать беглых солдат и казаков, многие из которых успели принять ислам и обзавестись семьями, отказывались категорически. Бежали русские солдаты именно в Чечню, наименее зависимую от русских властей и власти князей, исключительно из-за невыносимых условий службы в крепостнической армии. Красноречив тот факт, что в течение первого года службы здесь, на Кавказе, умирал каждый второй рекрут. При этом армия, «в лице которой они [горцы] видели Россию, демонстрировала горцам их ближайшее будущее в случае принятия русского подданства: гауптвахты, телесные наказания, командиры – полные хозяева в своих частях». Более того, сами царские власти поддерживали представление горцев о армии и «военной службе как о наказании тем, что широко практиковали отдачу в солдаты заложников-аманатов и лиц, арестованных за различные проступки...» В.В. Лапин считает, что русская армия «похоронила на Кавказе около одного миллиона человек, причем на одного убитого приходилось примерно девять умерших» ²⁶².

Конечно, надо учитывать и другое обстоятельство, замеченное советским историком А.В. Фадеевым: с одной стороны, многие солдаты и офицеры Кавказского корпуса были еще и

²⁶⁰ Покровский М. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 201; Доного Х. М. «Наш царь Шамиль» или русские в имамате // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006.

²⁶¹ Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 6. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 499.

²⁶² Лапин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Автореферат дисс. на соискание уч. степени докт. истор. наук. СПб., 2008. С. 15, 23.

герои Отечественной войны 1812 г., не очень довольные ситуацией в крепостнической России, а с другой – немало было авантюристов и преступников, отбывавших на Кавказе ссылку. Впрочем, русский солдат был готов бежать еще дальше: во время ирано-русской войны 1804–1813 гг. было столько перебежчиков, что шахские военные создали батальон из дезертиров до 1,5 тыс. человек, получивший почетное звание «Богатырский». Он заслуженно стал лучшей воинской частью в иранской армии того времени²⁶³.

Чего боялся Ермолов? И, наконец, последнее: глубоко сомнительно утверждение клычниковых и иже с ними, что подобная бесчеловечная политика brutального генерала А.П. Ермолова порождалась мелкими на тот период «набегами» горцев. Непереносимой была для него сама мысль, что рядом существует иная, не рабская модель жизни, что последний чеченец свободнее в своей жизни и поступках и обладает большим достоинством, чем полный генерал и столбовой дворянин империи²⁶⁴. Когда Ермолов добивался от царя Александра I присылки свежих войск, он забывал о «набегах»: оказывалось, что усиление войск и скорейшее покорение Кавказа необходимо потому, что горские народы **«примером независимости своей, в самих подданных Вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости** (выделено нами. – Д.А. Я.А.)»²⁶⁵. Умри, но лучше не скажешь!

Необходимо помнить, что в крепостнической России, милитаристский класс ставил своей задачей искоренение чувства личного достоинства того же крестьянства. То, что русские дворяне вытворяли с русскими крестьянами, являлось не просто

²⁶³ Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 242–243; Лапин В.В. Кавказская война // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. СПб., 2006. С. 36–39.

²⁶⁴ Следует, конечно, учитывать и то положение, что наделение людей подобного типа (с отсутствием нравственных качеств и даже религиозных понятий) неограниченной властью над целыми регионами, населенных окраинными «туземцами», не могло не привести к массовым жестоким акциям, пыткам, казням и грабежам.

²⁶⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 2. (1816–1827). СПб., 1859. С. 118; Вообще, тема масонско-декабристского проекта на Кавказе в отношении горцев, предусматривавшего их уничтожение и депортацию, заслуживает отдельного изучения.

психопатическими извращениями, а объективно составляло целую политику подавления личности и достоинства простого народа. Причем политика постоянного унижения реализовывалась из поколения в поколение, от отца к сыну. На Северном Кавказе – «господа» в лице тех же агностиков-масонов Ермолова или Вельяминова, то ли вследствие своей холопской сущности и ущербности, то ли в силу исполнения масонского проекта декабристских обществ, исповедовали массовое, прямое неизбирательное насилие против горских народов Северного Кавказа.

Вот, что предлагал к примеру, в программном документе «Русская правда» известный декабрист и масон П.И. Пестель: «2) Разделить все сии кавказские народы на два разряда, мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям, и 3) Завезти в Кавказские земли русские селения и сим русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область»). При этом Пестель отрицает какой бы то ни было мультикультурализм, предполагая слияние в едином государстве всех народов, с целью составить «из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского Государства все были русские». ²⁶⁶.

В принципе, в современной исторической науке, как никогда, полно и всесторонне деятельность А.П. Ермолова на Се-

²⁶⁶ См.: Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ: Имперская идеология либералов // Кавказ: Иллюзии и реальность. СПб., 2008. – С. 263–274; Манышев С.Б., Чумаченко И.О. (Махачкала). «Водной только склонности к буйству и грабительству между собой сходны...» (Кавказ и кавказцы в программных документах декабристов) // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: материалы Всероссийской научно-практической конференции / сост. А.А. Цыбульникова; отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир, 2012. С. 81–83; а также: «Русская правда». Конституционный проект П.И. Пестеля. 1825 г. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века / сост., вступ. ст., комм-и. А.Н. Медушевского. М., 2010. С. 323–399.

верном Кавказе (составляющая, на наш взгляд, скорее, предмет военных преступлений, а не военно-политической деятельности) преимущественно на основе документальных источников раскрыта сегодня в монографиях Ш.А. Гапурова²⁶⁷. Потому всяческие помянутые лестные эскерсисы авторов типа виноградных, клычниковых и прочих по поводу деятельности этого массового убийцы – таковым он являлся, кстати, по законам Российской империи²⁶⁸ – без какого-либо доказательства обратного, представляются заурядным мошенничеством и неуважением к своим читателям, если не сказать еще хуже.

Виноградные, клычковые и внутренние сложности горского общества. Вторая половина рассматриваемого очерка посвящена деятельности горских имамов в период национально-освободительного движения во второй половине XIX в., на основе, главным образом, тенденциозного выхватывания цитат из сочинений двух дагестанских авторов (современников Шамиля) восточной школы – Абдурахмана из Казикумуха и Мухаммеда Тахир ал-Карахи²⁶⁹. Как и положено исламским

²⁶⁷ См.: Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик, 2002; Его же: Чечня и Ермолов (1816–1827 гг.). Грозный, 2006; Его же (в соавторстве с Д.Б. Абдурахмановым): Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX в.). Грозный, 2009; и др.

²⁶⁸ Согласно В.В. Лапину, «Одной из отличительных черт войны на Кавказе было то, что здесь русская армия использовала приемы, совершенно недопустимые в Европе (жестокое обращение с пленными, пленение женщин и детей, уничтожение имущества местных жителей, организация наемных убийств и т.д.) ...При строгом следовании пунктам «Полевого уголовного уложения для Большой Действующей Армии», принятого в 1812 г., весь Отдельный Кавказский корпус должны были расстрелять по приговору полевого суда, поскольку в его составе не было ни одного человека, непричастного к уничтожению имущества мирного населения». Но: «Согласно § 39 и 40 статьи 5-й того же «Полевого уголовного положения» смертью наказывалось «...явное неповиновение или бунт жителей мест и областей, армией занимаемых, истребление ее продовольствия и всякое злонамеренное препятствие ее движению и успехам», а также «...склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения». При строгом следовании этим пунктам расстрелу подлежало едва ли не все население Северного Кавказа». – См. Лапин В.В. Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Автореферат дисс. на соискание уч. степени докт. истор. наук. СПб., 2008. С. 23–24.

²⁶⁹ См.: Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусейни о делах

богословам, они рассматривали причины изменений в горском обществе, его побед и поражений исключительно в этической плоскости – повышение (– понижение) моральных устоев, укрепление (– ослабление) ислама. По всей видимости труды Ибн-Хальдуна остались для них неизвестными. Главная ценность Абдурахмана и Мухаммеда не в морализаторских оценках, а в сообщаемых ими фактических данных «изнутри», из лагеря Имамата. К сожалению, элементарные особенности источникововедения восточных трудов оказались недоступными для наших докторов исторических наук.

То обстоятельство, что в среде всех горских народов хватало всяческих внутренних сложностей, отягощаемых, к тому же, хищнической войной на уничтожение со стороны военно-феодальной империи, «национальным историкам» хорошо известно. Как и то обстоятельство, что тот же Шамиль, в силу своих возможностей, проводил в отношении ряда непокорных аулов и обществ военные экспедиции, применял различные массовые экзекуции (конфискации и постой войск), а также индивидуальные репрессии как в целях выполнения норм шариата, укрепления дисциплины, так и возвышения собственной власти. Единственно, никто из национальных историков не приходит от этого в восхищение и не впадает в экстаз.

«Стоит ли удивляться, что построенное на насилии государственное образование начало рассыпаться не только под ударами русских войск, но и вследствие борьбы с ним самих

жителей Дагестана и Чечни. Сочинено и написано в Тифлисе в 1285 г.х. / Перевод с арабского М.-С. Саидова. Редакция перевода, подготовка факсимильного издания, комментарии, указатели А.Р. Шихсаидова и Х.А. Омарова. Махачкала, 1997; Сайид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагистани. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля: Калуга, 1281 г.х.: Хуласат ат-тафсил 'ан ахвал ал-имам Шамуил / Пер.с араб. введ., коммент., указ. Н.А.Тагировой. М., 2002; Мухаммед Тахир ал-Карахи Три имама. Махачкала 1990. Перепечатка издания 1926 г. (переводчик не указан). В переводе А.М. Барабанова эта книга называется «Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи: о дагестанских войнах в период Шамиля», в переводе Т. Айтберова – «Мухаммед-Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах». Она известна также под названием «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах». Она известна также под названием «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах».

жителей Чечни и Дагестана? – вопрошают нас историки-фразеологи, ударившись в полемический задор. – ...представляется, что предлагаемая ею [Россией] модель общественного устройства оказалась ближе и полезнее для горцев, чем то что пытались внедрить Шамиль и его предшественники». А не стоило ли лучше удивляться тому обстоятельству, что маленькое государственное образование – Имамат Шамиля, сложившееся (как и положено, с применением насилия) в ходе национально-освободительного движения горцев Чечни и Дагестана, четверть века противостояло самой сильной в военном отношении державе мира, имевшей до начала 50-х гг. XIX в. более чем 10-кратное, а с 50-х гг. – и более чем 20-кратное, превосходство в живой силе над постоянной армией народов Чечни и Дагестана (от 8 до 14 тыс. воинов)²⁷⁰, не говоря о техническом преимуществе и использовании (по словам Шамиля) самых «варварских» средств ведения войны.

И второй вопрос. Почему предлагаемая на тот момент империей «модель общественного устройства» не была удобна не только горцам, но также и подавляющей части собственно русского общества, прежде всего крестьянству, находившемуся в извечной конфронтации с феодально-крепостническим этноклассом?

Что способствовало поражению Имамата Шамиля. На наш скромный взгляд, победа со стороны России была, прежде всего, военной, но, в свою очередь, и она была обеспечена прежде изменением «средств и методов» (в противном случае, будь здесь всегда «как при Ермолове», Кавказская война продолжалась бы, скорее всего, до горбачевской перестройки): в 50-х гг. XIX в. с горцами стали воевать как с военно-политическим противником (а не как с «хищниками» и «бунтовщиками»), которому предлагались определенные условия мира и вхождения в состав империи. Теперь Кавказская армия «подтягивалась» к горской, и наоборот. Не жалели власти и реальных

²⁷⁰ Существовало еще народное ополчение, в котором считались все вооруженные мужчины в несколько десятков тысяч человек. Но оно собиралось за историю Имамата всего несколько раз и на недолгое время (законы логистики и синергетики действовали и в Имамате). Обычно такой сбор происходил частично и только в секторе угрожаемого направления.

преференций для правящей элиты; дождем сыпались эполеты, наibaм даже раздавались поместья в сотни десятин земли. И того же Шамиля приняли в России как пленного монарха, а не как конного налетчика.

Победа России в Кавказской войне была также обеспечена своеобразным переворотом, происходившим на тот момент в общественно-политическом состоянии страны, «уставшей» от массового рабства. В 1859 г. пал Имамат, в 1861 г. было отменено манифестом царя крепостное рабство в России, охватывавшее более трети населения (согласимся, что оно перед этим было «отменено» в головах людей), а к 1864 г. завершилось завоевание Северо-Западного Кавказа. Переход Российской империи к эпохальным реформам и покорение Кавказа – два явления, неслучайно практически совпавшие по времени.

И, наконец, причиной поражения горцев была обыкновенная физическая усталость целых поколений, испытывавших неимоверное напряжение в условиях многолетней войны. Перефразируя слова В. Лапина о Кавказской армии, можно сказать, что и в горском обществе Чечни и Дагестана шла «приватизация войны», она становилась частным делом, образом жизни со всеми негативными последствиями, в т.ч. «варваризацией». В условиях длительной войны здесь происходили те же тяжелейшие регрессивные изменения общества, что, например, в Западной Европе XVII в. во время 30-летней войны (1618–1648 гг.). Бесперывные войны привели не только к социально-экономическому, демографическому, но и длительному нравственному падению целых европейских народов.

Один из рядовых русских офицеров – участник Кавказской войны, отмечал в 1858 г.: «Мы видим примеры, что для Чеченца решительно все равно, где бы он не жил; если он что-нибудь напроказничал на своей родине в горах или ему оказались какие-нибудь там неудобства и опасность, то он преспокойно, бросив свое жилище и всю родню, переходит к нам. Если же и здесь встретят его обстоятельства подобного рода, то он идет в другое место, или снова удаляется в горы»²⁷¹. Война на Северном

²⁷¹ Дидимов К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье // Военный сборник, № 8, август. СПб., 1859. С. 279.

Кавказе, вследствие уже своей длительности, теряла какую-либо логику и смысл, разрушались общественные и даже семейные связи, мешались ценности и терялись перспективы.

Неизгладившиеся в психологии историков-фразеологов тяжелые следы Кавказской войны. Прочитируем, наконец, наиболее выдающиеся перлы наших авторов, которые ярко раскрывают их – не как объективных ученых-историков, ставящих перед собой исследовательские задачи, а как личности без следов культуры. Так, для наших фразеологов А.П. Ермолов – «энергичный и амбициозный» генерал, быстро разобравшийся «в приоритете brutальных (животных, скотских. – Д.Б., Я.А.) ценностей в местной шкале достоинств». И далее, пунктиром: «Кровавый палач и колонизатор» (насмешливо взято авторами в кавычки), потребовал (в 1826 г.) «возобновить прежнюю присягу на верность... Мошенника (да, тут следует признать, что с толерантностью у генерала была проблема. Он должен был написать «героический предводитель национально-освободительной борьбы против имперской экспансии...» или что-то похожее (выделено нами. – Я.А., Д.Б.), называющего себя имамом, который был причиной возмущения, к себе не принимать... Иметь караулы на своих землях и не допускать хищников (вот он новый пример отсутствия политкорректности. Назвать удальцов, проявляющих свое молодечество в лихом набеге, хищниками! – Ю.К.) (выделено нами – Д.А., Я.А.) чрез оныя».

«...Пленных российских до сего взятых, возвратить...». Это тоже грубое вмешательство во внутренние дела горских обществ? Пожалуй, да. Не для того они воровали людей, чтобы просто так их вернуть (Выделено нами. – Д.А., Я.А.)».

«...В спорах и делах чеченцев с подданными российским делать беспристрастный разбор... Выдавать билеты и на проезд в Тифлис». Не очень это увязывается с судебными, профессиональными и экономическими притеснениями. Хотя, нет! Нужно ведь получить билет. Чем это не покушение на горскую вольность? Без билета можно спокойно высматривать, где сподручнее совершить нападение и захватить до-

бычу, а билет ведь могут за плохое поведение и не выдать. Прячься потом от казачьих разъездов и солдатских патрулей (выделено нами. – Д.А. Я.А.)».

«...Непростой задачей было преодоление огромного ментального различия, которое разделяло российский мир и горцев Кавказа. **Воинственным туземцам было невдомек, как можно отнестись к неприятелю без ненависти и вражды** (выделено нами. – Д.А. Я.А.)».

«...Таким образом, присутствовавший в конце Кавказской войны курс правительства на поощрение части горцев к выселению (на Северо-Западном Кавказе эта «часть» составила 9/10 от числа адыгов. –Д.А. Я.А.) не являлся главной причиной их массового «махаджирства».

«...Учитывая, что избежать военной составляющей в проводимом на Северном Кавказе политическом курсе было невозможно, следует признать, что она была сведена **к объективно обусловленным параметрам** (Вот так! Геббельс нервно курит в углу. – Выделено нами. – Д.А., Я.А.)»²⁷².

Можно, конечно, весь этот параноидальный бред отнести за счет психологических проблем, испытываемых авторами, и на этом поставить точку. Проста и понятна основная нехитрая мысль, которую мы посчитали убогой, а фразеологи, вероятно, сочли очень удачной: горцы, мол, сами себя высекли в Кавказской войне! Им не стоило защищать себя и свои земли от культуртрегеров в эпохе с пушками. Так, в августе 1914 г. Германская империя с армией в несколько сот тысяч человек вторглась в нейтральную Бельгию, чтобы через нее ударить по незащищенным областям Франции. Маленькая бельгийская армия оказала героическое сопротивление, и агрессоры, понеся большие потери, принялись вымещать свой страх и злобу массовыми казнями мирных жителей и сожжением городов. Во всем мире поднялась буря возмущения. И что же? Император Вильгельм II в телеграмме президенту США Вильсону написал, что его «сердце обливается кровью» по поводу страданий Бельгии, наступивших, ни много – ни мало, в **«результате**

²⁷² Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 61, 65, 92–95, 97, 102.

преступных и варварских действий бельгийцев (выделено нами. – Д.А., Я.А.)»²⁷³.

При всем этом маразме внушает оптимизм одно из наблюдений выдающегося христианского мыслителя XX в. Д. Бонхеффера: «К самым поразительным и неопровержимым открытиям я отношу опыт, что зло оказывается на поверку (и очень часто за удивительно короткий срок) глупым и бессмысленным»²⁷⁴.

Горские народы – субъект истории. Поразительно, но виноградовы и клычниковы как бы профессионально занятые на ниве северокавказской истории и как бы вступившие в полосу научной зрелости, по сей день не дали себе труда осознать, что горские народы имели в XVIII–XIX вв. ту или иную форму политической организации, оригинальную культуру, сложившееся народное хозяйство, вовлеченное в северокавказскую экономическую систему (включавшую, как важный элемент, и предкавказские равнины). У этих народов наличествовали объективно сложившиеся исторические границы и национальные интересы, а также сложная система сдержек и противовесов в отношениях между собой и соседними державами.

Горские народы, безусловно, являлись субъектом истории, а не объектом приложения усилий со стороны великих держав. Они, конечно, занимали скромное место под солнцем, но не собирались уступать его посягателям, какой бы военной мощью они не обладали. Однако и эти самоочевидные вещи надо изучать, осмыслять, обосновывать и доказывать. В том числе, публично и как можно шире.

Российская империя, горские народы и диалектика истории. Однозначно, что Российская империя даже в том крепостническом, военно-феодальном варианте обладала целым рядом объективных цивилизационных преимуществ, вызванных в том числе и тем, что восточноевропейский регион раньше, чем Кавказ, вошел в сферу европейской цивилизации и успел развить целый ряд промышленных производств, которых вовсе не знали, к примеру, Иран и Турция. Второе, военные крепости, учрежденные Россией на Северном Кавказе, с

²⁷³ Такман Барбара. Августовские пушки. М., 2012. С. 412.

²⁷⁴ Бонхеффер Д. Соппротивление и покорность. Пер. с нем. М., 1994. С. 37.

течением времени становились городами – привлекательными центрами для горцев, стремившихся воспользоваться преимуществами новой для них торгово-хозяйственной системы. Наконец, есть еще такое понятие, как единый имперский порядок и преимущества, реализуемые только в условиях великого государства. Вместе с тем, и это тоже диалектика, цивилизаторская миссия империи «не предполагает только лишь позитивный смысл; она предполагает объективную роль. И объективная роль России здесь была ролью собирательницы континентальной Евразии», которая, в конечном счете, вошла в планетарную цивилизацию²⁷⁵.

К сожалению, объективное благо, как то часто бывает в истории, оборачивается злом, и наоборот. И следующее: Российская империя имела, помимо цивилизационной стороны, и другое отвратительное для собственного народа и горских соседей лицо, которым оно чаще всего было повернуто к покоряемым. Все это входит в знакомое и студентам понятие – диалектика истории. Однако и студенты понимают, что никакая философия не способна оправдать безудержные зверства, и что задача разумных людей в любых условиях и в любые времена заключается в минимизации зла.

Долгое время горцы считались правящим классом России объектом приложения имперских усилий, причем даже лишними на своей же собственной земле; горцы должны были играть роль бессловесного придатка в деле реализации планов военно-феодального аппарата империи на Кавказе и далее на Востоке. Это отношение империи пришлось менять: после дикой азиатчины, откровенного разбоя и хищничества, «приватизации» войны, разорения, убийств и изгнания целых народов, потери сотен тысяч собственных солдат и траты непомерных даже для великого государства средств – корректировать в пользу несколько более цивилизованных, или просто рациональных, подходов.

²⁷⁵ Плешаков К. Миссия России. Третья эпоха // Международная жизнь. №1. Январь, 1993. С. 22–23.

§ 5. Чечня в составе Российской империи: тюрьма и школа

Задачи третьего очерка и реальности пореформенного Северного Кавказа. Очерк 3 (с. 104–149) рассматриваемой книги озаглавлен так: «Горские народы и бытие российского Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.: проблемы и возможности интеграции». Замечено, что виноградовцы и присные стали все чаще употреблять термин «российский Северный Кавказ». Естественно, это предполагает наличие еще какого-то Северного Кавказа. Скажем, есть российский, казахстанский, азербайджанский, туркменский и иранский Каспий. Закавказье когда-то было советское и турецкое, остров Кипр делится на греческий и турецкий и т.п. Так где же он «нероссийский» Северный Кавказ?

Раздел посвящен, главным образом, не общим вопросам «бытия» региона в составе России, а более узкой теме, столь трепетно любимой нашими историками-фразеологами – состоянию преступности в горских районах Северного Кавказа в пореформенный период. С первого взгляда видно, что раздел имеет нулевую ценность – отсутствует сравнительно-сопоставительный анализ данных по горцам и русскому населению края, не говоря уже по другим губерниям Российской империи.

Судя по сноскам, авторы данного очерка работали в архивах и внимательно выявляли факты преступных деяний горцев против русских казаков и других жителей края. Но никак не наоборот. При этом, естественно, не указано, что именно российское государство с его хищническим правящим сословием выступило в ходе Кавказской войны и в пореформенный период главным, коллективным разбойником и грабителем земель и лесов тех же дагестанцев, чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, черкесов и других горцев.

А вот самое важное осталось за скобками очерка. Так, в той же Чечне пореформенный период начался было для чеченцев неплохо – два–три десятилетия после 1859 г. отмечены экономическим подъемом Чечни, причем восстановительный пери-

од здесь совпал по времени с серьезным продвижением самой России в рамках буржуазного пути развития.

Восстановление чеченцами ирригационной системы.

Первым признаком восстановления сельского хозяйства стало заметное оживление хлебной торговли: в 60-е гг. XIX в. в Чечне появилось три новых крупных хлебных рынка: в Старом Юрте, Урус-Мартане и Исти-Су²⁷⁶. Для увеличения посевных площадей чеченские крестьяне приступили к восстановлению ирригационной системы на Чеченской равнине, полностью разрушенной в годы Кавказской войны.

За один только 1872 г. было проложено до 40 верст оросительных каналов, а российский исследователь Н. А. Вроцкий характеризовал в конце 70-х гг. XIX в. масштаб производимых в Чечне ирригационных работ, как «египетский». В 80–90-е гг. были проложены три крупных канала: Аргунский (протяженностью 26 верст), Маяк-Татаульский (33 версты), Герменчукский (10 верст) и множество мелких оросительных каналов. Восстановление и развитие ирригационной системы позволило значительно расширить орошаемые посевные площади в том же Грозненском округе более, чем в 7 раз за 20 лет: с 10 тыс. десятин в 1880 г. до 73 227 десятин в 1902 г.²⁷⁷

Ирригационная система равнинной Чечни отличалась сложными сооружениями и была по охвату территории уникальной. Такого явления не знал Кавказ, да и вся Россия.

Бурный рост товарного земледелия в Чечне. За исключением отдельных неурожайных лет, в Чечне наблюдается стабильный рост производства зерна, примерно в два раза за 30 лет – с 316 212 четвертей в 1867–1871 гг. до 642 634 четвертей в 1897–1898 гг. Но что особенно важно, производство зерна принимает ярко выраженный товарный характер. О товарном характере зернового хозяйства Чечни свидетельствует большое

²⁷⁶ Ахмадов Ш. Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX вв. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный, 1989. С. 30.

²⁷⁷ См.: ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 146. Л. 71; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 393–395.

количество хлеба, вывозимого с железнодорожных станций Грозная, Самашки, Назрань, Слепцовская, Гудермес. В последние пять лет XIX в. со станции Грозный в среднем ежегодно вывозилось 375 тысяч пудов зерна (в том числе кукурузы – 116 тысяч пудов), из Самашек – 189 тысяч пудов (в том числе кукурузы – 184 тысячи пудов). В целом с пяти железнодорожных станций за пять лет (с 1894 по 1898 гг.) стоимость вывозимой кукурузы возросла с 1 миллиона 63 тысяч рублей до 1 миллиона 604 тысяч рублей. В 1896 г. было вывезено 1 миллион 379 тысяч 748 пудов зерна, а в 1901 г. – 3 миллиона 134 тысяч 815 пудов²⁷⁸.

В начале 90-х гг. наибольшая часть пахотных земель в Чечне отводятся под озимую пшеницу и кукурузу. Рост площадей, отведенных под эти культуры, составил, соответственно, 264% и 327%. Особенно быстро росло производство кукурузы, которая в условиях Чечни давала более высокие (в 3–4, а иногда и до 15-ти раз) урожаи, чем другие зерновые культуры. Так, в 1874 г. кукурузы было собрано 142 830 четвертей, а в 1898 г. – 180 468 четвертей. К 1891 г. кукуруза в Чечне занимала до 62% посевных площадей, отведенных под зерновые²⁷⁹.

Следует отметить, что этот подъем достигался громадным трудом населения (природных разбойников, по мнению наших «школьников»), отягощенного малоземельем и отсталыми формами землепользования (например, земельная община), навязанными колониальными властями. Но вместе с тем, развитие основных черт товарного земледелия в Чечне убедительнейшим образом свидетельствует о вовлечении края в экономическую систему капиталистической России.

Земельная теснота как причина аграрного и социального кризиса. Недостаток обрабатываемых земель, который

²⁷⁸ См.: Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 141; Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.). Грозный, 1968. С. 94–97; Денискин В. И. «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам» – важный источник изучения экономики Северного Кавказа в период империализма // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 64; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 395.

²⁷⁹ См.: Гриценко Н. П. Указ. соч. С. 97; Саламов А. К истории нашей Чечено-Ингушетии // Грозненский рабочий. 1962. 20 июля. № 169. С. 4; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 396.

испытывали почти все горские народы Терской области, в первую очередь, чеченцы и ингуши, приводил к постоянной социальной и межнациональной напряженности. Так, в равнинной части все возможности освоения пустошей и распределения аульных паев для растущего количества семей были быстро исчерпаны, горское население в границах Чечни с 120–130 тыс. в 1865 г. увеличилось к 1897 г. (по данным переписи) до 220 тыс. человек. В горной полосе центральной части Чечни на тот период почти половина новых семей уже не имела земельных паев. Создание новых земледельческих площадей за счет частичной вырубki лесов и использование лесных полей в казенных лесах было запрещено. Видимо, поэтому к концу века количество чеченцев, желающих выехать в Турцию после долгого перерыва (депортации 1865 г.) растет стремительно, достигнув 796 семей с 4604 человек²⁸⁰.

Соответственно, растет общее недовольство основной массы чеченского населения края правительством, проявлявшееся в различных формах. Всю эту ситуацию прекрасно понимало кавказское и терское начальство. Например, назначенный в 1905 г. новым наместником Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков неоднократно указывал, что именно земельная необустроенность горского крестьянства служит главной причиной аграрных волнений в крае²⁸¹.

Военно-колониальное управление и состояние чеченского общества. В начале XX в., несмотря на то, что прошло почти полвека после завершения Кавказской войны и свыше 20 лет после подавления восстания 1877 г., управление Чечней по-прежнему осуществлялось мерами, характерными для состояния военного положения. Реально здесь не только сохранялся режим военно-оккупационного типа (т.н. «военно-народное управление»), но и постоянно усиливались ограничительные меры. При этом действия кавказской администрации как бы говорят о полной их убежденности в неизбежности очередного чеченского восстания и необходимости усиленной подготовки

²⁸⁰ Материалы Абрамовской комиссии. Владикавказ, 1908. С. 108; Ибрагимов З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). М., 2006. С. 145.

²⁸¹ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С. 435–436.

к его подавлению. В реальности именно такая форма правления устраивала чиновников и офицеров среднего звена, извлекавших для себя реальные денежные доходы, в т.ч. в виде штрафов, подношений, прямого вымогательства и грабежа. Впрочем, в собственной непопулярности представители местной администрации не сомневались: об этом говорил поток жалоб в ее адрес, а также непрекращающиеся случаи неповиновения властям и такое распространенное явление, как абречество.

В начале нового столетия чеченская национальная элита заметно консолидируется: шейхи обоих тарикатов – кадирийского и накшбандийского, – имевшие огромный авторитет среди крестьянства, сближаются не только между собой, но и с представителями предпринимательской верхушки, а также с вполне сформировавшимся сословием чеченского офицерства. Тяжелое экономическое положение и почти полное политическое бесправие чеченского крестьянства в сочетании с неудовлетворенными сословными и политическими амбициями создавали оппозиционную среду и в лояльной части населения края ²⁸².

Таким образом, в дореволюционный период в Чечне между горским и иногородним крестьянством, с одной стороны, и властями, и казачеством с другой сложилась та же ситуация, что и в русских губерниях между крестьянством и помещиками – необъявленная война! Единственно в Терской области, как и в Области войска Донского и Кубанской области «коллективным помещиком» выступали казацкие войска и властные органы. Мнение подавляющего большинства русских экономистов и грамотных администраторов однозначно склонялось к тому, что революционный вопрос на Северном Кавказе и в Чечне есть аграрный вопрос!

Певцы казачества и укладности со стадиальностью о криминальной ситуации на Тереке. Но и в то время находились brutальные «певцы казачества» типа Г.А. Ткачева ²⁸³, объяснявшие тот же ингушко-казачий и чеченско-казачий острые

²⁸² Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии... С. 182; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 437–439.

²⁸³ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

конфликты криминальными наклонностями первых («причина кроется в самом характере ингушко-чеченского народа») ²⁸⁴. Так же, как это делают сегодня brutальные, маскулинные историки типа виноградовых, клычниковых и даже хлынинных (она отметилась, как мы уже заметили, в первой части рапирайтом ткачевских «размышлений» о своеобразном положении чеченцев, ингушей в Терской области (мол, они «граблют» не только казаков, но и горских соседей). Так, большой список преступлений горцев в отношении казаков, приводимый Г.А. Ткачевым, сходу ставит их в разряд преступников скопом, огульно. Однако – до какого-либо следствия или разбирательства. Тем более не приводится более внушительного аналогичного списка только с другими криминальными «героями».

Нашими авторами сообщения о ряде уголовных преступлений в границах современной Чечни трактуются весьма своеобразно: вот сообщение от 1906 г., что «в Щедринском лесу дважды обнаруживаемы были убитые на злоумышлении туземцы, но оба раза это не бедняки. Они были хорошо вооружены, при них имелись серебряные часы, и в кошельках у них были деньги. В числе убитых оказался даже мулла» ²⁸⁵. В данном случае (насколько мы знакомы с ситуацией) были убиты обычные проезжие по левобережью Терека по своим делам, вполне обеспеченные чеченцы (горцы арендовали здесь много казачьих земель и держали на них хутора). Подобные факты участились в период резкого обострения революционной ситуации в стране в 1905–1907 гг., когда казаки Терека и Сунжи при удобном случае под шумок убивали мирных чеченцев и других горцев, а последние (чего скрывать) отстреливали, наоборот, казаков.

²⁸⁴ Что было, конечно, ложью. Чеченцы и ингуши в земельном отношении были самыми ограбленными царизмом народами и самыми обделенными землей на тот момент в регионе. И тем не менее, преступность в их среде как, кстати, по всей Терской области, не отличалась от общероссийских показателей, а то была и ниже. См.: Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860–1900). С. 59; Единственно, в чем указанные народы печально «лидировали», так это в убийствах на почве кровной мести. Это была действительно кровавая язва, закрывшаяся было в эпоху Шамиля и вновь вскрывшаяся в царское время.

²⁸⁵ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 132.

Авторы приводят и более ранние факты казачьих расправ над разными бедолагами: казак Лиходолов (1861 г.) забивает до смерти ногайца Зейнайдену, пойманного «при задержании на краже пшеницы» с поля, в станице Ардонской «смертельно ранен неизвестный человек, пойманный на краже (январь 1876 г.)»²⁸⁶, и т.д. А вот начинается интересное: «Близ гор. Моздока 17 сентября три хищника покушались ограбить на дороге трех казаков Горского полка станицы Курской, но последние одного из них убили. Прочие же успели скрыться (1861 г.)». Это называется убийство человека группой лиц при весьма подозрительных обстоятельствах. «Грозненского округа в станице Джалкинской ... при преследовании трех чеченцев, покушавшихся на кражу, один из них убит ружейными выстрелами со стороны казаков Ермоленко, Щербины и Рябченко (декабрь 1875 г.)»²⁸⁷. То же самое – убийство группой лиц «туземца» при более чем невыясненных обстоятельствах.

На сколько это казачье «молодечество» вошло в практику при полном поощрении «начальства», видно из обращения ингушского народа, зачитанного горским депутатом Гайдаровым на заседании Государственной Думы 28-го января 1906 г.:

«Мы, ингуши, с незапамятных времен живем в нынешней Терской области в количестве 50 000 человек, занимаясь испокон веков земледелием.

...В настоящее время 2/3 наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до того состояния, что для того, чтобы жить, мы должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем, ингушское племя платит ежегодно казакам слишком 30 000 рублей арендной платы.

...Но, к нашему несчастью, казаки не довольствуются этим. Они, по-видимому, окончательно решили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всяким случаем, чтобы придрататься к нам, взыскивать штрафы, убивать. За один последний год нам пришлось уплатить в пользу казаков 50 000 рублей, а между тем местные власти состоят исключительно из казаков, и областной начальник, будучи и то же время атаманом

²⁸⁶ Именно в таком порядке – пойман, а затем застрелен.

²⁸⁷ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 132–133.

Терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощряет их в этом направлении.

...За истекший год мы должны были вынести со стороны казаков 5 вооруженных нападений, приводивших к кровавым столкновениям. Но самым возмутительным из них было последнее столкновение... имело место при ингушском ауле Яндырке 20 мая. Один яндырец, имея в руках один только зонтик, поехал нанимать рабочих. Дорогой в огородах казачьей станицы Троицкой на него напали казаки и убили... Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулакской, Слепцовой, Михайловской, Нестеровской, Самашкинской, Ассиновской и Фельдмаршальской станиц, пользуясь случаем, немедленно собрались и совершили нападение на аул Яндыр, отстоявший на расстоянии шести верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся два дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям... Из Владикавказа выступили батальон пехоты Апшеронского полка и пулеметная команда, под начальством подполковника Попова... [Но] вместо того, чтобы защищать осажденный и обстреливаемый аул, находясь под влиянием Суворовского..., [Попов] приказал громить [аул] пулеметами. Никакие мольбы и увещания начальника округа подполковника Котляревского не громить беззащитней аул не помогли, и аул, как вражий лагерь, был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате оказалось 7 убитых, и 13 тяжело раненных пулеметами. Казаки, будучи вооруженным военным сословием, злоупотребляя своим оружием, истребляют обезоруженных ингушей при одиночной встрече и даже при проезде партии отставных казаков или казачьих команд через наши села. Года четыре тому назад у проезжавшего через Базоркинское селение казака выхватил из воза мальчик несколько огурцов; казак тут же застрелил его и за это не подвергся никакой ответственности; в 1902 г. в Базоркинском селе ехавшая из г. Владикавказа партия в 11 чел. казаков застрелила молодого ингуша, сына Дзубека Ахвиева, порывавшегося, будто, у убийцы казака посреди бела дня и многолюдного селения отнять берданку. Происшествие не

получило должного направления и выяснения судом»²⁸⁸ и т.д., и т.п.

Объективность требует отметить, что 23 мая 1907 г. массы ингушей в несколько тысяч человек повели было вооруженное наступление против пограничного осетинского селения Ольгинского. Было сожжено 10 домов ольгинцев, несколько человек убито и ранено. Против ингушей до всяких просьб со стороны ольгинцев, прибывшими воинскими командами, были применены пулеметы и открыт артиллерийский огонь. Но сам же Г.А. Ткачев был вынужден указать, что в условиях накопившихся взаимных обид и смертоубийств между осетинами и ингушами «становилось уже совсем трудным определить, «кто прав и кто виноват»²⁸⁹.

Мы же на данный момент затрудняемся указать, к какой гнуснейшей стадиальности должен принадлежать человек, убивающий другого из-за пары огурцов, снопа пшеницы, расстреливающий из пулеметов беззащитные аулы, при удобном случае стреляющий в прохожих и проезжих людей «не той национальности», провидчески постигнув их «преступные» намерения. Напрашивается в оценках что-то дремуче-пещерное...

Аул Хаккой и слобода Шатой. Презумпция виновности. С одобрительным придыханием авторы говорят, что на фоне «сложившейся в крае непростой обстановки не столь уж одиозным выглядит приказ властей «горцам, не состоящим на государственной службе, или в отставке не в офицерском звании, воспрещается впредь селиться в г. Грозном, слободах Шатой. Воздвиженской и Веденской» ...» и якобы судьба русской слободы Шатой в горах Чечни является доказательством мотивированности подобных шагов. Выясняется, что в 1870 г. в слободе под стенами русской крепости в горном Шатое жило 50 русских семей (поселившихся здесь, начиная с 1859 г.), а к 1910 г. их оставалось лишь 7, т.к. местные чеченцы, несмотря на запреты, правдами-неправдами на землях слободы все-таки селились, да еще выживали русских слобожан²⁹⁰. Добавим, что

²⁸⁸ Ткачев Г.А. Указ.соч. С. 141–144.

²⁸⁹ Там же. С. 32–34.

²⁹⁰ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 133.

случались частые хищения имущества слобожан и даже жестокие убийства.

Согласно жалобе русских поселенцев, чеченцы «захватывали места в слободе под разными благовидными предложениями пахотную и покосную землю, уничтожая ежегодно межевые знаки» но, внимание (!), «**на основании того, что мы, как они говорят, пришельцы, а землю владели их деды, прадеды** (выделено нами. –Д.А., Я.А.)»²⁹¹.

Выясняется, что на месте крепости и слободы Шатой, построенной на стратегически важном месте, до самого 1858 г. находилось большое старинное село Хаккой (Хьяккой), жители которого, наряду с массой хуторов и отселков, представляло собой «вольное» общество, входившее в федерацию Шатой. С приходом русских войск их башни и сакли были разрушены, пастбища и покосы заняты, а жители изгнаны: частью они ушли на плоскость и еще дальше – в Турцию, частью перешли за Аргун в бедную землей местность Цогуной, рассыпались по окрестным селам, где влачили жизнь без земли и хозяйства. Это именно они (живые потомственные владельцы, а не их деды и прадеды) нагло и бессовестно покушались на свою же собственную землю!

Дальше – больше. Оказалось, что «русские жители слободы Шатой сами не занимались земледелием и, как казаки в равнинных районах Чечни, практиковали сдачу своих земельных угодий в аренду. Арендовали у них земли, притом за весьма высокую плату, ни кто-нибудь, а прежние владельцы участков – цагуноевцы... В 1905 г. они снова жаловались наместнику царя на Кавказе на то, что слобожане «сами эту землю не обрабатывают, а сдают нам в аренду, за десятину мы платим от 30 до 50 рублей»²⁹².

Любовь горцев к родной земле и родному аулу в глазах наших авторов глубоко преступна и является презумпцией

²⁹¹ Ткачев Г.А. Указ. соч.. С. 101.

²⁹² Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России. Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке. Грозный, 2011. С. 180; И это при том, что в среднем по Чечне и казачьим районам, цена аренды, в зависимости от качества земли, колебалась в тот период от 1 до 10 рублей. Таких, подобных шатоевским слобожанам-кровососам, в русском народе метко называли «выжиги» и «мироеды».

виновности (не говоря уже о преступной национальной принадлежности). Самая враждебность несчастных пахарей к тем, кто отнял у них их малую родину, да еще заставлял платить невероятные суммы за пользование ею, была преступна вдвойне! Вот так в свое время кайзеровский оккупант Бельгии генерал Хаузен посчитал в 1914 г. непростительным преступлением самую «враждебность бельгийского народа» к немцам, захватившим их страну, и начал массовые расстрелы населения ²⁹³.

При всем том, виноградовы, клычниковы ничего не знают еще об одной «преступной» особенности хьяккоевцев – они были против не только русских переселенцев на их земле, но и чеченских, не относящихся к их обществу. По сегодняшний день в большом районном селе Шатой правом первой покупки – дома, участка, пользуются исключительно хьяккоевцы.

И, наконец, наши авторы забыли рассказать еще об одних русских поселенцах в горах Чечни, ныне забытых селах, основанных на территории имамата беглыми русскими людьми – староверами. А ведь было бы куда поучительнее в плане дружбы народов, умевших уживаться и добрососедствовать без имперского начальства.

Абречество в Чечне. Протест или криминал? Естественно авторы не могли обойти тему абречества на Северном Кавказе и Чечне, придав ей ернически-вызывающий характер: «В настоящее время мы сталкиваемся с восторженным мифотворчеством относительно личностей лидеров бандформирований в Чечне. Можно списать это на политическую ангажированность, но, видимо, проблему следует искать в особенностях социальной психологии, т.к. активные маргиналы часто становились объектом почитания со стороны обывателей» ²⁹⁴. Нам было бы весьма интересно узнать, это где и когда виноградовы и клычниковы сталкивались на сегодня с «мифотворчеством относительно личностей лидеров бандформирований в Чеч-

²⁹³ Шамбаров Валерий. За Веру, Царя и Отечество (Весь текст). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ModernLib.ru/books/shambarov_valeriy/za_veru

²⁹⁴ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 138; Ну, совсем как в современных российских городах, включая столичные, где центральные участки на кладбищах отведены под помпезные памятники воров в законе и братков.

не)? Может, просто не стоит зачитываться зарубежными сайтами террористов и исламистов?

Мы не стали подробно вдаваться во все эти авторские пошлости «по абречеству» – проблеме, достаточно знакомой всему Кавказу (протестно-героической и криминально-низменной одновременно, но всегда трагической)²⁹⁵. Просто ознакомим читателя с несколькими характеристиками данного явления, имевшего многовековую традицию, впрочем, как и разбойничество на Руси и в Российской империи.

«Конечно, установление российской колониальной администрации не могло не отразиться на характере абречества. Если раньше абреками становились люди, в силу каких-либо причин вступившие в конфликт с обществом и ставшие изгоями, то теперь в рядах абреков преобладают лица, преследуемые российской администрацией.

Арсенал методов, которыми действуют абреки, почти целиком заимствован из практики уголовного мира: убийства, вооруженные грабежи, захват заложников с целью получения выкупа и т. д. Отличительная особенность практики абречества в Чечне заключалась в том, что одним из объектов нападений служат представители местной администрации. Причем нападения на чиновников в ряде случаев можно рассматривать не как грабеж или даже месть, а попытку повлиять на характер управления. В районе своего действия абреки пытаются превратиться в некую альтернативу существующей власти, что позволяет говорить о присутствии некой политической направленности в их действиях»²⁹⁶. Как удивительно точно выразился в свое время чеченский революционер и публицист Асламбек Шерипов: «Власть терроризировала народ – абреки терроризовали власть!»

Вот один из таких примеров политизации абречества. Во время русско-японской войны и первой русской революции начавшийся осенью 1905 г. массовый призыв запасных казаков на действительную службу обернулся 10 октября с их стороны чеченским погромом на вокзале и рынке Грозного в базарный день. «Попытка чеченцев оказать сопротивление озверевшим

²⁹⁵ См. для сравнения: Бобровников В.О. Абречество и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник евразии. №3. 2000. С. 19–46.

²⁹⁶ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 464.

от водки и ненависти преступным элементам была подавлена вышедшими из казарм солдатами Ширванского полка во главе с полковником Поповым». Вместо того, чтобы остановить погром, армейцы применили оружие против безоружных чеченцев, залпами на поражение рассеяли их и продолжили злодеяния, «расстреливая прятавшихся чеченцев, разыскивая их по чердакам и подвалам, в то время как запасные и хулиганы громили и грабили на глазах у начальства магазины». Всего в ходе беспорядков пострадало 27 чеченцев, из которых 17 были зверски убиты. Возмущенные погромом жители расположенных рядом с Грозным селений в отместку обстреляли станицу Ермоловскую.

А вот отряд абрека Зелимхана Гушмазукаева предпринял, на их взгляд, политическую акцию: был остановлен пассажирский поезд Владикавказ-Петровск, из него выведены 17 человек в погонах – российские офицеры и чиновники (в их числе, говорят, оказался и несчастный почтовый служащий), которые были расстреляны. Все это отрезвляюще подействовало на преступников всех мастей, чеченские погромы не получили дальнейшего развития ²⁹⁷.

А что же было в России на тот момент? При всем этом, ситуация на Северном Кавказе и в той же Чечне в период 1905–1907 гг. при всей экзотической окраске происходивших революционных и криминальных деяний отличалась, и намного в лучшую сторону, от ситуации в Центральной России. Но разве об этом мы узнаем у погромщиков от науки?

Так, по разным данным, в ходе террористических акций в России в 1905–1907 гг. было убито и ранено 4 500 чел. жандармов, полицейских и чиновников разного ранга. Вместе с 2 180 убитыми и 2 530 ранеными из числа частных лиц общее количество жертв в указанные годы оценивалось приблизительно в 9 000 человек. Только по приговору военно-полевых судов империи было повешено примерно 3 700 бунтовщиков и революционеров, не считая получивших тюремные сроки и убитых без приговоров. Мы опускаем хрестоматийные данные о рабочем движении и баррикадных боях в ряде городов. Естествен-

²⁹⁷ См.: Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 451; Революция 1905. 6 и 7 годов в Грозном. Грозный, 1925. С. 71; и др.

но, в ходе революции стремительно выросла криминальная преступность.

Посмотрим, что делалось в русской деревне с ее ярко выраженным традиционным укладом и стадиальностью. Осенью 1905 г. крестьянское движение охватывает свыше половины Европейской России, и за 1905–1907 г. было зарегистрировано свыше 6 тыс. «преступных» крестьянских выступлений. Причем на этот раз главным лозунгом восставших служила идея о принадлежности всей помещичьей земли крестьянам. Более того, крестьянские общины в период 1905–1907 гг. в ряде мест присваивали себе гражданскую власть и объявляли о неподчинении государству. За 1905–1907 гг. в Европейской России уничтожается от 3 до 4 тыс. «дворянских гнезд» (7–10 % их общего количества).

Беспощадная расправа вооруженной рукой с крестьянским «самоуправством» стала главным принципом государственной политики в революционной деревне. Приказы министра внутренних дел губернаторам звучали так: «...немедленно истреблять силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища». Губернаторы Екатеринославской и Курской губерний прибегали даже к артиллерийским обстрелам взбунтовавшихся крестьян ²⁹⁸.

Из вышеизложенного представляется, что в плане исследования антигосударственной деятельности того или иного народа (никто же не думает, что русский народ стал стеновым хребтом российского государства по собственному выбору и руководил оным государством через народные собрания) клычковым и виноградовым, столь большим этой темой, куда актуальнее и логичнее было бы избрать проблему «Российская власть и русский традиционный уклад и стадиальность с древнейших времен до наших дней». История, конечно, тем и хороша, что вы можете найти примеры чему угодно. Однако, написав, что Кавказ в «период смуты революций и Гражданской войны» захлестнула «вакханалия насилия», историк должен нам доказать, что, в отличие от Кавказа, кругом на просторах

²⁹⁸ Данилов Виктор. Крестьянская революция в России, 1902 – 1922 гг. // Крестьяне и власть. Из материалов конференции. Москва–Тамбов. 1996. С. 4–23.

империи царили благолепие, тишина и в горние выси возносились исключительно благодарственные молитвы. На деле же экзотический Кавказ по сравнению с бурей в центральных губерниях России, испытывал на своих просторах только порывы ветра.

В целом, и здесь нам выразительно и наглядно продемонстрировали, что не только экономические и политические интересы горцев, но и их элементарные права на жизнь и существование для авторов на протяжении всей этой галиматии, торжественно названной монографией – абсолютное ничто!

Часть III. АПОФЕОЗ ВРАЖДЫ: ОТ УКЛАДНОСТИ И СТАДИАЛЬНОСТИ К КСЕНОФОБИИ И ФАШИЗМУ

§1. Горцы со своей укладностью и стадиальностью в эпоху Гражданской войны и утверждения советской власти

Новый всплеск абречества? Тема нового всплеска абречества, непосредственно до и в период российских революций 1917 г., что затрагивают наши фразеологи-пропагандисты, могла бы стать основополагающей для серьезного научного исследования. Посмотрим того же Бобровникова: «Следующий взлет абречества начался в годы гражданской войны. Нагорный Дагестан и Чечня, Кабарда и Ставрополье стали ареной действия бандитских шайек и партизанских отрядов горцев. Некоторые небольшие города, как Хасавюрт, были дотла разорены ими и к 1921 году перестали существовать (что не совсем верно, просто Хасав-Юрт, как и ранее, стал кумыкско-чеченским поселением. — Я.А., Д.А.). В промежуток между двумя русскими революциями это движение успело политизироваться и идеологизироваться. Кроме «красных», с которыми они заключили союз как с врагами царской России, абреки сблизились с мусульманскими лидерами горцев. Большинство бандитских шайек сражались в 1918–1920 годах на стороне шейха Али-Хаджи из даргинского с. Акуша и большевиков. Но некоторые поддержали врагов советской власти — аварских шейхов Узун-Хаджи из аварского с. Салта и Нажмутдина из с. Гоцо (Гоцинского)»²⁹⁹.

Действительно, в преддверии второй революции в России именно разгул «горского бандитизма», а не «мужицкий бунт», испугал, к примеру, русских, молдавских и немецких переселенцев.

²⁹⁹ Бобровников Владимир Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2000. № 1 (8). С. 36.

ленцев того же Хасавюртовского округа, поселенных здесь царизмом в ходе столыпинской реформы на Кумыкской плоскости прямо на зимних пастбищах горцев с щедрым их разбазариванием, которые, кстати, в течение веков играли жизненно важную роль в скотоводческом хозяйстве нескольких сот тысяч кумыков, аварцев, андийцев, чеченцев и даргинцев. По данному острому вопросу виноградовыми и клычниковыми приводятся исключительно одни документы и совершенно игнорируются другие. Также активно не нравится авторам то обстоятельство, что с победой Октябрьской революции были выведены гарнизоны и население слобод практически всех крепостей Северного Кавказа (а не только из Чечни)³⁰⁰.

В целом же, на Северном Кавказе в вопросах о повстанчестве речь идет о типологически сходном явлении, характерном для всей крестьянской России эпохи революции и Гражданской войны, в которой, как известно, самым массовым движением было крестьянское течение т.н. «зеленых» (со своими бандами, отрядами и вождями всех мастей)³⁰¹, а не белых и красных.

Всадники Дикой дивизии, преференции туземцам и «плечи восточнославянского ядра». Говоря о Дикой дивизии, добровольческих полках и их значительных денежных окладах (но девически забыв указать стоимость коня³⁰², холодного оружия и экипировки всадника, а также сколько раз эта дивизия в конном строю – вся, ходила в атаку «лавой», спасая русскую пехоту, и сколько раз за войну сменился выбиваемый личный состав того же Чеченского полка) авторы не преминули заметить, что: «В целом национальные окраины, в том числе и Кавказ, имели серьезные преференции и не испытали на себе тех тягот войны, которые легли на плечи восточнославянского ядра империи»³⁰³.

³⁰⁰ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 139–140.

³⁰¹ Доброницкий М. Зеленые партизаны // "Пролетарская революция", 1924, № 8–9;

³⁰² Строевая лошадь на Тереке и Кубани в 1914 г. стоила до 300 рублей. См. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте 1914–1917 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cossackweb.narod.ru/kazaki/r_kkfk1914.htm

³⁰³ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 140–141.

Сложно что-либо возразить этому вполне понятному обстоятельству (горцы не подлежали обязательному призыву в армию), если только не указать, что этот тяжкий долг, легший на плечи «восточнославянского ядра», охотно им снимался при первом же удобном случае. В первые же месяцы войны до 1 млн. крестьян в солдатских шинелях благоразумно предпочли сдаться в плен. В 1919 г. советским «Центробежплен» – организацией, занимавшейся возвратом пленных в Россию, было учтено уже следующее количество русских военнопленных, находящихся за границей:

- в Германии – 2 млн. 335 тыс. 441;
 - в Австро-Венгрии – 1 млн 503 тыс. 412;
 - в Турции – 19 тыс. 795;
 - в Болгарии – 2 тыс. 452.
- Итого – 3 млн. 911 тыс. 100 человек.

Если добавить цифру 200 тыс. солдат, умерших в плену, то получим цифру более 4,1 млн. человек военнопленных, причем в массе своей сдавшихся в плен вполне добровольно. В России за период войны было мобилизовано 14–15 млн. человек, следовательно, пленные составили 27–28% от численности армии. Кстати, нами не учтены сотни тысяч дезертиров и «самострелов» (по разным данным, число дезертиров достигало 1,5–2 млн. человек)³⁰⁴.

Больше пленных (32%) от общей численности войск было только в армии «лоскутной» Австро-Венгрии преимущественно за счет массовой сдачи тех же чехов, словаков и других славянских народов, не желавших воевать за чуждые интересы.

Мировая война стала крайне непопулярной в России после первых же месяцев боевых действий и практически каждый третий русский солдат предпочел не отдавать жизнь за помещичью империю Романовых, проливы Босфор и Дарданеллы.

Будни революции и солдатские банды. Мы вынужденно следуем за хаотическим движением мысли двух докторов наук. Так, на стр. 143 отмечены будни революции в г. Грозном, ког-

³⁰⁴ См.: Асташов, А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 г.: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014; Простаков Сергей. Дезертиры Первой мировой: «Умные повтикали, а дураки остались». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusplt.ru/society/dezertiri-9413.html>

да вокруг разливался хаос гражданской войны, в котором, как оказывается, была виновата не общая ситуация в России, а этнофакторы медицинского оттенка – конфликтогенность горцев. Но вот некоторые факты: в Грозном летом 1917 г. завязалась острая борьба между большевистским Советом, распропагандированным армейским гарнизоном, не желающим отправляться на фронт, и казачьими частями, пытавшимися расправиться с рабочими, солдатами и горцами, чье число на промыслах резко возросло с мобилизацией русских рабочих в течение Первой мировой войны. И после октябрьских событий 1917 г. именно в Грозном наступила анархия, связанная с действиями личного состава 111 армейского полка и других частей разлагающейся армии. Так, солдатские банды угнали 2 тыс. овец из казачьей станицы Слепцовской, 3 тыс. 200 овец у казаков из Михайловской и т.д. Нападали мародеры на окрестные чеченские села и собственно чеченцев, проживающих в Грозном. В ответ чеченцы окрестных сел взяли было в заложники три роты 111 полка, уходившие с вооружением из Воздвиженской крепости; однако по требованию Чеченского Совета и Союза горцев пленные были освобождены без условий и доставлены в Грозный.

Железная дорога и русская армия дезертиров, всплеск насилия. Ниже в целях экономии места даем изложение событий по тексту «Истории Чечни в XIX–XX веках», в т.ч. с использованием архивных сносок³⁰⁵. Прибытие в Грозный Чеченского полка руководство Чеченского Национального Совета попыталось использовать для укрепления своей власти в Чечне, заметно пошатнувшейся после бурных событий лета 1917 г. Жители чеченских плоскостных селений, постоянно подвергавшиеся нападениям как со стороны казаков, так и грабежу со стороны солдат местных гарнизонов и воинских эшелонов, постепенно разуверились в способности национальных властей защитить их и все чаще брали в руки оружие. Главным объектом нападений чеченцев стала железная дорога, по которой постоянно передвигались эшелоны и толпы дезертиров русской армии с Кавказского (Турецкого) фронта, терроризировавшие местное население. Причем от действий разложившихся воинских частей страдали примерно в равной степени и горцы, и казаки, и иногородние.

³⁰⁵ См.: Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 592–594.

Военный комиссар Терской области Звонарев осенью 1917 г. признавал, что даже солдаты из местных гарнизонов, направленные в станицы и хутора для защиты жителей от нападений абреков и дезертиров, сами занимаются грабежами и изымают оружие у мирного населения, лишая его последней возможности к самозащите. Пытающихся оказать сопротивление солдаты безжалостно убивают, а награбленное «сбывают туземцам». Только казачьи станицы на территории Чечни с начала Первой мировой войны и до 15 сентября 1917 г. понесли от разбойных нападений различных банд убытки в размере 537 385 рублей. До 50 человек было убито ³⁰⁶. Потери чеченских селений никто и не подсчитывал.

Летом 1917 г. начались систематические обстрелы чеченцами поездов с дезертирами между Хасав-Юртом Грозным и нападения на небольшие русские хутора. Так, был захвачен и разрушен хутор Сорохтиновский, а недалеко от Гудермеса, возле разъезда Джалка, видимо, по ошибке, подвергся обстрелу пассажирский поезд. Были убиты и ранены десятки пассажиров. 25 сентября в Хасав-Юртовском участке неустановленные лица из горцев вовсе разобрали железнодорожное полотно. Потерпевший здесь аварию пассажирский поезд был еще и обстрелян – всего погибло 6 и получили ранения свыше 50 человек. В начале октября прекратили работу служащие железнодорожных станций Аргун, Наурская и Ищерская.

На этот раз работу железной дороги парализовали казаки, которые также требовали прекратить движение всех поездов из-за бесконечных грабежей воинскими частями всех мастей и бандами дезертиров. Как констатировали областные власти, горцы и казаки прилагают все усилия, чтобы «...убрать русские войска из области». Для охраны железной дороги в Чечне штаб Кавказского военного округа даже предлагал создать специальный кавалерийский отряд с конной артиллерией, а зону железной дороги объявить на военном положении ³⁰⁷.

К осени 1917 г. в Чечне вновь резко возросла активность криминалитета, чему в немалой степени способствовал фактический развал т.н. чеченской милиции: не получавшие жалова-

³⁰⁶ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 442. Л. 486; Д. 1679. Л. 146.

³⁰⁷ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 442. Л. 55, 351, 495.

ния два месяца милиционеры в большинстве своем разошлись по домам. Как подчеркивал все тот же подполковник Н.П. Моисеев, «преступный элемент» одинаково «...подставил как шейхов, так и представителей чеченских организаций»³⁰⁸, что вызвало известное сближение позиций духовенства и деятелей демократического направления. Чтобы остановить разгул преступности, терские власти совместно с Чеченским Национальным Советом приступили к созданию специального «карательного» отряда. Его формированием руководил А. Мутушев. В должности «советника» при командире отряда был утвержден шейх Д. Арсанов, а начальником штаба стал Н. Арсанукаев. Одновременно в виде резерва шло формирование еще одного отряда, который должен был насчитывать батальон пехоты, два орудия и эскадрон кавалерии из состава Чеченского полка бывшей «Дикой дивизии»³⁰⁹.

Ситуация в Хасав-Юртовском округе. Особенно сложное положение стало складываться в 1917 г. в Хасав-Юртовском округе Терской области, где непрерывно происходили столкновения. В результате активной колонизации в начале XX в., происходившей при всемерной поддержке властей, национальный состав округа претерпел значительные изменения. К 1915 г. здесь обосновалось уже более 23 тысячи «иногородних» крестьян, как русских, так и немцев. Одних только немецких поселений в Хасав-Юртовском округе было более 40, причем на подавляющее большинство немецких крестьянских хозяйств приходилось от 40 до 80 десятин земли³¹⁰. Такое положение вызывало законное недовольство крестьян-горцев (кумыков и чеченцев), за счет ограбления земельного фонда которых и обеспечивались переселенцы. Однако уравнительного распределения земли от новых «революционных» властей горцы Хасав-Юртовского округа так и не дождались.

Еще летом 1916 г. в Хасав-Юртовском округе происходят первые крупные беспорядки среди горских крестьян, которые

³⁰⁸ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 442. Л. 487, 488, 490, 526, 527, 532.

³⁰⁹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 444. Л. 47, 68.

³¹⁰ Ахмадов Ш. Б. К вопросу о переселенческой политике царизма в Терской области в пореформенное время // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 43.

постепенно приобретают все больший размах. Весной 1917 г. новые терские власти констатируют, что началось бегство «иногородних» крестьян. В середине сентября партиями абреков полностью разграблены несколько хуторов и селение Коллюбякино, угнано до 800 голов скота. Вскоре речь уже шла не о партиях в 20–30 абреков, а о целых вооруженных отрядах, насчитывавших от 200 до 500 человек, которые нападали не только на русские и немецкие хутора, но и на «мирных чеченцев» и кумыков. Кстати, равные по численности неконтролируемые отряды появились и в Дагестанской области. Только за пять дней в конце сентября из Хасав-Юртовского округа было угнано 2000 голов скота и убито несколько русских и «туземных» крестьян. Как признавали власти Терской области, солдаты и вооруженные хуторяне в отместку начали грабить «поселки мирных чеченцев» (под которыми в документах подразумеваются и кумыки); погромы произошли в Аксае, Хасав-Юрте и ожидались в Грозном ³¹¹.

События в Грозном. Чеченский полк Дикой дивизии в эпицентре событий. Вскоре на городской железнодорожной станции Грозного солдаты-мародеры при поддержке отрядов «рабочей самообороны» 11–12 ноября 1917 г. огромной массой напали на вагоны с имуществом Чеченского полка и убили охранявших боевое имущество 30 всадников, включая сына лидера Союза объединенных горцев А.-М. Чермоева. Началась античеченская истерия и погромы по всему Грозному. В городе наступил хаос и националистическое безумие, охватившее все слои общества и политические группы – от большевиков до монархистов. На помощь чеченцам первыми бросились жители ближайшего к городу селения Алды, но они не смогли пробиться дальше т.н. Новых промыслов, которые в ходе боя загорелись.

Вскоре начали подтягиваться разошедшиеся было по аулам всадники Чеченского полка, которые в организованном порядке начали осаду и обстрел города. Союз горцев (князь А. Капланов) в эти же ноябрьские дни заключил союз с Терским казачеством (атаман М.А. Караулов) и образовал Терско-Дагестанское правительство, которое 23 ноября предъявило ультиматум

³¹¹ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 442. Л.418, 433, 451, 479, 487–489; Д. 444. Л. 65–66; и др.

с требованием разоружения Грозненского гарнизона и рабочих отрядов, повинных в массовых убийствах и грабежах. Грозненский совет в этих условиях провел эвакуацию по железной дороге воинских частей и обеспечил бегство из города насмерть перепуганных погромщиков в количестве 2 тыс. человек. В город были введены воинские части Чеченского Национального Совета, основу которых составили эскадроны Чеченского полка Дикой дивизии³¹².

А теперь давайте дадим изложение этих событий в постановке наших историков-фразеологов. «Обстановка здесь накалялась с каждым днем. **И когда в Грозный в конце ноября 1917 г. прибыл из Гудермеса подвергшийся нападению поезд с десятками убитых и раненых, это привело к античеченскому выступлению** и бегству чеченцев из города. Грозный сразу же оказался в осаде. Были подожжены нефтяные промыслы, и лишь защита со стороны казаков и наличие в городе пехотного полка сдерживали дальнейший погром русскоязычного населения. Однако сформировавшийся незадолго до этого Чеченский Национальный Совет в ультимативной форме, под угрозой артиллерийского обстрела, потребовал вывести регулярные войска из города, а когда это произошло, Грозный подвергся массовому грабежу. Вновь лишь помощь казаков позволила вытеснить «хищников» из его пределов, после чего началась энергичная подготовка к обороне (выделено нами. –Д.А., Я.А.)»³¹³.

Дополним и мы последнее предложение: действительно, после перехода города под контроль национальных сил в городе продолжали происходить грабежи, хотя и в меньшем масштабе, чем ранее при солдатско-рабочей уголовной анархии. Вероятно, что грабили и всадники полка. В этих условиях полубольшевицкий Грозненский совет сумел быстро объединиться с контрреволюционными казачьими лидерами, но вытеснить силой чеченские отряды из города не получилось; они дисципли-

³¹² См.: РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д.1679. Л. 117–128 об.. 164; ГАРФ. Ф.Р-130. Оп.1. Д. 81. Л.32–33; Ошаев Х. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928. С. 18; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 604–613;

³¹³ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 143.

нированно вышли по распоряжению того же Терско-Дагестанского правительства, пытавшегося перетянуть на свою сторону те же городские власти. В декабре в город действительно вводится два казачьих полка и... здесь прокатилась новая волна грабежей и убийств мирного населения. Теперь грабили казаки³¹⁴. Одним словом, читая фразеологов, не верь глазам своим!

Вновь об аграрном вопросе и терском казачестве. Вот выныривает в данном очерке (после фразеологических оборотов о революционных событиях 1917 г. на Тереке) почему-то аграрный вопрос на Северном Кавказе... при царизме. Нам сообщают, что нельзя утверждать: а) что безземелье горцев возникло вследствие передачи их земель казачеству; б) что горцы были обречены на вымирание и деградацию. В качестве контроверзы приводится пример с маленьким горным народом – карачаевцами, за которыми действительно закрепили ряд ущелий с пастбищами (которые никак не были пригодны для пашен)³¹⁵.

Однако не приводится пример с самым крупным народом Терской области – чеченцами. Мы уже писали выше, но можем повторить, что к середине XIX в. 43 % всех равнинных земель Северного Кавказа и т.н. Предкавказья (2,83 млн. десятин) были отведены полкам Кавказского линейного казачьего войска общей численностью в 39 тыс. дворов, из них только в Чечне из общего фонда равнин и предгорий в 643 тыс. десятин – наиболее плодородная часть – в 222 тыс. (34, 5%) десятин вместе с нефтеносными участками были отрезаны Терскому казачьему войску, а еще 70 тыс. десятин закреплено за русскими и чеченскими офицерами и казной (казне принадлежало теперь и 100% всех чеченских лесов)³¹⁶.

Добавим, что к 1917 г. все Терское казачье войско насчитывало 278 тыс. человек, проживавших в 70 станицах на площади в 22 тыс. кв. км и войсковой земли насчитывалось 2 млн. десятин, из которой 1 млн 738 тыс. было отведено непосредствен-

³¹⁴ См.: Корнев Д.З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. Орджоникидзе, 1967. С. 79; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С. 614–615.

³¹⁵ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 143–145.

³¹⁶ См.: Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С.224; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 4 томах. Т.III. Грозный, 2013. С. 363.

но станицам. Таким образом, в среднем на каждого терского казака и казачку приходилось до 6 десятин, а вот в Чечне с населением до 300 тыс. в 1917 г. (по переписи 1897 г. – 226 тыс., а по переписи 1926 г. – 309 тыс.) человек приходится всей земли на человека – 1,17 (всей земли на народ – 351 тыс. десятин). Но в Нагорной полосе Терской области площадь пахотной земли редко составляла 1/10 от семейного пая. На равнине свыше 70% крестьян Чечни сами власти официально считали малоземельными. Горцы от безысходности вынужденно арендовали свои же бывшие земли, находившиеся в руках казачьего войска и частных землевладельцев. Те же чеченцы платили арендные суммы в 400 тыс. руб. ежегодно; больше, чем все остальные жители Нагорной полосы Терской области вместе взятые ³¹⁷. Следует отметить, что и русские иногородние крестьяне также являлись бесправными арендаторами на казачьих землях.

А вот с утверждениями о вымирании горского населения мы, как и вышеприведенные авторы, также не согласны. Они не вымирали, горцы выживали!

Как царизм решал аграрный вопрос. Не вдаваясь в подробности, укажем, что громадная разница в землепользовании горцев, а также иногороднего русского населения с казачьим, не могла быть решена никакими половинчатыми мерами и работой различных межевых (насмешливо прозванных «неживыми») комиссий. Выход был только один – уравнильное землепользование. Но в этом случае казачество просто перестало бы быть воинским сословием (а было оно в реальности – укладно и стадиально – пережитком далекой феодальной эпохи).

Но, говорят авторы, появление казачества на Кавказе «было обусловлено военно-политической целесообразностью, необходимостью сдерживать, среди прочего, разгул набеговой стихии, с чем оно в целом удачно справлялось. Вряд ли без наличия восточнославянского элемента в крае удалось бы создать

³¹⁷ См.: Авторханов А.Г. Революция и контрреволюция в Чечне: Из истории гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный, 1933. С. 36–41; Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. № 4. Ростов-н/Д., 2005; Терское казачье войско. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mv-komissija.ru/images/history_terское_kaz.doc; и др.

условия для вовлечения горцев в российское экономическое и культурное пространство»³¹⁸. Хорошо, что авторы осознают военно-колониционное предназначение казачества (стеснять и ограничивать горцев), а вот военная оценка – «справлялось» – сомнительна и основана на сказах поздних «певцов казачества». До и во время Кавказской войны терско-гребенские казаки никогда не проводили самостоятельных операций, действуя исключительно только в пристяжке с регулярными армейскими силами и артиллерией, еще и потому, что в редких случаях прямых столкновений с горцами они практически всегда терпели поражение. Их регламентированная воинская деятельность заключалась во второстепенной охранной, разведывательной и конвойной службах, поголовном предоставлении в станицах квартир армейским частям и их всемерном обслуживании. Не более того!

Были, конечно, и на тот момент разные варианты разрешения аграрного конфликта, как-то: начать новую Кавказскую войну, истребить и изгнать горцев, как то было сделано на Северо-Западном Кавказе.

Что там долго говорить об интересах каких-то завоеванных горцев, когда в ходе освобождения «своих» десятков миллионов русских крестьян от крепостного права в 1861 г. их не только «освободили» от земли, но еще заставили выкупать ту часть, которую невозможно было по каким-то причинам отнять в пользу помещиков.

В заключение очерка № 3 авторы приводят длинную выдержку из приказа начальника Терской области, генерала А.С. Михеева от 20 августа 1909 г. в связи с 50-летием окончания Кавказской войны, в котором Михеев, в частности, призывает «вознести 25 августа в своих храмах и мечетях молитвы к престолу Небесного Царя об успокоении всех павших на поле брани за время Кавказской войны, а равно помолиться об иско-

³¹⁸ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 144–145; Причем «справлялось», судя по многочисленным данным, больше в области грабежа: «Через линию на противоположном берегу Терека непрестанно проходили колонны казаков. И в те дни всякое время можно было видеть их, обремененных добычей и трофеями...» – Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1778–1820 годы. СПб., 2002. С. 364.

ренении неправды, вражды, взаимных обид и ниспослании помощи к водворению мирной жизни, общего единения и дружбы, дабы мирно работать и богатеть материально и духовно на благо нашего общего Отечества...»³¹⁹

Замечательные слова! Да услышат их виноградовы и клычниковы, матвеевы и хлынины, гатаговы и барсенковы, шатохины ... и т.д., и т.п. Пусть они все, наконец, вернуться с миром домой!

Увы, читая дальше рецензируемые очерки, убеждаешься, что некоторые товарищи не вернулись не только с Кавказской войны, а то и войн пораньше, когда люди сражались за свои пещеры каменными топорами и дубинами.

Начало советской власти на Тереке и «набеговые доблести». Очерк 4 «Горский традиционный уклад и советская власть: приспособление и сопротивление» (с. 149–194) рассматриваемой работы написан, судя по особенностям текста, Ю.Ю. Клычниковым. Однако мы будем держаться мнения, что это коллективное начинание с профессором Б.В. Виноградовым.

Начало советского периода истории Северного Кавказа, отмечают решительно наши соавторы, имело региональной особенностью то обстоятельство что «здесь сразу же широкий размах получил бандитизм, базирующийся на овечьем историческими традициями набеговом промысле». И так как объектом нападений чеченцев становились не только русские, то робкие возражения горских историков о набеге, как последствиях «колониальной политики», выглядят на взгляд историков-фразеологов (как у все той же неугомонной Л.С. Гатаговой да и страдающей алексией Т.С. Хлыниной) «неубедительной» трактовкой. «Оказавшееся под ударом любителей набеговых «доблестей» местное славянское и немецкое население искало защиту у возвращающихся с фронта солдат...» (которые, как мы помним, сами занимались повальным грабежом и разбоем).

Совершенно неожиданно звучит утверждение авторов о неготовности терского казачества «к самоорганизации в сложившихся экстремальных условиях (а куда ему еще было самоорганизовываться, когда станицы являлись готовыми воинскими единицами, а само казачье войско состояло из полков до зубов вооруженных,

³¹⁹ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 147.

давно отобилизованных и прошедших фронт. – Д.А., Я.А.)» и их стремлении «привлечь на свою сторону иногородних, осетин, кабардинцев и балкарцев». Более того, бедное казачество обратилось в конце января 1918 г. к I съезду народов Терека с просьбой объявить всеобщую войну Чечне. Само воевать с чеченским народом Терское казачество, при всем авантюризме своих атаманов и наличии серьезных военных сил, не смело.

Требования справедливого, уравнительного распределения земель в Терской области, поддерживавшиеся буквально всеми, кроме казачества, авторы оборачивают в привычную для них иезуитскую фразочку: «Активно муссировался вопрос о справедливом перераспределении земель». Всего лишь-на всего, муссировался, понимаешь! А ведь именно этот вопрос был альфой и омегой взрывной ситуации на Тереке. На тех же страницах очерка в целях античеченской пропаганды авторы не постеснялись использовать даже рассказы известного писателя М. Булгакова, побывавшего военврачом в составе деникинской армии в Чечне, правда, в 1919 г. и т.д. и т.п.³²⁰

Разрушение российского социума и обвальный рост криминала. Между тем общим местом для любого, кто писал о первых месяцах революции и начала Гражданской войны в России, является вопрос о разрушении социума и обвальном, невероятном росте криминала, в т.ч. в самой колыбели революции – Петрограде. Так, в течение 1917 г. вооруженные грабежи налетчиков и грабежи (часто под видом «обысков») стали обыденностью. Обычными являлись сообщения о 50–60 налетах за одну ночь, но были сутки, когда совершалось 250 разбойных нападений (квартиры и магазины). Своеобразный рекорд был поставлен в октябре месяце, когда за 48 часов хищники совершили 800 (!) серьезных краж и грабежей!³²¹

³²⁰ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 149–153.

³²¹ Санкт-Петербург: Хроника трех столетий / Сост. А. Б. Доливо-Добровольский, Н. О. Харламова. СПб., 2003. С. 415; Musaev V. I. Criminality in Petrograd in 1917 – 1921 years and struggle against it [*Prestupnost v Petrograde v 1917–1921 gg. i borba s nej*]. Saint Petersburg. 2001. С. 39, 60. – Цитирую по: Карпов А.В. Время назад: революционная культура как повседневность // Интернет: сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе». №1. 2013.

Вспоминая любимую тему о «стадильности» и оживлении «традиционных доблестей» наших историков-фразеологов, не грех напомнить о записках И.Д. Путилина – начальника сыскной полиции – о криминальном мире (не революционного даже периода) того же Петербурга второй половины XIX в. Он отмечает (в передаче А. Константинова), что: «Трактиры, гостиницы и публичные дома охотно принимали заведомых воров, ... Барышники сами ходили за ними по пятам», принимая и сбывая краденое. Причем в «мещанской среде вор-карманник считался завидной партией, родители невесты с готовностью предоставляли ему квартиру для убежища. А уж если дочери удавалось подцепить марвихера, считавшегося аристократом среди воровского мира ... то радости родителей и вовсе не было конца»³²². А ведь, чай, не глухой горный аул или казачья Кубань. Столица-с!

Крестьянская война в России. Нападения чеченских и иных отрядов на казачьи станицы и селения столыпинских переселенцев (которые, кстати, ни нами, ни «национальными историками» отнюдь не оправдываются) были легкой забавой по сравнению с аналогичной ситуацией в той же собственно России. Об этом можно было бы и не говорить, если бы не лживая риторика клычниковых и виноградových о «горском укладе» и «набеговом промысле». Так, захваты помещичьих земель и разгромы усадеб, часто с убийствами их владельцев, в том же 1917 г. (Черноземный центр, Смоленская, Калужская, Тульская, Тамбовская, Рязанская и Московская губернии, Среднее Поволжье), совершались так «чтобы [помещикам] некуда было возвращаться, ... чтобы не были они здесь совсем» (т.е с особой жестокостью и с полным уничтожением поместий, а то и их владельцев, невзирая на пол и возраст).

В августе-октябре 1917 г. произошло более 5 тыс. официально зарегистрированных крестьянских выступлений. Как писал Н.Н. Суханов: «И мужик начал действовать сам. Делят и запахивают земли, режут и угоняют скот, громят и жгут усадьбы, ломают и захватывают орудия, расхищают и уничтожают запасы, рубят леса и сады, чинят убийства и насилия... Это – массовое явление, это – волны, которые вздымаются и растека-

³²² Константинов Андрей. Бандитская Россия. М., 2012. С. 53.

ются по всей стране». Несмотря на закон от февраля 1918 г. «О социализации Земли», официально передававший крестьянам помещичьи земли, они упорно продолжали убивать дворян и дотла сжигать их усадьбы ³²³.

Попытка казачьей верхушки разжечь кровавую межнациональную войну на Тереке. Где еще в нашей стране проявлялись сильнее и масштабнее явления, связанные со специфическим укладом и деятельностью «любителей набеговых «доблестей», мы покажем и дальше, а сейчас вернемся к вопросу о терском казачестве (обученном, организованном, вооруженном и имевшем боевой опыт), которое, как известно, несколько раз столкнувшись в боях с массовым героизмом чеченского крестьянства (необученного и плохо вооруженного), четко и наглядно убедилось в своем собственном бессилии. Потому его верхушка и попыталась заполучить союзников и развязать межнациональную войну, залить кровью весь край, лишь бы не пойти на утрату своего положения «коллективного помещика» и практически монопольного держателя нефтеносных участков.

Нефть начинает диктовать политику. Между тем, проблемы, связанные с эксплуатацией природных богатств, как и аграрные, особенно остро стояли в Чечне с ее мощным Грозненским нефтедобывающим районом. Поэтому Чеченский исполнительный комитет еще 26 апреля 1917 г. объявил недействительными все заключенные ранее договора на разведку и добычу нефти в Чечне. Ставился также вопрос о реорганизации управления лесным хозяйством Чечни. Эти решения, на первый взгляд, хотя и не касались прямо территории Грозного и казачьих отделов, но все же являлись откровенной попыткой защитить экономические интересы национальных предпринимательских кругов и массы чеченского населения ³²⁴. Стерпеть такое казачьи верхи и стоявшие за ними многочисленные чиновники управления Терского войска и нефтепромышленники не могли ни в коем случае.

³²³ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Издательство «Республика». Книга первая. М., 1991. С. 396; Данилов В. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Из материалов конференции «Крестьяне и власть», Москва–Тамбов, 1996. С. 4–23.

³²⁴ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С. 576.

Наступление Деникина на Северный Кавказ. Жестокие сражения в Чечне и Ингушетии. Бурные перипетии гражданской войны на Тереке, когда казачья контрреволюция выступила против большевизированных русских рабочих, иногородних и горского крестьянства, – период наступления деникинских войск на Ингушетию и Чечню, весьма мутно и коротко излагаются авторами.

Наши фразеологи-историки почему-то не указывают, что на территории Ингушетии деникинские войска (и в их числе терско-сунженские казаки) в феврале 1919 г. натолкнулись на фанатичное огневое сопротивление, когда блестящим офицерским полкам и белоказаком пришлось устлать трупами поля перед аулами Долаково и Кантышево (их оставили сожженными дотла). Затем идут кровавые сражения у Кескема, Пседаха и Сагопши. В ответ на винтовочный огонь аулы сметались деникинцами артиллерией и пулеметами.

В Чечне 7 марта 1919 г. произошло крупное военное сражение под Гойтами, где вместе с горскими крестьянами дрались с солдатами и белоказаками и русские красноармейцы, поднялись также отряды из соседних сел. Деникинская дивизия, в конечном счете, была разгромлена и отступила в Грозный в такой панике, что были брошены передовые окопы с южной стороны города.

В конце марта деникинцы ведут ожесточенные бои против аулов Алхан-Юрт, Кулары, Хадис-Юрт, Устар-Гордой, Бердыкель. Демонстративное классическое наступление повели белогвардейцы против Алхан-Юрта с использованием конных казачьих и пехотных дивизий, артиллерии, бронепоездов и авиации (что было в новинку). Потери нападавших составили 700 человек, чеченцы потеряли 400 бойцов.

29 марта 1919 г., бросив все, в Чечню приехал сам А.П. Деникин вместе с начальником английской миссии, генералом Бриггсом и буквально уговаривал чеченские верхи присоединиться к Добровольческой армии. Как известно, правителем Чечни Деникин утвердил генерала чеченского происхождения Эрисхана Алиева – участника русско-японской и Первой мировой войн. Но уже 9 апреля белогвардейцам пришлось выдер-

жать огневое сражение под Цацан-Юртом, где они сожгли село ценой жизни сотен солдат и офицеров. В мае 1919 г., когда деникинцы двинулись по железной дороге на восток, к Дагестану, им пришлось сражаться под Гудермесом, Исти-Су, Кади-Юрт, Нойберды, Энгель-Юрт, Герзель-Аул и т.д. В горы деникинцы даже не совались – вся горная Чечня полностью вошла в состав эмирата Узун-Хаджи, заключившего военный антиденикинский союз с РСФСР и Грузией.

В Ингушетии 23 июня 1919 г. вспыхивает новое антиденикинское восстание, спровоцированное насильственной мобилизацией в Ингушскую конную бригаду; жители аулов Насыр-Корт, Сурхохи и Экажево в первый день боя наносят белым такое поражение, что они бегут до Беслана; на второй день, когда белые ворвались в села, в бой вступили все: мужчины, женщины и дети. Кровавые стычки за каждый дом продолжались почти неделю.

В августе-октябре 1919 г. когда Деникин рвался к Москве в тылу – на Северном Кавказе, особенно в Чечне и Ингушетии, начинается новый этап крупных боевых действий, не позволивших белым перебросить дополнительные войска (особенно из казачьих районов Терской области) на московское направление ³²⁵.

Какой видят гражданскую войну на Тереке наши историки-фразеологи? Горский сброд и ангелы «белой идеи». О всем вышесказанном в рассматриваемом очерке читатель практически ничего не найдет. Но увидит огромный перекося в пользу развития малозначительного, опереточного сюжета о «Чеченской конной дивизии». Выясняется и причина столь любопытно усеченного взгляда на столь широкую панораму бурных и многозначных событий Гражданской войны в нашей стране и регионе. Оказывается, чеченские всадники практически силой мобилизованной дивизии (впрочем, как и мобилизованные ингуши) не желали драться за идеалы белого движения, дезертировали, показывали спину в боях с красными и увлекались грабежами. Приводятся отрицательные характеристики горцев таких крупных «авторитетов», как Слащев-Крымский (наркоман и

³²⁵ См.: История Чечено-Ингушской АССР. Т.2. Грозный, 1972. С. 49–59, 63–67; Гойгова З. А.-Г. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный. 1963; и др.

вешатель), какого-то Д. де Витта и других белых офицеров с кругозором вчерашних прапорщиков.

Понятно, что вышеуказанным мемуаристам никто не объяснил, что в Чечне по требованию деникинских властей выпихнули в т.н. «дивизию» (около 1,5–2 тыс. всадников) все аульное отребье – воров, грабителей, пьяниц и бездельников-гуляк, надоевших собственным семьям. При этом, утверждают наши фразеологи, горцы-всадники своими поступками, чуть ли не единственные, позорили всю Белую армию, так сказать, «белых и пушистых» оболенских и голицыных из полков ВСЮР (Вооруженные силы Юга России). Сквозь зубы при этом признавая, что на Северном Кавказе в Гражданскую войну повсеместно «процветали грабежи и разбои, в которых участвовали казаки и горцы», приводя свидетельства, что «все леса были заполнены партиями казаков, которые «занимались разбоем, грабя всех, кто попадался им под руку». Но все эти «казачьи традиционные доблести» они постарались объяснить долгим их, казаков, пребыванием «меж горцев»³²⁶.

Безусловно, горский сброд, который сами чеченские «старрики» (авторитеты) просили отправить как можно дальше от Чечни³²⁷, реально занимался воровством, кражами и насилием над населением, не блистая на поле боя. Тут никакого спора нет. Конечно, нам тем самым дают понять, что в русских частях Белой Армии, фанатиков «белой» идеи, ничего подобного не наблюдалось. Давайте посмотрим!

Укладность и «набеговые доблести» казаков, не испытывавших дурного влияния горцев. Для чистоты опыта нам придется взять не кавказских, а донских казаков (здесь уж точно не было пагубного влияния горской стадиальности и уклада). Начнем даже не с Гражданской (все-таки разброд и шата-

³²⁶ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 154–159.

³²⁷ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С.155. В качестве курьеза можно отметить, как большевистские власти Одессы выпихнули в свое время на фронт 2000 профессиональных воров и грабителей во главе с Мишкой Япончиком ставшего в одночасье красным командиром. Потом этот полк бросивший позиции и сорвавшийся домой в эшелонах чекисты остановили в чистом поле и расстреляли Япончика и его ближайших поделщиков.

ния), а в самый, так сказать, пик патриотизма, православия, самодержавия и народности – мы имеем в виду Отечественную войну 1812 г. (об этом, правда, коротко уже говорилось нами и выше).

Так вот, после оставления русскими Смоленска: донской «атаман Платов перестал служить, войска его предались распутствам и грабежам, рассеялись сонмищами, шайками разбойников и опустошили землю от Смоленска до Москвы. Казаки приносили менее пользы, нежели вреда (свидетельство А.П. Ермолова, однако! – Д.А., Я.А.)». Стоянки донских полков напоминали, по выражению будущего начальника Третьего отделения Александра Христофоровича Бенкендорфа, «воровские притоны» ... Даже создатель официозов для «Николая Палкина» А.И. Михайловский-Данилевский был вынужден записать: «... меня уверяли достоверные люди, что Платов посылал на свой счет грабить деревни и села и отправлял на Дон несколько обозов с похищенными таким образом вещами». Судя по всему, другой казачий генерал – Иловайский, «наложил лапу» на французский транспорт с награбленными в Москве церковными ценностями и также отправил святотатственную добычу к себе на Дон ³²⁸.

Кстати, эта стадияльная неистребимая склонность к грабежу удивительно органично проявлялась у донцов и на Кавказе, куда командировались донские полки на Кавказскую войну. «Оттягать чужое, видно, Богом вложено в нашу казацкую душу, и уж тут никак не утерпишь!...» – заявил, к примеру, полковник Я.П. Бакланов в 1845 г., храбро отогнав стадо в 150 голов коров и быков, охраняемых единственно чеченской овчаркой ³²⁹.

С не меньшей, а с удесятёрённой силой, чем в Отечественную войну 1812 г., грабительские инстинкты донского казачества проявились на полях Гражданской войны. Классикой в

³²⁸ Понасенков Е.Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004. С. 145, 211; Его же: Почему войну 1812 года никак нельзя назвать «отечественной». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: diletant.ru Статьи» дополнительные материалы; Воронов Владимир. «Белые пятна» Отечественной войны 1812 г. // Совершенно секретно. №8. Август 2012.

³²⁹ Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М., 2008. С. 148–149.

этом плане является рейд генерала «Грабь-Армии (Белая Армия)» Мамонтова (Мамантов) по тылам красных осенью 1919 г., в результате которого был не только нанесен серьезный удар обороне красных в центральных областях, но и произведены неслыханные грабежи. После знаменитого рейда из 8 тыс. казаков, принимавших участие в набеге, в частях осталось чуть более 2 тыс., остальные озаботились вывозом награбленных ценностей на Дон и практически оставили службу³³⁰.

Набеговые доблести Белой Грабь-Армии. Однако в грабежах собственной родины и сограждан отметились все типы и виды ВСЮР и казачества, в особенности, донского, кубанско-черноморского и терского, что осталось символом самого подлого бесчестия в истории Гражданской войны на Юге России. Ниже нами приводится небольшая подборка по теме (с сохранением построения материалов, курсивом и выделением) с небольшими купюрами, составленная одним из безымянных исследователей прошлого из мира интернета (нам удалось проверить известную часть и с сожалением убедиться, что все, о чем здесь говорится – правда!):

Деникин Май-Маевскому 10 сентября 1919 года.

«Происходят грандиозные грабежи отбитого у большевиков государственного имущества, частного достояния мирного населения; грабят отдельные воинские чины, небольшие шайки, грабят целые воинские части, нередко при попустительстве и даже с соизволения лиц командного состава. Разграблено и увезено или продано на десятки миллионов рублей самого разнообразного имущества, начиная с интендантских вещевого складов и кончая дамским бельём.

Расхищены кожевенные заводы, продовольственные и мануфактурные склады, десятки тысяч пудов угля, кокса, железа. На железнодорожных контрольных пунктах задерживаются отправляемые под видом воинских грузов вагоны с громадным количеством сахара, чая, стеклом, канцелярскими принадлежностями, косметикой, мануфактурой. Задерживаются отправляемые домой захваченные у неприятеля лошади... Изложенное в достаточной степени рисует ту беспросветную картину грандиозных грабежей и хищений, ту

³³⁰ Деникин А.П. Очерки русской смуты. Т.V. Вооруженные силы Юга России. Поход на Москву. 1919–1920 гг. Париж, 1921. С. 122; и др.

вахханалию стихийного произвола и самоуправства, которые неизменно царят в прифронтовой полосе...»

...1. Секретный штабной доклад, подытоживающий причины поражения похода на Москву: <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2022>

«8 апреля 1920 г. Гор. Севастополь.

Доклад Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России.

Секретно. В собственные руки.

Вместо порядка мы принесли те же насилия, грабежи, издевательства.

Вместо чрезвычайек – порки шомполами, расстрелы и т. п.

Отсутствие твёрдой власти на местах, отсутствие определённой во внутренней и внешней политике, высокомерие, нежелание встать ближе к народу создали нам бесконечное множество врагов, вызвали восстания в тылу, помогли усилению большевистской пропаганды, которая питалась нашими ошибками.

Великое дело освобождения истрадавшей Родины было осквернено и отодвинуто далеко назад. **Нам не верили, нас боялись..**

И вот мы потеряли Дон, Кубань, Терек, весь юг России и отказались в Крым.

Тяжёлое наследство выпало на долю новому Главному командующему. **Нет доверия народа, войска развращены, тыл распропагандирован».**

2. Негодующие донесения Врангеля: <http://militera.lib.ru/memo/russian/vrangel1/05.html>

Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска.

Генерал Врангель.

3. Командующий Добровольческой Армией.

9 декабря 1919 года

№ 010464.

г. Юзовка

Рапорт

Прибыв 26-го ноября в Добровольческую армию и подробно ознакомившись с обстановкой на этом, в настоящее время главнейшем участке общего фронта Вооруженных Сил Юга России, долгом службы считаю доложить следующее:

Война обратилась в средство наживы, а довольствие местными средствами – в грабеж и спекуляцию. Каждая часть спешила захватить побольше. Бралось все, что не могло быть использовано на месте – отправлялось в тыл для товарообмена и обращения в денежные знаки. Подвижные запасы войск достигли гомерических размеров – некоторые части имели до двухсот вагонов под своими полковыми запасами. Огромное число чинов обслуживало тылы. Целый ряд офицеров находился в длительных командировках: по реализации военной добычи частей, для товарообмена и т. п.

Армия развращалась, обращаясь в торгашей и спекулянтов. В руках всех тех, кто так или иначе соприкасался с делом «самоснабжения», – а с этим делом соприкасались все, до младшего офицера и взводного раздатчика включительно, – оказались бешеные деньги, неизбежным следствием чего явились разврат, игра и пьянство. К несчастью, пример подавали некоторые из старших начальников, гомерические кутежи и бросание бешеных денег которыми производилось на глазах у всей армии.

4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Париж, 1921.http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/4_11.html

Соблазну сыграть на этой струнке поддавались и люди, лично бескорыстные. Так, **атаман Краснов в одном из своих воззваний-приказов, учитывая психологию войск, атаковавших Царицын, недвусмысленно говорил о богатой добыче, которая их ждет там... Его прием повторил впоследствии, в июне 1919 года, генерал Врангель.** При нашей встрече после взятия Царицына он предупредил мой вопрос по этому поводу:

– Надо было подбодрить кубанцев. Но я в последний момент принял надлежащие меры...

...После славных побед под Харьковом и Курском 1-го Добровольческого корпуса тылы его были забиты составами поездов, которые полки нагроулили всяким скарбом до предметов городского комфорта включительно... Когда в феврале 1919 года кубанские эшелоны текли на помощь Дону, то задержка их обуславливалась не только расстройством транспорта и желанием ограничить борьбу в пределах «защиты родных хат...». На попутных станциях останавливались перегруженные эшелоны и занимались отправкой в свои станции «заводных лошадок и всякого барахла...»

Я помню рассказ председателя Терского Круга Губарева, который в перерыве сессии ушел в полк рядовым казаком, чтобы ознакомиться с подлинной боевой жизнью Терской дивизии.

– Конечно, посылать обмундирование не стоит. Они десять раз уже переоделись. Возвращается казак с похода нагруженный так, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идет в поход опять в одной рваной черкеске...

И совсем уже похоронным звоном прозвучала вызвавшая на Дону ликование телеграмма генерала Мамонтова, возвратившегося из тамбовского рейда:

«Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей – дорогие иконы и церковную утварь...»

За гранью, где кончается «военная добыча» и «реквизиция», открывается мрачная бездна морального падения – насилия и грабежа.

5. Руководитель ОСВАГа (осведомительно-агитационное отделение Белой армии) К. Н. Соколов. Правление генерала Деникина. – Жуковский: Кучково поле, 2007. – С. 201

«Правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей, в котором принимали участие лица разных рангов и положений. Грабежи озлобляли население, приходившее к выводу, что при добровольцах так же плохо, как и при большевиках, и в то же время довершали процесс разложения армии. В тыл чаще и чаще приходили сведения о громадных денежных капиталах, скопляющихся и в отдельных руках, и у целых воинских частей. Рассказывали об имуществе войсковых частей, которое загромождало целые поездные составы и затрудняло движение. В минуты неудач на фронте части думали, прежде всего, о спасении своего добра, и поезда с

войсковым имуществом тормозили и нарушали всякую планомерную эвакуацию. Как-то зимой нам пришлось наблюдать в Ростове поезд одного популярного военачальника, следовавшего на отдых со своими «ребятами». Это был поезд-гигант из многих десятков вагонов, груженных мануфактурой, сахаром и разными другими припасами. На время ими были забиты все пути ростовского вокзала»

6. Ген. Достовалов, начштаба Куменова. http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=8734&PORTAL_ID=7779&CAT=Y&BRIEF=Y

Бесчисленное количество расстрелянных и повешенных падает на генералов Постовского и Шкуро. Оба они, будучи пьяницами и грабителями по натуре, наводили ужас на население завоеванных местностей

7. Б. Штейфон. Кризис добровольчества. – Белград, 1928. – 45 <http://lib.rus.ec/b/146350/read>

...офицерство кутило в «Версале» или в загородных кабаках и, конечно, тоже с дамами. Разность обстановки, разность социальных положений дам нисколько не меняли сущности основного зла. Кутежи требовали денег, а при скудном добровольческом жалованье их можно было добывать только нечистоплотными путями.

8. Е. Н. Трубецкой «Из путевых заметок беженца»

<http://www.litmir.net/br/?b=43175&p=17>

В Одессе и в Крыму мне приходилось слышать частые жалобы на грабежи, в которых принимали участие не только казаки, но и целые добровольческие части. **В Одессе хлебоборы именно этим объясняли свое недоверие и недовольство добровольческой армией:** в их среде говорили о форменном разграблении целой помещичьей усадьбы добровольцами. Из Крыма доносились такие же вести. К сожалению, они подтверждались рассказами многих офицеров-добровольцев.

По словам офицеров, добровольцев, были целые части, очень блестящие и отважные в бою, но усвоившие себе форменные грабительские приемы. **Они «реквизировали» все, что попало:** белье, обувь, драгоценности и даже деньги.

Неудивительно, что в добровольческой армии сложился двойственный тип героя и в то же время грабителя, сильно напомина-

ющего средневековье. Средневековый воин совмещал в себе те же качества – разбойника и рыцаря. Такие типы неизбежно зарождаются и развиваются на почве хронического междоусобия. В истории добровольческой армии они сыграли видную роль. Судя по доходящим со всех сторон добровольческим рассказам, таков, по-видимому, и знаменитый генерал X, одно имя которого наводит панический ужас на большевиков. С одной стороны, благодаря совершенно исключительной отваге и лихости он стал легендарным героем, а с другой стороны, добровольцы говорят о нем, что он **«возами вывозил с фронта награбленное имущество»**, что он **даже увлекает подчиненные ему войска на подвиги разрешением грабить, не делая строгого различия между врагами и мирным населением.** «Совершенно нельзя себе представить X-ва в условиях мирного времени», говорили мне, «в мирное время это будет уголовный тип, он несомненно кончит судом и каторгой, но для войны с большевиками ему цены нет».

9. Николай Полетика. Воспоминания

<http://lib.irismedia.org/book/lib/M312/MEMUARY/POLETIKA/wospoinaiya.html>

Ни крестьяне, ни рабочие не хотели поддержать Добровольческую армию, которая несла им только шомполы и нагайки. Но самой важной причиной была деморализация Добровольческой армии. Армия разложилась в результате постоянных еврейских погромов и грабежей.

10. А. Г. Гольм. Рассказы // «Изюмцы» в боях за Россию: Воспоминания офицеров 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка. – М., 1997. – С. 172

«Самоснабжение армии, часто превращаясь в заправский грабёж, и было одной из причин наших неудач».

11. Сергей Мамонтов. Походы и кони. Гражданская война.

http://www.dk1868.ru/history/mamontov_2.htm

Все солдаты, большинство офицеров и даже некоторые начальники при удобном случае грабили. Крайне редки были те, кто обладал твердой моралью и не участвовал в этом. Я не преувеличиваю...

...Грабеж в деревнях, спекуляция в городах причиняли нам немалый вред.

12. П. С. Махров. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего вооружённых сил юга России. – СПб., 1994. – С. 97

«Старшие военные начальники относились к набегу Мамонтова различно. Одни, как генерал Врангель, считали набег неудачно организованным, а Мамонтова – невеждой, карьеристом, преступным грабителем. Другие мирились с его грабежами и видели в генерале Мамонтове инициативного начальника».

13. Арбатов. Екатеринослав. 1917–1922 // Архив русской революции, Т.12. – С. 91, 94.

«Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены, тротуары были засыпаны осколками стекла разбитых магазинных окон, железные шторы носили следы ломов, а по улицам конно и пеше бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами...

Грабёж шёл вовсю... К обеду разнеслась весть о приезде генерала Шкуро, и улицы снова наполнились толпой. Увидев молодого генерала, идущего впереди бесконечной ленты конных войск, толпа забыла печаль прошлой ночи...

А вечером, когда счастливая и утомлённая толпа разбрелась по домам, на улицах опять появились кучки казаков, принявшиеся за продолжение погрома и грабежа ещё сохранившихся магазинов.

Продолжавшиеся беспрерывно в городе грабежи, совершенно произвольные аресты заставили видных в городе лиц обратиться лично к генералу Шкуро с просьбой принять меры к устранению этих явлений, так омрачающих велико-радостные дни...

Генерал, улыбаясь, сперва остановился на том, что грабят не его казаки, а казаки группы генерала Ирманова, но увидев недоумевающие и удивлённые лица стоявших перед ним общественных деятелей, находчиво и убедительно, как бы не без оснований, сказал:

– Господа! О таких вещах сейчас ещё не время говорить... Екатеринослав ещё фронт, и если нам придётся на некоторое время изменить линию нашего фронта, то вы можете снова оказаться в районе большевистского фронта... Этого, господа, забывать не следует!..

Линия фронта не изменялась, а грабежи росли и перенеслись на частные квартиры. По ночам раздавались отчаянные крики подвергавшихся ограблениям.

Отправилась делегация к генералу Ирманову, и старый вояка, сидя засыпавший в кресле во время докладов своего адъютанта, сослался на свою в этом деле беспомощность, отмечая, что борьба с уголовными преступниками не входит в его чисто военные обязанности, а лежит на обязанности полицейских властей.

Когда же генералу было указано на то, что грабителями и уголовными преступниками являются казаки подчиненных ему же частей, он удивлённо, старчески-дряхлым голосом, произнёс:

– Да неужели?... Вот каналы!... – и по его лицу скользнула счастливая отеческая улыбка...

Тем временем в город приехал губернатор Щетинин.

Контрразведка развивала свою деятельность до безгранично-го дикого произвола, тюрьмы были переполнены арестованными, а **осевшие в городе казаки открыто продолжали грабёж.**

Организованная Щетининым государственная стража не решалась вступить в бой с казаками, а без боя ничего нельзя было предпринять, ибо казаки шли на грабёж в полном вооружении.

Потихоньку вечерами грабили и какие-то офицеры.

Вопли газет сделали лишь то, что губернатор Щетинин вызвал к себе трёх редакторов местных газет и предложил им все заметки о грабежах, появляющиеся обильно в хронике, помещать без указания, что грабёж произведён казаками.

После возражений и споров пришли к соглашению в том смысле, что в каждом случае ограбления, производимого казаками, в заметках будет указываться, что грабёж был произведён людьми, одетыми в военную форму.

За всё время пребывания Щетинина на посту губернатора это было единственным его мероприятием по борьбе с грабежами, хотя и очевидно было, что в этой борьбе он был совершенно бессилён и одинок».

14. А. Валентинов. Крымская эпопея // Архив русской революции. Т. 5. – С. 17.

2 июня [1920 г]. Утром слушал показания наших офицеров-перебежчиков и агентов разведки, бывших у красных. Впечатление самое безотрадное. Говорят, никаких восстаний на юге сейчас нет (а наши

газеты-то, а «Вел.Россия» пекут их, что твои блины!). Об особенных насилиях над простым населением тоже ничего не слышно. О нашей армии население сохранило везде определенно скверные воспоминания и называют ее не Добрармией, а «грабьармией»³³¹.

А также тема насилия, и искомая «капля в море». Единственно, что можно еще добавить к скорбному перечню, так еще и тему насилия над женщинами. Вот свидетельство генерала И.Т. Беляева: «На многое приходилось смотреть сквозь пальцы... Но насилий я не мог терпеть. Четверо казаков при участии вольноопределяющихся, присланного мне ординарцем от 1-й батареи, изнасиловали трёх баб – у одной был грудной младенец. Они прибежали ко мне. У роженицы, вымогая деньги, изрезали грудь кинжалом, и она не могла более кормить ребёнка. Я отправил негодяев в полк, к которому они принадлежали, но командир полка ответил мне, что бабы простили им всё... Одно для меня было ясно: командиры полков не могли бы, если б даже пожелали, наказать своих одностаничников, чтоб впоследствии не накликать чумы себе на шею»³³².

Деяния, совершенные 1,5–2 тыс. человек кавалерийской дивизии из чеченцев, стремительно скукожившейся в ходе Гражданской войны до 2–3 эскадронов, точным образом иллюстрируют знакомые сентенции о «капле в море» и «соринке в чужом глазу», учитывая численность «Грабь-Армии» в несколько сот тысяч человек.

Все вышерассмотренное еще раз говорит о том, что наши историки-фразеологи-пропагандисты взяли за абсолютно неисполнимую задачу, причем на очень скользкой фактологической почве. Здесь беспокоит даже не гомерическая ложь, а та скорость, с какой отнюдь не христианские «чуйства» обгоняют разум у нашей славянско-армавирско-пятигорской профессуры. И такая вот патология и укладность наблюдается во всем.

Судьба поднявших меч и фразеологические сентенции. На дальнейших страницах очерка №4 отчетливо проявляется тяжелая ненависть и негатив, преломляющие все исторические

³³¹ Первоисточник поста и цитат – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yuriyc.livejournal.com/134576.html>

³³² Беляев И.Т. Записки русского изгнанника. СПб., 2010. С. 316.

события на Тереке в одном избитом русле – горская стихия, стабильность и бедные страдающие казаки (которые, между тем, наряду с большевиками и развязали в 1918 г. искомую кровавую гражданскую войну на Тереке и проиграли ее). Во исполнение своих обещаний перед горцами и вследствие вопиющей несправедливости в земельном вопросе, советские власти в 1920 г. действительно выселили (из первоначально намеченных 18 станиц старой Терской области) в Чечне 4 станицы по Сунже (Ермоловская, Закан-Юртовская (Романовская), Михайловская и Самашкинская)³³³ и 3 в Ингушетии (Сунженская, Воронцово-Дашковская, Тарская и плюс – Камбилеевские хутора)³³⁴. Также новые власти пытались ввести давно назревшее уравнительное землепользование, в том числе за счет разукрупнения земельных наделов некоторых станиц Сунженского казачьего округа (округ был вначале в составе Горской советской республики, а в 1926–1929 гг. возвращен Чечне).

На левом берегу р. Терек выселению и даже к сожжению была предназначена станица Калиновская, входившая теперь, как и прочие станицы по Тереку, в Терскую губернию с цен-

³³³ Как-то не запомнилось нашим горе-профессорам, что казачьи станицы в Чечне, к югу от Терека, были построены в ходе Кавказской войны на месте чеченских аулов, которые были сожжены, а население убито или изгнано. Так, в 1845 г. на месте чеченского (карабулакского) аула Обарг-Юрт была учреждена станица Троицкая, в том же году на месте чеченского аула Дибир-Юрт появляется станица Сунженская (Слепцовская), сожженное селение карабулаков Ах-Борзе в 1847 г. сменяется станицей Ассиновской и т. д. Также по реке Сунже, Сунженскому и Терскому хребтам во время Кавказской войны растут и другие укрепления и станицы – Карабулакская, Магомет-Юртовская (Вознесенская), Закан-Юртовская (Романовская), Самашкинская, Петропавловская, Ильинская, Горячеисточненская, Нестеровская, Галашевская, Фельдмаршальская, Грозненская и т. д. – См.: Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис. 1859. С. 20; Чеченская Республика. (Население, экономика, история). Грозный, 1995. С. 25–27; и др.

К окончанию Кавказской войны сунженские станицы тянулись непрерывной цепью от устья Сунжи до ее верхнего течения в Ингушетии. Одно время станицы были вынесены и в самые предгорья – в район селения Галашки, но непривычные условия жизни в предгорьях и постоянная угроза со стороны горцев вызывали недовольство казаков. Поэтому станица Галашкинская была оставлена в 70-х гг. XIX в.

³³⁴ Была еще станица Фельдмаршальская, учрежденная на землях чеченцев-карабулаков в 1860 г. Вероятно, она, как стоявшая к югу от цепи сунженских станиц и менее защищенная, была покинута казаками еще в 1917 г.

тром в Ставрополе. Общее число выселенных казаков (по большей части в район Кавминвод), по уточненным данным, составило до 25 тыс. человек (а «не 70 тысяч казаков», как считают А. Петрович, А. Ливер, И.В. Яблочкина, И. Пыхалов, и не 45 тысяч, как считает П. Полян») ³³⁵. Как бы то ни было, выселение сунженских казаков носило массовый характер, проводилось по сословному признаку и являлось тяжким военным преступлением советской власти. Тем более, что уравнительное перераспределение земли вполне могло решить конкретные горско-казачьи противоречия.

По установлению советской власти на Тереке действительно произошли грабежи казаков со стороны горцев, носившие, впрочем, инспирированный характер. Дело в том, что ожидалось, а позже и действительно произошло, новое восстание белоказачья Терека и Сунжи в связи с наступлением Врангеля из Крыма. Потому, по мысли советских вождей, казаков следовало «отвлечь». Так, Г.К. Орджоникидзе еще в мае 1920 г. публично подтвердил горцам намерение советской власти переселить за Терек все без исключения сунженские станицы. Даже Чеченская кавалерийская бригада создавалась, прежде всего, для подавления сопротивления казаков – в листовках, распространяемых от имени советского командования по Чечне летом 1920 г., говорилось, что станицы, восставшие против советской власти и захваченные бригадой, со всеми их землями будут переданы «...в распоряжение Чеченского окружного исполкома».

Поэтому, как только началось антисоветское восстание на Сунже и в Нагорном Дагестане, экстренно собранным в Грозном представителям Чечни было объявлено о передаче им части старых чеченских земель Малой Чечни, отнятых в ходе Кавказской войны. – станиц Ермоловской, Закан-Юртовской, Самашкинской и Михайловской со всеми их землями, домами и личным имуществом казаков (кстати, казачье имущество и скот чеченцам не достались, они были присвоены Кавказской Трудовой армией). Хуже того, чеченские мародеры специально

³³⁵ Жупкиова Е. Ф. К вопросу о депортации Терского казачества в 1918–1920 гг. // Альманах «Белая гвардия», №8. М., 2005. С. 130–153; История Ингушетии. Магас–Нальчик, 2011. С. 348–349.

были «поощрены» командованием Трудовой Армии, в целях, как указывается в одном из чекистских документов, исключить «всякую возможность установить точное количество полученного Кавтрудармией в действительности живого и мертвого инвентаря, свалив все на голову чеченцев (выделено нами. – Д.А., Я.А.)»³³⁶.

Трагическая судьба казачества и советская власть. Его обреченность. Только ценой таких обещаний и некоторых решений советской власти удалось предотвратить в зародыше назревание антисоветского восстания собственно в самой Чечне и подавить восстание казаков Терека и Сунжи. Более того, рядовые чеченцы не только поддержали все мероприятия советской власти, но также укрыли остатки красноармейских гарнизонов, разгромленных в 1921 г. в Нагорном Дагестане и оттесненных в Чечню. Вместе с тем, выселением нескольких станиц советские органы объективно спасли от атак чеченцев основную часть сунженских станиц, расположенных на захваченных в свое время западных землях Малой Чечни (Сунженский казачий округ). Тем более надо учитывать, что часть сунженских казаков, по крайней мере, в 1918 г. во время Стодневных боев в Грозном, активно поддерживала советскую власть (хотя затем они же участвовали в Гражданской войне на стороне деникинцев).

Причем депортированная часть сунженских казаков, переселенных в Ставрополье (Кавминводы), были размещены в этнически «братских» казачьих станицах среди русского населения. Но предположение, что уйдя от соседства «диких» горцев сунженцы обретут здесь спокойствие, оказалось ошибкой. Местные советские власти не хотели им помогать и вообще оказались озабочены одним только обстоятельством: не должны ли быть сунженцы «предоставлены собственной своей участи и обречены на естественное умирание»³³⁷?

³³⁶ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 517. Л. 25, 28–28 об.

³³⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 517. Л. 9, 28–28 об., 32, 78–79, 93; Р-1318. Оп. 1. Д. 51. Л. 182; Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 270. Л. 21, 76–76 об.; Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 января 1923 г. М., 1992. С. 188; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Я.З. Указ. соч. С. 685–687; и др.

Казачество, как сословие, было по определению обречено в Советской России, вне зависимости от наличия или отсутствия рядом горского «элемента» (См.: в печати материалы о судьбе других групп русского казачества). Логика гражданской войны и классовой борьбы диктовала большевикам самые жесткие и решительные действия в отношении казачества и, естественно, в интересах своей диктатуры, а не каких-то «попутчиков»-горцев, как полагают наши фразеологи.

Им, как всегда, некогда заглядывать в «святцы», и они предпочитают отечески распинаться о жертвах «горского бандитизма»; более того, еще раз встанут в позу, чтобы на этот раз обвинить чеченцев в том, что они сразу не бросились заселять только что освобожденные от казаков старые горские земли. Станицы были реально заселены чеченцами до конца 20-х гг. в ходе полного утверждения в крае органов советской власти и проведения всех необходимых землеустроительных работ.

Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа проблемы, поднятой фразеологами, приведем и такие данные. С конца 1932 – начала 1933 г. советские органы провели депортацию свыше 61 тыс. кубанских казаков, главным образом из станиц Армавирского района (выселяли, правда, не в Ессентуки, а на Европейский Север). В считанные месяцы на их место переселили 50 тыс. русских крестьянских хозяйств, включая 20 тыс. бывших красноармейцев. К 10 апреля 1934 г. в Азовско-Черноморском крае насчитывалось уже 48 тыс. красноармейцев-переселенцев с членами семей. Конечно, возникло протестное движение: в ряде районов Кубани были выявлены и ликвидированы «контрреволюционные группировки», ставившие целью убийства переселенцев и вытеснение их с Кубани³³⁸. И никаких тебе громких сентенций и упреков со стороны фразеологов по поводу столь масштабной депортации!

Историки-фразеологи о выступлениях против советской власти. Узун-Хаджи и дух святой. Что же касается числа грабежей и других преступлений на Тереке и в Чечне в годы гражданской войны и непосредственно после нее, то они не от-

³³⁸ Скорик А.П., Бондарев В.А. Рассказывание на Юге России в 1930-х годах: исторические мифы и реальность // Отечественная история. №5, 2008. С. 100–102.

личались количеством или по характеру и направленности от остальных районов СССР. Преступления эпохи гражданской войны и позже носили повсеместный характер, и наши историки-фразеологи с успехом могли бы извлечь куда более яркие примеры вне границ Северного Кавказа. Кстати, поинтересоваться также не только разбоем, но и массовыми крестьянскими движениями против молодой советской власти в русских, украинских и прочих областях, которые были и куда чаще, и куда масштабнее ³³⁹.

Но оказалось, если выше горцев обвиняли в поддержке советской власти, то теперь с той же легкостью необыкновенной историки-фразеологи решили вменить им в преступление выступления против советской власти. Рачительный подход! Читаем: «Осенью 1920 г. в Дагестане и Чечне начались мятежи, возглавляемые Нури-пашою, Узуном-Хаджи, Казим-беком и Али-Гаджи Акушинским» ³⁴⁰. Скажем сразу: восстание началось в Нагорном Дагестане (не в Чечне!), и основным организатором был шейх и имам Нажмудин Гоцинский. Только после подавления восстания в мае 1921 г. он бежал в Горную Чечню, откуда пытался делать незначительные вылазки. Второе: Али-Хаджи Акушинский – выдающийся дагестанский богослов, один из инициаторов антиденикинского движения в Дагестане 1919 г., антисоветское восстание 1920–1921 г. не поддерживал и к представителям советской власти вплоть до конца 1926 г. относился позитивно и лояльно. Третье: Узун-Хаджи – правитель Северо-Кавказского эмирата, умер от старости 30 марта 1920 г. и поднять восстание мог единственно, как дух святой, на том свете. А в остальном – все правда!

³³⁹ Восстание форта «Красная Горка», Верхне-Донское восстание (1919), Осиповский мятеж, Гянджинское восстание (1920), Слуцкое восстание, Чапанское восстание (1921), Вернинский мятеж (1920), Восстание в Западном Дагестане (1920–1921), Западно-Сибирское восстание (1921–1922), Кронштадтское восстание, Якутский поход, Тамбовское восстание (1920–1921), Восстание сванов (1921), Геокчайское восстание, Зазейское восстание (1924) и т.д. и т.д.

³⁴⁰ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ соч. С. 162.

§ 2. Коллективизация, большой террор и коллабарация – реальность и видения историков-фразеологов

Коллективизация в казачьих и горских районах. И все остальное в данном очерке все в том же ключе, единственно с разной степенью цинизма. О! Сколько оружия было изъято в Чечне. Ах! Сколько восстало чеченцев против колхозов... ой-ой! Да известно ли авторам, что на территории СССР против обобществления крестьянских хозяйств в общей сложности только с оружием в руках выступило по меньшей мере 700 тыс. человек? По данным ОГПУ, 300 тыс. человек состояло в анти-советской Крестьянской трудовой партии ³⁴¹.

Насильственная коллективизация, начавшаяся зимой 1930 г., встретила по всей стране ожесточенное сопротивление. По данным ОГПУ, в одном только 1930 г. в СССР произошли 13 453 массовых крестьянских выступлений (в том числе – 176 повстанческих) и 55 вооруженных восстаний. В выступлениях участвовали почти 2,5 млн человек. Чекисты зарегистрировали за год 13 794 «низовых» теракта и 5156 случаев распространения контрреволюционных листовок. Жертвами одиночных терактов и покушений стали более 10 тыс. партийных, советских и колхозных активистов. Сотрудники ОГПУ арестовали 331 544 человека (в том числе 266 679 – за «контрреволюционные преступления»), из них были осуждены – 208 069 (в том числе к расстрелу – 20 201) ³⁴². А здесь, в Чечне, масштабы, так сказать, на душу населения, были совсем не те.

Кстати, в результате искусственно развязанного голодомора против потенциально «опасных» областей и районов в 1933 г. сильный голод охватил 21 из 34 кубанских, 14 из 23 донских и 12 из 18 ставропольских районов. Особо неблагоприятны были 11 кубанских районов (Армавирский, Ейский, Каневский, Краснодарский, Курганинский, Кореновский, Ново-Александровский, Ново-Покровский, Павловский, Старо-Минский, Ти-

³⁴¹ Отечественная история (1917–2001). Учебник / Отв. ред. проф. И. М. Узародов. М., 2002. С. 173.

³⁴² Справки спецотдела МВД СССР, 11 дек. 1953 // История сталинского ГУЛАГА. Т. I. М., 2004. С. 609. Цитирую по: Зубов Андрей. Голодный сытому не товарищ. Для массового мора 1933 года не было объективных причин. Была необходимость // Новая газета. 14.08.2013.

машевский), Шовгеновский р-н Адыгейской АО и Курсавский Ставрополя. Потому неудивительно, что советская власть на тот момент «...готовилась к восстанию в казачьих областях. Более того, явно провоцировала его – массовое выступление позволило бы вновь открыто истреблять казачество. Но восставать, в общем-то, было уже некому – ни оружия, ни вождей. Хотя были, конечно, и примеры сопротивления, в том числе и вооруженного (например, массовые волнения в феврале 1930 г. в селах и станицах Барашковское, Весело-Вознесенское, Константиновская, Новый Егорлык, Ново-Маньчское), а для подавления их на Кубани использовалась даже авиация; небольшие же группы казаков продолжали борьбу вплоть до прихода немцев в 1942 г.». Известно также, что в 1933 г. в станице Полтавской чекисты провели тщательную зачистку и помимо спрятанного хлеба нашли 200 винтовок, 700 револьверов, 1280 сабель (видимо, пашки), 50 пик, десятки ящиков патронов. 2250 семейств или 12 500 человек населения станицы советская власть немедленно выслала на Соловки, многих казаков расстреляли ³⁴³.

Большой террор в Чечено-Ингушетии в оценках виноградных и клычниковых. Год 1937-й относят к началу «большого террора» в СССР. Явление, неплохо изученное, а трагические факты частью имеют уже хрестоматийный характер. Проистекло оно в силу каких-либо жизненно важных социально-экономических или общественно-политических причин глобального характера, а из хищнической, антигуманной природы крепнущего сталинского режима народоубийства. А вот в Чечне в 1937 г., в отличие от всего громадного СССР, если верить нашим авторам, проводится не террор, а, извините, «**широкомасштабная акция по задержанию антисоветских элементов**» и изоляция «**части беспокойного населения, которое по-прежнему предпочитало войну созидательному труду**» (выделено нами. – Д.А., Я.А.)» ³⁴⁴. В республике, по мнению тогдашних чекистов

³⁴³ См.: Краснов Николай. Незабываемое. 1945-1956. Материалы по трагедии казачества накануне, во время и по окончании Второй мировой войны. Сан-Франциско, 1959; Крестная ноша / Сост. В. Сидоров // Трагедия казачества. М., 1994; Макаренко П. Смерть зовется 33-год. Краснодар, 2008. С. 57.

³⁴⁴ Это все равно, что если какой-нибудь фразеолог, опираясь на официальные цифры, написал бы: «Русская интеллигенция, военные и управленческие кадры предпочитали созидательному труду шпионаж, саботаж, диверсии и

и сегодняшних авторов-фразеологов, «действовало 80 террористических (это в 1937 смертном-то году!? – Д.А., Я.А.) группировок», было арестовано 1032 участника бандитских групп и их пособников, 716 беглых, кулаков, изъято тысячи единиц оружия и т.д., и т.п.³⁴⁵

Мы не можем утверждать, что эти цифры транспарентны реальной ситуации в республике с бандитским подпольем (хотя они относятся ко всем группам населения тогдашней Чечено-Ингушской АССР без различия национальностей). Главное заключается в том, что на тот момент шел массовый сталинский террор против всего населения СССР. В той же Чечено-Ингушской АССР, согласно последним данным, в течение репрессий 30-х гг. пострадали в той или иной мере (исключение из партии и лишение работы, задержания, аресты, ссылка, раскулачивание, заключение в лагерь, расстрелы, иные меры гражданского и государственного наказания и давления) до 70–80 тыс. человек, из которых не менее половины составляли чеченцы и ингуши. Так практически была уничтожена первая волна партийно-советских управленцев из горцев и молодая творческая интеллигенция³⁴⁶.

Давайте верить всем официальным цифрам и документам. Однако, как не парадоксально, цифры чекистских жертв по Чечено-Ингушетии, с учетом масштабов репрессий по всей стране (включая и европейскую часть), в период Большого террора соотнесительно малы. В любой из областей Европейского центра страны они были выше. С 1937–1939 гг. мы имеем в СССР свыше 600–700 тыс. одних только смертных приговоров (они часто были групповые) по «врагам народа», шпионам и изменникам Родины (реально от 800 тыс. до 1 млн официально расстрелянных, не считая забитых на допросах, а также убитых без суда и следствия). По данным того же И. Пыхалова (заинтересованного в уменьшении численности репрессированных

иную контрреволюционную деятельность. Тот же шпионаж стал в СССР делом жизни и источником существования сотен тысяч граждан и их семей».

³⁴⁵ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 166.

³⁴⁶ См.: Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Я.З. Указ. соч. С. 722–727; История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. История Чечни XX–XXI веков. Грозный, 2008. С. 456–460.

при «великом Сталине»), на 1 января 1941 г. общее число заключенных в стране, не считая осужденных внесудебными органами, ссыльных и спецпереселенцев, составляло по самым скромным масштабам 2 400 422 человек (и это после массовых расстрелов и бериевской «амнистии» 1938–1939 г.). Из них не менее 1/3 составляли осужденные за контрреволюционные преступления, в т. ч. **шпионаж, измена Родине, вредительство, антисоветская агитация и т. д.**³⁴⁷. Следовательно, считая не только осужденных контрреволюционеров, шпионов и вредителей, но и членов их семей («пособники»), речь идет, согласно документам того времени и логике наших горе-историков, не об одном миллионе советских граждан, для которых подобные занятия составляли их жизненный промысел и, видимо, соответствовали некоей стадиальности, укладности и изменническим доблестям, а может даже (взлетая в фразеологические выси!) и расово-психологическому типу.

Утверждения о высокой коллабарации чеченцев, ингушей, как плохая идея. Наконец, наши историки-фразеологи вступают в своем очерке №4 на зыбкую почву темы коллабарации чеченцев и ингушей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и их депортации в стиле интерпретаций лживых ксенофобов-националистов типа программиста Пыхалова, или двоемыслящих историков, мечущихся между профессиональной необходимостью объективного исследования проблемы, с одной стороны, и острым желанием виртуально-фразеологически поподличать, с другой.

Демагогические построения о вине тех же депортированных народов Северного Кавказа, в принципе, столь занозены, в таких заплатах и прорехах, что они давно потеряли даже легкий налет сенсационности в духе фолк-истории конца 80-х – начала 90-х гг.³⁴⁸.

Сегодня на подобные рассуждения способны пуститься, в крайнем случае, строго анонимные пачкуны в блогах интерне-

³⁴⁷ Пыхалов Игорь. Каковы масштабы «сталинских репрессий» // Интернет: www.whiteworld.ru. – С. 2, 8–9.

³⁴⁸ См.: Нухажиев Н., Умхаев Х. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. Грозный, 2009.

та или отягощенные сложными психологическими проблемами люди без ума, чести и совести с двойной или даже тройной биографией, как, к примеру, С. Максудов (А. Бабенышев)³⁴⁹.

Начать свои человеконенавистнические топтания на страшной трагедии целых народов, да еще с одиозных документов, составленных еще более одиозными личностями стало, очередной плохой идеей историков-фразеологов в данной книге.

Читаем: «Начавшаяся Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для российско-горских отношений. Узел местных проблем затянулся еще туже после того, как линия фронта пролегла по территории Северного Кавказа. Согласно приводимым в докладной записке «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» от 9 ноября 1943 г. сведениям «...Население за время войны сократилось на 25886 человек и насчитывает 705814 человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около 450 тысяч человек. В республике 38 сект, насчитывающих свыше 20 тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов...»

Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указанию немецкой разведки организовали в октябре 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галанчожском районах...

При первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву..., дезертировало 719 человек. В октябре 1941 г. из 4733 человек 362 уклонилось от призыва³⁵⁰. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 г.

³⁴⁹ Ахмадов Явус. С. Максудов – А. Бабенышев (Осторожно, провокация: о книге С. Максудова «Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери». М.: ИГПИ, 2010. – 480 с.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chechenasso.ru/?page_id=1746

³⁵⁰ Смешно! Приводя фальшивку Б. Кобулова наши фразеологи не подозревали, наверное, что, к примеру, в Харьковском военном округе на 23 сентября 1941 г. явилось всего 43% призванных в РККА. По сообщениям армейских военкоматов, процент «уклонившихся» новобранцев в разных местах страны колебался от 30 до 45%. – См.: Буровский Андрей. Великая Гражданская война 1939–1945. М., 2009. С. 297.

из 14576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек.

Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрывала парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами (!?) и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов, 457 подозреваемых в связях с немецкой разведкой: 1410 членов фашистских организаций; 619 мулл и активных сектантов; 2126 дезертиров. За сентябрь-октябрь 1943 года ликвидировано и легализовано 243 человека. На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп с общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки.

Свыше 4000 человек – участников вооруженных выступлений 1941–42 гг. прекратили активную деятельность, но оружие – пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки – не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ». ³⁵¹ Это прозвучали выдержки из т.н. «справки» Б. Кобулова.

«Справка» Б. Кобулова и оперативная документация.

Если же говорить по сути справки по Чечено-Ингушетии Б. Кобулова (сталинского палача по должности и призванию, постоянного заместителя Л. Берия по НКВД-НКГБ), мы имеем не служебный документ, а политическую фальшивку. Как известно, решение о выселении чеченцев и ингушей было принято руководством еще 11 февраля 1943 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б). При этом депортацию благоразумно намечалось осуществить при окончательном оставлении фашистами позиций на Кавказе. За этим решением должны были последовать конкретные решения: указы, постановления, приказы и распоряжения о порядке депортации чеченцев и ингушей со стороны

³⁵¹ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 176–177.

ГКО, Совнаркома СССР, соответствующих наркоматов, Верховного Совета СССР и РСФСР. Справка Кобулова, написанная осенью 1943 г., и была предназначена для обоснования мотивированности уже принятого сталинского решения.

В своей конкретной деятельности чекисты, естественно, оперировали другими цифрами, основанными зачастую также на подозрениях и ложных доносах (но задокументированными и легшими в оперативную разработку, в дело, в карточку и т.д.). Не один нарком ЧИАССР не мог передать другому при оставлении службы нечто такое, что содержится у Кобулова: «В марте 1942 г. из 14576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам». Во-первых, такого призыва в природе не было; во-вторых, 13560 бандитов требуют совершенно иного алгоритма работы, нежели нам известного и, наконец, об этом нет ни одного донесения (к примеру, от того же Кобулова, месяцами находившегося на Кавказе, в т.ч. в Грозном) ни от одного чекиста, армейской разведки, партийного или советского работника, комсомольца или, на худой конец, пионера. Естественно, нет ни дела, ни карточек на 13560 человек. Есть в республике на учете 4579 дезертиров и уклонившихся, к каковой цифре Б. Кобулов поставит впереди «1», а в конце «9». Вследствие опечатки «9» превратится в «6».

Большая часть негатива в адрес депортированных горцев, собранная фразеологами в своем опусе ³⁵², привлечена из фальшивок петербургского программиста и сталиниста Игоря Пыхалова, которые уже стали предметом нелицеприятной критики, а часть подпали под запрет как экстремистские материалы³⁵³. При этом ни красно-коричневый маргинал Пыхалов, ни

³⁵² Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 176–186.

³⁵³ См. подробный разбор: Музаев М. Злопахательство на чеченский и ингушский народы и историческую правду Игоря Пыхалова // Голос Чеченской Республики. № 4, 5, 6. – Июнь 2003; Пыхалов Игорь. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации: преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008; Баудинов Ислам, Абдурахманов Дукваха. Г-н Пыхалов, т. Сталин, выселение чеченцев, ингушей, или Кто у нас «виновные народы»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nana-journal.ru>states/red-wheel/934...r.html

его последователи – профессора из северокавказских вузов, не сочли необходимым обратить внимание на содержание некоторых законов Российской Федерации, которые, между тем, для таких как раз и писаны.

Российские законы и пятигорско-армавирские фразеологи. В частности, Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов» (в ред. Закона РФ от 01.07.93 №5303-1) констатирует, что в отношении репрессированных народов «по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения». Статья 4 указанного закона прямо относится к теме нашей статьи: **«Не допускается агитация или пропаганда, проводимые с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов. Лица, совершающие подобные действия, а равно подстрекающие к ним, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке».**

К преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства относят в Уголовном кодексе Российской Федерации и следующее: **«Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации...»** (Статья 282). Как говорится, не в бровь, а в глаз!

Чекистские фантазии фразеологов и реальность с патриотизмом. Реальная картина внутривластного положения в Чечено-Ингушской АССР в годы Великой Отечественной войны была, безусловно, сложной, впрочем, как и в любой северокавказской автономии, в Ставропольском, Краснодарском краях и в Ростовской области – казачьих районах, да и в других русскоязычных областях. С учетом, конечно, своеобразия ситуации в той же Чечено-Ингушетии и обвинений в «вайнахском

изменничестве», приведем ниже иные сведения о сопротивлении сталинской политике народоубийства в целом по стране, почерпнутые в т.ч. и из статьи Ислама Баудинова и Дукувахи Абдурахманова ³⁵⁴.

Итак: «В ноябре 1941 г. ... Краснодарском крае ликвидирована банда, возглавляемая бывшим добровольцем белой армии, впоследствии руководителем бело-зеленой банды Кобзевым. Участники банды, рассчитывая на приход и помощь немцев, намеревались организовать восстание в тылу Красной Армии.

В декабре 1941 г. ликвидированы две связанные между собой банды общей численностью 14 чел., возглавляемые бывшими кулаками Семеновым и Язвельским. Участники группы ставили задачей организацию вооруженного восстания в нашем тылу в целях обеспечения быстреешего продвижения немецких войск. ... на территории Ростовской области к сентябрю 1941 г. органами НКВД было выявлено 12 банд со 119 участниками, преимущественно из дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной Армии...

За вторую половину 1941 г. и январь 1942 г. на территории Новосибирской области органами НКВД ликвидировано 12 бандповстанческих формирований с 279 участниками в них». В марте-апреле 1942 г. органы НКВД задержали 76 агентов германской военной разведки из числа бывших военнослужащих РККА, имевших направлением своей изменнической работы города на Волге – от Вологды до Горького (Нижний Новгород) ³⁵⁵. Подобные примеры можно множить.

Пышным цветом разрослось в стране и дезертирство. Л.П. Берия докладывал: «В результате принятых мер органами НКВД

³⁵⁴ Баудинов Ислам, Абдурахманов Дукуваха. Г-н Пыхалов, т. Сталин, выселение чеченцев, ингушей, или Кто у нас «виновные народы»? // Вести республики» №3 (1686) 11 января 2012 г.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nana-journal.ru/states/red-wheel/934...r.html; Данная статья достаточно растиражирована в СМИ и интернете. Впрочем, как и огромное число фактов и исследований о массовой коллаборации советских народов (в первую очередь, русских, украинцев и белорусов).

Какой звериной ненавистью и животной тупостью надо обладать человеку, чтобы после всего этого говорить о какой-то особости горцев в этом вопросе и справедливости их депортации?

³⁵⁵ См.: Баудинов Ислам, Абдурахманов Дукуваха. Указ. соч.; Родина. №1. 2006. С. 96;

СССР с начала войны по 20 декабря с. г. [1941 г.] в тыловых районах задержано по подозрению в дезертирстве 189 137 человек, в том числе: по Ленинградской области – 78 196 и по Московской области – 23 454 (не считая задержаний военных командиров). Из этого числа задержанных органами НКВД арестовано 39 965, передано в райвоенкоматы и войсковые части 149 172 человека. Кроме того, в прифронтовой полосе особыми отделами НКВД за это же время задержано 448 975 человек, из них: арестовано – 42 900, передано в войсковые части Красной Армии – 406 075. Всего в тыловых районах и прифронтовой полосе органами НКВД задержано по подозрению в дезертирстве 638 112 человек, из них: арестовано – 82 865, передано в военкоматы и войсковые части – 555 247»³⁵⁶.

С началом Великой Отечественной население советских городов, подлежащее призыву либо вообще не являлось на призывные участки, либо «культурно» обеспечивало себе «бронь» (фактическое освобождение от армейской службы). Сложилась целая индустрия «цивилизованного» уклонения от фронта и вооруженной защиты отечества: «По показаниям врача Турбевич, ими с начала Отечественной войны освобождено от службы в Красной Армии около 100 чел... Председатель военно-врачебной комиссии Сталинского РВК (Ростовская область) врач Григорович, находясь в преступной связи с военнообязанными, направляла их по условленным запискам к врачу поликлиники Чараевой и препаратору Попандопуло, которые выдавали им фиктивные анализы для освобождения от службы в Красной Армии...

Широкая возможность использования фиктивных документов для освобождения от службы в Красной Армии привела к тому, что многие преступные элементы организовали массовое изготовление и распространение их... В 1943 и 1944 гг. органами НКВД ликвидировано значительное количество групп и одиночек, занимавшихся фабрикацией фиктивных документов для дезертиров и уклонившихся».

Естественно, огромное количество лиц освобождали различные комиссариаты и предприятия оборонного значения. Таким вот образом, в Москве до 45% мужчин призывного возраста

³⁵⁶ Жирнов Евгений. «Дезертир скрывался более года на высоком дереве, в гнезде аиста» // Коммерсант «Власть». 11. 04. 2011.

та имели бронь, а средний удельный вес получивших правдами и неправдами бронь во всех советских городах достигал 28%. По-своему правы те исследователи, которые говорят, что война 1941–1945 гг. была выиграна на крови многонационального советского крестьянства.

Возникали и активно действовали в тыловых городах не просто дезертирские, но и офицерские банды: «В марте 1942 г. в Спокойненском районе Краснодарского края ликвидирована группа в числе 7 лейтенантов, дезертировавших из Красной Армии, возглавляемая Муштой Н.Л. Участники группы проводили антисоветскую пораженческую агитацию, организовывали слушание фашистских радиопередач, привлекая гражданское население и военнослужащих... В феврале 1944 г. Железноводским горотделом УНКВД по Ставропольскому краю арестован капитан Бережной М. Г. нач. штаба 25 воздушно-десантной дивизии, скрывавшийся по поддельным документам». Настроения сопротивления и нежелания защищать сталинский режим многих советских людей выразил житель Рязанской области М.И. Володин: «За коммунистов воевать не пойду, защищать гадов не буду»³⁵⁷.

Увы, Великая Отечественная война 1941–1945 гг. дала миллионы примеров величайшего героизма, жертвенности ради родины, безукоризненного исполнения воинского долга, наряду с миллионами примеров предательства, измены и служения фашистской оккупационной силе.

Сколько чеченцев и ингушей было на фронте. По количеству дезертиров и «политбандитов», коллаборации в целом, относительно к общей численности населения, вайнахи действительно выделялись на фоне других народов СССР и Северного Кавказа, донских, терских и кубанских казаков, но исключительно в пользу более скромных цифр.

³⁵⁷ См.: ЛУБЯНКА. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. / Сост.: В.Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2006. Документ № 285 (Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.И. Антонову о фактах незаконного освобождения от службы в Красной Армии); Жирнов Евгений. Указ. соч.; Исупов Владимир. Другая сторона войны // Интернет. Сайт «Голоса Сибири»; Как братья Старостины ждали прихода Гитлера и торговали «бронью». 20.11.2011. // Толкователь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tfolk.ru/?p=8197>; и др.

По данным переписи 1939 г., общая численность чеченцев и ингушей в стране доходила до 500 тыс. человек. К началу Великой Отечественной войны в Красной Армии несли срочную и кадровую службу до 9 тыс. чеченцев и ингушей. Начиная с 22 июня 1941 г. из числа кадрового резерва было в течение 2-3 месяцев призвано еще не менее 8 тыс. чеченцев и ингушей. Кроме того, собственно на территории Чечено-Ингушетии в течение войны было сформировано из представителей всех национальностей и за счет призыва из других областей 17 отдельных соединений (две дивизии, две бригады, отдельные специализированные батальоны)».

Мобилизационные возможности коренного населения казались исчерпанными уже в первом военном году – на фронте оказалось свыше 17–18 тыс. человек чеченцев и ингушей. Но на 1943 г. число ушедших на фронт горцев составило 32 тыс. человек, а по другим сведениям – и все 40–50 тыс. Ведь немало чеченцев и ингушей было призвано из числа проживавших в Дагестане, Северной Осетии, Грузии и других районов СССР. Нарком НКВД Чечено-Ингушской АССР в 1942–1943 гг. С. Албогачиев исчислял число чеченцев и ингушей, мобилизованных на фронт, как раз в 50 тыс. человек³⁵⁸.

При численности населения Чечено-Ингушетии в начале войны 700 тыс. чел. (из них вайнахи – до 500 тыс.) к концу 1943 г. в Чечено-Ингушетии официально насчитывалось 54068 семей фронтовиков. И это при том, что многие семьи давали армии от 2-х до 5–7 братьев, а семьи без вести пропавших бойцов лишались каких-либо льгот³⁵⁹.

К началу 1942 г. советское командование отказалось от дальнейшего военного призыва соответствующих возрастов

³⁵⁸ См.: Филькин В. И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. С. 43; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселение и депортация чеченского народа. Москва, Саратов, 2003. С. 31; Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. Грозный, 1988. С. 42; Костоев Б. Кавказский синдром. М., 2001. С. 229.

³⁵⁹ Депортация чеченского народа: факты, свидетельства, документы / Сост.: И.Хатуев, И. Сардалов. Грозный, 2012. С. 720; Даже без учета многодетности чеченских и ингушских семей получается, соответственно: пропорционально численности населения края приходится на вайнахов 39 тыс. семей фронтовиков.

чеченцев и ингушей. Возможно, что данное решение было вызвано, как и в отношении народов Закавказья, отсутствием острой нужды в контингенте, требующем более длительной подготовки из-за плохого знания русского языка. Или же планами выселения ряда горских народов уже в 1942 г.

Однако военкоматы Чечено-Ингушетии по инициативе местных властей, желавших внести свой вклад в оборону, стало практиковать в регионе добровольные «призывы». Так, зимой – весной 1942 г. в 114-ю Чечено-Ингушскую кавалерийскую дивизию сверх полного комплекта – 4,5 тыс. человек, поступила еще 1 тыс. добровольцев. И это несмотря на нехватку обмундирования, лошадей и питания. «В первых числах марта 1942 г. дивизию, проходившую усиленную подготовку, расформируют; создается отдельный Чечено-Ингушский 255 кавалерийский полк (штат до 1,5 тыс. человек) и кавалерийский дивизион (штат до 800–900 всадников). Однако фальсификаторы из НКВД, а следом и современные пасквилянты, как свидетельствует профессор Х.А. Гакаев, утверждают, что, якобы, «удалось призвать лишь 50 процентов личного состава» дивизии ³⁶⁰.

³⁶⁰ См.: Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. – Грозный, 1988. С. 3384; и др.

Между тем, только ленивый не написал, следуя фальшивым цифрам справки Б. Кобулова («О положении в районах Чечено-Ингушской АССР», октябрь 1943 г.), что «при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50% личного состава». А ведь Красная Армия перешла на т.н. «легкие» кавалерийские дивизии с составом 4,5 тыс. человек еще летом 1941 г., отказавшись от «тяжелых» кавдивизий с штатной численностью 8–9 тыс. человек.

Чему удивляться, когда начальник Управления формирования РККА, генерал-полковник Е. Щаденко 19 мая 1942 г. заявляет, что Чечено-Ингушская кавдивизия вообще не была сформирована. Затем он же утверждает, что Ставка приняла решение о сокращении конницы и потому уже «скомплектованная» 114-я дивизия переформирована в кавалерийские полк и дивизион, а «излишки» (!) распущены по домам. И все это подряд в одном документе! (См.: Архив МО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д.141. Л. 92–97; докладная генерал-полковника Е. Щаденко размещена также в Интернете); Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 23.

Однако чудеса с 114-й национальной дивизией продолжают и поныне: писательница Лидия Скрябина в день депортации чеченцев и ингушей 23 февраля 2010 г. привела красочный «документ» о бегстве дивизии из «эшелонов» по мере ее движения к фронту в район Ростова. А дивизия из Грозного на тот момент еще из казарм и не выходила. Ну, просто оторопь берет!

Добровольцы-дезертиры. В античеченской российской литературе сообщается, что еще до начала войны из числа призванных в армию на срочную службу 9 тыс. человек дезертировало, якобы, 797 чеченцев, ингушей. В ходе призыва летом 1941 г. из 8 тыс. человек запасных дезертировало, мол, 719 человек. А в октябре того же года из очередного призыва в 4733 военнообязанных уклонились 362 человека. В марте-апреле 1942 г. в ходе затянувшегося формирования национальной кавалерийской дивизии из нее, по данным командира Х. Мамсурова, дезертировало 600 человек. Кстати, как мы уже отмечали, ничего выдающегося в этих цифрах на общесоветском фоне нет. В тех же украинских и российских городах на призывные участки зачастую не являлось свыше трети призванных, не говоря уже о массовом дезертирстве как на пути к фронту, так и с фронта.

После прекращения призыва чечено-ингушских новобранцев (впрочем, как и представителей целого ряда кавказских народов) в сентябре–октябре 1942 г. в Чечено-Ингушской АССР была проведена первая республиканская добровольческая «мобилизация», давшая фронту 2 тыс. бойцов из чеченцев и ингушей. Второй добровольческий призыв января–февраля 1943 г. был уже на 3 тыс. человек. Но был и третий призыв добровольцев – в марте того же 1943 г. Пыхаловские тексты утверждают, что в 1943 г. из 3 тыс. добровольцев дезертировало 1870 человек. Может быть, была квота на 3 тыс. человек, а добровольцев нашлось меньше? Иначе, как эти **добровольцы-дезертиры** соотнобразуются со здравым смыслом, предстоит разбираться³⁶¹.

Отдельные исследователи говорят, что в число дезертиров в республике зачисляли и отказников от мобилизации в т.н. тру-

³⁶¹ См.: Архив МО РФ. Ф.32. Оп. 11309. Д.141. Л.92.-97 (это докладная генерал-полковника Е. Щаденко от 19 мая 1942 г. Размещена в Интернете); Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994. С. 171, 200; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР.Т.2. – Грозный, 1972. – С. 248–250; Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960. С. 43; Гакаев Х.А. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков // Чеченцы: история и современность. М., 1996. – С. 235; Костоев Б. Кавказский синдром. М., 2001. С. 229; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселение и депортация чеченского народа. Москва–Саратов, 2003. С. 31; Пыхалов И. Указ. соч. С. 265, 267–268; и др.

довую армию или рабочие колонны. Известно, что в сентябре 1941 г. военкомат республики по требованию Северо-Кавказского военного округа в ходе настоящей воинской облавы на мирное население загнал в вагоны эшелонов 13 тыс. невоеннообязанных жителей Чечено-Ингушской АССР, включая подростков, больных, стариков, инвалидов и беременных женщин, которые, будучи, вывезены в Ростовскую область, не дойдя до линии окопов, были рассеяны немецкой авиацией и смяты бегущими в панике войсками. До Ростова-на-Дону добралось в живых не более 2 тыс. обезумевших людей, которых вывезла в Грозный специальная государственная комиссия из Чечено-Ингушетии ³⁶².

Количество оставшихся в живых фронтовиков. Сколько дезертировало? На протяжении 1944 г. из действующей армии были демобилизованы, за малым исключением, все представители горских репрессированных народов, оставшиеся еще в живых – 710 офицеров, 1696 сержантов, 6448 солдат, которых отправили также в ссылку. Сумели удержаться на фронте буквально единицы. В 1945 г. спецпереселенцев-фронтовиков из чеченцев, ингушей насчитывалось на учете 5,3 тыс. человек, из них награды имели все, включая и несколько Золотых Звезд. Каждый второй боец, сорванный с фронта, тут же был признан инвалидом войны по ранениям. А ведь они намеревались воевать до конца!

Таким образом, если исходить из минимальной цифры в 40 тыс. чеченцев и ингушей, воевавших на фронте, то за минусом 5,3 тыс., вернувшихся к своим семьям (хотя и не к «родным очагам»), на полях войны осталось почти 33–34 тыс. горцев, не поступивших честью и отдавших Родине самое дорогое – жизнь. Это была их страна и их война, несмотря ни на что ³⁶³.

³⁶² Музаев М. Облава // «Объединенная газета». №16. Грозный, 2004.

³⁶³ См.: Гакаев Х.А. В годы суровых испытаний. С. 88; Ошаев Х. Брест – орешек огненный. Грозный, 1989; Национальные репрессии в СССР 1919–1952 годы: В 3 т. Т. 2. М., 1993. С. 84; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. С. 171, 200; Возвращение к истокам: Ингушетия в лицах и фактах. / Сост. С.А. Хамчиев. Саратов, 2000. С. 460; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 2. М., 2001. С. 254; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. С. 790–796; Патиев Я.С. Ингуши. Депортация. Возвращение. Реабилитация. Документы. Материалы. Комментарии. Магас, 2004. Таб. 36; и др.

Предположительно не менее 1 тыс. чеченцев и ингушей могло оказаться в плену и частично на службе немцев. Да, помимо героев, честно исполнявших свой ратный долг, число «изъятых» дезертиров и уклонившихся от призыва в Чечено-Ингушетии к 1944 г. составило (по данным НКВД) 4441 и 856 (соответственно, в Краснодарском крае и в Ставрополье таких было куда выше). По стране в целом в 1941–сентябре 1944 гг. дезертиров набралось 1 210 224 и «уклонистов» от призыва 456 667 (цифры неполные)³⁶⁴. Многие авторы считают, что миллионы плененных взятых немцами в 1941–1943 гг. те же дезертиры, не желавшие воевать за сталинский людоедский режим.

Цифры, приводимые профессиональным ксенофобом и паквилянтом И. Пыхаловым о чрезвычайно «скромных» потерях, понесенных малыми народами СССР в ходе войны в 1941–1945 гг. со ссылкой на военного архивиста Г.Ф. Кривошеева, согласно которому потери чеченцев, ингушей в войне равны 2,3 тыс. человек, являются результатом недоразумения, если не хуже. В Красной Армии не велась документация потерь по национальному составу. Там вообще не велась системная документация боевых потерь «недорогих» советских граждан вплоть до 1943 г. Кривошеев Г.Ф. рассчитал (по неизвестной нам авторской методике) процентное соотношение потерь представителей народов СССР, да и то только по цифрам 1943–1945 гг.³⁶⁵

³⁶⁴ См.: Кирсанов И. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. № 6. 2001. С. 63–64, 65, 68; Дробязко С. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 2001. С. 4–9, 14–15, 32–33; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 238; Яндиева Марьям. Депортация ингушей. Причины. Обстоятельства. Последствия. Тбилиси, 2012. С. 59–60 (по данным М. Яндиевой, к 1943 г. число тех же ингушей, попавших на немецкую службу, равнялось 150 человек); Музаев М. Злопыхательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова // Голос Чеченской Республики. № 6. С. 3. Июнь 2003; Черкасов А.А., Щетнев В.Е. Истоки и масштабы советского коллаборационизма в годы Второй мировой войны // Победа в Великой Отечественной войне и патриотические традиции России. Краснодар, 2000; Науменко В. Г. Великое предательство / Сост. П. Н. Стрелянов (Калабухов). СПб. 2003. С. 74–75, 152–155, 158, 159; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. С.805–810; и др.

³⁶⁵ См.: Пыхалов И. Указ. соч. С. 268–269; Россия и СССР в войнах XX

Вопрос о реальном уровне коллаборации всех советских граждан. «Наши Иваны». Как известно, число военнопленных за первые годы Великой Отечественной войны, официально зачисленных сталинским режимом в разряд «изменников и предателей», составило 5,74 млн. человек. Военнослужащих-«окруженцев» (по существу, дезертиров), оставшихся жить в зоне оккупации, было 900 тыс. В самой Германии на «принудительных работах», главным образом в оборонной промышленности и сельском хозяйстве, трудились 6 млн. советских граждан (в основном, славян). Еще 22 млн. мужчин и женщин были мобилизованы на работы в пользу вооруженных сил Германии на оккупированной территории СССР (где проживало в общей сложности не менее 70 млн. советских людей)³⁶⁶.

Уже к осени 1941 г. немецкие командиры стали привлекать советских военнопленных, дезертиров и добровольцев из местного населения в хозяйственные и вспомогательные подразделения, «высвобождая», таким образом, немецких солдат для непосредственной боевой работы. Они назывались «наши Иваны» или «хиви» (помощники) и принадлежали, главным образом, к представителям славянских народов. К рубежу 1942–1943 г. число «наших Иванов» только в вермахте перевалило 0,5 млн. человек (к концу войны – не менее 1,2 млн.). Из числа русских военнопленных (в особенности казаков), украинцев, белорусов, прибалтийских и закавказских народов, татар, узбеков и горцев Кавказа немцы стали формировать и отдельные национальные боевые подразделения – т.н. «восточные» легионы, батальоны и роты. По некоторым данным, общая численность граждан СССР, служивших в различных частях вермахта,

века. /Ред. ген.-полк. Г.Ф. Кривошеев. М., 2001. Табл. 121. примеч. 49. Ряд исследователей, в стране и за рубежом, весьма скептически относятся к выкладкам указанной книги и к военной отчетности сталинского времени вообще. Так, за всю войну командирами было официально доложено только о 36 тыс. красноармейцах, попавших в немецкий плен.

³⁶⁶ См.: Русские коллаборационисты // «Независимая газета». 29.10.1991; Ибатуллин Т. Военнопленные // «Невское время». – 1998. № 201. С. 3; Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия 1938–1941 гг. М., 2003. С. 270–271; Отечественная история (1917–2001). Учебник для вузов / Отв. ред-р И. М. Узнародов. М., 2002. С. 227–231; и др.

СС, авиации и флота, жандармерии и полиции достигала 1,5–2 млн. человек ³⁶⁷.

Не отмечена пасквильянтами и роль граждан Юга России и Восточной Украины в реализации Холокоста на территории Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской областей. Между тем, здесь в специальных полицейских батальонах служили 10794 немца и 70759 местных жителей. С ними в еврейском вопросе сотрудничало немереное количество рядовых граждан, живущих в оккупированной зоне ³⁶⁸.

Если последовать примеру пыхаловцев, виноградовцев и клычниковых и признать достоверность всех сталинских документов того времени, а также считать правовую сторону обвинений, высказанных современными пасквильянтами в адрес депортированных народов, соответствующими истине, то в этом случае первыми должны были отправиться в эшелонах русские, украинцы и белорусы (латыши, эстонцы и литовцы являлись воюющей стороной, а не изменниками).

Число северокавказцев на немецкой службе. Собственно, чеченцев и ингушей на немецкой службе, согласно полевым материалам, было 600–700 человек. Некоторые авторы (С. Дробязко) пишут, что в течение 1943 г. немцы сформировали из числа всех военнопленных горцев 7 северокавказских батальонов численностью от 800 до 1000 человек, в которых немцы составляли от 50% до 10% командного состава (по нашему мнению, речь шла только о квоте в 7 батальонов). В годы войны упоминаются 3 конных эскадрона из северокавказских горцев, 3 пехотные роты и т.н. Северо-Кавказский легион, но горцы упоминаются также в Азербайджанском легионе (дагестанцы) и в Грузинском (осетины и абхазцы). По нашему мнению, общая численность горцев Северного Кавказа, служивших в дей-

³⁶⁷ Архив МО РФ. Ф.354. Оп.5979. Д.103. Л.153 (нами цитируются документы, приведенные в Интернете); Вережкин Сергей. Вторая мировая война: вырванные страницы. М., 2006. С. 63–64; Кирсанов И.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. № 6. 2001. С. 63–64, 65. 68; Дробязко С.И. Последние сражения гражданской войны // «Станица». № 1. 2001. С. 35; и др.

³⁶⁸ Холокост в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.vif2.ru:8080/nvk/forum/2/co/371739.htm>

ствующими частями вермахта в течение войны, могла гипотетически составить 7–8 тыс. человек. Плюс еще несколько тысяч военнопленных, занятых на хозяйственных и строительных службах, выполняемых неармейскими организациями³⁶⁹.

Известно, что с отступающими немцами на Запад ушло немало беженцев из Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, Краснодарского и Ставропольского краев. Весной 1945 г. в т. н. «Казачьем стане» – войсковой казачьей общине в Австрии – в числе 30–40 тыс. казаков и их семей находилось до 5 тыс. горских беженцев (главным образом, семьи осетин, кабардинцев и карачаевцев)³⁷⁰.

³⁶⁹ См.: Дробязко С. Вторая мировая война 1939–1945. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 2001. С. 4–9, 14–15, 32–33; Кирсанов И.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // «Отечественная история». – 2001. – № 6. С. 68; Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1994. – М., 2004. С. 238; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 806–808; В своем материале о коллаборационистах в Чечено-Ингушской АССР пасквилянт И. Пыхалов (За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008. С. 283–284) сообщает о наличии трех чеченских рот в вермахте и дает фамилии командиров еще двух «чеченских рот», например, Алаудина Устарханова. О том, что он же один из героев французского Сопротивления и кавалер ордена Почетного Легиона, пасквилянт не сообщает. Но информирует, что из «214 чеченцев первой роты (батальон 836. – И.Б.) 97 были привлечены к уголовной ответственности. По данным КГБ СССР, 40 человек из числа отбывших наказание проживали в 1987 году в Чечено-Ингушетии» (Игорь Пыхалов: Историческая правда о коллаборационистах в Чечено-Ингушской АССР.–[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/society/1325250.html#ixzz3NLPicOrl> Здесь, как всегда, не даны сравнительные цифры: к началу одного 1943 г. немцы укомплектовали на «Восточном» фронте сотни батальонов и отдельных рот, главным образом, из славян (**Махно В.П. Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. – Севастополь, 2009).**

И еще: в свое время авторам этих строк довелось разговаривать с помянутыми чеченцами – «ветеранами» вермахта. Выяснилось, что немцы очень скоро разогнали чеченские роты взводами по всей Европе из-за неповиновения немецким офицерам и свирепых драк с «камрадами» по оружию.

³⁷⁰ См.: Науменко В. Г. Великое предательство. С. 74–75, 152–155, 158, 159.

Первые казачьи боевые части. Личный состав казачьих частей формировался немцами преимущественно из казаков Дона, Кубани и Терека. Хотя справедливость требует отметить, что собственно потомственные казаки составляли, может быть, одну треть – половину населения указанных районов. Но явление казаков потомками германских племен – готов, вызвало своеобразный казачий ренессанс. В казаки записывались все желающие русские и украинцы.

Казачьи части, по отзывам немцев, хорошо зарекомендовали себя в боевых условиях. В частности, казачий полк под командованием полковника Иоахима фон Юнгшульца (носивший имя своего командира) отличился в боях возле населенного пункта Ачикулак. Здесь же, но по другую сторону фронта, храбро воевали и понесли тяжелые потери всадники 255-го отдельного Чечено-Ингушского полка Красной Армии. В течение 1942 г. в пределах границ Краснодарского и Ставропольского краев, включая левобережье Терека, немцы сформировали еще целый ряд казачьих частей. Один из казачьих полков – 6-й Терский, достигал в своей численности, по косвенным данным, до 2 тыс. человек (в литературе упоминаются еще 4-й и 10-й Терско-Ставропольские полки) ³⁷¹.

Формирования из казаков отличались высокой боеспособностью. Советские разведчики, говоря о составе одной из казачьих дивизий вермахта, докладывают: «В 6-м Терском полку преобладают терские казаки в возрасте до 45 лет, иногда вместе с сыновьями. Политико-моральное состояние частей дивизии крепкое..., является вполне боеспособной...». Вместе с тем, необходимо отметить, что несколько сот тысяч казаков доблестно сражались с фашистами во всех родах войск Красной Армии и составили основу целых десяти советских кавалерийских корпусов ³⁷².

Подрывная деятельность диверсантов в Чечено-Ингушетии. Так же, как и проблема коллаборации горских народов, остро волнует наших историков-фразеологов деятельность диверсантов и шпионов в советском тылу в Чечено-Ингушетии. Известно, что германской военной разведкой (Абвер) был

³⁷¹ Серба А. Куда казаку податься? // «Станица». № 3. 2001. С. 3–4.

³⁷² Дробязко С. Последние сражения гражданской войны. – С. 38.

разработан довольно авантюристический план под кодовым названием «Шамиль», предусматривавший захват нефтедобывающих районов Северного Кавказа при помощи воздушно-десантных и диверсионных групп, в том числе сформированных из военнопленных горцев и казаков³⁷³.

Надо отметить, что надежды народов СССР на самоопределение в условиях немецкой оккупации были эфемерными. В целом гитлеровская верхушка отрицательно относилась к подобным планам. Немецкие офицеры фронтового штаба, более или менее достоверно знавшие ситуацию на Северном Кавказе, четко заявляли посланцам разного рода бутафорских «правительств», что Германия «не нуждается в каких-либо союзниках внутри советской России»³⁷⁴.

Активность германских секретных служб резко возрастает во второй половине 1942 г., когда военные действия идут уже непосредственно на Северном Кавказе. В августе-сентябре 1942 г., по данным советского НКВД, только на территорию Чечено-Ингушетии тайно десантировано 5 групп немецких диверсантов-парашютистов, общей численностью 67 человек, под командованием О. Губе, Т. Засиева, А. Дзугаева, Э. Ланге и Г. Реккерта. Еще три группы диверсантов появились в Чечено-Ингушетии спустя один год – в августе 1943 г. Общая численность немецких парашютистов во всех группах составила 77 человек, из которых 13 человек были чеченцами, ингушами по национальности, остальные немцы, осетины и русские. Но

³⁷³ Ибрагимбейли Х. М. Реакционная сущность расистской политики фашистской Германии на временно оккупированной территории Северного Кавказа (1942–1943 гг.) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI–70-е годы XX века). Грозный, 1982. С. 209. Петров В., Александров В. Второй кавказский фронт // «Независимое военное обозрение». 30 марта – 5 апр. 2001. С. 5. Но не сравнить, конечно, было, к примеру, с Особой дивизией «Россия» зондерштаба «Р» Абвера, состоявшей из бывших белогвардейцев-эмигрантов и перебежчиков (10 тыс. рыцарей плаща и кинжала) на одном только направлении группы армий «Север».

³⁷⁴ Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 366, 368; Галицкий В. Чеченцы не позволили Канарису и Геббельсу создать на юге Советского Союза «пятую колонну» // Даймехкан аз («Голос Отчизны»). 2001. № 3. С. 4; Сигаури И. М. Указ. соч. С. 204; Авторханов А. Г. О себе и времени. Мемуары. М., 2003. С. 604–605, 621–623; и др.

при этом с первого дня своей переброски в Чечню диверсанты оказывались под плотной опекой «лжеабреков» – чекистов и чеченских, ингушских мюридов шейха Б. Арсанова, преданного сторонника советской власти, которые не только не дали врагам совершить диверсии, но и сдали в конечном счете агентов властям³⁷⁵.

Причем преобладание осетин в рядах диверсантов объяснялось и лучшей выучкой, и тем, что одна из основных групп (8-я группа унтер-офицера Захариаса) Абвергруппы-203 («Зондеркоманда 203») состояла из осетин и вела активную разведывательную работу в регионе. В феврале–марте 1942 г. 8-я группа размещалась в г. Славянске (Славянск-на-Кубани) Краснодарского края.

Немецкие диверсанты на Восточном фронте. Отметим, что, по данным компетентного в своих вопросах В. Шелленберга, в пределах основной части Восточного фронта «в лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которые после обучения забрасывались на парашютах вглубь русской территории». Так, только в 1941 г. советскими спецслужбами было задержано во фронтовой зоне 2343 шпиона, 699 диверсантов, 4647 изменников родины. По данным НКВД СССР, на 8 августа 1942 г. (примерно за один год войны) было арестовано 7755 агентов противника (по другим источникам 11765). За годы войны число задержанных агентов только из числа парашютистов составило 1854 человека, радистов – 631. Причем 389 радиостанций с соответствующими группами вражеских разведчиков так и остались нераскрытыми. Укажем также, для сравнения, что только на территории Москвы и Московской области в течение осени и зимы 1941 г. количество только выявленных и захваченных агентов немецкой разведки было свыше 200³⁷⁶.

³⁷⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 297. Л. 95, 96 (цитируемые здесь и далее архивные документы, в т.ч. и из других архивов, приведены в указанной нами монографии И.М. Сигаури и в совместной работе Я.З. Ахмадова и Э.Х. Хасмагомадова); Музаев М. Злопыхательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. Указ. соч. С. 820; Яндиева Марьям. Депортация ингушей. Причины. Обстоятельства. Последствия. Тбилиси, 2012. С. 48–49; и др.

³⁷⁶ См.: Шелленберг В. Мемуары. М. 1991. С. 215; Кодачигов Валентин. «Смерть шпионам» // Независимое военное обозрение. 25.04.2003; и др.

Отдельно можно сказать и о соседних Чечено-Ингушетии территориях. Так, в течение первого года войны в горную часть Дагестана, где обострилась общественно-политическая обстановка, немцы забросили «152 шпиона и диверсанта, в том числе 50 парашютистов». По многим районам Дагестана, не исключая плоскостные, прокатилась волна диверсий. Летом 1942 г. в Дагестане было выявлено и арестовано еще 42 парашютиста. На территорию Кабардино-Балкарии в общей сложности было заброшено 12 диверсионных групп общей численностью до 100 человек. «Бандповстанческое» движение активизировалось и в Северной Осетии. Во время оккупации части республики коллаборационисты создавали не только мобильные отряды, диверсионные группы и разведывательную сеть, но и некое подобие регулярных войск из числа дезертиров, местных жителей, пленных и перебежчиков Красной Армии. О уровне и степени сотрудничества здесь граждан с немцами говорит и тот факт, что при их отступлении с ними ушло до 4 тыс. уроженцев Северной Осетии (причем они не были «угнаны» – на Северном Кавказе и Дону немцам был воспрещен насильственный набор рабочей силы в Германию)³⁷⁷.

Уровень повстанческого движения в Чечено-Ингушетии. Реальность и политика. Из действовавших в горах Чечено-Ингушетии накануне войны вооруженных групп, по терминологии НКВД-НКГБ – «банд», первоначально только одна, возглавляемая Хасаном Исраиловым, по мнению властей, являлась «повстанческой группой», а остальные носили чисто уголовный характер. Причем в первые месяцы войны все эти «банды» особой активности не проявляли – всего было зафик-

³⁷⁷ См.: ГА РФ. ФР–478. Коллекция; Баликоев Т.И. О преступной деятельности предателей в отношении своего государства в годы Великой Отечественной войны // Национальное государство и федеральное строительство на Северном Кавказе: опыт, проблемы, специфика. Владикавказ, 1998. С. 62–73; Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Под ред. и с предисловием академика В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2006. С. 144–167. (Цитирую по: Материалы к изучению курса «История народов Северного Кавказа». Хрестоматия / сост. Ю.Ю. Клычников. Пятигорск, 2012); Северный Кавказ – Осетия в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: valery-dzutsev.livejournal.com/208921.html; и др.

сировано 4 «бандпроявления», в ходе которых погибло 9 человек, включая одного партийного работника³⁷⁸.

Положение в горных районах Чечни, по данным спецслужб, осложнилось в октябре 1941 г., когда якобы в целом ряде селений Галанчожского, Шатойского и Итум-Калинского районов население приступило к стихийному разделу колхозного имущества. Утверждалось, что имели место массовая неуплата налогов и уклонение от мобилизации. Всего в волнениях, продолжавшихся с 28 октября по 3 ноября 1941 г. и носивших черты социального протеста, участвовало до 800 человек. Эти «события» чечено-ингушские партийные органы вначале, по подсказке НКВД-НКГБ, квалифицировали как открытое антисоветское «кулацко-бандитское восстание», организаторами которого считались Хасан Исраилов, Майрбек Шерипов и братья Мусостовы. К подавлению «выступлений», кроме оперативных групп и внутренних войск, были привлечены три звена бомбардировочной авиации. Арестовать удалось почему-то только 5 участников «волнений», остальные как бы «скрылись» в горах. Согласно другим данным, собранным от партийных функционеров (кстати, русских по национальности), выехавших для изучения ситуации в горы, в том же Галанчожском районе, вопреки сведениям чекистов, наблюдалось абсолютное спокойствие. Ни руководство района, ни население ничего не знало о каких-либо «выступлениях». Бомбардировки мирных аулов советской авиацией стали шоком и для райкома партии, и для командированных в район сотрудников обкома ВКП (б)³⁷⁹.

Всю подноготную «широкого антисоветского движения» в горах Чечено-Ингушетии вскрывают контакты руководителей сталинских спецслужб с т. н. повстанческими «лидерами» в годы войны. Это была грандиозная, но обычная для громадной машины советской госбезопасности игра. Руководители местных

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 1, 2, 4, 10, 12, 134.

³⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 16, 17; Д. 30. Л. 6, 19.; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии / сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994. – С. 31; Патиев Якуб. Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944–2004. Док. 8,10-11, 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Сайт «Ингушетия.Ру»; Музаев М. Злопыхательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова; и др.

спецслужб, якобы «поддерживавшие» бандитские группы и подвергавшиеся жесткой критике республиканскими партийными органами, получали благодарности, ордена и чины от центрального руководства. Тот же нарком НКВД ЧИАССР С. Албогачиев (ингуш по национальности) за год с небольшим получает боевой орден, внеочередное звание и летом 1943 г. переводится на работу в Москву. Видимо, не все в республике поняли суть действий лиц, особо доверенных наркому Л. Берия ³⁸⁰.

Лидеры повстанческих групп в Чечне – Х. Исраилов и М. Шерипов, вряд ли могли догадываться, что являются рядовыми пешками в чекистской игре. Характерно, что сам Х. Исраилов в сентябре 1942 г в одном из писем предупреждал обер-лейтенанта Э. Ланге: «... если правда то, что с Вами ... находятся Гайтиев, Эльмурзаев, Дурдышев и другие чекисты-лжеабреки, то Вам предстоит скверная гибель...» ³⁸¹.

В Ингушетии на тот момент действовали небольшие «банд-группы» т. н. баталхаджинцев Докиева, Нальгиева и Махаури, также зараженные агентурой НКВД. Наибольшей известностью пользовался в Ингушетии отряд непримиримого народного мстителя Ахмеда Хучбарова. В 1943 г. на его родной аул Гули совершила налет советская авиация, мстя ни в чем неповинным людям ³⁸².

М. Шерипов, а следом Х. Исраилов разрабатывают в подражание гитлеровцам план создания «Особой партии кавказских братьев», которой затем дается новое название – «Национал-социалистическая партия кавказских братьев». Уже в ноябре 1941 г., по утверждению Х. Исраилова, в его «партии» состояло до

³⁸⁰ См.: Репрессированные народы: чеченцы и ингуши / Сост. Бугай Н.Ф., М., 1994. С. 34; Пакет документов № 1 // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. Вып. 1. М., 1993. С. 27. Репрессированные народы: чеченцы и ингуши. Пакет документов №2. С. 63; Музаев М. Н Злопыхательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 817–819.

³⁸¹ См.: Пакет документов № 2. // Альманах «Шпион». С. 61–62; Курьлев И. В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. С. 137–140, 144–145; Музаев М.; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 819–821; Матвеев Олег. Самарин Игорь. Посеешь «чечевицу» – пожнешь трагедию // Интернет. Официальный сайт ФСБ РФ; и др.

³⁸² См.: Курьлев И. В. Указ. соч. С. 131; Возвращение к истокам: Ингушетия в лицах и фактах. / Сост. С.А. Хамчиев. С. 209.

«5 тысяч человек», а партийные ячейки существовали не только в Чечено-Ингушетии, но и в 7 (!) соседних кавказских республиках и областях. Немецкий профессиональный разведчик Г. Ланге недаром заклеил Х. Исраилова «фантазером»³⁸³.

Массовые убийства гражданского населения. Акции бандитов и лжеабреков-чекистов позволили НКВД уже осенью 1942 г. провести крупные операции в горах, направленные целиком против местного населения как такового. За 1942 г. число убитых на территории Чечено-Ингушетии без суда и следствия «бандитов» составило 295 человек. Кроме того, были задержаны 180 человек, уклонявшихся от мобилизации и 1762 дезертира (неясно, кто это, ведь начиная с марта 1942 г. чеченцы и ингуши не подлежали мобилизации). Кроме того, во второй половине 1942 г. в качестве заложников чекисты задержали 216 семей, уничтожили 100 хуторов и отдельных домов. Но и сами каратели в результате оказанного убийцам в мундирах сопротивления потеряли в тот год только убитыми 61 военнослужащего³⁸⁴.

Проверка, проведенная работниками центрального аппарата НКВД СССР (лето 1943 г.), показала, что из 213 граждан, убитых в том году чекистами, только 22 состояли на оперативном учете, на остальных не было никакого материала. Если перевести с «чекистского» языка на человеческий, это были рядовые граждане, убитые для «отчетности»³⁸⁵. Дополним и мы данные об убитых «политбандитах»: «18 апреля 1943 года по дороге из с. Бельгы в Саясановское НКВД конвой из взвода Волосова... По договоренности между собой расстрелял сопровождаемых ими задержанных граждан ...

В тот же день по указанию Колесникова из числа собранных во двор Бачи-Юртовского сельсовета местных граждан было задержано 19 человек и преданы Волосову для конвоирования..., по предварительной договоренности с конвоем приказал расстрелять 17 человек советских граждан, в том числе

³⁸³ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши: Документы, факты, комментарии. С. 39; Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. Указ. соч. С. 818–820.

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 234; Д. 63. Л. 39; Д. 274. Л. 1, 2, 4, 9, 12, 220.

³⁸⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. – С. 37.

15-летняя девушка». Другой документ подтверждает, что заместитель наркома НКВД Чечено-Ингушской АССР Колесников не только не расследовал убийства, но и необоснованно доносил, что «задержанные были расстреляны при попытке к бегству»³⁸⁶.

20 июня 1943 г. чекистская банда из 141 полка НКВД ясным днем убила на хуторе Беженой Итум-Калинского района 8 женщин и детей. Расследование провели офицеры того же полка (!), издевательски отписавшие, что выбегавшие во время перестрелки с бандитами из домов женщины могли (!?) рассматриваться как члены бандгруппы, их «пособники» или «переодетые в женское платье бандиты». А вот в отношении убитых детей фантазия карателей закончилась: «Они найдены (!?) на пороге своих домов».

Хуже того, двумя днями раньше – 18 июня, на территории соседнего Галанчожского района бандитами в форме, по данным райкома партии, были убиты на двух хуторах 11 жителей – 1 мужчина 60 лет, 4 женщины от 24 до 75 лет, 6 детей от 2 до 13 лет. Материальное имущество, скот горцев были разграблены, а дома сожжены. Комиссия Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), посланная на место событий, установила, что за 18–22 июня 1943 г. военные уничтожили только в Галанчожском и Итум-Калинском районах 11 хуторов и свыше 60 домов с хозпостройками. При этом шел вооруженный грабеж с отнятием скота, продуктов, личного имущества, ковров и ценных вещей. Мародеры грабили не только глухие хутора, но и большие по меркам гор селения, врываясь даже в дома районного начальства³⁸⁷.

Репрессии (хотя и в гораздо меньших масштабах) практиковали повстанческие отряды и криминальные банды. За 1943 г. 75 раз нападениям подвергались партийные и советские работники (порой по мотиву личной мести), 19 раз – работники НКВД и еще 19 раз – колхозы и другие советские организации. Из 42 человек, погибших по время этих нападений, ровно половину составили мирные жители. В общей сложности по респу-

³⁸⁶ Сталинические депортации. 1928–1953. Документы. М., 2005. №3.35. С. 474–475.

³⁸⁷ Яндиева М.Д. Депортация ингушей. Причины. Обстоятельства. Последствия. Тбилиси, 2012. С. 114–117, 121; и др.

блике 23 колхозника были награждены Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЧИАССР именно за активное участие в борьбе с бандитизмом³⁸⁸.

На конец августа 1943 г. в Чечено-Ингушетии на учете спецслужб имелось 54 «бандгруппы» с общим количеством участников 359 человек, однако из них 30 банд с 191 человек никак не проявляли себя с 1942 г. (т. е. по существу считались распавшимися, но из года в год приплюсовывались в статистику). Самая крупная и активная группа Хасана Исраилова, «засоренная» секстами, насчитывала, по некоторым данным, всего 14 человек³⁸⁹.

В целом, в Чечено-Ингушетии в августе-сентябре 1942 г. в период наибольших успехов немцев на Северном Кавказе связь обкома ВКП (б) с районами не терялась ни на один день. Райкомы очень активно работали по мобилизации средств и сил на отпор врагу. Колхозы «проблемных» с точки зрения чекистов Галанчожского и Шатоевского районов в 1942 г. досрочно выполнили государственный план по производству животноводческой продукции и даже сдали мясо в счет 1943 г. Повышенный план по поставке зерна государству Чечено-Ингушская АССР в 1943 г. выполнила на 111%³⁹⁰.

Этническая депортация – геноцид. Видный исследователь П. Полян отмечает, что депортации бывают частичные и тотальные; в случае если «основанием для депортации принципиально послужил этнический фактор, то такую депорта-

³⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 10, 12; Филькин В. И. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. – Грозный, 1989. – С. 30; Курылев И. В. Указ. соч. – С. 144–145.

³⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 58. Л. 46-47, 102; Д. 63. Л. 70; Д. 274. Л. 1-18; Музаев М. Злопахательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова.; Шпион (альманах) // М., 1993. № 2. С. 343–347.

³⁹⁰ См.: Чечено-Ингушский областной партийный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 758. Л. 47-49; Оп. 5. Д. 5. Л. 43-45; Филькин В. И. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период Великой Отечественной войны. Грозный. 1989. С. 11, 30–31; Его же: Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза; Курылев И. В. Указ. соч. С. 138–140; Музаев М. Злопахательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова // Голос Чеченской Республики. №№ 4, 5, 6. 2003; и др.

цию резонно понимать, как *этническую депортацию* (выделено авт.)³⁹¹.

Насильственное выселение чеченцев и ингушей по этнически-расовому принципу было осуществлено 23 февраля 1944 г., а Указ Президиума Верховного Совета о выселении был подписан 7 марта 1944 г. (он остался секретным). Абсурдно-шизофреническое по своей сути, юридически беспомощное обвинение³⁹², тем не менее, полностью укладывалось в русло логики советского руководства сталинской эпохи, когда «антисоветскими» объявлялись целые социальные слои («эксплуататорские» и «мелкобуржуазные классы») или отдельные народы.

Между тем, в коммунистический период наша страна официально исповедовала примат классовой борьбы и интернационализм. Сам И.В. Сталин 23 февраля 1942 г. на всю страну и мир утверждал, что в нашей стране не может быть расовой ненависти: «Теория расового равноправия в СССР и практика уважения к правам других народов привели к тому, что все свободолюбивые народы стали друзьями Советского Союза». В силу этого, мол, Красная Армия свободна от такого «унизительного чувства», свойственного фашистам и, более того, «воспитана в духе расового равноправия и уважения к правам других народов...»³⁹³.

Практически через год – 11 февраля 1943 г. – на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) его члены во главе с Сталиным принимают принципиальное решение о выселении тех же чеченцев и

³⁹¹ Сталинские депортации. 1928–1953. С. 6–7.

³⁹² Реально подобные решения являлись преступными по действующей Конституции СССР и советским правовым кодексам. Потому документы о выселении не обнародовались и не обсуждались. Тем не менее, и в такой прозрачной ситуации мы и сегодня находим по этому поводу до конца неясные заявления: «Документы свидетельствуют о том, что акции по депортации тщательно и детально разрабатывались и согласовывались с руководством СССР; они были подкреплены юридически, а карательные органы строго соблюдали тексты приказов» – Ибрагимов М.-Р.А. Принудительные миграции в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Великий подвиг советского народа: актуальные проблемы изучения участия народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войне... Материалы региональной конференции. Махачкала. 2013. С. 223. Думай, что хочешь!

³⁹³ Приказ народного комиссара обороны СССР № 55 от 23 февраля 1942 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2w.su/docs/4801>

ингушей по национально-расовому признаку. 31 января 1944 г. принято постановление ГКО СССР № 5073 об упразднении Чечено-Ингушской АССР и депортации ее населения в Среднюю Азию и Казахстан «за пособничество фашистским оккупантам» (но мы-то сегодня прекрасно знаем, кто и куда более масштабно был замешан в «массовом пособничестве»). А вот в отношении реальных пособников немецко-фашистских захватчиков из европейской части РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии и Карело-Финской ССР (более 70 млн человек населения) Верховный суд СССР 25 ноября 1943 г. с непривычной гуманностью разграничил «изменников Родины и пособников гитлеровцев, причем пособничество в совершении военных преступлений как государственное преступление не рассматривалось»³⁹⁴.

В литературе уже замечено (В.Д. Соловей), что первые «этнические чистки, происходившие в СССР в 1934–1935 гг. ..., засвидетельствовали, что этничность стала критерием этнической благонадежности». Парадоксально, но именно в СССР целые народы стали заносить в число потенциально нелояльных или, наоборот, лояльных к власти. «Но если режим снова (как при царизме. –Д.А., Я.А.) начал подходить к нерусским народам с презумпцией их нелояльности, то должен же он был на кого-то опираться? Поскольку презумпция политической лояльности резервировалась за русскими, постольку их неумное и жестокое третирование должно было быть прекращено»³⁹⁵. И действительно, в сентябре 1943 г. «своим» миллионам коллаборационистов (правда, не только русским, но и титульным народам союзных республик) было даровано милостивое сталинское прощение (директива №494/94 НКВД-НКГБ)³⁹⁶. Аресту

³⁹⁴ Степаненко С. Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края. Автореферат Дисс. канд. ист. наук. Майкоп, 2010. С. 20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.adygnet.ru

³⁹⁵ Соловей В.Д. Указ. соч. С. 154–155.

³⁹⁶ Первоначально Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., квалифицировал акты коллаборации по ст. 58-1 «а» УК РСФСР (измена Родине). Поэтому военно-полевые суды проводили в освобожденных районах широкие показательные казни граждан, сотрудничавших с немцами. Однако по самым скромным цифрам нам известным следовало расстрелять

во вновь освобожденных районах подлежал только командный состав военно-полицейских формирований, крупные чиновники, перебежчики (главным образом, офицеры) из рядов Красной Армии и лица, активно проявившие себя в сотрудничестве с оккупантами. Все остальное пособничавшее население либо призывалось в армию, либо трудилось теперь на советский фронт и подлежало со стороны органов только наблюдению³⁹⁷.

В книге итальянского историка А. Грациози приводится мнение другого исследователя – О. Хлевнюка, о сталинской практике, который пишет: «Какая бы проблема не возникала в стране, ответом всегда становилось применение прямого насилия по отношению к определенным социокультурным или национальным группам населения»³⁹⁸. Депортацию, конечно, можно рассматривать именно и в таком аспекте. Однако есть и другие варианты рассмотрения проблемы, о которых мы когда-нибудь скажем развернуто. Например, выселение горцев Северного Кавказа в 1943–1944 гг. и именно в области Восточного Казахстана имело, помимо прочего, четкую привязку к атомному проекту Сталина...

Спецпереселенцы, вагоны-теплушки и наши фразеологи. Мы опускаем благоглупости относительно депортации народов, самой умильной из которых является то, что университетские профессора, испытывающие тесноту в своих в общем-то не самых плохих квартирах, где у них есть кабинеты и

не менее 20 млн лиц из числа живших на оккупированной территории и официально пособничавших врагу, например, выполнением трудовой повинности. Видимо поэтому уже в сентябре издается соответствующая директива чекистам, а 25 ноября 1943 г. и разъяснение Пленума Верховного суда СССР по поводу искомого Указа, о чем мы уже упомянули выше.

³⁹⁷ Дюков А.Р. Растоптанная Победа. Против лжи и ревизионизма. М., 2011. С. 197; Автор, заклятый сталинист, умильный в своей простоте, утверждает далее, что подобное было «невозможно» сделать в национальных районах Северного Кавказа из-за отсталого общественного строя и невозможности выявить виновных и невиновных. Плохо человек знает историю своей страны. Двойка! Именно в таких районах аппарат НКВД-НКГБ достигал высочайшей аппаратной мощи и власти, нагло соперничая даже с партийно-советскими органами. Именно здесь был достигнут идеал сталинской системы – диктатура всеобщего сыска.

³⁹⁸ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 131.

рабочие столы, с возмущением говорят о фальсификации цифр с «уплотнением» вагонов спецпереселенцев «национальностями» историками (в «Истории Чечни» действительно ошибка – указано уплотнение – с 24 человек до 45 в каждом вагоне); а вот на деле, мол, увеличили погрузку с 40 до 45 пассажиров в связи с большим количеством детей и малым количеством багажа. А сокращение эшелонов произошло якобы за счет только вагонов, «предназначенных для перевозки вещей». Но как же наши фразеологи не обратили внимание на то, что сокращались-то и вагоны-теплушки: ведь в том же документе, что цитируется в «Истории...», говорится о значительной экономии досок (для нар), ведер и печек (буржук?) предназначенных именно для теплушек. Так количество печей сэкономлено 3500 (из расчета – одна печка на вагон)³⁹⁹, что, пожалуй, равняется числу недоданных, сэкономленных вагонов.

Но чтобы нашим авторам-фальсификаторам пребывание спецпереселенцев зимой в дощатых вагонах не казалась легкой прогулкой, отметим, что речь идет о широко использовавшихся в те годы крытых двухосных вагонах-теплушках (грузоподъемность вагона – 18 т, длина – 6,44 м, ширина – 2,78 м, вместимость «теплушки» – 28–32 человека). Широко бытовавшее в народе определение нагрузки подобных теплушек – «40 человек или 8 лошадей», являются словами из песни, но не технической спецификацией вагона. Так же, как термин «теплушка» не означает утепления тонких дощатых стенок вагонов, а только то, что туда ставилась одна металлическая печка.

Теперь самая главная деталь (дьявол-то в деталях!) – площадь вагона равна 17,9 кв. м! Уважаемые профессора! Найдите в вашем вузе аудиторию в 18 кв. м и попросите зайти туда 40–45 человек (забудем, что забивали в вагоны спешке и 80, и 100, а то и 150 человек, чему есть свидетельства) или осмотритесь в салоне общественного транспорта в вечерние часы. Представьте себе, что люди должны провести в этих условиях в февральскую стужу не менее месяца, причем, судя по всему, во многих вагонах не было и нар (как бы давались доски в количестве аж 14 штук на вагон, но не давались топоры, пилы и гвозди).

³⁹⁹ См.: Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 183–184; История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 556.

И, наконец, вернемся от вагонов к нашим депортируемым. Отправляясь на восток «изменниками Родины» (политическое преступление), ... они пребывали в места ссылки «каннибалами» (этнокультурное качество) ... Мало того, во второй половине 1940-х гг в советской идеологии был оживлен дороеволюционный шовинистический миф о «диких горцах», «грабителях и разбойниках»⁴⁰⁰.

§ 3. Ситуация с враждебной российскому государству укладом и стадиальностью в Москве (далее по стране), а также на Кубани и Тереке в 1941–1945 гг.

Бандитизм в Москве и далее. Заметим, что резкий всплеск бандитизма, видимо, в силу укладности, ментальности и стадиальности, наблюдался во всех советских городах и районах по мере приближения фронта. Грабилось колхозное и государственное имущество, восставали заключенные из тюрем и лагерей, громились склады и магазины, выказывалось вызывающее неповиновение властям с угрозами в их адрес. В той же Москве осенью 1941 г. массы бандитов, пользуясь паникой, вышли на улицу и среди белого дня грабили склады, магазины и учреждения. Советское начальство, бросая свои учреждения и предприятия, захватывая автомашины, материальные ценности, деньги, сотнями и тысячами бежало из столицы на восток. Власти были вынуждены (впервые в стране и именно в Москве, а не в Чечне) ввести осадное положение и практиковать публичные расстрелы на месте⁴⁰¹.

По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР, за 1941–1944 гг. по всей стране были ликвидированы 7163 повстанческих и бандитских групп общей численностью 54130 человек. А вот количество «зарегистрированных» групп в тот

⁴⁰⁰ Шнирельман Виктор. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. Т. 1. М., 2011. С. 242.

⁴⁰¹ Г.К. Жуков в битве под Москвой. М., 1994. С.26; Мельтюхов М.И. Начальный период войны в документах военной контрразведки (22 июня – 9 июля 1941 г.) // Трагедия 1941-го. Причины катастрофы: Сборник. / Ред.-сост. Г. Пернавский. М., 2008. С. 63, 69–70; Млечин Л. Октябрьский позор Москвы // Профиль. №36, 2006; и др.

же период составило по стране 11841. Известная их часть действовала и на юге РСФСР не только в горских, но и в казачьих районах Северного Кавказа – 499 «бандповстанческих» групп имелось в Краснодарском крае и 541 в Ставропольском крае. Из них только за 1943 г. по Краснодарскому краю было ликвидировано 207 банд с 2250 участниками, при этом убито 211, арестовано 1052 и легализовано 987 бандитов.

Но, может быть, ситуация в центральных русских областях была получше? Однако, даже в мае–июне 1944 г., когда противник был отброшен к границам СССР, «отмечена активность разведывательных органов противника по заброске в наш глубокий тыл своих агентов-парашютистов с заданием организации бандитско-повстанческих формирований из числа бандитов, дезертиров, лиц, уклонившихся от службы в Красной Армии, и других нелегалов».

	Ликвидировано банд	Участников
Московская область	162	673
Ростовская область	92	490
Воронежская область	79	356
Калининская область	61	233
Горьковская область	48	236
Смоленская область	43	152

Оказалось, что работа органов НКВД центральных областей РСФСР была на тот момент «направлена на приобретение квалифицированной внутренней и маршрутной агентуры, способной своевременно выявлять и обеспечивать подведение под оперативный удар действующие бандитско-грабительские группы из ставленников и пособников врага»⁴⁰².

⁴⁰² См.: ГАЧР. Ф.1044. Оп. 1. Д. 1; Оп. 1. Д. 2; НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. Сб. док. / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008. С. 188; Приложение №1, и др.; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. – С. 121; Музаев М. Злопыхательство на чеченский и ингушский народы и на историческую правду Игоря Пыхалова; Бугай Н.Ф. Великая Отечественная война: проблема «второго фронта» на территории СССР. 40-е годы // Пятидесятилетие Великой По-

Таким образом, мнение о том, что выселение горцев Северного Кавказа носило этнически избирательный характер, получает бесспорное свое подтверждение. В противном случае до чеченцев и ингушей просто не дошла бы очередь.

Уровень коллаборации по адресу проживания «школьников». Однако наши длинные рассуждения о стадийном «изменничестве» советских народов, как антитеза посылкам В.Б. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова, были бы неполными, если бы мы упомянули, что авторы – профессиональные историки, не могли не владеть информацией о зашкаливающих масштабах коллаборации на той же Кубани и Ставрополье, где они имеют честь проживать ⁴⁰³.

Однако такая констатация будет выглядеть неполной, если не привести хотя бы простой перечень оных «фашистских частей из казаков» (это вам не получекистские бандочки в горах, и не 3–4 эскадрона из осетин, кабардинцев и карачаево-балкарцев, не 3–4 роты из чеченцев и ингушей ⁴⁰⁴ и не 7 тыс. разношерстных «добровольцев» в немецких северокавказских легионах в течение 1942–1945 гг.). Речь на Кубани и Тереке идет о подлинно массовом народном движении в пользу фашистской Германии, в которой местное русское население, и в первую очередь – казаки, увидели свое спасение от сталинской машины уничтожения. Вот, к примеру, самые предварительные выборки на первый взгляд добротного справочника В. Махно ⁴⁰⁵:

беды над фашизмом: история и современность. – С. 92; Беловолов В.Н. Казаки и вермахт. Станица Ленинградская. 2003. С. 4–32; НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. Сб. док. / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008. С. 188 и др.

⁴⁰³ К примеру: Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Под ред. И. с предисловием академика В.Б. Виноградова. Пятигорск, 2006.

⁴⁰⁴ См. того же Игоря Пыхалова (За что Сталин выселял народы? С. 282–283).

⁴⁰⁵ Махно Вадим. Казачьи войска 3-го Рейха. Справочник военного коллаборационизма российского казачества во 2-й мировой войне. Севастополь. 2012. Отметим, что в адрес первого справочника В. Махно от 2009 г. (Полный перечень объединений и соединений 3-го Рейха из граждан СССР и эмигрантов, а также из жителей Прибалтики, Западной Белоруссии и Украины. Севастополь, 2009.168 с.) исследователем коллаборации совет-

Батальоны в «Казакки» (регулярные части). Всего 42:

1. 1/444-й конный казачий дивизион 444-й охранной дивизии.
2. 2/444-й конный казачий дивизион 444-й охранной дивизии.
3. 1/454-й конный казачий дивизион 454-й охранной дивизии.
4. 2/454-й конный казачий дивизион 454-й охранной дивизии.
5. 403-й казачий батальон 403-й охрд, переданный в 79-ю пд.
6. 1/97-й разведывательный батальон 97-й горной дивизии вермахта.
7. 29-й авиаполевой батальон, 29-го полка, 15-й авиаполевой дивизии.
8. 55-й сапёрный батальон 55-го армейского корпуса.
9. Абтелунг (полубатальон) 1-й ТА есаула Науменко.
10. 560-й моторизованный батальон осназ, 560-й группы ГПФ – полевого гестапо.
11. Армавирский батальон полевой жандармерии...
3. Абадзеховская группа эскадронов ГУКВ (полк, дивизион), 3 эскадрона (он же Кубанский казачий полк из пленных).
4. Каменомостская группа эскадронов ГУКВ (дивизион), 2 эскадрона.
5. Майкопская районная охранная группа ГУКВ (дивизион), 2 сотни.
6. Тульская районная охранная группа ГУКВ (дивизион), 2 сотни.
7. Ново-Титаревской батальон ГУКВ войскового старшины Маловика.
8. Будёновская казачья группа (дивизион) ГУКВ, (2 охранные сотни) ...

Казачьи и смешанные соединения-4.

Части ХССПФ «Керченский пролив» генерал-майора Шаповалова.

Части Показательного Уманского отдела Атамана Горба.

«7-я Кубанская «дивизия».

741-я восточная бригада особого назначения.

ских граждан О.В Романько были высказаны целый ряд серьезных замечаний (kornilov.name>pechen-polnyiy-lzhi-eshhe-odna...o...). В т.ч. и то, что мимо внимания В. Махно прошли многие «низовые» формирования из граждан СССР. Видно, что в данном казачьем справочнике автор попытался исправить это положение.

Полиция и самооборона: 8 окружных управлений ШУПО, 4 управления ОРПО крупных городов, 80 городских и районных отделений ШУПО. Более 200 станичных и хуторских казачьих гарнизонов ГУКВ (частично вооружённых), до 25 человек каждый.

Управление ШУПО г. Краснодар полковника Белого – 3 тыс. чинов. До 80% полиции и самообороны из казаков, остальные – русские и украинцы...

Сплоченные части полиции и казацки формирования вне вермахта: 4 соединения, 20 полков и батальонов, 25 отдельных сотен и эскадронов...

КАЗАЧЬИ ЧАСТИ (соединение) «ССПФ Керченский пролив». Командование вермахта «Керченский Пролив», ГА «Юг-А».

ССПФ «Керченский Пролив», руководил полицией и частями СС. **Полиция:** Примерно 5-5,5 тыс. чел.

Немецкое Управление ОРПО (2 окружных управления ШУПО):

Управление ШУПО Темрюкского округа – казачье.

8 районных отделений казачьей ШУПО, 1–1,5 тыс. чел. (Приморско-Ахтарский, Калининский, Славянский, Полтавский, Темрюкский, Анапский, Крымский и Абинский).

Управление ШУПО Керченского округа – русское (Керченское городское отделение русской ШУПО и 2 районных отделений ШУПО-0,3-0,4 тыс. чел.). Непосредственно в подчинении ССПФ «Керченский Пролив» находились 8 батальонов полиции «Свободная Кубань», 3–3,5 тыс.чел....

Управление ЗИПО и СД «Керченский Пролив» – немецкое.

Темрюкское окружное вспомогательное казачье отделение ЗИПО и СД.

Керченское окружное вспомогательное русское отделение ЗИПО и СД:

8 батальонов полиции «СВОБОДНАЯ КУБАНЬ», сформированы генерал-майором РККФ Шаповаловым в станице Крымская из казаков. Предназначались для фронта, однако оставлены в тылу. Привлекались к антипартизанским действиям в Крыму в составе Казачьего вербанда «Феодосия». Участвовали в обороне Кубанского предполья, после отступления с Кавказа составили Казачью бригаду полевой полиции полковника Духопельникова. Обеспечивали изоляцию района боевых действий ГА «Юг» и ГА «Северная Украина». Выполнили приказ фюрера о «выжженной

земле» в Херсонской, Николаевской, Винницкой, Хмельницкой областях УССР. После попытки выполнить приказ фюрера в Тернопольской и Львовской областях бригаду, численность которой снизилась с 5 тыс. до 500, пришлось формировать заново...

КАЗАЧЬЯ САМООБОРОНА на Кубани. 2 полка, 10 эскадронов, 3–4 тыс. чел. По немецким нормативам, на формирование батальона (даже не полка) отводилось 3 месяца и ещё 6 месяцев на боевую подготовку и боевое слаживание в составе подразделений и части. Только после этого батальон считался боеготовым. Поскольку РККА не дала необходимого времени, то дивизия и осталась нереализованным проектом.

...В октябре 1942 г. 2 полка «дивизии» находилась в армейском резерве в районе аулов Понежукай и Тахтамукай. Часть эскадронов «дивизии» была распределена по районам Кубани для несения гарнизонно-полицейской службы и боевой подготовки, они дислоцировались в станицах. Более 200 станичных казачьих гарнизонов, частично вооружённых, до 25 человек каждый, всего 278 станиц и 32 хутора, служили мобилизационной базой для частей полиции, вермахта, охранных сотен и эскадронов. Казачьи гарнизоны станиц и хуторов содержались за счёт местного самоуправления. Эскадроны и сотни «дивизии», самообороны и полиции служили базой для развертывания и пополнения казачьих частей вермахта, Абвера, СС и жандармерии, но уже с немецкими офицерами.

Краснодар – штаб формирования («дивизии») и:

112-й Кубанский казачий полк, 2-й Краснодарский, вероятно бывший 112-й казачий ШУМА – батальон, переброшенный из ГК Воронеж РК Украина на Кубань.

3-й полк «7-й дивизии», в составе: штаба полка (группы эскадронов) и 3-х эскадронов, один из которых пополнил казачий полк вермахта Фон Юнгшульце...

ЧАСТИ КАЗАЧЬЕЙ САМООБОРОНЫ – ГУКВ.

1 полк, 6 батальонов (групп эскадронов и сотен), 17 отдельных эскадронов и сотен, всего 24 части, до 5 тыс. чел....

Казачий батальон ГУКВ войскового старшины Маловика из 150 казаков станицы Ново-Титаревской, после эвакуации развёрнут во 2-й Кубанский полк ГУКВ из 650 затем 800 человек, затем переформирован во 2-й Сводно-казачий полк группы вермахта «Фон Панвиц» из 2 батальонов, имел 1,5 тыс. чел, передан на формирование 1-й казачьей дивизии вермахта, затем – войск СС...

2 Отдельная Особая горная сотня ГУКВ сотника (подъесаула) П.Ф. Беспалова (в последствии 1-я Волчья сотня) станицы Псебайской, переданная в Крыму в Абвер. Сотня создана 01.11. 1942 г. За 1 день. Казаки пришли со своими конями и оружием. Боевое крещение сотня приняла зимой в районе Черной речки в бою против партизан, казаки захватили 20 пленных. 11.01. 1942г. приняли присягу. В январе началось отступление, во время которого сотня пополнилась добровольцами до 140 человек. Между станицами Воронежской и Старокорсунской приняли бой с частями РККА. В феврале под Краснодаром сотня попала в окружение, но прорвалась к немцам 26.12 1943 г. переформирована в 1-ю волчью сотню.

3-я волчья сотня ГУКВ подъесаула П.Б. Рябовола из 146 человек. Взводные: сотник Салай, сотник Злой, хорунжий Деченко, хорунжий Сионец из казаков станиц Динская, Старокамышовская и Ново-Титаревская...

РЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ ГА «Юг-А»: (17-й ПА, Тыловое района ГА, Командований вермахта «Керченский Пролив» и «Крым»). 1 бригада, 1(2) полк, 1 батальон, 2 отдельных эскадрона, 2,5–3 тыс. чел...

741-я ВОСТОЧНАЯ БРИГАДА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ ГА-«А»

...В 1943г. восточные части вермахта были реорганизованы. В ГА «Юг-А» был сформирован штаб 741-й восточной бригады осназ, как служебная инстанция для комплектования, пополнения, обучения, боевой подготовки и воспитания казачьих, русских и украинских частей вермахта, а также ХИВИ.

В это время штабу 741-й бригады «Кубань-Крым» были подчинены:

Казачий полк 17-й ПА «Имени Атамана Платова», майора Томсена, 1,5 тыс. чел. Сформирован 16.06.1942 г. штабом 17-й ПА из казачьего дивизиона, 49-й и 44-й корпусных сотен, 5-го Симферопольского и Краснодарского эскадронов – всего 8 эскадронов, 1,9 тыс. чел.;

18-й полк. Казаки-добровольцы (фрайвилли) в 18 конном полку вермахта, 0,5–0,6 тыс. чел. Примечание: после отхода в Крым полк стал Сводно-казачьим.

1/97-й разведывательный абтелунг (полубатальон, затем батальон вермахта (дивизион «Бем»), 3 роты, 0,3 – 0,4 тыс. чел. Сформирован в мае 1942 г. в районе Майкопа штабом 97-й горной дивизии.

9/4-й эскадрон 4-го охранного полка, 0,2 тыс. чел.;

933-й комендантский эскадрон, 0,2 тыс. чел. Сформирован на Кубани, эвакуирован в Крым. После обороны Крыма не упоминается. Комендантский взвод из военнопленных и добровольцев ортскомендатуры вермахта станицы Ново-Титаревской...

ВОЕННАЯ ПОЛИЦИЯ ГА-«А». 1 батальон, 1 взвод (сотня), 0,5–0,7 тыс. чел.

Армавирский батальон полевой жандармерии (3 роты), сформированный из заключённых Армавирской тюрьмы НКВД, освобождённых немцами, затем 209-й казачий ШУМА – батальон.

Подразделение полевой жандармерии сотника Андриенко И.И. (станция Пашковская).

ПОЛЕВОЕ ГЕСТАПО Абвера (Группы ГПФ) – полицейский исполнительный орган военной контрразведки.

727-я ГПФ дислоцировалась в станицах Старотитаревской и БольшоеРазноголье. В составе имела до 10 подразделений: комиссариатов, наружных команд – Ауссенкоманд и наружных отделений – Аусенштелле. При 727-й ГПФ:

восточная рота охранной полиции (немецко-казачья);

при наружных командах и комиссариатах действовали:

4–6 восточных (казачьих) взводов вспомогательной полиции;

Казачьи боевые отряды морской АК НБО–3:

отряд полковника Шалибалиева;

отряд капитан-лейтенанта Ноймана;

отряд старшего лейтенанта Жерара де Сукантона...

ТЕРЕК-СТАВРОПОЛЬЕ

Генеральный Комиссариат «СТАВРОПОЛЬ» рейхскомиссариата Кавказ. Тыловой район 1-й ТА ГА-«А». Полиция и самооборона до 12–13 тыс. чел.

Полиция:

2 управления ШУПО городов Ставрополь и Пятигорск, 70 городских и районных отделений ШУПО – до 7 тыс. чел. Сплочённые части полиции и самообороны:

1 полк, 3 дивизиона (группы сотен), 2 эскадрона, более 30 сотен до 6–7 тыс.

Казаки, вероятно, составляли до 50% от числа полицейев и до 60% в сотнях и эскадронах самообороны.

1-й Волгский-Терский полк ГУКВ войскового старшины Кулакова (6 сотен, 1 танковая рота, 1000 казаков и 6 танков Т-70). Поскольку Кулаков был инвалидом без 2-х ног, то полком фактически командовал его заместитель – сотник Кравченко.

Будёновская казачья группа ГУКВ (2 охранные сотни). Сформирована в августе 1942 г., приняли участие в боях с кавалерией РККА под Будёновском и Ачикулаком. Пополнили боевую группу Фон Панвица. Участвовала в сабельных боях с советской кавалерией под Будёновском и Ачикулаком.

Группа сотен в г. Муссаадже – 2 сотни из казаков и калмыков.

Эскадрон ГУКВ станицы Каясула. Сформирован в августе 1942 г. Пополнил полк «Фон Юнгшульц» группы Фон Панвица. Участвовал в сабельных боях с советской кавалерией под Будёновском и Ачикулаком.

Эскадрон ГУКВ станицы Берёзкин. Сформирован в августе 1942 г. Пополнил полк «Фон Юнгшульц» группы Фон Панвица. Участвовал в сабельных боях с советской кавалерией под Будёновском и Ачикулаком.

Сотня ГУКВ станицы Ачикулацкой передана в абвер как 287-й эскадрон.

Сотня ГУКВ из 200 казаков и калмыков, станция Величковское (район Ачикулак).

Сотня ГУКВ станицы Дондуковской передана в вермахт.

Более 20 охранных сотен ГУКВ районов и станиц. В октябре 1942 г. сведены в 3 конных дивизиона вермахта: 2/444-й, 2/454-й, 2/454-й.

Апшеронская охранная сотня охраняла лагерь военнопленных в станице.

Учебная казачья часть (батальон), 1502 добровольца, набранных пятигорским «Штабом возрождения казачьих войск Кубани и Терека», генерала Шепетильникова.

2 учебные части неизвестной подчинённости, 2–2,3 тыс. чел.

Учебная часть (батальон) станицы Черничевская район Майкопа – до 1 тыс. казаков.

Учебная часть (батальон) станицы Рязанская – 1,5 тыс. казак-новобранцев...

Регулярные казацьи формирования Терек-Ставрополья
2 полка, 4 отдельных дивизиона (14 эскадронов), 1 абтелунг,
5 отдельных эскадронов – до 7 тыс. чел.

Казачий кавалерийский полк «Фон Юнгшульц».

Казачья часть казаков г. Арзигир (район Ачикулака), 1,5 тыс.
(Вероятно, 112-й полк).

1/444-й конный казачий дивизион 444-й охранной дивизии.

2/444-й конный казачий дивизион 444-й охранной дивизии.

1/454-й конный казачий дивизион 454-й охранной дивизии.

2/454-й конный казачий дивизион 454-й охранной дивизии.

Абтелунг есаула Науменко Н.Г. 1-й ТА.

Абтелунг есаула Назаренко 14-го ТК.

...3-я Моторизованная казачья рота (эскадрон) 3-го ТК 1-й
ТА. Сформирована в 1942 г. на Ставрополье в станице Дондуков-
ской. Действовала на Тереке.

1/82-й и 2/82-й казачьи эскадроны 40 ТК 1-й ТА.

Эскадрон (200 человек) 3-го запасного батальона казачьего
вербанда специального назначения Абвера «Бергман», сформиро-
ванный в г. Нальчике...

СОЕДИНЕНИЕ «Фон Панвиц» (Reiterverband v.Pannwitz),
или боевая группа «Фон Панвиц» (Kampfgruppe «v.Pannwitz»).
1-го формирования, казацко-немецко-арабская. Совместно с не-
мецко-арабским соединением, №287, прикрывала северный фланг
1-й ТА.

АЧИКУЛАК и БУДЁНОВСК. 15 октября 1942 г. совместно
с немецко-арабским соединением Абвера, № 287 (Корпус «Ф»),
введены в бой против частей 4-го гвардейского Кубанского ка-
валерийского корпуса РККА на севере от Ачикулак. На следу-
ющий день 2-й батальон соединения, № 287, вместе с Казачьей
группой «Фон Панвиц» «противостоял наступающей на Ачи-
кулак советской кавалерии». После боев за Андреев курган, в
ходе наступления, вышли к берегам реки Кумы. До конца ноя-
бря сдерживали РККА в районе Ачикулак-Дадымкин. 3 декабря
1942 г. в районе Ага Батыр-Дадымкин уничтожили советский
кавалерийский полк (полки) в сабельных боях. 17–19 октября
разгромили 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус
РККА генерала Кириченко (31-я и 71-я дивизии). 30 ноября под
Моздоком ударом в тыл отбросили прорвавшиеся советские в
ойска.

...Уничтожили 2 кавалерийских полка 4-го корпуса РККА. Группа расформирована 2 января 1943 г. после приказа об отступлении с Кавказа. Казачьи части убыли на север к 4-й ТА...

ГРУППА ПОХОДНОГО АТАМАНА

Штаб, сотня специального назначения «Атаман» есаула Кантемира,

жандармский эскадрон,

комендантская сотня,

1-е юнкерское училище им. атамана Платова,

госпиталь,

служба (полк) снабжения,

1-я ДОНСКАЯ БРИГАДА полковника Силкина

(полки №1 и №2),

2-я СВОДНО-КАЗАЧЬЯ БРИГАДА полковника Вертепова

(полки №3, №4, №5, №6, №7),

3-я СВОДНО-КАЗАЧЬЯ БРИГАДА полковника Медынского

(полки №10, №8, №9),

Донские полки: №1 №2, №3, №8,

Кубанские полки: №5, №6, №9,

7-й Терский,

10-й Терско-Ставропольский,

4-й Сводно-Казачий.

Казачий стан в Белоруссии попал в окружение, но сумел не только прорваться к немцам, но и спасти 7 тысяч солдат и офицеров вермахта и 3 тысячи немецких раненых. За этот подвиг командование Казачьего Стана было награждено железными крестами, а Доманов произведён в генерал-майоры. Из БССР казаки убыли в Польшу, а затем – в Италию.

3. Кубанский казачий полк полковника Тарасенко.

4. Терско-Ставропольский казачий полк полковника Науменко.

5. Сводно-казачий полк войскового старшины Маловика.

Полки бригады Медынского. Группы Походного Атамана ГУКВ (г. Кировоград), всего 5 полков:

1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й полки.

Полки Херсонской группы Фон Панвица:

1. 1-й Донской есаула Попова, 1,5 тыс. человек, сформирован под Херсоном.

2. 2-й Терский (1-й Волгский-Терский ГУКВ) полковника Кулакова, 1,5 тыс. человек, сформирован под Херсоном.

3. 3-й Сводно-казачий (1-й Кубанский ГУКВ) войскового старшины Саломехи – 1,5 тыс. человек, сформирован под Херсоном.

4. 4-й Сводно-казачий (2-й Кубанский, Ново-Гитаревский ГУКВ) войскового старшины Маловика, 1,5 тыс. человек, сформирован под Херсоном.

Полки группы Фон Панвица, оставленные на Миус-фронте.

5. 5-й Кубанский конный полк.

6. 6-й Донской полк.

7. 7-й Сводно-казачий.

8. 8-й Сводно-казачий есаула Андреева.

9. 9-й Сводно-казачий.

10. 10-й Донской есаула Нехаева.

11. 11-й Кубанский полк.

12. 12-й Сводно-казачий полк.

13. 13-й Сводно-казачий полк.

14. 14-й Сводно-казачий полк есаула Филимонова.

5-й Кубанский казачий конный полк (4 эскадрона) из состава частей Дивизионной группы «Фон Панвица», оставленный на Миус-фронте (бывший 201-й Абвера 1-го формирования). Разгромлен в Корсунь-Шевченковском котле.

12-й Донской казачий полк (2 дивизиона) из состава Казачье-Охранного корпуса вермахта в Украине.

18-й Сводно-казачий кавалерийских полк (1/18-й и 2/18-й дивизионы), бывший 18-й немецко-казачий полк 17-й ПА ГА «А». В 1944 г. дивизия разбита РККА под Цуманью. 5-й Кубанский полк разгромлен в Корсунь-Шевченковском котле.

1-й Лейб-Атаманский полк «Фон Вольфа» (остатки, 2 дивизиона, 1500 человек) передан в 1-ю Казачью Кавалерийскую дивизию Вермахта.

5-й Кубанский полк, 12-й Донской казачий полк и 18-й Сводно-казачий полки расформированы на Волыни из-за потерь. 1/5-й Кубанский батальон передан в 5-й запасной казачий полк Деподивизии «Милау».

КАЗАЧЬЯ БРИГАДА «Казачьего стана» ГУКВ полковника Медынского (г. Кировоград). 5 казачьих батальонов, 4000 человек, затем 5 полков по 3 батальона, 5–6 тыс. человек. (Смотри Казачий корпус ФА-СС в Италии).

18-й Кавалерийский немецко-казачий полк, отступивший с Кубани, по личному разрешению Гитлера принимал в свой состав казаков. Уже при обороне Кубанского предполья он имел в

своём составе 500 казаков из 2 тыс. человек. А после обороны Кубани оборонял Донбасс, вошёл в состав Сводно-казачьей Кавалерийской дивизии полевой полиции ГА-«Юг», как 18-й Сводно-казачий кавалерийский (не немецкий) полк...

ЧАСТЬ 27. 15-й КАЗАЧИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ КОРПУС ВОЙСК СС ФХА-СС (Главное оперативное управление СС) (25.02.44–12.05.1945).

От 25 до 45 тыс. чел., в разные периоды.

Февраль 1944 г. – 25 тыс. человек (2 дивизии, 1 бригада, 11 полков, до 30 батальонов);

1945 г. – 40 – 45 000 человек (3 дивизии, 16 полков, 46 батальонов), с учетом потерь и пополнения более 50 тыс. Немцев 5–6 тыс., калмыков 3,5 тыс., казаков 30–35 тыс. Командир (Походный атаман)-группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС Гельмут Фон ПАНВИЦ, единственный походный атаман-иностранец...

Как свидетельствуют материалы, это отнюдь не окончательный список. Есть еще резервы⁴⁰⁶.

Думается, что наши профессора могли бы не только посвятить оставшуюся жизнь творческому изучению кубанско-казачьей коллаборации, но даже передать эстафету детям, внукам, а то и правнукам⁴⁰⁷. Кстати отметим, что впервые в истории Ку-

⁴⁰⁶ См. также: Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1993. С. 462; Дробязко С., Карашук А. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 2000; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Дисс... докт. истор. наук. Пятигорск, 2003; Степаненко С.Г. Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края. Автореферат дисс... канд. истор. наук. Майкоп, 2010. С. 19; Ратушняк О.В. Участие казачества во Второй мировой войне на стороне Германии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: teoria-practica.ru/-3-2013/history/ratushnyak.pdf; и мн.др.

⁴⁰⁷ Кстати сказать, кубанский краевед А.П. Радионов, отметившийся было, с подачи Б.В. Виноградова, злобным пасквилом (Радионов А.П. (Славянск-на-Кубани). Дезертирство чеченцев и ингушей из частей Красной Армии в контексте оценки причин депортации 1944 года // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 16–18 ноября 2012 г. – Пятигорск, 2013. С. 262–267), как бы взялся за ум и приступил к изучению местных особенностей предательства и измены.

бани формирования типа «казачьи дружины» в станицах и хуторах Краснодарского края ввели именно немецко-фашистские оккупанты. Краснодарский губернатор Ткачев, восстановивший в 2012 г. эту «традицию» в целях выдавливания представителей Северного Кавказа, естественно, следовал определенной исторической укладности. Только если раньше казачьи дружины охотились за партизанами, коммунистами-подпольщиками и евреями, то теперь казачьи дружины охотятся за горцами. Такая вот у нас стадиальность и духовность, укладность и соборность...

Кубань в оккупации: короткая «красивая» жизнь и военные трибуналы. Наконец, в заключение столь важной темы нельзя не привести безыскусственный, но красочный документ – воспоминания доктора юридических наук, в годы войны секретаря военного трибунала Армавирского гарнизона, Якова Айзенштата. Приводим его в выдержках (порадуем уже наших историков-фразеологов):

«... Вскоре после освобождения Красной армией одного из крупнейших городов Кубани Армавира, я был назначен секретарем Военного трибунала Армавирского гарнизона Северо-Кавказского фронта...

Никогда ни в одном из Военных трибуналов я не видел такого количества дел. В период немецкой оккупации Кубани во всех окрестных станицах был создан из местного населения мощный аппарат администрации, полиции, жандармерии. Тысячи людей, включая интеллигенцию, пошли служить к немцам. Немцам удалось сформировать вспомогательные воинские формирования. С ними отступило 20 тысяч человек...⁴⁰⁸

Только Военный трибунал Армавирского гарнизона рассмотрел тысячи дел о старостах, полицейских и жандармах, действовавших на Кубани. Такие дела рассматривались и другими Военными трибуналами, находившимися на Кубани...

... Здесь так же, как и во всех других районах СССР, оккупированных немцами, уничтожение евреев проводилось лишь под общим руководством немецких властей. Решающую же роль в выявлении, задержании и уничтожении евреев играли старосты, жандармы, полицейские, т. е. представители местного населения.

⁴⁰⁸ Увы, на порядок больше!

Так, в станице Успенской на Кубани начальник волостной полиции Ветров лично расстрелял из пистолета 315 евреев.

... Были редкие случаи, когда местные жительницы, кубанские казачки, забирали к себе еврейских детей, которым грозила гибель, и скрывали их у себя, рискуя жизнью. ... Общим правилом было другое: активное участие всего местного населения – старост, полицейских, жандармов – в розыске и обнаружении всех скрывавшихся евреев, в акциях по их уничтожению и в дележе изъятого у них имущества.

... На оккупированной гитлеровскими войсками Кубани значительное число местных жительниц сожительствовало с немецкими офицерами и солдатами. После ухода немецких войск в каждом почти доме, где жили немецкие офицеры и солдаты, на туалетных столиках можно было видеть самую различную парфюмерию из подвластных немцам европейских стран, подаренную немцами своим временным сожительницам. Во многих городах Кубани немцы организовали дома терпимости. Такие дома были в Краснодаре, Кропоткине (станция Кавказская), Лабинске и других. Немецких офицеров и солдат в этих домах обслуживали большей частью жены офицеров Красной армии. Было в этих домах терпимости много и молодых незамужних женщин.

... В советской печати обычно утверждается, что первыми судебными процессами, на которых вынесли приговоры о смертной казни через повешение по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, были Харьковский и Краснодарский. Но это не так. До этих процессов был процесс в Армавире над начальником полиции Армавира Сосновским, и он был первым, кого повесили в СССР по этому Указу...

... В 1942 году Красная армия ушла с Кубани разбитая, раздетая, голодная. Немцы пришли сытые, чистенькие, хорошо вооруженные.

... Плодородная Кубань в изобилии снабжала немецких оккупантов своими дарами. Красная армия, которая отошла с Кубани в бесплодные горы в районе Туапсе, снабжалась очень плохо. Солдат на передовой вовсе не получал хлеба, а выдавали ему в день 200 300 граммов муки, и из нее в котелке он сам готовил себе какую-то еду.

... Испытывая голод, солдаты ненавидели не только немцев, но и население Кубани, сотрудничавшее с немцами и снабжавшее

их в изобилии сливочным маслом, сметаной, пшеничным хлебом, мясом, вином, фруктами.

Когда Красная армия начала наступление, чтобы изгнать немцев с Кубани, и местное население услышало мощные артиллерийские залпы... Наша 12-ая армия состояла в значительной степени из морских бригад. Моряки были одеты в черные бушлаты и на них были погоны.

... В каждой станице, испытывая ненависть к сотрудничавшим с немцами, они стали собирать старост, полицейских и расстреливали их без суда и следствия. В результате старосты, полицейские, а вместе с ними дезертиры из Красной армии и просто мужчины, жившие в период немецкой оккупации у себя дома и не сотрудничавшие с немцами, побоявшись бессудной расправы, стали уходить в леса и там собираться в своеобразные отряды. Эти отряды, которые советские власти прозвали бандами, сформировались из людей, решивших, что моряки будут расстреливать всех мужчин, живших на оккупированной территории. Немцы забрасывали в эти отряды своих инструкторов. ... Отрядов было много. Советско-германский фронт проходил совсем близко, по реке Кубань, по так называемой «голубой линии», и отряды в лесах представляли серьезную опасность для Красной Армии.

Перед советскими властями встала задача ликвидировать эти отряды. Был разработан план специальной чекистской операции, и его осуществлением руководил один из приспешников Сталина – Берия. Над кубанскими лесами с самолетов были сброшены листовки. На них было отпечатано «Обращение Совнаркома СССР к бандитам». В этом обращении говорилось, что члены банд, которые выйдут из леса, сдадут оружие в районные отделы НКВД, будут прощены, смогут свободно жить в своих станицах, а годные к службе в Красной армии будут направлены в армию. Те, кто не выйдет из леса, будут уничтожены.

... Организаторы бериевской операции понимали, что часть вышедших из леса действительно можно отправить на службу в Красную армию, но часть из них так настроена, что тут же на фронте перейдут на сторону немцев... Поэтому в Краснодаре провели будто бы формирование железнодорожных эшелонов с новым пополнением на фронт. В действительности бериевские органы произвели распределение по вагонам, исходя из своих

данных. Из эшелона десять вагонов шло на фронт, а пять – на расстрел. Так было сформировано много эшелонов»⁴⁰⁹.

Отдельная песня – почти курортная жизнь немцев-оккупантов в Ставрополье и в городах Кавминвод (особенно Пятигорск): санатории, театры и рестораны. Так, в Ставрополе работали детсады и больницы с бесплатным горячим питанием, действовали все школы, возобновили работу Ставропольский драматический театр им. Лермонтова, 3 кинотеатра, концертный зал, открылись 57 ресторанов и столовых. Распахнули врата 18 православных храмов⁴¹⁰. В городе Пятигорске ситуация в сфере образования, культуры и общественного питания была такой же: работали все школы, фармацевтический техникум, детсады, все больницы и кинотеатры. В городе сразу после прихода немцев открылись 30–40 частных ресторанов и закусочных. Заработала филармония и концертный зал, где 2 раза в неделю проводились концерты и музыкальные вечера (в доме-музее Лермонтова регулярно проходили поэтические вечера)⁴¹¹.

Можно рассказывать долго и подробно. Как и о страшной стороне войны – жестоком режиме оккупации и деятельности карательных групп по уничтожению мирного населения; в особенности истреблением фашистами и их местными прислужниками людей еврейской национальности, включая детей (Холокост). Также и о партизанском движении и героической деятельности советских диверсионных групп в тылу врага. Однако, полагаю, что все это не хуже меня известно нашим историкам-фразеологам.

⁴⁰⁹ См.: Айзенштат Я.И. Записки секретаря военного трибунала. Лондон, 1991. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bookmate.com/authors/Яков_Айзенштат.

⁴¹⁰ Отметим, что всего в Ставропольском крае оккупационные власти открыли 127 церквей и в Краснодарском – 229. Покровительствовали немцы также духовенству староверов, армяно-григорианцев и мусульман. – Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. №6. 2009. С. 76–77.

⁴¹¹ См.: Оккупационный режим в СССР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: reibert.info/threads/okkupacionnyj-rezhim...127540...; Любопытно отметить, что поднятая нами тема широкой полосой вошла в «научный» по точности деталей роман «Благоволительницы» (2006) Джонатана Литтела, считающийся подлинным явлением современной мировой прозы.

Весь расчет на соответствующих страницах рассматриваемой книги строился, видимо, на том, что все сие о реальной массовой коллаборации на Юге России нам неизвестно. А между прочим, библейскую истину о соломинке и бревне никто не отменял. Также, как и российские законы в части уголовного наказания за клевету и разжигание межнациональной ненависти.

§ 4. Новейшая история Чечни в интерпретации историков-фразеологов. От фальшивой парадигмы «укладности» и «стадиальности» к реальной ксенофобии и фашизму

Погромы в ссылке и на родине. Кладбищенский вандализм. Из всей многотрудной жизни чеченцев и ингушей в Казахстане и Средней Азии нашим фразеологам пришлось по сердцу только одна грань – межнациональные погромы, причем со ссылкой на В.А. Козлова, который (по их словам) отметил, что «вайнахи были участниками 70% этнических конфликтов, произошедших за период с 1953 по 1960 гг.»⁴¹². Да, были, но с одной важной поправкой – не участниками, а жертвами погромов (дьявол-то в деталях)! Зато фразеологи не удосужились заметить трудовой подвиг тех же чеченцев на строительстве объектов атомной промышленности СССР в Южном Алтае (Восточный Казахстан), их громкие трудовые дела в Карагандинском угольном бассейне, на медных рудниках с тяжелейшими условиями труда, на полях колхозов и совхозов, и т.д.⁴¹³.

На следующих страницах очерка, соревнующихся между собой в тенденциозности и передергивании фактов, царапает взгляд сообщение, что в апреле 1957 г. в Чечено-Ингушетии «был зафиксирован вопиющий случай вандализма, когда тракторист-чеченец распахал русско-осетинское кладбище»⁴¹⁴. Не

⁴¹² См.: Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 186.

⁴¹³ См.: Еремекбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы. Алма-Ата, 2009; Исакиева З. С. Депортированные чеченцы и ингуши на шахтах и рудниках Центрального Казахстана в 1944–1957 гг. // Научно-теоретический журнал. Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 12. Пенза, 2010.

⁴¹⁴ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 187.

можем на данный момент подтвердить или опровергнуть данный акт вандализма, но если он и имел место, то механизм его запуска, несмотря на всю чудовищность (мусульмане традиционно берегутся осквернения любых кладбищ и захоронений, а не только исламских), можно объяснить (но никак не оправдать) тем, что этот тракторист, вернувшись на родину, увидел, что сделали «цивилизаторы» в погонах и с партбилетами с кладбищем его родного села и с могилами его отцов.

Очень хорошо, что наши авторы согласны с тем, что осквернение кладбищ является вопиющим вандализмом. Так расскажите нам, уважаемый Борис Витальевич, как уроженец г. Грозного, что было выложено в качестве бордюров километрами на многих улицах нашего города до конца 80-х гг.? А из каких строительных материалов были сооружены фундаменты свиноферм, коровников, птицефабрик, отдельных многоквартирных домов и даже больниц в том же Грозном недавними переселенцами и стародавними жителями Грозненской области?

Чеченский погром в августе 1958 г. в Грозном. Конечно, люди, написавшие монографический пасквиль, не могли обойти вниманием августовские события 1958 г. в г. Грозном, когда ошалевшая от безнаказанности и водки толпа захватила здание Чечено-Ингушского обкома КПСС (кстати, во главе со своим руководством, открыто саботировавшего возвращение вайнахов на родину, что опять-таки, кстати сказать, разделялось здесь отнюдь не всеми русскими коммунистами и простыми людьми) и попыталась выдвигать свои условия власти.

Да, авторы правы, античеченские выступления в Грозном действительно начались с убийства в обоюдной драке чеченцем по хулиганским побуждениям молодого человека Е. Степашина (отметим, что в летние месяцы, в том же Заводском районе Грозного по таким же хулиганским побуждениям и даже в те самые дни случались аналогичные убийства русскими русских, но это почему-то не привлекло такого внимания). А здесь начался массовый античеченский погром (до 10 тыс. участников), плавно переросший в антисоветское восстание (возможно, опосредованно инициированное противниками курса Н.С. Хрущева), которое, однако, было решительно подавлено войсками.

К 15 сентября было взято на оперативный учет 273 участника массовых беспорядков, задержано 93 человека, из них арестовано 57, 9 из которых были переданы в КГБ, 2 человека – в прокуратуру. КГБ арестовал 19 организаторов и активных участников беспорядков. Органами милиции было возбуждено 58 уголовных дел на 64 человека. «Среди арестованных был 31 рабочий и 26 безработных. 14 имели в прошлом судимость, 29 участвовали в беспорядках в двух и более местах». Выявлялись также «лица, не занимающиеся общественно-полезным трудом, ведущие паразитический образ жизни и склонные к совершению уголовных преступлений, для решения вопроса об удалении из г. Грозный. На 15 сентября 1958 года таких оказалось 365 человек (167 ранее судимых, 172 не работавших, 22 проститутки, 32 нищих и т. д.) ...»⁴¹⁵.

Новые обвинения в адрес чеченцев. Слепота физическая или политическая? Это удивительное свойство выстраивать все поперек объективной правде буквально преследует авторов до конца. Для них вследствие политической слепоты остается неясной подоплека «незаполнения» чеченцами и ингушами рабочих мест на промышленных предприятиях Грозного и, наоборот, заполнения городских торговых точек и Респотребсоюза, их нежелание работать на прополке сахарной свеклы и уборке урожая и т.д. Наши фразеологи любопытно обобщают все это – вайнахи мол не были заняты «общественно-полезным трудом»; или вот к примеру такой пассаж: «Чеченцы охотно шли работать в милицию, но, придя, выполнять функции не всегда могли, и их вынуждены были увольнять». Между тем, по всей стране милиционеры-чеченцы выразительно были на хорошем счету, успешно делали карьеру, а вот в родном краю что-то у них не заладилось.

Странное дело, многие вещи из этого порядка не могут быть неизвестны тому же Б.В. Виноградову, жившему в Грозном до 1991 г. и, вероятно, читавшему газеты и смотревшему перестроечные передачи, вскрывавшие все перекосы социали-

⁴¹⁵ См.: Тайны минувшего века. М., 2000. С. 518; Живая память: О жертвах сталинских репрессий. Грозный, 1991. С. 72; Козлов В. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985. М., 2006. С. 212–231. Черкасов А. Насылающие ветер. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.memo.ru

стического строя, в т.ч. и в области кадровой политики в Чечено-Ингушетии. Но, видимо, в его семье воспитывалось иное отношение к объективной ситуации, особенно в сфере межнациональных отношений.

Репрессивно-ограничительная политика. Так, специально принятые меры с 1957 г. резко ограничивали прописку чеченцев и ингушей в Грозном и части Грозненского района, а без прописки на работу по целому ряду производств (кроме торговли, дорожных работ и строительства) не брали. Более того, ведущие предприятия нефтедобычи и машиностроения, имевшие высокие зарплаты, квартирные фонды и т.д. чеченцев и ингушей не подпускали на пушечный выстрел. Здесь существовала жесткая круговая порука, позволявшая партийно-хозяйственной черни игнорировать даже решения ЦК КПСС об исправлении перекосов в национальном вопросе в ЧИАССР.

Вайнахи-выпускники знаменитого ГНИ (Грозненский нефтяной институт) получали распределение куда угодно по СССР, но только не у себя дома. Другой случай: построив Грозненский радиозавод, дирекция специально принялась вербовать специалистов и рабочих за пределами Чечено-Ингушетии. В то время как выпускник Харьковского радиотехнического института, сын фронтовика Масуд Байалиев был оформлен на работу только после личного указания Председателя Совета Министров ЧИАССР.

Сложная ситуация с сезонным отъездом тысяч вайнахов на стройки страны также сложилась не случайно. Ингушская или чеченская семья в 5 – 6, а то и более человек, обычная для сельской местности, не могла физически прожить на зарплату сельхозрабочего в 60 – 80 рублей, не спасал и приусадебный участок. Оставалась или «шабашка» – тяжелый 14 – 16-часовой труд на стройках сельских районов страны или отъезд на постоянное жительство в Калмыкию, Ростовскую, Астраханскую, Волгоградскую области на животноводческие фермы. Ведь труд в глухих безводных степях для русского населения давно потерял престижность. Кстати, и чеченская «шабашка», и чеченско-дагестанское фермерство уже в 70-х гг., на государственном уровне, были признаны весьма эффективными и полезными, с точки зрения развития экономики целых регионов.

Помимо прочего, люди, как правило, и с высшим образованием, и просто социально активные, не найдя себе места, уезжали с родной земли в другие регионы – в 80-х гг. каждый третий ингуш и пятый чеченец жили уже за пределами Чечено-Ингушетии⁴¹⁶.

Тоска по «200-летию...» Не совсем также понятны сентенции авторов данного очерка о людях, усиленно раскачивавших в свое время общественно-политическую ситуацию в республике под маркой «200-летия добровольного вхождения чеченцев, ингушей в состав России» и без зазрения совести захвативших тогда монопольное положение в исторической науке, в т.ч. и в тех областях, о которых тот же В.Б. Виноградов мог иметь весьма смутное представление⁴¹⁷. Чем недовольны наследники шарлатана и графомана, страдавшего также комплексом величия, а затем, как и положено, манией преследования? Чем задолжала перед ними Чечено-Ингушетия и ее народы?

От недовольства горской укладностью и стадиальностью до ксенофобии и фашизма. Теперь, если верить прочитанному, оказывается, вайнахи в силу укладности и стадиальности едва ли не виноваты и в тяжких последствиях перестройки, когда разрушение скреп тоталитарного великого государства привело к трагедии всю страну, все население. Но ведь не могло быть так, что везде плохо, а в Грозном хорошо. Рухнула вместе с СССР и советская Чечено-Ингушетия, и вся система сдержек и противовесов. Но, может быть, у наших «мстителей» есть свой подход, свой взгляд, ну, примерно, такой: «Стоит мир, каким мы его хотим видеть: прекрасный, упорядоченный, справедливый в социальном отношении, мир, который, может быть, еще страдает некоторыми недостатками, но в целом счастливый, прекрасный мир, наполненный культурой ...»⁴¹⁸, а этому чудесному миру мешают фактом своего

⁴¹⁶ См.: Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веке. С. 928–931; 60 лет Чечено-Ингушской АССР: Статистический сб. Грозный, 1982. С. 16, 17; Чеченцы: история и современность. М., 1996. С. 133.

⁴¹⁷ См.: Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой Школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук ЧР. №2 (13). Грозный, 2010.

⁴¹⁸ Пусть извинят нас читатели, но при чтении текста указанных авторов постоянно возникают не только аллюзии, но и прямые аналогии с высказываниями деятелей Третьего рейха в национально-расовых вопросах.

существования нецивилизованные, brutальные, маскулинные горские народы, в особенности чеченцы.

К великому сожалению, все, что мы прочитали здесь, можно охарактеризовать как ксенофобию и грязный бытовой фашизм (или расизм), порожденный болезненным восприятием, фантазиями на этнической почве. Нет ничего, имеющего отношение не только к научному, но и к обыденному, рациональному знанию.

Вот казалось бы железная фраза: «в апреле [1990 г.] в поселке Карабулак от рук бандита пал атаман Сунженского отдела Терского казачества А.И. Подколзин»⁴¹⁹. Да, пал! От руки 17–18 летнего юноши, когда в пьяном виде ссал то ли на ворота ингушского дома, то ли на столб рядом. По словам Ирины Дементьевой, «Александр Ильич Подколзин, в миру инспектор котлонадзора из промышленного поселка Карабулак. Человек, в тех местах уважаемый, вместе с женой и товарищем возвращался в поминальный день с кладбища в сильном подпитии и воспользовался столбом в людном ингушском квартале, как туалетом. Проходивший мимо студент – ингуш Батыров – счел действие Подколзина цинично хулиганским, особенно в присутствии ингушских женщин. Выслушав резкое замечание, атаман опустил на Батырова трехлитровую банку с недоеденными огурцами. Батыров вытащил нож. От удара Подколзин скончался на месте.

Этот бытовой эпизод был достаточно исследован и районной, и республиканской прокуратурой. Батыров был осужден на десять лет за умышленное убийство. Однако, нет-нет, но в прессе опять возникает печальный конец Подколзина, как пример геноцида казачества на Северном Кавказе.

Кстати, Батыров отбывал срок где-то в России и на втором году заключения был убит в тюрьме»⁴²⁰.

⁴¹⁹-Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 193.

⁴²⁰ Опрос свидетельницы Ирины Дементьевой // Международный неправительственный трибунал по делу о преступлениях против человечности и военных преступлениях в Чеченской Республике. Комитет обвинителей. Материалы опроса свидетелей. Первая сессия. Москва, 21–25 февраля, 1996 год. Общественный фонд «Гласность» М., 1996. С. 175–177. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: grigoryants.ru/doc/materialy-oprosa-svidetelej-1-sessiya.doc

И так во всем! А вот по трагической ситуации в станице Троицкой в Сунженском районе Чечено-Ингушетии в 1990–1992 гг. авторам можно было бы рассказать подробнее и назвать конкретных виновных, а не ограничиваться коротким невнятным упоминанием.

Трагедия в станице Троицкой. Консолидированный рассказ о событиях 23 марта 1991 г. в станице Троицкой говорит, что группой лиц ингушской национальности из 7 человек был убит учащийся 11-го класса В. Типайлов, пытавшийся защитить от насилия двух казачек (другая трактовка: на дискотеке группа юных подонков убила школьника Витю Типайлова, вступившегося за одноклассницу). 27 апреля в станице Троицкой группой ингушей Албаковым, Хашагульговым, Тоховым, Маштаговым спровоцирована драка на казачьей свадьбе. После чего на следующий день, вывезя своих женщин и детей из станицы, ингушские экстремисты из различных населенных пунктов Ингушетии совершили вооруженное нападение на беззащитное казачье население. Были убиты 5 казаков, 53 получили ранения и жестокие побои, сожжено 4 дома, несколько автомашин, многие дома повреждены. В течение 10 часов станица Троицкая находилась в руках озверевших погромщиков⁴²¹. Эта информация, так сказать, с одной стороны.

Есть видение и с другой, «ингушской» стороны: столкновения в Троицкой были спровоцированы дракой на казачьей свадьбе 27 апреля, в которой пострадали местные жители ингушской национальности. «А точнее говоря, проезжающую транзитом машину с ингушами подвергли нападению. Толпа пьяной молодежи зверски избивала несколько пассажиров и разбила машину. На следующий день, в ночь с 28 на 29 апреля, произошли стычки на межнациональной почве. Был нанесён ущерб жилью и имуществу отдельных граждан; несколько домов и автомашин сожжено. В ходе столкновений убито 8 человек (3 казака и 5 ингушей, в том числе один милиционер), несколько десятков человек ранено».

⁴²¹ Резолюция экстренного малого совета Союза казаков [в связи с ситуацией в Чечено-Ингушетии. 1991, 6–7 мая, Москва]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: old.nasledie.ru/oborg/2_18/0119/07.ht

Почему недремлющее русское руководство КГБ и МВД ЧИАССР, имевшее самую широкую осведомительскую базу, допустило массовый погром? – очень большой вопрос. Хуже того, сотрудников КГБ ЧИАССР площадной бранью был вынужден загонять в бурлящую станицу сам Председатель Совмина ЧИАССР С.М. Беков (личный рассказ одному из авторов. – Д.А., Я.А.). А ведь и расследование судя по всему органы спустили на тормозах. Никто так и не был не только наказан, но даже назван. Более того, даже сегодня самые отвязанные русские националисты упорно не хотят писать в красках о Троицкой. Кто-то и сегодня бережет чьи-то торчащие уши и хвосты.

Ирина Дементьева – обозреватель газеты «Известия» пишет: «Я была в Троицкой, разговаривала и с русскими, и с вайнахами, пыталась разобраться. Обе стороны были обескуражены случившимся»⁴²². Бедолаги попросту не могли понять, как это все могло произойти и кем это все было организовано.

Наши «школьники»-фразеологи умиротворяют северокавказскую окраину. Откуда возникла «дудаевская Чечня»? Однако перейдем к очерку 5-му и последнему: «Воздействие горского традиционного уклада на социально-политические реалии современного российского Северного Кавказа».

Зачин очерка твердый и не подлежащий обсуждению: «В конце XX–XXI вв. России вновь пришлось решать непростую задачу умиротворения своей северокавказской окраины. Связано это было прежде всего с ситуацией вокруг Чеченской Республики, где в результате прихода к власти националистического режима Д. Дудаева образовался очаг нестабильности, оказывающий разрушительное влияние не только на сопредельные территории, но и на всю страну. Чечня превратилась в оплот международного терроризма, борьба с которыми потребовала самых решительных мер и привела к немалым жертвам»⁴²³.

⁴²² См.: Опрос свидетельницы Ирины Дементьевой // Международный неправительственный трибунал по делу о преступлениях против человечности и военных преступлениях в Чеченской Республике...; Газета Ангушт 24.05.2005; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Станица Троицкая. <http://tamerson.livejournal.com/250544.html?thread=4739504> Сохраненная копия; и др.

⁴²³ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 195.

Попытаемся прочесть ситуацию на реальном языке, так как наши историки-фразеологи судя по всему живут в каком-то другом альтернативном времени, весьма далеком от нашей страны и от ситуации, в которой она находилась и находится. **Реально в результате крушения СССР, провозглашения независимости России и других бывших советских республик, сложной игры российских властно-олигархических и криминальных групп и подчиненных им спецслужб, власть в Чечне, вопреки ясно выраженной воли большинства чеченского народа, была захвачена мафиозной группой советского генерала Дудаева, взявшего под контроль огромные склады с оружием и нефтепроводы, по которым осуществлялась переброска нефти за границу. Чечня превратилась в «черную дыру» для тех сил, которые победили в ходе «великой криминальной революции» в России в 1991–1993 гг. и нуждались в неподконтрольном «окне» в мир для вывоза сырья и получения валюты.**

Протестное движение русского народа, угрожавшее революцией расхитителям общественного богатства страны, побудило олигархические круги подвигнуть режим Ельцина якобы на подавление сепаратизма в Чечне (тем более, что зарвавшийся Дудаев стал недоговорным), чтобы огнем и кровью «маленькой победоносной войны», ежедневно приходившей в каждую российскую семью с экранов телевизора, перевести внимание с внутренних проблем и обеспечить «негативную мобилизацию» масс разжиганием расовой фобии против чеченцев и мусульман!

Как выстраивались отношения и силы вокруг Чечни. В виду того, что авторам оказалось не под силу охватить все, что происходило в Чечне и вокруг нее в 90-х гг. XX в. (что, кстати, на данный момент вряд ли кому-либо под силу, включая и чеченских историков), они метались от одного негативного сюжета к другому, еще более негативного. При этом здоровая, поистине государственная позиция собственно чеченского народа, кстати, единственного на территории нашей страны поднявшегося в 1993 г. на вооруженную борьбу с криминально-мафиозным режимом (представленного здесь Д. Дудаевым и его шайкой), для авторов осталась якобы неизвестной. Между

тем, не борьба Дудаева с «Русней» за «свободу» грабежа и насилия составляла главный аспект русско-чеченских взаимоотношений, а то место, которое его группа занимала на тот или иной момент на доске свирепой свалки мафиозных групп российских олигархов-«бизнесменов» и властных групп за денежные, нефтяные, оружейные потоки, наркотрафик, за контроль над национальными богатствами России в целом.

Второй элемент, определявший эти отношения, – это кровавая борьба Дудаева за полное подчинение чеченского народа и робкие попытки некоторых патриотически настроенных государственных чиновников и военных в Москве (апеллировавших к национальным интересам России) поддержать демократическую оппозицию в Чечне (но, как оказалось, Джохар Дудаев был «социально близким» режиму Ельцина и правящим олигархам).

В таких условиях, когда кто-то выходит с инфантильной доморощенной идеограммой «традиционного горского уклада, стадиальности и их влияния» для объяснения событий, происходивших в 1991–1999 гг. в «ичкерийской» Чечне и «мафиозно-олигархической» России, он, конечно, серьезно рискует своей репутацией. Тем более, что все это оказалось не их умом делом, совершенно недоступным для уровня их понимания.

Депутат В.А. Куценко, капитан Корабельников и майор Толстенов. Чтобы доказать недоказуемое, историкам-фразеологам приходится лгать и лгать, от страницы к странице все заметнее. Вот буквально с первых строк очерка № 5: 6 сентября 1991 г. во время разгона дудаевцами заседания Верховного Совета ЧИ, якобы был выброшен из окна руководитель Грозного депутат В.А. Куценко (со ссылкой на Н.С. Асташкина, которого там не было), а затем добит ногами ⁴²⁴. Зачем рассказывают нам эти страшилки, ведь дудаевцы еще совершат куда более дикие преступления, а в тот день пострадало от затрещин и пинков несколько депутатов. У В.А. Куценко, к сожалению, сдали нервы, и он попытался выбраться из зала через окно (перед этим это благополучно удалось сделать одному из его коллег), грузного человека не смогли затащить обратно, хотя

⁴²⁴ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 195.

и пытались, он сорвался со второго этажа (довольно высокого), скорая помощь отвезла его в больницу, где В.А. Куценко скончался (рассказ Юсупа Сосламбекова, непосредственного участника указанных событий, будущего руководителя парламента Чечни одному из авторов данной книги. – Д.А., Я. А.).

«В октябре 1991 г. от рук бандитов-сепаратистов погибает капитан Корабельников, сотрудник МВД Чечено-Ингушетии. Его тело было расчленено и сожжено. В ноябре 1991 г. был захвачен и погиб в дудаевских застенках майор госбезопасности Толстенев», панически сообщают уважаемые профессора. Относительно капитана Корабельникова, как и о 5 грозненцах (преимущественно, чеченцев), погибших тогда же от руки русского бандита-налетчика (информация полковника МВД, профессора А. Мусаева), арестованного, наконец, бригадой МВД Чечено-Ингушетии, довольно интернационального коллектива на тот момент, у нас более конкретных данных нет.

Однозначно, что погиб, перерезав осколком стекла сонную артерию помещенный в СИЗО человек, задержанный на каком-то митинге в Грозном ввиду его странного поведения и одяния (старая солдатская шинель и ушанка). Да, он служил в КГБ и его фамилия была Толстенев, он был отстранен от работы еще до дудаевского переворота в виду психического расстройства⁴²⁵. И «дудаевских застенков» еще не было, они появятся только в июне 1993 г., когда закончится разделение властей и «перетягивание каната» между демократической оппозицией и дудаевской бандократией. Застенки предназначались именно для оппозиционеров-чеченцев, ведь других этнических и политических соперников у генерала в Чечне не было.

Криминальные доблести и чеченский 1,5 миллионный этнос. На страницах 196–197 своего памфлета авторы пытаются нам рассказать о какой-то аналитической справке, предоставленной секретарю Совета безопасности РФ О.И. Лобову,

⁴²⁵ Эти данные нам знакомы, как людям, жившим на тот момент в республике. О них немало писали и в чеченской прессе. В том числе в Москве живет на пенсии несколько высших офицеров МВД ЧИР, которые еще раз подтвердили указанную нами информацию. См.: также информацию из прессы 1991 г. в интернете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: poltora-bobra.livejournal.com/544422.html

в которой чеченцы, как этнический тип, характеризуются отрицательно, и якобы криминальный произвол, воцарившийся в республике с 1991 г., подтверждает тезис об этническом колорите (возрождаются якобы «традиционные криминальные доблести»). Ну, во-первых, аналитических справок тот же Лобов получал, думаем, в день не один десяток, причем на одну тему с тремя противоположными (все-таки демократия!) оценками. Второе, т.н. возрождение «криминальных доблестей» происходило на тот момент, к сожалению, на территории всей России. Хуже того, здесь шла в полный рост «Великая криминальная революция».

Представить себе, что в маленькой Чечне было сравнительно больше криминала на душу в те годы, чем скажем в Москве или Санкт-Петербурге, в Свердловске или Владивостоке, вряд ли решатся и сами авторы разбираемого пасквиля. Что-что, а преступной стадиальности и традиционного криминального уклада в истории России всегда было с избытком⁴²⁶. Вот, например, оценка ситуации конца XIX в. на Кубани: «Кубанскую преступность характеризовала особая жестокость...»⁴²⁷. Господа, कुщевцы, ничего не напоминает?

Геноцид народа Чечни или русского народа Чечни. И как же наши историки-фразеологи могли бы обойти тему «геноцида русского народа» в Чечне, столь популярную в широких кругах узкого националистического отребья России⁴²⁸. Эта тема будет, кстати, чаще тайно подпитываться и определенными российскими государственными силами, пока в мире будет будироваться вопрос о геноциде народа Чечни (включая и русских) в ходе чеченского кризиса. И нечего кидаться здесь на правозащитников, они защищали именно тех, кого надо, человеческие права чеченцев, которые ельцинская верхушка забыла напрочь.

⁴²⁶ См.: к примеру: Константинов Андрей. Бандитская Россия. М., 2012; Скажем в 2006 г. полпред Южного федерального округа Д. Козак отмечал, что общеуголовная преступность на Юге России на 40,8% ниже, чем в среднем по стране. Соответственно, она на порядок была ниже в северокавказских республиках того же округа.

⁴²⁷ Константинов Андрей. Бандитская Россия. С. 65.

⁴²⁸ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 206–208 и др.

«С 1989 по 1993 гг. территорию бывшей ЧИАССР покинули около 230 тыс. человек, из которых 80% составили русские. За период с 1991 по 1994 гг. в Чечне было убито и пропало без вести около 10 тыс. человек, в основном русских по национальности», пишут наши соавторы со ссылкой на демографа С.В. Рязанцева и политолога С.М. Маркедонова. Указав, во-первых, что сокращение русского населения в республике наблюдалось с 70-х гг. в связи с падением добычи нефти, ухудшением снабжения Грозного (до этого город имел первую категорию снабжения), сокращением привлекательных рабочих мест, падением рождаемости и естественным оттоком молодежи, укажем, во-вторых, что с падением советской Чечено-Ингушетии произошел коллапс промышленности и полная приостановка зарплаты и пенсий (выдававшихся порой с полугодовыми перерывами) – и это обстоятельство коснулось всех! В-третьих, в результате одномоментного освобождения нескольких тысяч рецидивистов со всей России из колоний строго режима на территории Чечни и постреволюционного вала криминала в республике наступил реальный ужас – но опять-таки для всех без исключения. По данным подполковника МВД Чечено-Ингушетии А. Келиматова, на свободе в 1991 г. оказались «сливки» многонационального криминала, например 243 убийцы, не считая тысячи насильников и грабителей. Общая преступность подскочила в 7 раз, а по убийствам в 20 раз⁴²⁹. И это в некогда благополучной республике с одним из самых низких показателей криминала в СССР.

Все это вызвало начало исхода в первую очередь русскоязычного населения, отъезд же чеченского шел, но сдерживался ментальными соображениями и враждебным отношением к чеченцам в российских регионах. Чеченцев нигде не ждали. Уехали, конечно, в 1991–1994 гг. не 230 тыс. русских (скорее всего, их оставалось здесь до 150–180 тыс.), они в массе бежали позже, как и сотни тысяч чеченцев, в качестве беженцев от ужасов первой чеченской войны, масхадовщины и второй войны в 1999–2000-х годах. Но, бесспорно, что в этой системе дудаевского режима бесправия и активной ненависти к собственному

⁴²⁹ Келиматов Ахмед. Чечня: в когтях дьявола, или на пути к самоуничтожению (история, аргументы и факты глазами очевидцев). М., 2003. С.319.

народу самая тяжелая ситуация была в среде русскоязычного населения. Они не могли опереться на широко развитую родственную поддержку, как то было среди чеченцев. Их традиционное отношение к государству, как к опекуну и защитнику, стало теперь безответным. У власти в Чечне стояли такие же лица, как в России в 1917 г. – государственные мафиози, тертые проходимцы, фанатики и профессиональные сексоты, давно порвавшие связь с совестью, моралью и честью.

Вот, что говорит по этому поводу Ирина Дементьева, известный журналист и правозащитник, не понаслышке знающая проблемы русского населения на Северном Кавказе: «На Северном Кавказе случился в последние годы, если не геноцид, то жесточайшая этническая чистка. Но это не в Грозном, а в другом колониальном городе Северного Кавказа – во Владикавказе, и не с русскими эта беда случилась, а с ингушами. Три с половиной года (текст написан в 1996 г. – Я.А., Д.А.) прошло со времени пятидневного осетино-ингушского конфликта, а в цивилизованном интеллигентном Владикавказе, насколько мне известно, не живет ни один ингуш, а жили 17 тысяч. Все квартиры, со всем имуществом, частные дома в качестве военного трофея перешли к осетинам. Так вот, да простит меня многострадальное, действительно, многострадальное русскоязычное население Грозного, только ему дано право об этом говорить, но ведь из Грозного, пока его не стали бомбить и обстреливать федеральные войска, никто не убежал под страхом смерти. А вот преподаватель Горного института из Владикавказа Султыгов несколько суток с тремя детишками просидел в шахте лифта в подъезде собственного дома, где он был председателем кооператива, пока не перешел по крыше в соседнюю башню, откуда ему потом удалось выбраться. В Москве избивали «лиц кавказской национальности», а во Владикавказе убивали по национальному признаку. В Грозном все-таки было не так. Уезжали, продавая дома, чем позже уезжали, тем дешевле продавали. Русским было тяжелее чеченцев – у них была опора на село и родственников, а русские все эти последние годы испытывали тоскливую неуверенность в будущем»⁴³⁰.

⁴³⁰ Международный неправительственный трибунал по делу о преступлениях против человечности и военных преступлениях в Чеченской Ре-

Теперь о данных демографа С.В. Рязанцева: «Население территории современной Чеченской Республики в 1989 году насчитывало 1084,4 тысячи человек, в том числе 269,1 тысячи русских (около 25% населения республики). Основная часть русских (около 72%), армян, евреев и других невайнахских народов проживала в городах, прежде всего в Грозном.

За восемь лет, с 1991 по 1998 годы, **республику покинули до 500 тысяч чеченцев, 150–180 тысяч русских, 15 тысяч армян, 10 тысяч ингушей, а также 2 тысячи евреев** (выделено нами. – Д.А., Я.А.)... Осенью 1999 года в Ингушетию ушли около 200 тысяч чеченцев». В целом, мы, занимавшиеся сами подобными вопросами, с этими цифрами можем еще согласиться. Между тем, у рецензируемых авторов – «чеченцы», в контексте жертв дудаевского и ельцинского режимов, не прозвучали вовсе. Это не упущение – просто «Они» для них – не люди!

А вот по числу жертв среди русского населения тот же С.В. Рязанцев дает и другие цифры со странными для ученого такого масштаба отсылками: «По официальным данным МВД, в 1992 году только в Грозном было убито 250 русских, а 300 человек пропали без вести»⁴³¹, и (внимание!) он же: «По оценкам Министерства национальностей России, с 1991 по 1999 годы на территории республики преступниками было убито (не считая военных действий) более 21 тысячи русских, захвачено более 100 тысяч квартир и домов, принадлежащих «некоренным» жителям Чечни (включая ингушей)»⁴³².

Отметим, что, по данным МВД Чеченской республики Ичкерия, оперативным путем, полученным оппозиционным дуда-спублике. Комитет обвинителей. Материалы опроса свидетелей. Первая сессия. Москва, 21–25 февраля, 1996 год. Общественный фонд «Гласность» М., 1996. С. 177–178; См. книгу и в Интернете – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [rudocs.exdat.com/docs/index-366239.html? page=8](http://rudocs.exdat.com/docs/index-366239.html?page=8)

⁴³¹ Здесь у автора имеются отсылки на телепередачи Ставропольского ТВ и на председателя правления Русской общины Чеченской Республики Олега Маковеева. Следует учитывать, что в тревожных условиях Грозного и Чечни данные об одном преступлении множились по принципу: «а вот по соседству, фамилии не помню...».

⁴³² Рязанцев С.В. Демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь, 2003. С. 26–27; Его же: Демографическая ситуация на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. №5 (119). М., 2002. С. 52–61.

евскому режиму Временным Советом Чечни, к осени 1994 г. число русских жертв криминального беспредела в республике составляло свыше 300 человек (о похищенных данных нет), но никак не 10 тыс. Те же чеченцы в ходе боев между сторонниками и противниками режима имели потери до 500 убитых и не менее 1,5 тыс. ранеными. Думается, что число убитых и раненых в целях грабежа, мести, в криминальных разборках и т.д. чеченцев также равнялось указанной выше цифре ⁴³³. Но в целом, как мы не раз говорили, положение русского населения в Чечне, где правил мафиозный режим, было исключительно тяжелым еще и в силу незащищенности; рядовые чеченцы могли рассчитывать хотя бы на родственную поддержку, что составляло порой бандитов отступить.

Разбитый в щебень жилой фонд, захваченные квартиры и «отказное» жилье. Что же касается данных о якобы 21 тыс. убитых русских в 1991–1999 гг. в Чечне (данные показатели бессмысленно обсуждать, когда неясно: убиты указанные русские «чеченцами», для Чечни уж слишком велики масштабы, или они убиты в ходе массированных бомбардировок, артобстрелов и «зачистки» города озверевшей солдатней). Как понять цифру 100 тыс. (!?) квартир и домов, якобы, захваченных «чеченцами», когда, к примеру, в первую войну (до начала военных действий захват квартир в Грозном был еще редкостью, не то что в Москве, где шло настоящее истребление незащищенных квартировладельцев) ⁴³⁴, треть жилого фонда Грозного

⁴³³ Чеченский излом. Преступления дудаевского режима против чеченского народа. Грозный, 1995. С. 15, 36 – 44; и др.

⁴³⁴ Вот что пишут представители московской адвокатуры: «Если ранее отбирали квартиры, а это были еще 90-ые годы, у стариков, малолетних детдомовцев, алкоголиков, опустившихся людей, то есть неспособных априори отстаивать свои права, то сейчас отбирают квартиры среди белого дня у достаточно обеспеченных людей, оставляя на улице целые семьи. По статистике, уже сейчас данный вид рейдерских захватов квартир в Москве настолько распространился, что стоит уже задуматься обычным людям и опасаться за свое имущество, и тем более, за жизнь..., в месяц в одном только округе Москвы регистрируются по 5–10 подобных дел, поэтому, мы можем только предположить, если это регистрируются только те дела, кто начал отстаивать свои права и бороться за свое имущество и жизнь ... Это достаточно мощные преступные группировки имеют покровительство в высших государственных органах, в том числе и правоохранительных, так как доход от

была обращена в щебень, а 70% – повреждено; во вторую войну в щебень было разбито 70% домов и квартир, сохранившихся после первой войны (так, в 2008 г. в Грозном уже после широких восстановительных работ насчитывалось всего 46 тысяч квартир, из них около 8900 – «отказных», т.е. брошенных)⁴³⁵. По данным чеченской администрации, в ходе военных действий в Грозном было разрушено более 70 процентов жилого фонда. «А всего за время двух военных кампаний в целом по всей республике и в Грозном было разрушено 154 тысячи домов и квартир (по крайней мере, выплачено компенсаций на такое количество. – Д.А., Я.А.)»⁴³⁶.

И еще одно обстоятельство – к концу мирного периода дудаевской Чечни и между двумя войнами жилье в Грозном, согласно и нашим личным наблюдениям, потеряло (как и жизнь) какую-либо ценность. Максимальная цена однокомнатной квартиры составляла 300 долларов, но можно было поменять на цветной телевизор, или кожаный плащ. Трехкомнатную квартиру с ремонтом люди не могли продать за 30 – 40 тыс. рублей. Так стоило, понятно, любое жилье, в т.ч. и чеченское.

Безусловно, отдельные случаи, в т.ч. трагические, захвата жилья бандитами между двумя войнами происходили практически везде в ряде сохранившихся многоэтажек и в кварталах частных домов (хотя частные домовладения русскоязычных грозненцев преимущественно выкупались соседями). Захваты частных домов в Чечне имели место и в казачьих станицах. Рекордно-трагический оборот эта практика приобрела в станице Ассиновской Сунженского района. Так, газета «Труд» приводила обращение ассиновцев, в котором указывалось, что с августа 1996 г. по 1999 г. в станице было убито бандитами 26 русских семей и захвачено 52 домовладения⁴³⁷. Не все пре-

подобной преступной деятельности переплюнул и торговлю наркотиками, проституцией и т.п. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mka-kelt.ru?id=185 Сохраненная копия.

⁴³⁵ Отказные квартиры в Грозном будут предоставляться нуждающимся. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: grozny-inform.ru/main.mhtml...

⁴³⁶ Ибрагимов Муслим, Иванов Александр. Власти Грозного начали проверку заброшенных домов и участков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kavpolit.com/vlasti-groznogo-nachali-proverku-zabroshennyx-domov-i-...

⁴³⁷ Янченков Владимир. Документальные свидетельства геноцида рус-

ступники избежали кары: сайт «Кавказский узел» 27 мая 2014 г. сообщает: «Следственные органы завершили расследование уголовного дела в отношении жителя республики Артура Дадыгова... Житель Чечни Артур Дадыгов предстанет перед судом по обвинению в убийстве в 1997 году русскоязычной семьи [Ассиновская] с целью завладения ее домовладением»⁴³⁸.

К великому сожалению, если в той же Чечне уже в 2000 г. удалось справиться с этим видом криминала, то куда хуже обстоит ситуация по сегодняшний день в той же Москве: «...город разделен на квадраты и опутан паутиной наблюдающих за владельцами квартир профессиональных негодяев... нападают они, как правило, на беспомощных людей... Работает завод по переработке стариков и инвалидов в конвертируемую валюту». Речь идет о сотнях преступлений в год⁴³⁹.

В связи с массовым отъездом русского населения и их вынужденным отказом в органах ФМС от жилья и возвращения в Чечню (на этом антиконституционном условии настаивали официальные российские чиновники; плюс еще русские уроженцы Чечни непременно должны были показать, **что их насильственно изгнали**, иначе они не ставились на учет, как вынужденные переселенцы) в сохранившееся жилье в период Масхадова стали расселять людей без крыши над головой официально по ордеру (в т.н. «отказные» квартиры). Вследствие того, что большая часть таких отказных, брошенных квартир оказывалась вдруг еще и тайно проданными отъезжающими своим чеченским друзьям и знакомым, вспыхивали скандалы. В период восстановления Грозного руководство республики попыталось навести порядок в распределении т.н. «отказных» и иных квартир в Грозном, на которых оказывалось «с документами» порой по несколько желающих помимо реального хозяина⁴⁴⁰.

ского населения в масхадовской Ичкерии // «Труд». 17.02.2000.

⁴³⁸ В Чечне задержан местный житель по подозрению в убийстве двух человек, совершенном 16 лет назад. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chechnya.kavkaz-uzel.ru

⁴³⁹ Богуславская Ольга. Меняю квартиру на могилу // «Московский комсомолец». 14 мая 2014. С. 5.

⁴⁴⁰ В Грозном проведут ревизию отказного жилья // Интернет: 1gre.ru>Новости/doc/2700

Кто был противником ичкерийской власти в Чечне?
«21 тыс. убитых русских» в Чечне в результате «геноцида» – результат той самой плановой информационно-государственной задачи «перевода стрелок» с больной головы на здоровую. При всем желании, например, оппозиционного Временного Совета Чечни обвинить в 1994 г. дудаевский режим в «геноциде русского населения» (так как тезис о геноциде чеченского народа дудаевцами никого в мире не заинтересовал) ничего не удалось сделать ⁴⁴¹. Дело в том, что русское население Чечни не только не было противником режима, но (пусть простят нас читатели) было для него более удобной, послушной и безропотной массой.

Противником дудаевского и масхадовского режима являлись именно непокорные чеченцы в целом. И недаром, узкая, но хорошо вооруженная и организованная прослойка боевиков и политиканов стала дистанцироваться от своего собственного народа, быстро выродившись в конечном счете в своеобразный ваххабистский субэтнос, демонстрировавший свое отличие от основного этноса во всем – религии, обычаях, морали, одежде и поведении ⁴⁴². На этой почве взаимного отчуждения в Чечне в конце 90-х гг. брат убивал брата, сын – отца и отец – сына.

Подлинные герои Чечни. Ахмад-Хаджи Кадыров. Именно против этого антинационального, антироссийского субэтноса поднялись в конечном счете тысячи чеченцев во главе с суннитским муфтием республики Ахмад-Хаджи Кадыровым. Он был назначен в июне 2000 г. Президентом РФ В.В. Путиным руководителем Чеченской Республики. Конечно, именно федеральные силы, в первую очередь, сломали хребет военной машине ваххабизма, но окончательный идеологический и военный удар до победного конца по силам терроризма, перешед-

⁴⁴¹ См.: «В Москве прошла публичная дискуссия русских националистов с чеченцами». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: warchechnya.ru/news/mnenie/2011-05-18-1158; checheninfo.ru/7417-v-moskve-proshla...russkih...s...

⁴⁴² См.: к примеру: Кудрявцев Алексей. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. №3. (9) 2000; Профессор Вахид Акаев. Кто и зачем экспортировал ваххабизм в Чечню? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: annews.ru/news/detail.php?ID=60968

шим к партизанской войне (в которой никакая армия не может победить по определению), нанесли именно чеченские пророссийские силы в главе с А.-Х. Кадыровым и Р.А. Кадыровым.

В этой войне 19 чеченцев получили звания Героя России (10 из них посмертно), тысячи – боевые награды, 10 лицам были присвоены генеральские звания по линии армии, внутренних войск, ФСБ и МВД. Однако наши рецензируемые авторы предпочли из огромной фактологической базы и библиографии «чеченского кризиса» выбрать для оценок сложнейших общественно-политических процессов в Чечне и вокруг нее, преимущественно страницы залихватского опуса некоего военного журналиста⁴⁴³, «окопные» записки генерал-полковника, Героя России Г.Н. Трошева – порядочного человека и профессионального военного, но никак не писателя и не историка, и т.д. Основу очерка фразеологов составляют уничижительные априорные суждения, характеризующие, впрочем, не чеченский народ, а наших историков-фразеологов, ищущих факты и оценки согласующихся (согласно Фоме Аквинскому) «с их собственной природой».

И, разумеется, никаких эмоций, кроме как иронии, не могут вызвать потуги больше уколоть, поддеть чеченцев (причем весь народ, переживший кровавую трагедию), нарочито бесцветные описания буквально героических попыток федеральной армии и патриотических сил Чечни победить в этой войне, спасти чеченский народ и Россию от распада. Эти силы были разбиты в первой войне в результате подлой и своекорыстной политики «семибанкирщины», «семьей Ельцина» (забывшей в долларовом угаре напрочь о стране) и геополитическими «шахматными» ходами западных господ мира.

Заложничество и рабство – в Чечне и России. Тут, конечно, наши фразеологи не могли не попасться в плен на отработанных ими же до автоматизма сюжетах о возрождении заложничества и рабства в Чечне: «Рабский труд использовали не только в домашнем хозяйстве, но и на «...государственной стройке», при возведении дороги в Грузию⁴⁴⁴. Возврат к «исторической само-

⁴⁴³ Асташкин Н. По волчьему следу. Хроники чеченских войн. М., 2005.

⁴⁴⁴ Дорога Итум-Кале – Шатили (до 60 км) сооружалась исключительно на средства российского бюджета с использованием 2 мощных японских

бытности» привел к тому, что фактически каждый десятый житель Чечни был прямо или косвенно причастен к работорговле. Хозяйственные горцы возводили новое жилье со специальными помещениями для содержания рабов»⁴⁴⁵. Нам же представляется, что, с учетом происхождения всех людей Земли от Адама и Евы, круг причастных здесь можно было бы расширить с каждого «десятого жителя Чечни» до 7–8 млрд человек.

Поразительно, но и уважаемые ученые (С.М. Кудрявцев), как оказывается, готовы попрасть законы логистики и синэргетики, приводя такие данные по «рабству» в Чечне (которые, как мы видим, постеснялись привести полностью даже наши фразеологи): «По данным Миротворческой миссии на Северном Кавказе, в конце 2002 года в горах Чечни остаются в качестве заложников или пленников около 1 тысячи человек – энергетиков, шахтеров, военнослужащих, священнослужителей. В общей сложности в Чечне за 1990-е годы более 46 тысяч человек обращено в рабство или использовалось на принудительных работах – от сбора дикорастущей черемши до строительства дорог в Грузию через Итум-Кале и Тазбичи. По другим данным, до начала контртеррористической операции в Чечне насчитывалось около 70 тысяч рабов различных национальностей, включая чеченцев»⁴⁴⁶. Это все не научная фантастика.

бульдозеров и с привлечением нескольких сот рабочих. Исполнитель строительства Нужден Даев, вице-премьер масхадовского правительства, ныне находится на госслужбе в Москве. В условиях массовой нужды чеченского населения между двумя войнами и его панического бегства из Чечни глумливые утверждения фразеологов об использовании рабов в домашнем хозяйстве чеченцев выглядят, конечно, издевательски. См. также: Алленова Ольга, Мурадов Муса. Чеченско-грузинская тропа // Журнал «Коммерсантъ Власть». №6 от 19.02.2007, С. 26.

⁴⁴⁵ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 206.

⁴⁴⁶ С.В. Рязанцев. Потери вооруженных сил России и СССР в вооруженных конфликтах на Северном Кавказе (1920–2000 годы). Демоскоп № 211 – 212. 29 августа – 11 сентября 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: demoscope.ru/weekly/2005/0211/analit02.php (Полностью материал опубликован в книге: Рязанцев С.В. Демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. – Ставрополь, 2003. С. 26–77); Данные приводятся со ссылкой на такие авторитетные свидетельства, как: Сообщение ставропольского телевизионного канала «Новости: ТВ-информ» от 23 декабря 2002; Щелкунова Ж. Маленькие шаги к большим победам // Ставропольская правда. №6. 13 января 2000. С. 1.

Ученый стал жертвой телевидения и одной единственной фразы, якобы принадлежащей В.А. Тишкову (который выступает автором и редактором в книге, написанной также Н.С. Авдуловым, А.А. Малашенко и др.).

В Чечне есть и другая память, и она подтверждается профессиональными свидетельствами, вот, к примеру, что пишет известный журналист Андрей Бабицкий:

«Федералы стали продавать захваченных ими чеченцев родственникам еще в первую войну, и в значительной степени именно эта практика подстегнула и сделала актуальным этот вид бизнеса. В крупных объемах торговали людьми и трупами именно российские военнослужащие, а чеченцы взяли это на вооружение только во второй половине войны, и то поначалу они захватывали своих, сотрудничавших с российскими властями (выделено нами. – Д.А., Я.А.)

...После первой войны количество без вести пропавших чеченцев составило около полутора тысяч человек... Надо полагать, что большинство чеченцев сгинуло именно в таких фильтрационных пунктах, где над людьми издевались, пытали их током, убивали – практика внесудебных казней процветала. На каждом блокпосту были ямы-тюрьмы... Военные называли такие импровизированные тюрьмы зинданами. Человек не может выбраться из глубокой ямы, его сбрасывают, а потом поднимают на веревках.

...Первыми жертвами российской армии стали русские, которых в те годы в Чечне было очень много и которым в принципе некуда было идти»⁴⁴⁷.

Поэтому, полностью соглашаясь с нашими авторами в той части, что в масхадовской Чечне правил бал криминал и беспредел, выразившийся также в массовом похищении людей (на 1999 г. приходится свыше 3 тыс. чел.)⁴⁴⁸, мы задаемся во-

Особняком стоит ссылка на: Пути мира на Северном Кавказе / Независимый экспертный доклад под ред. В.А. Тишкова. М., 1999. С. 18. Она требует, естественно, проверки. По той простой причине, что для такого числа рабов нужен соответствующий фронт работ. К тому же, их надо кормить.

⁴⁴⁷ Бабицкий Андрей. На войне (Моя война). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.rulit.net/t/books/na-vojne-moya-vojna-read-192683-1.html](http://www.rulit.net/books/na-vojne-moya-vojna-read-192683-1.html)

⁴⁴⁸ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 206–207.

просом: а как же прошло мимо внимания Б.В. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова то обстоятельство, что 90% похищенных составляют те же чеченцы? Трагедия заложничества - это страшная боль, прежде всего, чеченского народа. И у нас тот же один ответ: для авторов они, чеченцы, просто – не люди! Единственное утешение, что указанные жертвы, благодаря именно федеральным силам, вышли из зинданов живыми.

Другие цифры: 6 тыс., 45 и 70 тыс. рабов – это результат «черной пропаганды», корни которой уходят не просто в бесноватую ксенофобию, но также в абсолютное непонимание социально-экономической ситуации в масхадовской Чечне – здесь не было никаких условий, возможности использования рабского труда. Нет спроса – нет рабства, в отличие, скажем, от современной России, где, по факту, в прямом рабстве находилось несколько миллионов гастарбайтеров.

Известно, что в нашей стране преступный мир в последние десятилетия играет универсальную роль, выполняя функции «транзита», «поставщика» и «получателя рабов» одновременно. Следует учесть, что подавляющая доля рабов, поставляемых российскими ОПГ в Европу, США и страны Ближнего Востока, составляют женщины и дети. Так, общественный деятель, депутат Государственной Думы РФ Елена Мизулина в свое время подтверждала, что Россия занимает первое место в мире по торговле рабынями для сексуальных услуг, как россиянками (главным образом, из центральных областей РФ), так и гражданками СНГ по происхождению ⁴⁴⁹.

Вот последнее сообщение новостного агентства: «Число людей, находящихся в рабстве на территории РФ, составляет ... от 490 тысяч до 540 тысяч человек. Если по отношению к населению страны в целом доля рабов в России относительно невелика, отмечают составители Global Slavery Index 2013, то по абсолютному числу людей, находящихся в рабстве, РФ занимает шестое место в мире». Но эта цифра, скорее всего, близка к неким научным стандартам исчисления, реальное положение

⁴⁴⁹ См.: Мизулина Е. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М., 2006; Дукуваха Абдурахманов, Ислам Баудинов. «Сахиб» Ю.Ю. Клычников, «редактор» Б.В. Виноградов, народы Северного Кавказа, и кто у нас хищники-рабовладельцы?

дел хуже – в фактическом рабстве находятся в нашей стране, по данным Государственного департамента США (доклад «Современная работорговля – 2013»), до 1 млн. человек. Действительно, цифры более ранних соцопросов (за 2003–2006 гг.), проведенные Международной организацией труда в Москве, Омске и Ставрополе, показали, что 1–1,5 млн. из 5 млн. гастарбайтеров (на те годы), постоянно находящихся в России, пребывают здесь в положении рабов (принуждение работать бесплатно, ограничена свобода перемещения, подвергаются угрозам и шантажу со стороны работодателя)⁴⁵⁰.

Тенденция такова, что каждый 4–5-й гастарбайтер в нашей стране в 2000-х гг. находился в положении раба, либо в прямом рабстве с кандалами, решетками, перепродажей, физическими наказаниями и пытками, сексуальной эксплуатацией и прочими прелестями кнута. И, кстати, Северный Кавказ не является здесь даже просто проблемной территорией – первой идет Москва, затем – российские регионы...

Зададим все-таки нашим уважаемым профессорам один вопрос: известно ли сколько похищено и без вести пропало в Чечне безвинных людей в ходе двух войн и последующей борьбы с терроризмом (здесь не имеются в виду тысячи жертв бессудных казней боевиков и их пособников, включая детей и женщин). Безвинных настолько, что ни одна спецслужба не смогла при всем желании обвинить несчастных похищенных даже в переходе улицы в неполюженном месте⁴⁵¹.

⁴⁵⁰ См.: данные интернета: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lenta.ru/news/2013/10/17/slavery/; rbcdaily.ru/magazine/trends/562949990585684; iarex.ru> Статьи>31509.html

⁴⁵¹ См.: Второй доклад о лицах, пропавших без вести в результате задержаний или похищений на Северном, Кавказе. Октябрь 1999 – февраль 2007 гг. Международный комитет Красного Креста. Июнь 2007; Черкасов А.В. Судьба неизвестна. Жители Чеченской Республики, задержанные представителями федеральных силовых структур в ходе вооруженного конфликта и бесследно исчезнувшие или убитые, октябрь 1999–2000 год. М., 2012.

По данным председателя Миротворческой миссии имени генерала Лебеда полковника ФСБ А. Мукомолова, единственный список пропавших без вести на Северном Кавказе на данный момент насчитывает 7 тыс. 570 человек, общественники собрали 4 тыс. 50 анкет с прижизненной информацией о пропавших людях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: interfax.az/view/588220; www.rozysk.org/i/openletter; и др.

Обывательские, но небезобидные благоглупости. Следить за тем, как обывательски рассматривают наши авторы сложные для их восприятия и осмысления вопросы, связанные с событиями второй чеченской войны, протекавшей на территории Чечни-Дагестана и обернувшиеся еще более страшной трагедией для многонационального мирного населения Чеченской Республики и отдельных районов Дагестана, не очень интересно. Этот материал не предмет для воспитания отрицательного отношения к чеченцам. Ведь чеченцы в своей массе сумели, в конечном счете благодаря В.В. Путину и А.-Х. Кадырову, стать субъектом истории и сломать хребет международному терроризму, мечтавшему подчинить Чечню и сделать ее могильщиком «российской империи». Между воинственным исламизмом ваххабитов-салафитов и чеченством (тесно связанным с благородным суфизмом) они выбрали второе.

Какие-то, ну уж очень сильные благоглупости все продолжают цеплять внимание рецензентов. Еще бы: «Теряя контроль над ситуацией, бандиты отыгрывались на местных жителях и заложниках. В одной только станице Мекенской было расстреляно более 30 русских, среди которых были дети. Отступая из Грозного, отряд полевого командира Р. Гелаева в качестве «прикрытия» использовал около 500 рабов (!?).»

На территории «свободной Ичкерии» было найдено 496 массовых захоронений. Только в концентрационном лагере в селе Старый Ачхой обнаружили останки 70–100 обезглавленных тел, среди которых, помимо военнослужащих, были строители, энергетики, священники. Всего же в 90-е годы в Чечне было казнено около 20 тыс. человек»⁴⁵².

Попытаемся проинформировать наших читателей по сути вопросов, поднятых выше. К сожалению, они практически не

Из этого числа более 5 тыс. человек приходится на Чечню. Они официально зарегистрированы и по ним возбуждены уголовные дела. Их поиском занимаются и правозащитники. Речь идет также и о нескольких сот без вести пропавших солдатах и офицерах (есть, правда, еще неизученный костный материал). Число других категорий исчезнувших людей (возможно, в их число входят боевики и т.н. «пособники» – жертвы внесудебных расправ), пожалуй, еще выше. В Чечне еще нет точных данных о количестве пропавших без вести.

⁴⁵² Виноградов Б.В., Виноградов, В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 210.

рассматривались в литературе вследствие того, что было много более чудовищных фактов геноцида чеченского народа в ходе двух войн ⁴⁵³. На глазах изумленного человечества в одном из красивейших районов российского Кавказа разворачивалась величайшая трагедия, характеризующая чудовищность войны как таковой, так и беспредельное моральное падение нашего общества в условиях дикого капитализма, с другой. Люди в форме федеральных вооруженных сил отравленные многими годами ксенофобской фашистской пропагандой (в т.ч. о природной ущербности чеченцев в силу т.н. «стадиальности и специфического «горского уклада»), оправдывали свои преступления в Чечне «природными преступными наклонностями» ее жителей. Какую преступную деятельность при этом могли реализовать сотни убитых и тысячи искалеченных детей, остается неясным.

Трагедия в Мекенской. Трагедия в Новых Алдах. В окрестностях станицы Мекенской, что на левобережье Терека, перед второй чеченской войной стоял пришедший с юга отряд ваххабитов. В станице до начала второй чеченской войны жил весьма недалекого ума, если не сказать слабоумный, человек, некий Ахмад Ибрагимов. Далее по тексту сообщения А. Платонова, начальника временного пресс-центра МВД РФ в Чечне: «Ваххабиты – они стояли здесь лагерем – предложили совершить ему геройский поступок для того, чтобы они могли принять его в ряды боевиков, и он мог уйти с ними. Он шел по улице и убивал всех-всех, кого только видел. Некоторые дома, в которые он входил – в один дом он вошел, где было четыре человека, их и убил». Добавим от себя чудовищный факт – среди 34 убитых русских жителей были его близкие знакомые и соседи по дому, которые нянчили его еще ребенком.

«Еще до прихода федеральных войск местные жители расправились с преступником. Он убивал русских, но его казнили чеченцы. Местные жители приковали Ахмада Ибрагимова це-

⁴⁵³ См.: Дмитриевский С.М., Гварели Б.И., Чельшева О.А. Международный трибунал для Чечни: правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Нижний Новгород, 2009.

пиями к решетке и забили ломами. Мулла запретил хоронить его тело на кладбище»⁴⁵⁴.

Кровавые дела кровавой войны... Вот и другое – 5 февраля 2000 г. в поселке Новые Алды и прилегающих к нему улицах чеченской столицы прошла зачистка (выдержки из видеозаписи показаний свидетелей):

«...5 февраля около 12 часов дня я услышала на улице первые выстрелы. Мы с отцом вышли и увидели, как солдаты поджигают дома. ...Только я отошла от перекрестка, снова раздались выстрелы. Женщины закричали: «Ася, Руслан ранен, перевяжи его!» Руслан Эльсаев (возраст – 40 лет) стоял около своего дома, курил. Двое солдат без всякой причины выстрелили в него...

Мы с братом снова вышли на улицу и снова услышали дикие крики: соседка Румиса ведет девочку. Это была девятилетняя Лейла, дочь Кайпы, беженки из села Джалка. Лейла в истерике падала, каталась по земле, хохотала и кричала по-чеченски и по-русски: «Маму мою убили!» ...Когда я закончила оказывать ей помощь, солдаты уже ушли с нашей улицы. Я побежала во двор Сугаипова – там лежала Кайпа в луже крови, от которой на морозе еще пар шел. Всего в тот день мы недосчитали 114 человек. айдено 82 трупа...

Потом они 6–7 февраля приезжали к Мусаевым, грабили – хозяев ставили к стенке, загружали вещи и уезжали. Это были те же самые, которые убивали, – тот же «Урал» заезжал.

Вот русская женщина лежит убитая, она вон там лежит на кровати, вон лимонка лежит на кровати, которую они кинули. [На пленке виден подвал, снятый через ведущий в него люк]⁴⁵⁵. По сегодняшний день правоохранительные органы Российской Федерации не в состоянии дать ответ на вопрос: «Кто ответственен?». Пока объективно складывается так, что опаснейшие уголовники совершившие тяжкие преступления против человечности, находятся на свободе. Что угрожает конечно интересам нашей страны и общества, не говоря уже о необходимости реализации справедливости и законности.

⁴⁵⁴ В деле об убийстве 34 русских жителей в станице Мекенская поставлена точка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ltv.ru/news/social/127212>

⁴⁵⁵ См.: Байсаев У., О. Орлов, А. Черкасов, Эстемирова Н. Зачистка. Поселок Новые Алды 5 февраля 2000 года. Преднамеренные преступления против мирного населения / Правозащитный центр «Мемориал». М., 2000; и мн. др.

А что говорить об оскорбленной благородной памяти тысяч российских солдат и офицеров, которые отдали свои жизни в борьбе с террористами и сепаратистами в том числе и за коренные интересы чеченского народа. Ведь именно вооруженные силы России плечом к плечу с чеченскими патриотами отбили мощное наступление террористического интернационала на Северном Кавказе.

Гелаев и рабы? Да, полевой командир Рамзан Гелаев в феврале 2000 г. темной ночью благополучно вывел через плотное расположение частей генерала Шаманова (злые языки утверждали, что имел место заурядный подкуп) не менее тысячи своих боевиков и сколько-то мирных граждан, запертых осадой в Грозном и не понаслышке знавшим, чем грозят им первые дни освобождения столицы федералами. Но зачем приплетать тут каких-то мифических рабов и без того одиозной фигуре бандита?

Лагерь смерти Старый Ачхой и тайны российского бизнеса. Да, на территории Чечни найдено немало массовых захоронений 90-х и 2000-х годов, убитых бандитами в форме (передвигавшихся, как отмечают документы, на «спецтранспорте двойного назначения») и без формы. Одно из них, вероятно, принадлежит жертвам лагеря заключенных дудаевского режима (что касается 20 тыс. расстрелянных ичкерийцами – и рады бы их обвинить, да никак не получается – это же вам не кино и не телепередача; для реализации таких масштабов расстрелов нужна какая-никакая «индустрия» или, на худой конец, 100-тыс. группировка войск, а не пара тысяч боевиков).

Речь идет у фразеологов о ичкерийском лагере заключенных Старый Ачхой в предгорном районе Чечни, с одной стороны, и телесобщениях о массовых захоронениях (80–90 человек) людей якобы без голов, обнаруженных в районе Старого Ачхоя. Между тем, заместитель главного прокурора Чеченской Республики А. Никитин информировал в 2002 г. исключительно об обнаружении нескольких ям, предположительно содержащих человеческие костные фрагменты, – остальное уже додумала пресса ⁴⁵⁶.

⁴⁵⁶ Алленова Ольга. В Чечне обнаружены лагерь смерти // «Коммерсант». 29.08. 2002.

Комендантом ичкерийского концлагеря, по данным СМИ, был некий Ризван Эльбиев. Среди 150 заключенных лагеря, функционировавшего в 1995 г., как сообщает публикация Алленовой, действительно были 20 энергетиков из Санкт-Петербурга, 6 работников «Ростовэнергоремонт», православные священники отец Сергей (Жигулин) и отец Анатолий (Чистоусов), 28 строителей из Зеленокумского ПМК, пленные военнослужащие федеральных сил и чеченцы – сторонники России (к примеру – известный богослов Шахид Газабаев, российский министр республиканской полиграфии, журналист Леча Салигов и т.д.)⁴⁵⁷.

Лично со слов бывшего заключенного Лечи Салигова, который готовит большую книгу о последних десятилетиях истории Чечни и своем участии в общественно-политической жизни, мы узнали, что режим содержания в лагере был тяжелейший, люди голодали и подвергались жестоким побоям. Но хуже всего были непонятные бесконечные бомбардировки лагеря русской авиацией, в ходе которых заключенные гибли и получали ранения. Так был тяжело ранен настоятель Грозненского храма Анатолий Чистоусов (по иронии судьбы – бывший военный летчик, подполковник в отставке). Его перетаскивал с места на место на своей спине мусульманский богослов Шахид Газабаев. Из-за преступного неоказания медицинской помощи дудаевцами священник Анатолий Чистоусов скончался.

Теперь рассказ Салигова об одной из коммерческих тайн первой чеченской войны. Еще до ввода российских войск в Чечню в декабре 1994 г. правительством С. Черномырдина было принято распоряжение о восстановлении народнохозяйственного комплекса и социальной сферы Чеченской Республики, согласно которому были распределены контракты и

⁴⁵⁷ Последний имел ближайшими помощниками бывших военнослужащих Константина Лимонова и Руслана Клочкова, которые, перейдя на сторону боевиков, служили надзирателями в лагере... Оба солдата в 2001 г. были приговорены судом Северо-Кавказского военного округа к 15 годам лишения свободы с отбыванием в колониях строгого режима. Они подтвердили участие Эльбиева в расправах над пленными, и на его задержание был выписан ордер. См.: Судьба полевых командиров Ичкерии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: forum.guns.ru/forummessage/47/204123.html

перечислены фирмам бюджетные средства (все оставалось, как говорится, в пределах Садового кольца). Один из крупнейших контрактов 1995 г. был связан с некоей компанией из Санкт-Петербурга, взявшей на себя восстановить самую большую на Юге России ТЭЦ в г. Грозном, оговорив выполнение контракта форс-мажорными обстоятельствами. В Грозный были направлены несколько питерских инженеров и 2–3 десятка бомжей, единственным имуществом которых были паспорта.

С территории ТЭЦ Заводского района чеченской столицы, согласно договоренности коммерсантов с боевиками, «строители» были беспрепятственно вывезены в указанный лагерь. На этом действие контракта по ее «восстановлению», вследствие форс-мажора, законным образом было прекращено, а огромные государственные деньги тем самым присвоены. Леча Салигов рассказывает, как позднее в лагере возник громкий и дикий скандал: комендант, рассчитывавший нажиться еще и на огромных выкупах питерских «энергетиков» родственниками за счет продажи их квартир, обнаружил, что ему подсунули бомжей. Несчастных ежедневно избивали с криками и проклятиями в адрес московско-питерских мошенников.

Грязное ерничанье на чеченской трагедии. В общем, как и следовало ожидать, мы имеем в тексте сумбурное использование «информационного мусора» и непроверенных данных для конструирования некоей исторической «страшилки». Кончились эти упражнения для авторов очерка №5 очередным и ожидаемым конфузом. Люди не знают ни места действия, ни людей, ни реальные процессы, ни того, как в разоренной войной маленькой Чечне, заблокированной по всему периметру, невозможно было прокормить (лично один из авторов может засвидетельствовать отравление большой группы жителей Веденского района кормовым жмыхом летом 1998 г.) и обеспечить фронт работ не только для 70 или 40 тыс. рабов, но и 70 человек ⁴⁵⁸. Ничего не понимают эти лица во внутривосточной

⁴⁵⁸ Ситуация дошла до того, что в ичкерийской Чечне впервые появились нищие старики и беспризорные дети, трупы умерших в больнице людей порой не забирали родственники – нечем хоронить. Нужда вытолкнула, на блошиные, по существу, рынки учителей, врачей, инженеров и ученых. Кустарная выработка бензина в своеобразных «самоварах» приводила не

ской ситуации в Чечне, не видят наличия раскола между крошечной, по численности, но вооруженной частью ичкерийцев и ваххабитов и основной частью народа, и т.д. и т.п. В упор не видят страдания и подлинную трагедию многонационального народа Чечено-Ингушетии. Но зато в полной мере читатель получает грязненькое ерничанье на крови.

От капиталистического гиганта США к гиганту стадиальности и укладности – Чечне. Когда-то народы великого СССР сплывались идеологией враждебного капиталистического окружения и военной угрозы со стороны великой державы – США; теперь благодаря нашим «школьникам» горизонты резко сузились. Кубанско-пятигорский проект этнонационализма сводит угрозы для великой России к факту существования маленьких, горских народов (главным образом, Чечня) с их укладностью и стадиальностью. Причем, прямо по Умберто Эко горские враги рисуются в одно и то же время, как слабые и как чересчур сильные. Страшнее зверя кошки нет или просто паранойя?

С подобной индустрией ненависти в СМИ и интернете придется бороться всем миром с активным участием органов власти. Думаем, что очень скоро в этом направлении придется проводить активную планомерную работу по анализу публичной деятельности духовных потомков нацистских идеологов, выявлению в т.ч. и анонимных разжигателей межнациональной вражды в стране, с последующим уголовно-судебным преследованием.

Странные оценки современной ситуации в Чечне и грязная пропаганда. Перейдем в заключение, к некоторым оценочным суждениям виноградных и клычниковых – фразеологическим построениям о исторической несостоятельности чеченцев. Вот к примеру словосочетания о сегодняшней ситуации только к прямой гибели в результате взрывов, но и к невероятному взлету онкологических заболеваний. Люди выживали за счет пенсий (их выплачивала Россия), подсобных хозяйств, случайных заработков и торговли, в т.ч. кустарным бензином. Только от 2 до 9 % жителей различных возрастных категорий имели нерегулярно получаемую зарплату на госпредприятиях и учреждениях. – См.: Альтамирова Зура. Жизнь в послевоенной Чечне // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999. С. 308–323; Келиматов Ахмад. Указ. соч. С.291.

ации: «Отсутствие русского населения делает Чечню одним из наиболее уязвимых субъектов российской государственности. В случае ухудшения геополитического положения России это может закончиться очередным вооруженным выступлением и выходом Чеченской Республики из состава государства»⁴⁵⁹. Но в 1991 г. присутствие не менее 250-тыс. русского населения в Чечено-Ингушской Республике почему-то не гарантировало от указанных проявлений. Может быть, если хорошо подумать, дело все-таки в другом – в силе или бессилии Российской Федерации как государства. А страшилки, подобные высказанным, оставить лучше нашим эрзац-пропагандистам для собственного чтения.

Интересные суждения высказывают авторы о засилье «клановости» и «этнической преступности» в национальных республиках Северного Кавказа (где все это, безусловно, присутствует). Однако, может, стоило развить эту тему на более впечатляющих примерах: скажем, изучить состав и происхождение высшего слоя госчиновничества Федерации или сопоставить конкретные цифры преступности по Северному Кавказу и в целом по России. Какова русская этническая преступность (кстати имеющая явный «национальный» крен в сторону такого вида, как преступления против личности) на сегодня? Тогда это была бы наука, а не грязная пропаганда, как в данном случае.

Дальше – хуже: **«В то же время представляется, что внешняя политика, проводимая федеральным центром в отношении своей южной периферии, исчерпывает свой потенциал. «Игры в государственность», не подкрепленные соответствующими экономическими, политическими, да и ментальными возможностями населения российских окраин видятся неоправданными и тупиковыми (выделено нами. – Д.А. Я.А.) ... На сегодняшний день имеет мол место обострение так называемого кавказского вопроса, в основе которого «лежит порочная практика подавления русского национально-го самосознания и, с другой стороны, ублажение всевозможных этнических элит за счет интересов русского народа, по сути ли-**

⁴⁵⁹ Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 212.

шенного в РФ субъектности»⁴⁶⁰. Конечно-конечно, читали – «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца». Так сказать, Адольф Гитлер и «Моя борьба» – извините бога ради, конечно В.Б. Виноградов, Ю.Ю. Клычников, Б.В. Виноградов и – «Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века»!

Противопоставление русских и горцев как склонных первых к прогрессу и модернизации, а вторых, неспособных к оным, едва ли не стало модным приемом среди отдельных современных политиков и ученых типа наших фразеологов. Но наше время порой жестко разбивает подобные воззрения, обращая их против самих авторов. Так, на Западе все более распространяется позиция тех, кто выставляет этнических русских якобы противниками реформ и якобы неспособными к демократии вообще, вследствие особенностей истории и авторитарной ментальности⁴⁶¹.

⁴⁶⁰ Там же. С. 214–215.

⁴⁶¹ См.: Лукин А.В. Шовинизм или хаос: порочный выбор для России // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. Причем русские якобы тормозят демократию и реформы не только в своей стране – так, на стр. 161 автор приводит вывод из доклада независимого немецкого фонда Бертельсманна о ситуации в Эстонии: «В Эстонии никогда не было прямых или косвенных вызовов демократизации или переходу к рыночной экономике... Хотя в Эстонии сохраняется серьезный национальный раскол, ограничительная политика в области гражданства означала, что русские получили гораздо меньшую политическую власть, обладание которой могло позволить им замедлить ход реформ».

Заключение

Попытка диагноза. Лексика наших авторов, используемая на протяжении всей работы, не требует специального комментария. Она из того разряда, что применяется не в научных исследованиях, а в пропаганде. Причем в дешевой пропаганде, призванной доказать, что «они» хорошие, а «другие» плохие. Даже нейтральные явления у «них» оцениваются со знаком минус с максимально негативной номинацией. Основным методом, избранным авторами, является отнюдь не научный подход, а прямая ложь с использованием некоей исторической фактуры.

Диагноз в принципе ясен: в наше время, как известно, старый, добрый **расово-биологический расизм** уже не срабатывает. Вместо него маргиналами от науки и нацистским отребьем используется понятие **культурно-цивилизационной несовместимости**. Тот же расизм, но как бы направленный в защиту образа жизни своего народа (как превосходящей цивилизации) от иных форм человеческого существования (хотя речь может идти просто о другой цивилизации, имеющей такое же право на существование). Вот это и взято на вооружение виноградowymi и клычниковыми...

Завершая свою книгу, наши авторы-фразеологи (или так сказать мастера разговорного жанра) еще раз подчеркивают: «Обращает на себя внимание увлеченность части этнической интеллигенции проблемами своего исторического и культурного наследия... Но если сегодняшние достижения культуры народа не блестящи, о чем свидетельствует стагнация экономики и низкий уровень жизни значительной части населения, то компенсировать это можно, актуализируя архетипический комплекс маскулинности». Далее идут обвинения национальной интеллигенции и историков в бог каких весть каких грехах, вплоть до «формирования идеологии «чеченской революции» в плане обоснования правомочности выхода Чечни из российско-советской тюрьмы народов»⁴⁶².

То обстоятельство, что чеченская интеллигенция с точностью наоборот была против такого вектора развития Чечни и в

⁴⁶² Виноградов Б.В. Виноградов В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С 216, 217.

конечном счете выступила катализатором в начале демократического сопротивления режиму Дудаева, а затем и вооруженного восстания, наших пропагандистов не колеблет. Фразу-то построили, а что написано пером, не вырубишь топором!

Во всем грезится фразеологам наличие племенной отсталости: национальные историки по предопределению «стремятся за столбить за собой право на изречение исторических истин в последней инстанции (ну, совершенно как авторы данного опуса и члены виноградовской «Школы!» – Д.А., Я.А.) и весьма негодуют, если историки, не отмеченные этнокомплиментарной заикленностью, с ними почему-то не соглашаются (точно сказано, и таких «историков», не соглашающихся с основным корпусом северокавказских исследователей, легко пересчитать на пальцах. – Д.А., Я.А.)»⁴⁶³.

Разумеется, не обошлось без разъяснения «черкесского вопроса» и набившего оскомину довода, что черкесы «сами себя высекли» и нечего говорить о их депортации и геноциде в прошлом. Конечно, никакой «национально-освободительной борьбы» горских народов в прошлом так же не было, как и колониальной политики царизма. Все коллизии объяснялись традиционным укладом и набеговой традицией горцев. А вот согласны ли «школьники»-фразеологи на правомерность использований подобных объяснений по отношению к вековой борьбе русского народа с хищническим военно-феодальным сословием российского государства?

Фашизм и расизм, фанаберия и некомпетентность в одном стакане. Наконец, в своем «Заключении» монографического пасквиля историки-фразеологи подошли к рецептам-указаниям относительно того, как должно выстроить горские народы Северного Кавказа, что и как должна здесь делать российская государственная власть. Суть их высоких указаний, как нам представляется, довольно тупо позаимствована из брошюры «Унтерменш», распространявшейся среди немецких солдат на Восточном фронте: «Вы должны уяснить себе, что вы на многие века являетесь представителями Великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и Новой

⁴⁶³ Виноградов Б.В. Виноградов В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 218.

Европы. Поэтому вы должны с сознанием своего достоинства проводить даже **самые жёсткие и самые беспощадные мероприятия** (выделено нами. – Д.А., Я.А.), которые потребует от вас государство».

Итак, горский «традиционный уклад, основанный на переплетении раннефеодальных и патриархально-родовых отношений и соответствующей системе ценностей, весьма сложно было приспособить к реалиям и перспективным планам Российского, а затем Советского государства». Конечно, куда легче оказалось приспособить к ценностям коммунистической империи в качестве бессменного лидера великой державы СССР с 1924 по 1953 г. грузинского бандита-налетчика и бакинского рэкетира Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Дзугаев) с его бандой «тонкошеих вождей».

«Выраженные маскулинные ценности, утрата способности критически осмысливать историко-культурный опыт собственного народа, клановость, фактическое возрождение кровной мести – все это стало реальностью современного Северного Кавказа... два с лишним десятилетия дали масштабный опыт деградации многого из того позитивного, что было наработано...»⁴⁶⁴. Может быть, и так, но куда более бесспорный и необычайно выразительный фактический материал дал бы авторам процесс изучения «ценностей», на которых строилась вся современная Россия последних десятилетий. Поистине, вселенский масштаб!

Так, остро нуждаются в изучении те потери, которые понес за последние десятилетия, главным образом, русский народ в результате прямого вымирания⁴⁶⁵, массовой эмиграции

⁴⁶⁴ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 221, 222–223.

⁴⁶⁵ Президент Российской Федерации В.В. Путин 20 июня 2006 г. сообщил: «Критическое сокращение народонаселения страны впервые было отмечено в 1993 году и приобрело с тех пор устойчивый характер. Фактически мы стоим сегодня у кризисной черты. За 13 последних лет число умерших граждан страны превысило число родившихся на 11,2 миллиона человек. Если ничего не делать, то к концу XXI века население России уменьшится вдвое». – См.: Стенографический отчет о заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию. 20-июня 2006 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-tech.ru/articles/view/4/>

в дальнее зарубежье, обезлюживания громадных территорий Дальнего Востока и Сибири, измеряемого минусом 6–7 млн. человек (там, кстати, как бы не встречаются горские образования с «маскулинными» ценностями, но наши фразеологи, наверное взвалят вину за исход русских на чукчей, эвенков, коряков, орочей, селькупов, телеутов и даже на последнего из удэге). Казалось бы, флаг в руки, но нет: опять заладили все Кавказ, да чеченцы... бей барабан, рейтесь знамена! Порой со стороны Пятигорска, Армавира и Славянска на-Кубани до нас доносится грохот сапог и шарканье туфель!

И насчет подчеркивания дотационности горских республик наших авторов понесло, как всегда, совсем не туда. И понятно, что вследствие самоочевидной фанаберии и некомпетентности. Так, в России дотационными являются, как утверждают эксперты, 70 субъектов из 83, т.е. 84% из всех регионов России находится в зоне убыточности. В них проживает 74,2% населения страны, они охватывают 87% территории государства. Та же Чечня формально занимает 11 место по дотациям на душу населения, но при этом не учитываются доходы от продажи нефти, извлекаемой Роснефтью на ее территории – до 1,5 млн тонн (за последние 10 лет примерно 500 млрд рублей в казну), объемы сборов зерна и собираемость налогов (12 млрд рублей в год). Весь бюджет Чечни в последние десятилетия заключался в пределах 50–70 млрд рублей в год. А вот по зарплатам бюджетникам дотационной является и Москва – так построен наш российский бюджет, что пенсии, зарплаты учителям, врачам, полицейским и т. д. всегда выплачивает центр. В целом в вопросе о дотационности Чечни при ближайшем рассмотрении складывается несколько другая картина, весьма отличная от собирательного образа в СМИ и Интернете.

Добавим к сказанному не менее печальные цифры: в общей возрастной структуре населения в 1991 г. в России было свыше 40 млн. детей, а в 2008 г. количество детей составило 27 млн. Падение рождаемости – минус 13 млн. В России распадается, по официальным данным, каждая вторая семья, а 650 тыс. детей являются сиротами порой при живых родителях, больше, чем в войну. – См.: Лиханов Альберт. Что обещает детство // Дружба народов. №11. 2009. С. 132; Ольга Ирисова. Лесоповал в своем глазу // Московский комсомолец. 22 июля 2014.

Пора, наконец, всем осознать, в т.ч. и нашим авторам, что реально вся страна со всеми ее народами, включая и русский, живут сегодня за счет нефти и газа, извлекаемых в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных национальных округах. Все!

Недаром американский экономист Клиффорд Гэдди называет экономику России «виртуальной экономикой». Потому что «экономические успехи сконцентрированы в нескольких секторах, прежде всего, занимающихся экспортом природных ресурсов». Но данные отрасли оказывают небольшое воздействие на жизненный уровень большинства населения страны, которое, в принципе, существует без качественной и прилично оплачиваемой работы ⁴⁶⁶.

Виновны! Безусловно, в рассматриваемой работе внимательный читатель найдет для себя сам по себе объективный исторический материал (хотя и не трактуемый взвешенно и согласно принципам исторического исследования) и некоторые, пусть злобные, суждения, объективно бесполезные горским гражданам РФ с точки зрения познания различных сторон некоторых своих национальных свойств и особенностей. Однако все и вся перевешивает какое-то животное тяготение к негативу, иступленная ненависть к горцам, которые виноваты уже фактом своего присутствия на этой земле, виноваты тем, что не стали робкими, послушными туземцами, отдающими при каждом чихе поклоны «сахибам». Виноваты настолько, что их любое действие, движение, намерение, мысль трактуются исключительно с позиций полезности или враждебности германству (простите, русскому народу!). Все это сопровождается и вот такими приступами сумасшествия: «... будучи традиционным по своему характеру, чеченское общество (речь идет о 50–70-х гг. XX в. – Д.А., Я.А.) отличалось высоким уровнем рождаемости, что негласно поощрялось местными религиозными авторитетами, которые таким образом стремились к вытеснению русских» ⁴⁶⁷. Какие провидцы, однако!

⁴⁶⁶ Белоцерковский Вадим. Вымирание населения ведет Россию к скорой гибели! Интервью с Никлосом Эберстадом и комментарии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belotserkovsky.com/articles/raznoglacia.html

⁴⁶⁷ Виноградов Б.В. Виноградов, В.Б. Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С. 189.

И это все не какие-то там ошибки на пути познания, когда, говоря словами И. Канта, «могут появиться ложные представления, которым не соответствуют предметы, причем источником обмана служат то иллюзии воображения (в грезах), то ошибки способности суждения (при так называемом обмане чувств)» и т.д. Все рассмотренное выше понятно и объяснимо без углубления в специальные области познания человеческой психики, мифологию и теорию информационных войн, в вопросы национальной безопасности и т.д., и т.п.

Мы, безусловно, имеем дело с жадной **безнаказанной неправоты, ксенофобией, расизмом и примитивной формой фашизма**, как-то: полной законности достижения для русских некоего Lebensraum im Osten на Северном Кавказе за счет «отсталых» горцев с их низкой укладностью, подозрением в наличии преференций у «другой нации» и уверенностью в цивилизационном превосходстве своей. Тоска по тоталитаризму: утром – донос, а вечером уже увезли родимого в «воронке», или же составил пасквиль на целый народ (а ведь в свое время действительно писали тысячи писем с жалобами на «недосоветских» чеченцев и ингушей, инстинктом ощущая их неуютность режиму), а через месяц-другой – народ уже в эшелонах ⁴⁶⁸.

Конечно, пятигорско-армавирские авторы националистических страшилок не понимают, что там, наверху, в среде властной и финансовой верхушки России, национализма не было и нет, там полная дружба народов. Эти страшилки, в лучшем случае, прочтут такие же нищие маргиналы, как и наши авторы. Но они в определенном смысле все-таки формируют среду, отравляют экологию сосуществования наших народов.

И есть в этом вопросе еще один уровень, выводящий нас в сферу высокой многоходовой политики с дальним прицелом: рассматриваемая книга находится целиком в параметрах соответствующей вредоносной практической задачи (для реализации которой давно ведется идеологическая подготовка) – **отделить Кавказ от России, или наоборот – Россию от Кавказа.**

⁴⁶⁸ См.: в этом плане интересную книгу: Нухажиев Н., Умхаев Х. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. Грозный, 2009.

Наконец, последняя ипостась выделенной нами проблемы: национализм и фашизм – это только для низов, так сказать, опиум для народа. Виноградовы и клычниковы сегодня – та самая дешевая «наука» для маргиналов. А вот истинным промутером ультра национализма сегодня в России и в мире (по мнению известного политолога М. Шевченко), выступают по-прежнему олигархия и властно-бюрократические кланы, поддерживаемые по разным причинам сообществом масс-медиа. Социальное недовольство заинтересованные силы всегда пробуют перевести в этнонационализм. Ведь он не требует от человека никакого интеллектуального и политического усилия, трудных ежедневных усилий по воспитанию в себе человека⁴⁶⁹. Зарядился какой-нибудь «стадиальностью», «укладностью» – и вперед!

Мощь великого народа. Надо отдать должное тому обстоятельству, что в целом античеченская ксенофобия в России встретила и встречает по сей день достойное сопротивление высшего руководства страны во главе с Президентом РФ, правозащитных организаций, так и целого ряда видных ученых и общественных деятелей, не говоря уже о неприятии подобных негативных оценок русской интеллигенцией и русским народом в целом, ибо, как великий народ, он обладает и великими базовыми гуманистическими ценностями. Хотя мощь и накал ксенофобско-националистического дискурса в нашей стране настолько силен, что остается только удивляться тому обстоятельству, что русский народ выдерживает все это. На уровне инстинкта простые люди чувствуют, что стоит пере-йти грань межнационального мира, как страна скатится к меж-национальной войне, которой Россия будет разрушена раз и навсегда.

Чего мы хотим? В общественно-государственном плане остается непонятным и необъяснимым на нашем примере тот факт, что несколько патентованных шарлатанов, откровенно исповедующих примитивные фашистские взгляды, годами ведут политику разжигания ксенофобии и межнациональной вражды в отдельно взятом регионе, по ряду параметров, дей-

⁴⁶⁹ См.: подробнее: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: russkg.ru ›index.php?...2011-10-18...2014-05-27...article; <http://www.rosbalt.ru/main/2014/05/16/1188075.html>.

ствительно проблемном⁴⁷⁰. Почему под эгидой Министерства просвещения и науки РФ, ряда высших учебных заведений и научных центров Северного Кавказа взгляды, подобные тем, что мы только что рассмотрели, копируются в научных пособиях для вузов, в бесконечных переизданиях вариаций одних и тех же «монографий», в неких коллективных сборниках, в статьях, очерках, «этюдах» и «эскизах»? Ведь другого такого примера масштабного фонтанирования псевдонаучного националистического негатива на отдельно взятой территории (Средняя Кубань и Южное Ставрополье) в границах нашей необъятной Родины-России просто нет.

Когда этому валу ущербной информационно-пропагандистской продукции и конкретной негативной деятельности, представляющей реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации будет положен конец? Когда наконец историки Северного Кавказа, как горские, так и русские, смогут заняться исключительно научными проблемами, а не оценками потока нервно-истерических публикаций (научное содержание которых как правило ничтожно) сомнительных деятелей нашего нелегкого времени.

Мы понимаем, что одним из серьезнейших факторов, осложняющим ход «битвы за Чечню», является то обстоятельство, что целые пласты российского общества оказались зараженными архаизацией и этнизацией, а предпринятые по рекомендациям отдельных политтехнологических групп государственные меры по «негативной мобилизации» общества (с опорой на этнонационализм) оказались разрушительными. Необходима целая программа по реализации другого, подлин-

⁴⁷⁰ Вот публикация Б. Мелик-Степаняна «Ты русский?» за 14 мая текущего 2014 г. о настроениях молодежи на той же Кубани: «Молодежи, выросшей на пропаганде «казачьего края», где губернатор открыто заявляет о политике выдавливания северокавказцев с региона, не объяснили, что Отечество – это и Адыгея, и Чечня, и Калмыкия и множество других регионов большой страны... Конечно же, в крае есть межнациональная политика, и большинство людей связаны дружбой и даже семейными узами с людьми другой национальности. Но сейчас речь о подрастающей молодежи, все больше которой придерживается смешанных взглядов, которые варьируются между радикальным национализмом и монархизмом». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kavpolit.com/blogs/emden/3927/.

но созидательно-государственного сценария по мобилизации российского общества. И в этом плане «битва за Чечню» (преодоление явления демонизации целой страны и народа, гуманизация подходов в оценках общественных наук и, как не печально, нейтрализация огрехов образования ⁴⁷¹) это, скорее, битва за сохранение российской цивилизационной общности и тысячелетнего государства. И участниками этого виртуального сражения являются сегодня все живущие на российской земле.

⁴⁷¹ Данный вопрос остался за скобками нашей работы, но он чрезвычайно важен. Ведь определенную "научную базу" под исторически-биологическую обусловленность "бандитства" и "изменничества" чеченцев подводят некоторые деятели с учеными степенями, научившиеся облекать ложные суждения во внешне научную форму. С их подачи в школьные и даже вузовские учебники со второй половины 90-х годов XX в. стали просачиваться негативные оценки в адрес целых народов. Так, в целом ряде федеральных учебников истории твердо формулировалось, что причиной Кавказской войны стало недовольство горцев запретом российского правительства "совершать грабительские набеги на соседей и торговать захваченными пленниками, что являлось одним из их основных занятий". Вузовский учебник "Политология" (М., 1995) В.В. Ильина содержит клеветнические оценки о роли чеченцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и оправдание сталинского геноцида. Большой общественный резонанс вызвал учебник исторического факультета МГУ (!) «История России. 1917–2009». М., 2010 (написанный Барсенковым А.С., Вдовиным А.И.), содержащий циничные выпады в адрес евреев и чеченцев, как этносов.

Conclusion

Attempt of the diagnosis. The lexicon of our authors used throughout all work does not demand the special comment. It from that category that not in scientific researches, but in promotion. Moreover, in the cheap promotion urged to prove that «they»are good and «other»bad. Even the neutral phenomena at «them»estimated with a minus sign with the most negative nomination.

The diagnosis actually is clear: presently, as we know, old, kind racial and biological racism does not work anymore. Instead of it outcasts from science and nazi Internet rabble use concept of cultural and civilization incompatibility. The same racism, but as if sent to protection of a way of life of the people (as the surpassing civilization) from other forms of human existence (though the speech can simply go about other civilization having the same right for existence). This is adopted by vinogradovs and klychnikovs.

Finishing the book our authors-frazeologys (or say so masters of a colloquial genre) once again emphasize: «Enthusiasm of part of the ethnic intellectuals for problems of the historical and cultural heritage attracts attention... But if today's achievements of culture of the people aren't brilliant to what stagnation of economy and a low standard of living of considerable part of the population testifies, it is possible to compensate it by actualizing an archetypical complex of a masculinity»⁴⁷². Further there charges of the national intellectuals and historians in what god what message sins, up to «formation of ideology «of the Chechen revolution»in respect of justification of competency of an exit of Chechnya from the Russian-Soviet prison of the people»⁴⁷².

That circumstance that the Chechen intellectuals with an accuracy on the contrary were against such vector of development of Chechnya and eventually acted as the catalyst at the beginning – the democratic resistance to Dudaev's regime, and then armed revolt, our propagandists don't shake. The phrase constructed, written with a pen will not cut down with an axe!

Phraseologists seen throughout the existence of tribal backwardness: national historians on predetermination «seek to stake out for themselves the right for saying of the historical

⁴⁷² Vinogradov B.V., Vinogradov V.B, Klychnikov Y.Y. Decree. Op. cit. p. 216, 217.

ultimate truth (well absolutely as authors of this opus and members of Vinogradov's «School»! – D. A., Y.A.) and are indignant if the historians disagreeing with the main case, who aren't marked out by ethno-complementary obsession for some reason disagree with them (it is precisely told, and such «historians» we can count on fingers and to call by surname. – D.A., Y.A.)»⁴⁷³.

Certainly, it didn't done without explanation of «the Circassian question» and the argument which set the teeth on edge that Circassians «cut themselves» and there are nothing to speak about their deportation and genocide in the past. Of course, any «national liberation fight» of the mountain people was not in the past, as well as a colonial policy of tsarism. All collisions explained by traditional way and tradition attacks. And whether «students»- phraseologists here agree to legitimacy of application of similar explanations to century fight of the Russian people against injurious military and feudal estate of the Russian state?

Fascism and racism, fanaberiya and incompetence in one glass. At last, in «Conclusion» of monographic lampoon historians-phraseologists approached recipes-instructions, concerning that how must be build the mountain people of the North Caucasus what and how the Russian government must do here. The essence of their high instructions, from our point of view, stupidly borrowed from the brochure «Untermensch» extending among the German soldiers on East front: «You have to understand to yourself that you for many centuries are representatives of Great Germany and standard-bearers national socialist revolution and New Europe. Therefore, you have to hold with consciousness of the advantage even the most rigid and most ruthless events (it allocated by us. – D.A., Y.A.) which will demand from you the state”.

So, mountain «traditional way based on an interlacing of the early feudal and patriarchal and patrimonial relations and the relevant system of values was very difficult to be adapted for realities and long-term plans of the Russian, and then Soviet state”. Of course much easier appeared to adapt to values of the communistic empire as the permanent leader of the great power of the USSR from 1924 to 1953 the Georgian bandit robber and the Baku racketeer Iosif

⁴⁷³ Vinogradov B.V., Vinogradov V.B, Klychnikov Y.Y. Decree. Op. cit. p. 218.

Vissarionovich Dzhugashvili (Dzugayev) with small group of «thin-necked leaders».

«The expressed masculine values, bereavement of ability critically comprehend historical and cultural experience of own people, a clannishness, the actual revival of blood feud – all this became reality of the modern North Caucasus ... more than two decades gave large-scale experience of degradation of much from this positive that was acquired ...»⁴⁷⁴. Maybe so, but much more indisputable and extraordinary expressive actual material would give to authors process of studying of «values» on which all modern Russia of the last decades was built. Really, universal scale!

So, those losses which were suffered for the last decades mainly by the Russian people as a result of direct extinction ⁴⁷⁵, of mass emigration to foreign countries, emptiness of enormous territories of the Far East and Siberia measured by minus of 6-7 million people are in great need in studying (there by the way, mountain educations don't meet «masculine» values, but ours phraseologists probably will cast blame for an outcome of Russians on the Chukchi, Evenks, Koryaks, Orochs, Selkups, Teleuts and even on the last of an udega). It would seem, a flag in hands, but no: again took all the Caucasus

⁴⁷⁴ Vinogradov, B.V., Vinogradov, V.B., Kluchnikov Y.Y. Decree. Op. cit. p. 221, 222-223

⁴⁷⁵ The president of the Russian Federation V. V. Putin reported on June 20, 2006: "Critical reduction of the population of the country was for the first time noted in 1993 and gained steady character since then. Actually, we stand at crisis line today. In 13 last years the number of the died citizens of the country exceeded number of people who were born on 11,2 million. If we won't do nothing, by the end of the XXI century the population of Russia will decrease twice". – See, the Verbatim record about the meeting of Security council devoted to measures for implementation of the Message to Federal Assembly. on June 20, 2006 – [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.science-tech.ru/articles/view/4/>

We will add to told more sad figures: in the general age structure of the population in 1991 in Russia there were over 40 million children, and in 2008 the number of children made 27 million. Falling of birth rate gave minus of 13 million. In Russia breaks up every second family according to official figures, and 650 thousand children are orphans sometimes at living parents, bigger than in war. Likhanov Albert. What promises the childhood//Friendship of the people. No. 11. 2009. Page 132. Olga Irisova. A tree felling in the eye//Moskovsky Komsomolets. July 22, 2014.

and Chechens ..., beat a drum, be flown banners! Sometimes from Pyatigorsk, Armavir and Slavyansk on – Kuban the roar of boots and a shuffling of shoes reaches us!

And about underlining of dependence on subsidies of the mountain republics of our authors incurred as always absolutely not there. And it is clear that owing to an axiomatic fanaberiya and incompetence. So, in Russia are subsidized, according to experts of 70 subjects from 83, i.e. 84% of all regions of Russia is in an unprofitability zone. There are lives 74,2% of the population of the country, they cover 87% of the territory of the state. The same Chechnya formally takes the 11th place according to grants per capita, but thus the income from sale of the oil extracted by Rosneft in its territory – to 1,5 million tons (for the last 10 years about 500 billion rubles in treasury), volumes of collecting grain and a collecting of taxes isn't considered (12 billion rubles in a year).

All budget of Chechnya in the last decade within 50-70 billion rubles a year. And here on salaries to state employees also Moscow is subsidized – our Russian budget is so constructed that pensions, salaries to teachers, doctors, police officers etc. are always paid by the center. In general, in a question of dependence on subsidies of Chechnya on closer examination there is some other picture other than a generalized character in mass media and the Internet.

At last, it is time to realize everything, including our authors, that really all country with all its people including Russian, live at the expense of oil and gas the autonomous national areas taken in Khanty-Mansiysk and Nenets today. In total! Not without reason the American economist **Clifford Gaddy** calls economy of Russia «**virtual economy**». Because «**economic progress is concentrated in several sectors, first of all, which are engaged in export of natural resources**». However, these branches make small impact on a standard of living of most of the population of the country, which in principle exists without qualitative and decently paid work⁴⁷⁶.

We are guilty! Certainly the attentive reader will find in the considered work for himself objective historical material (though

⁴⁷⁶ Belotserkovsky Vadim. Extinction of the population conducts Russia to fast death! Interview to Niklos Eberstad and comments. [Electronic resource]. – Access mode: [belotserkovsky .com>articles/raznoglacia.html](http://belotserkovsky.com/articles/raznoglacia.html)

not treated deliberately and according to the principles of historical research), and some, let spiteful judgments, reasonably useful to mountain citizens of the Russian Federation from the point of view of knowledge of various parties of some national properties and features. However everyone and everything is outweighed by some animal inclination to a negative, frenzied hatred to mountaineers who are guilty already by the fact of the presence on this earth, are guilty that didn't become the shy, obedient natives making at each sneeze bows to «sakhiba». Are guilty so that their any action, the movement, intention, thought are treated only from positions of usefulness or hostility to a germanism (forgive – to the Russian people!). All this followed here by such attacks of madness: «... being traditional in character, the Chechen society (it is about the 50-70th of the XX century – D. A., YA.A.) **differed in the high level of birth rate that was secretly encouraged with local religious authorities which thus sought for replacement of Russians**»⁴⁷⁷. What seers, however this religion authorities!

Also it is all not some mistakes on the way of knowledge when speaking to words I. Kant «there can be false representations to which there don't correspond subjects, and that illusions of imagination (in dreams), errors of ability of judgment (are a source of deception at a so-called delusion)», etc. All considered above it is clear and explainable without deepening in special areas of knowledge of human mentality, mythology and the theory of information wars, in questions of national security, etc., etc.

We certainly deal with thirst of an unpunished wrongfulness, xenophobia, racism and a primitive form of fascism somehow: full legality of achievement for Russians of a certain «Lebensraum im Osten» in the North Caucasus at the expense of «backward» mountaineers with their low conventionality, suspicion available preferences at «other nation» and confidence in civilization superiority of their one. Of course here and a peculiar melancholy for totalitarianism – in the morning a denunciation, and in the evening already took away darling in «funnel», or made a lampoon on the whole people (and after all in due time really wrote thousands of letters with complaints to «not pre-Soviet» Chechens and Ingushs an

⁴⁷⁷ Vinogradov, B.V., Vinogradov, V.B., Kluchnikov Y.Y. Decree. Op. cit. p. 189

instinct feeling their unfitness to the mode). And in a month – other people already in echelons⁴⁷⁸.

Of course, Pyatigorsk and Armavir authors of nationalist horror stories do not understand that there above, in the environment of an imperious and financial top of Russia of nationalism was not and isn't present, there the full friendship of the people based on rules of business. These horror stories will be read at best by the same poor outcasts, as well as their authors. But they in a sense form Wednesday, poison ecology of coexistence of our people.

But there is in this question one more level bringing us to the sphere of high policy with a distant sight: the considered book is entirely in parameters of the corresponding harmful practical task – **to separate Russia from the Caucasus, or on the contrary – the Caucasus from Russia.**

The nationalism and fascism is only for bottoms, just opium for the people. Vinogradovs and klychnikovs today – cheap «science» for outcasts. As the promoter of ethnonationalism today in Russia and in the world (according to the famous political scientist M. Shevchenko), still the oligarchy and imperious and bureaucratic clans supported for various reasons by community of mass media act. Social discontent the interested forces always try to transfer to ethnonationalism. After all, he does not demand from the person any intellectual and political effort, difficult daily efforts on education in himself the person⁴⁷⁹. It was loaded with any «staging» and «traditionalism», and forward!

Power of the great people. It is necessary to pay tribute to that circumstance that in general the anti-Chechen xenophobia in Russia encountered and encounters worthy resistance, headed by the President of the Russian Federation, human rights organizations, and a number of prominent scientists and public figures, without mention rejection of similar negative estimates by the Russian intelligence and people to this day in general because as the great people it possesses also great basic humanistic values. Though power and heat of a xenophobic and nationalist discourse

⁴⁷⁸ See, in this plan the interesting book: Nukhazhiyev N., Umkhaiyev H. Deportation of the people: nostalgia on totalitarianism. Grozny, 2009.

⁴⁷⁹ In more detail: [Electronic resource]. – Access mode: russkg.ru ›index.php?... 2011-10-18...2014-05-27...article;http://www.rosbalt.ru/main/2014/05/16/1188075.html.

in our country it is so strong that it is necessary only to be surprised to that circumstance that the Russian people maintain all this. At the level of an instinct simple people feel that it is worth passing a side of the international world as the country which come down to international war by which Russia will be destroyed for the last time.

What do we want? In the public state plan there is unclear and inexplicable on our example fact that some patent charlatans who are frankly professing primitive fascist views, conduct years policy of incitement of xenophobia and international hostility in separately taken region, in a number of parameters, really problematic ⁴⁸⁰. Why under the auspices of the Ministry of Public Education and science of the Russian Federation, a number of higher educational institutions and scientific centers of the North Caucasus views similar to that we just considered, are cloned in scientific grants for higher education institutions, in infinite reprinting's of variations of same «monographs», in certain collective collections, in articles, sketches, «études» and «sketches». After all other such example of large-scale spouting of a pseudoscientific nationalist negative in separately taken territory (Central Kuban and the Southern Stavropol Territory) in borders simply isn't present our immense Homeland Russia.

When an end put to this shaft of defective information and propaganda production and concrete negative activity of the national security of the Russian Federation posing real threat? When at last historians of the North Caucasus, both mountain, and Russians, are able to deal with exclusively scientific problems, but not estimates of a flow of neurohysterical publications (which scientific contents is usually insignificant) doubtful figures of our hard time.

⁴⁸⁰ Here B. Melik-Stepanyan's publication "You Russian?" May 14, the current 2014 about moods of youth in the same Kuban: "The youth which grew on promotion of "the Cossack edge" where the governor openly declares policy of expression of North Caucasians from the region wasn't explained that the Fatherland is both Adygea, and Chechnya, both Kalmykia and a set of other regions of the big country ... Of course in the region there is an international policy, and most of people are connected by friendship and even family bonds with people of other nationality. But now the speech about the growing-up youth more and more adheres to the mixed views which vary between the radical nationalism and monarchism". – [Electronic resource]. – Access mode: kavpolit.com ›blogs/emden/3927/.

We understand that one of the most serious factors complicating the course of «fight for Chechnya» presently is that circumstance that the whole layers of the Russian society were infected with an archaization and an ethnization, and the state measures for «negative mobilization» undertaken according to recommendations of separate political strategy groups of society (with a support on ethnonationalism) were destructive. The whole program for realization of another – originally creative and state scenario on mobilization of the Russian society on civil, democratic basis is necessary. And in this plan «fight for Chechnya» (overcoming of the phenomenon of a demonizing of the whole country and the people, a humanization of approaches social sciences in estimates of the past and the present of mountaineers and unfortunately, neutralization of flaws of educational system) ⁴⁸¹ is rather information war for preservation of the Russian civilization community and the thousand-year state. And participants of this virtual battle are all living on the Russian land today.

⁴⁸¹ The matter remained behind brackets of our work, but it is extremely important. The after all defined “scientific base” under historical and biological conditionality of “banditry” and “treachery” of Chechens is brought by some figures with academic degrees who learned to give false judgments externally scientific shape. From their giving in school and even high school textbooks from the second half of the 90th years of the XX century began to filter negative estimates to the whole people. So in a number of federal textbooks of history it was firmly formulated that the discontent of mountaineers with a ban of the Russian government “became the reason of the Caucasian war to make extortionate attacks on neighbors and to trade in the captured captives that was one of their main occupations”. The high school textbook “Political science” (M., 1995) V. V. Ilyina contains slanderous estimates about a role of Chechens in the Great Patriotic War of 1941-1945 and a justification of Stalin genocide. The great public outcry caused the textbook of department of history of MSU(!) ‘History of Russia. 1917 – 2009’. M., 2010 (written by Barsenkov A.S., Vdovin A.I.), containing cynical attacks on Jews and Chechens as ethnic groups.

Приложение

1. Ахмадов Я.З. Краткий очерк истории Чеченской Республики

(В книге: Ахмадов Т.З. Первые чеченские врачи: из истории становления здравоохранения в Чечне. Грозный, 2009. С. 6–17).

Чеченцы (самоназвание «нохчи») представляют собой один из древнейших народов мира с характерным этническим лицом и самобытной культурой, уникальным антропологическим типом. На сегодняшний день это самый крупный этнос Северного Кавказа, насчитывающий до двух миллионов человек (из них не менее полутора миллиона живет в Российской Федерации).

Чеченский (или нахский) язык принадлежит к нахо-дагестанской семье языков и восходит корнями к древнейшим хуррито-урартским языкам Передней Азии и Кавказа. Ныне к собственно нахским языкам относят чеченский, ингушский и бацбийский языки. Языки абхазо-адыгской группы также имеют родство с нахо-дагестанскими языками через древнейший сино-северокавказский праязык, зародившийся на Ближнем Востоке.

Заселение древнейшим человеком территории Чечни состоялось не менее 100–40 тыс. лет назад. После окончания последнего ледникового периода в пределах VIII–VII тыс. до н.э. происходит миграция в Закавказье и на Северный Кавказ неолитических племен из верховьев Тигра и Евфрата и с территории современного Ирана. В IV–III тыс. до н.э. северокавказские автохтонные племена совершают переход от каменных орудий труда к металлическим, чем достигают определенного уровня цивилизации. На Кавказском перешейке складываются развитые археологические культуры: майкопская и куроараксская, являющиеся ровесницами древнего Египта и Шумера.

Предки чеченцев имели несомненное генетическое родство с древнейшими народами всего Кавказа, Европы, Передней и Малой Азии. Определенные культурные и языковые связи прослеживаются с цивилизациями междуречья Тигра и Евфрата, с хуррито-урартской общностью, хеттами, этрусками и древнейшим народом Европы – басками.

Антропологический тип праеченцев сформировался окончательно как кавкасионская группа т.н. кавказской подрасы балканно-кавказского типа европеоидной расы в II–I тыс. до н. э. В эпоху

поздней бронзы и раннего железа кавкасионцы заселяли южные и северные склоны Главного Кавказского хребта, между Черным и Каспийским морями, занимаясь главным образом земледелием, скотоводством и ремеслами, связанными с обработкой металла, камня, кожи, кости и глины. Здесь на местной почве сложились две автохтонные археологические культуры – каякентско-харачоевская и кобанская, которые являлись общими для предков чеченцев, дагестанцев, горцев Грузии, ингушей, осетин, балкарцев и карачаевцев.

Древние нахи-чеченцы, освоившие северные склоны Кавказского хребта и степи Предкавказья, в I тыс. до н.э. последовательно вошли в контакты с племенами ямной культуры, со скифским, а в последующем – с сарматско-аланским кочевым миром. Грузинские летописи отмечают этнические объединения «нахов», то есть предков чеченцев, в контексте событий IV – III вв. до н.э., а римские авторы Плиний и Страбон называют отдельные нахские племена в своих трудах, относящихся к I веку н.э. Первое тысячелетие новой эры в истории Кавказа и нахских племен отмечено борьбой нахов и ираноязычных плоскостных алан за контроль над горными перевалами, ведущими с Северного Кавказа и юго-восточных степей Европы в Закавказье и на Ближний Восток, где они вступали в военные действия с римскими легионами, с Сасанидским Ираном и Византией. В VII–IX вв., совместно с народами Грузии и Дагестана, нахами были отбиты несколько масштабных походов полководцев Арабского халифата.

В IX–XI вв. в равнинной зоне Чечни и других северокавказских областей складывается полиэтничное Аланское царство: здесь растут города, расцветает международная торговля. В горной зоне Чечни распространяется влияние Грузии и Ирана, а в нагорной части соседнего Дагестана образуется государство раннеклассового типа – Серир. Часть современных степных затеречных районов современной Чечни входила в Хазарский каганат.

Предки современных чеченцев в XII–XIII вв. принимают участие в политической жизни не только Алании, Серира, Хазарии, но и Грузии. Под именем дзурдзуков, кистов, нахчематианов и глигвов они все чаще упоминаются в произведениях раннесредневековых авторов. В домонгольскую эпоху начинается расцвет каменного строительства в горах Чечни. Такие сложные архитектурные сооружения, как башни, замки, склепы, храмы и святилища могли появиться толь-

ко при условии высокого уровня производительных сил общества, при складывании социальной верхушки.

Своеобразный алано-горский симбиоз, достигнутый к началу XIII в. на Северном Кавказе, был разрушен татаро-монгольским нашествием. В 1222 г. конные тумены двух полководцев Чингисхана – Джебе и Субедея – прорвались из Закавказья на Терек через горы Дагестана и Чечни, где в ее равнинной части разгромили спешно собранное аланско-горское ополчение. Но главный удар по Северному Кавказу и Чечне был нанесен полчищами Батыея в 1238–1240 гг., тогда же, когда монголы громили страны Восточной Европы и Киевскую Русь. Экономическое и общественно-политическое развитие Чечни было отброшено на века. Плоскостное население было большей частью уничтожено или угнано в плен в монгольские улусы и Китай. Здесь еще в XIV в. указывается Аланский конный корпус из потомков северокавказцев. Степная и равнинная часть Северного Кавказа вошла в состав нового монгольского государства Золотая Орда.

Медленно преодолевая последствия страшного завоевания и последующего давления ханов Золотой Орды, население предгорно-равнинной части Восточной Чечни, по крайней мере, к XIV в., создало раннефеодальное объединение государственного типа – Симсим. В период правления здесь Гаюр-хана, в 1395 г., на Северном Кавказе появился с громадной армией в 300–400 тыс. человек среднеазиатский завоеватель Тимур. Сокрушив Золотую Орду в битве на Тереке, он подверг тотальному разгрому горные районы Северного Кавказа, в том числе и Симсим. Враг понес большие потери, но Чечня была разорена дотла, были разрушены и все окружающие ее страны.

С конца XVI в. и в течение XVII в. Кавказский перешеек являлся неизменным объектом притязаний трех великих держав – Османской империи (с ее вассалом Крымским ханством), Сефевидского Ирана и Московской Руси. Свою политику проводили также крупные северокавказские феодалы, грузинские цари и князья, а также объединения горских аулов (т. н. «вольные общества»). В этот период, в ходе полной противоречий политической борьбы, на чеченских землях появляются первые русские крепости и казачьи городки, устанавливаются дипломатические связи горских феодалов со Стамбулом, Москвой и Исфаганом. Так, в 1588–1589 гг. состоялось первое чеченское посольство в Москву, направленное от князя Ших-мурзы Окоцкого, обладавшего политическим влиянием в значительной части Чечни.

Начиная с XVI в. и вплоть до XVIII в. складываются современные границы расселения нахско-чеченского этноса: они заключались между вершинами Кавказского хребта на юге, средним течением Терека на севере, бассейном Акташ-Сулак на востоке и бассейном Ассы Дарьяльское ущелье) на западе (более 50 обществ-федераций и феодальных владений). В XVIII в. из нескольких западно-нахских обществ (ущелья верховий Ассы, Камбилеевки и бассейна р. Армхи) начинается складывание (на базе 5 обществ) ингушской народности, остававшейся близкой к основному чеченскому этномассиву.

В зоне хозяйственного пользования, а частично и политического влияния, горцев Чечни находились степи севернее Терека. Здесь проходили также кочевья ногайцев, которые переселились на Северный Кавказ из Поволжья в XVI–XVIII вв. Тогда же в районе слияния Сунжи с Терекон и по левобережью Терека расположилось несколько станиц терско-гребенских казаков, которые образовали Терское казачье войско, установившее с чеченцами самые тесные культурные, экономические и родственные связи.

В XVII – начале XVIII вв. значительно усиливается процесс внутренней колонизации на чеченских землях. Шла распашка плодородных земель, закладывались аулы, осваивались новые сельскохозяйственные культуры (кукуруза, рис, хлопчатник) увеличивалось поголовье скота. Развивается и ремесленное производство, включая изготовление сложных видов вооружения.

Уровень социально-экономического развития общества обусловил утверждение в Чечне исламской монотеистической религии. По крайней мере, с XVII в. здесь доминирует ислам суннитского толка, который оказал весьма важное влияние на складывание чеченского этноса как нации. В указанный период в стране получили распространение письменность и основы исламско-восточной культуры.

При рассмотрении русско-чеченских связей в XVI–XVIII вв. следует брать в учет, что были установлены официальные отношения Москвы с чеченскими феодалами, которые имели элементы вассально-союзнических связей. Следует также учитывать, что чеченцы в лице своих старшин, князей и исламских авторитетов завязывали отношения и с иранскими шахами, и с османским султаном, и с крымским ханом.

В начале XVIII в., начиная с Петра Первого, российская политика на Кавказе приобретает выраженный колониальный характер.

Когда генералы Екатерины Второй закончили в 60–80-х гг. XVIII в. сооружение военной линии по Тереку и Кубани, а также от Моздока к Владикавказу, то в 1785 г. в Чечне вспыхнуло мощное народно-освободительное движение под руководством имама Мансура. Важно отметить, что имам предпринял определенные шаги в целях создания горской государственности, хотя и не довел их до конца. В 1791 г. первый имам Северного Кавказа, отбросивший на десятилетия исполнение колониальных замыслов Российской империи, был схвачен и обречен на смерть в казематах Шлиссельбургской крепости.

Генерал А. П. Ермолов – «палач чеченского народа», назначенный на Кавказ с правами наместника императора в 1816 г., начинает тотальное наступление на чеченцев и дагестанцев по всему фронту расселения, объявив их самыми непримиримыми врагами империи. При нем была основана на реке Сунже крепость Грозная. Масштабными и жестокими действиями Ермолов буквально вынудил разрозненные горские народы сплотиться. В Чечне и в Дагестане с провозглашением имамом талантливого предводителя Шамиля процесс образования горского государства активизируется и получает реальное воплощение. С 1840 г. Шамиль создает армию, налоговую систему, свод законов, различные государственные институты, вводит новое административное деление – наибства и т. д. Сложилось единое государство Чечни и Нагорного Дагестана – Имамат Шамиля.

В 1859 г. Шамиль был взят в плен, а Имамат развалился под ударами царской армии. Вслед за отменой крепостного права и проведением буржуазных реформ в России, на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне, были проведены административно-территориальные преобразования, создана система военно-«народного» управления. В ходе аграрных преобразований происходило наделение землей казачества, русских и местных офицеров, знатных лиц из чеченцев и т. д.

Рядовое население просто грабилось. Их основное богатство – земля и леса – беззастенчиво отбиралось в казну. Спорадические восстания крестьянства против грабительской политики подавлялись царизмом самым жестоким образом. Под давлением колониальной администрации только в 1865 г. до 25 тыс. чеченцев покинули родные аулы и ушли в пределы Османской империи. Отсюда ведет начало чеченская диаспора в странах Ближнего Востока.

Вместе с тем, втягивание северокавказского региона в экономическую систему капиталистической России второй половины XIX в. объективно оказывало положительное воздействие на социально-экономическое развитие Чечни. В конце XIX в. ударил первый нефтяной фонтан, начинается «нефтяная лихорадка», прокладывается железная дорога, край приобщается к современному капиталистическому предпринимательству. Но основная масса крестьян, лишенная главного средства производства – земли, продолжала испытывать тяжелейшие материальные затруднения.

Именно в этот период, в условиях авторитарного российского режима, Чечня выдвинула своих духовных вождей: Кунта-Хаджи, Солса-Хаджи, Дени Арсанова, Бамат-Гирей Митаева, Сугаип-муллу и др. Они еще при жизни были отнесены к числу святых шейхов, стали суфийскими устазами-учителями, за которыми на смерть и каторгу шли тысячи мюридов. В лоне суфизма выросла мощная идеология освободительного движения.

Для основных социальных слоев Чечни Октябрьская революция и гражданская война явились продолжением национально-освободительной борьбы. Ленин и большевики, обещавшие горцам землю и национальную государственность, получили в Чечне безусловную поддержку.

Однако автономия Чечни (в рамках РСФСР), провозглашенная 30 ноября 1922 г., оказалась ограниченной. С середины 20-х годов XX в. по всей стране, в том числе и в Чечне, имели место массовые реквизиции, аресты, крупномасштабные чекистские мероприятия и т.д. Последовавшая затем коллективизация подкосила силы основной группы населения Чечни – крестьянства. Были разгромлены в конце 30-х годов первые партийно-хозяйственные кадры и интеллигенция Чечни.

Вместе с тем в Чечне (с 1934 г. – Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика) шла своеобразная социальная модернизация: ликвидация неграмотности, механизация сельского хозяйства, формирование национального рабочего класса и городского населения, организация бесплатного медицинского обслуживания и т.д. Опережающими темпами росли нефтедобывающая и нефтеперерабатывающие отрасли ЧИАССР. По существу, на чеченской и азербайджанской нефти была проведена индустриализация СССР.

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Чечено-Ингушская АССР не попала под оккупацию. В течение нескольких месяцев одного только 1941 г. почти 30 тыс. чеченцев и ингушей отправились на фронт. Героически работал в тылу многонациональный рабочий класс, давая столь необходимый для фронта авиационный бензин. Между тем, сталинско-бериевская клика готовила расправу над народом. 23 февраля 1944 г. 120 тысяч солдат и офицеров НКВД и Красной Армии провели войсковую операцию, в результате которой свыше полумиллиона чеченцев и ингушей оказались погруженными в товарные вагоны, доставившие через месяц зимней дороги несчастных пленников в Казахстан и Среднюю Азию. Холод, массовый голод и тиф обрекли нахские народы на вымирание. Этому преступлению советского государства есть юридическое определение – геноцид.

В январе 1957 г. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, и далее здесь происходили социально-экономические процессы, характерные для всей страны, «успешно» строившей социализм. В целом промышленность и сельское хозяйство республики развивались опережающими темпами. Нефтяная отрасль ЧИАССР, наряду с Азербайджаном, обеспечивала практически всю потребность СССР в нефтепродуктах. Удельный вес этих двух индустриальных центров падает только с ростом добычи нефти в Татарии, Башкирии и Западной Сибири.

Во второй половине 80-х годов XX в. в условиях гласности и перестройки процесс духовного развития чеченского народа пошел довольно активно. В Чечне зародились первые независимые политические партии и организации, проходили митинги и демонстрации, стали выходить независимые газеты. Росло национальное самосознание, появились первые концепции политического развития республики по пути независимости.

Несмотря на известные издержки, связанные с социалистической экономикой, Чечня к концу 80-х годов превратилась в крупный индустриальный, культурный и научный центр Северного Кавказа. Здесь добывалось 4 млн. тонн собственной нефти и перерабатывалось в год до 16 млн. тонн привозной продукции на местных нефтеперерабатывающих заводах. Грозный являлся основным поставщиком горюче-смазочных материалов для всего Юга России. Здесь производилось сложное нефтепромысловое и нефтехимическое оборудование, находившее спрос и за границей.

23–25 ноября 1990 г. в Грозном прошел общенациональный съезд чеченского народа, на котором была поставлена конкретная задача – провозглашение суверенной Чеченской Республики. Руководство тогдашней Чечено-Ингушской Республики отреагировало на это принятием Декларации о суверенитете (сессия Верховного Совета ЧИР от 27 ноября 1990 г.), после чего началась подготовка новой конституции. Однако дальше сугубо декларативных заявлений дело не пошло, да и не могло пойти, так как на тогдашнее руководство оказывалось сильное давление союзного центра.

Путч ГЧКПистов в Москве 19–21 августа 1991 г. сдетонировал политический кризис в Чечне, приведший в том же году к насильственному свержению существующего руководства и приходу к власти сепаратистско-авантюристической группы во главе с генералом Д. Дудаевым.

Началось движение гражданского протеста против незаконного дудаевского режима, грабившего страну и вовлекавшего ее в самые сомнительные внешнеполитические авантюры. Летом 1994 г. разворачивается вооруженная борьба чеченского народа против криминального режима.

В декабре 1994 г. в Чечню были введены российские войска, с задачей восстановления конституционного порядка и разоружения незаконных вооруженных формирований. На самом деле в Чечню пришла большая война, стоившая народу огромных жертв. Ее результатом стали десятки тысяч убитых ни в чем неповинных мирных людей, разгромленные города и села, сотни тысяч людей, потерявших жилье и средства существования.

Благодаря действиям Комитета Национального Согласия и Правительства Национального Возрождения, Территориального управления РФ по Чечне, началось восстановление экономики и социальной сферы Чечни.

Однако в августе 1996 г. в Грозный вошли боевики, а федеральные войска были выведены. Последующие 3 «мирных» года правления президента Масхадова были ознаменованы массовым исходом населения Чечни. В целом республику покинуло до 270 тыс. русскоязычных граждан и до 500 тыс. чеченцев при общей численности населения в 1 млн. 100 тыс. человек.

Во вторую чеченскую войну, начавшуюся осенью 1999 г., Россия вступила куда более подготовленной и к весне 2000 г. закончила

военную фазу операции. Для гражданского населения Чечни вторая война вновь обернулось гибелью десятков тысяч мирных людей, ранением сотен тысяч, уничтожением жилого фонда, разрушением предприятий, больниц и школ.

В июне 2000 г. Президент Российской Федерации В.В.Путин реорганизовал управление края, назначив главой республиканской администрации Ахмад-Хаджи Кадырова, муфтия Чечни. К 2002 г. в Москве была утверждена федеральная целевая программа по восстановлению разрушенной республики.

В результате возвращения Чечни в конституционное поле России здесь, наряду с восстановительными процессами в экономике и социальной сфере, прошли и позитивные политические изменения. В марте 2003 г. успешно прошел всенародный референдум по Конституции ЧР, что позволило 5 октября того же года провести выборы Президента Чеченской Республики, на которых уверенно победил авторитетный Ахмад-Хаджи Кадыров. В ноябре 2005 г. прошли выборы Народного Собрания ЧР (председателем был избран Д. Абдурахманов).

Трагическая гибель А.-Х.Кадырова в результате террористического акта 9 мая 2004 г. привела к повторным президентским выборам и избранию Алу Дадашева. 15 февраля 2007 г. он подал в отставку и 2 марта 2007 г., по представлению В.В. Путина, депутаты чеченского парламента утвердили Президентом Чечни сына Ахмад-Хаджи – Рамзана Кадырова. К тому времени он успел завоевать большой авторитет успешным восстановлением республики в качестве руководителя Правительства ЧР. Восстановлены были, в первую очередь, медицинские объекты, школы и жилые здания.

В настоящее время Чеченская Республика является полноправным субъектом Российской Федерации, для которой характерны высокий уровень политической стабилизации и значительные темпы экономического роста.

2. Жуков В.Ю. Факты и версии в историческом познании

(Факты и версии: Ист.-культуролог. альманах. СПб., 2000. Вып.1. С.9-13)

Факты, по образному выражению академика И.Г. Павлова, «воздух ученого». Это основа для создания научных гипотез и теорий.

Существуют объективные, эмпирические и научные факты. Объективный факт (лат. *factum*: сделанное, совершившееся) – это быль, истина, действительный, реально существовавший в прошлом и/или ныне существующий вне и независимо от нашего сознания объект (предмет, процесс, явление или событие). Установленное в человеческом опыте и закрепленное в сознании достоверное (истинное) знание о существовании в прошлом или настоящем того или иного объекта (объективного факта), констатация его реальности называется **эмпирическим (опытным) фактом**.

Факт наивысшего порядка – **научный факт**. Это результат не только эмпирического установления объективного факта существования в прошлом и/или настоящем изучаемого объекта, но и его научное познание, выявление всех присущих ему сторон, свойств и отношений методами наблюдения, измерения, классификации, эксперимента, описания, анализа, обобщения и интерпретации.

Применительно к области явлений и сознания, определяемой термином «история», используется понятие **исторического факта**. Оно включает все три указанных выше значения факта, отличающихся степенью его осознания и изученности, употребляется также в качестве оценочного суждения, подчеркивающего особую общественную значимость того или иного события, хранимого в коллективной памяти. При этом «история» понимается как:

- 1) совокупность всех свершившихся событий в их хронологической последовательности;
- 2) реальный процесс развития общества или его отдельных сторон;
- 3) наука, изучающая этот процесс в его развитии, многообразии // с. 10 и конкретности;
- 4) учебная дисциплина, отражающая достижения этой науки;
- 5) прошлое, сохраняющееся в памяти человечества.

Описание установленных (достоверных) фактов без их анализа и обобщения называется **фактографией**, их познание (научное изучение в процессе перевода эмпирических фактов в научные) **фактологией**. Установленный и познанный объективный факт истории (научный факт) выступает как объективная истина, не зависящая от воли и желания людей. В отличие от факта как установленного (достоверного), доказанного знания, версия (лат. *versio*: поворот, видоизменение) – одно из нескольких, отличных друг от друга, из-

ложений, объяснений, толкований какого-либо факта, события, обстоятельства. И какое-то из них может быть истинным.

Если установленный факт всегда однозначен (пока не будет опровергнут новыми фактами), версия по своей природе изначально вариативна. Она имеет **эвентуальный** (от лат. *eventus*: случай) характер вероятностного высказывания, предположения, возможного при соответствующих условиях и обстоятельствах, но не обязательно соответствующего истине.

Версия – своего рода теоретическая модель отсутствующего звена в цепи обоснованных установленными фактами доказательств, предполагаемый вариант приведения в известность латентной (скрытой) информации, априорный способ предварительного объяснения пока непознанного, рабочий прием заполнения лакун в научном познании.

В лингвистике, текстологии, литературо- и источниковедении **лакуной** (от лат. *lacuna*: углубление, впадина) называется пробел, пропуск, недостающее звено в тексте. В культурологии под **текстом** (от лат. *textus*: ткань, соединение, строение) понимается *любой носитель (форма) определенным образом структурированного сообщения, смысл (содержание) которого закодирован символами какой-либо знаковой системы.* Для реконструирования неподдающегося прочтению текста или его фрагментов и заполнения смысловых лакун применяется метод **конъектуры** (лат. *conjectura*: предположение, догадка). В соответствии с ним недостающее звено в тексте восстанавливается, а его значение устанавливается исходя из контекста, путем переноса известного на неизвестное, посредством умозаключения (выгода) по аналогии, а также других мыслительных процедур и приемов. Полученная методом конъектуры информация называется в источниковедении *конъектуральным знанием.* Сродни ему в научном познании и версия.

Версия близка и к гипотезе. Гипотеза (гр. *hypothesis*: основание, предположение) – не гадательное предположение, а вероятностный вывод посредством умозаключения на основе ряда фактов, считающихся непреложными. И это необходимый промежуточный этап на пути от неполного ко все более полному и точному знанию в восхождении от абстрактного к конкретному. Версия (как и гипотеза) требует обязательной верификации (от лат. *uerus*: истинный – *facere*: делать) доказательства, проверки подлинности с целью установле-

ния ее истинности (с последующим переводом в разряд // с.11 научного факта и введением в качестве такового в научный оборот) или ошибочности (и отказом от нее как от потенциального носителя истины). В последнем случае версия может оказаться:

1) добросовестным научным заблуждением (в силу ложной фактографической базы или неверных выводов из объективных фактов);

2) простительным (без злого умысла) вымыслом ненаучного сознания (обыденного, мифологизированного, художественно-образного) с различной степенью отклонения от истины (мифом, преданием, легендой, сказанием, сказкой, литературной версией, слухом); либо:

3) скрываемым и закамуфлированным намеренным искажением истины (дезинформацией, фальсификацией, ложью) в тек или иных, обычно ненаучных, целях (политико-идеологических или коммерческих; личных или корпоративных; негативно-корыстных или позитивно-альтруистических).

История науки знает немало почти общепринятых научных идей, оказавшихся, на поверку, добросовестным заблуждением, но составивших, по-видимому, необходимый этап развития рационального знания. Таковы, например, распространенные в XVII–XVIII вв. физико-химические представления-гипотезы о существовании эфира, теплорода и флогистона, которые были отвергнуты последующим развитием точного знания. Ошибочные гипотезы, даже возведенные в ранг «теории», остаются научным заблуждением. Такая судьба у сложившейся в XVIII в. исторической «норманнской теории». Но в науке положительное значение имеет и отрицательный результат, полезный как удостоверение тупиковости данного направления исследования и указание на необходимость новых подходов к решению проблемы.

И сегодня существуют пока не доказанные, но и не опровергнутые гипотезы. к примеру, тахионы (от гр. *tachys*: быстрый) – гипотетические сверхбыстрые частицы, всегда движущиеся со сверхсветовой скоростью. Формально их существование не противоречило бы теории относительности, но экспериментально тахионы не обнаружены, что не мешает некоторым ученым считать эту гипотезу перспективной. Гипотетическими с точки зрения нынешнего уровня развития науки следует признать телекинез (телепортацию), телепатию, ясновидение и прочие парапсихологические, парапсихи-

ческие, экстрасенсорные и иные паранормальные (околонаучные) феномены и представления, не получившие до сих пор достоверного объяснения и убедительного экспериментального подтверждения. Тем не менее, и их непредвзятое изучение необходимо для установления научной истины. В науке тоже действует «презумпция невиновности»: любая логически обоснованная гипотеза и версия имеют право на существование на уровне постановки проблемы, пока не будет доказана ее несостоятельность или истинность. Получившая опытное подтверждение и доказанная идея-гипотеза становится научной теорией (от гр. *theoria*: рассмотрение, исследование), то есть упорядоченной системой достоверного научного знания. Критерием истинности и основой развития теории является общественно-историческая практика.

Версия и факт в прошлом и настоящем соотносятся подобно гипотезе и теории. Но есть область, где они пересекаются как параллели в неевклидовой // с. 12 геометрии Н. И. Лобачевского. Эта область будущего. По мнению некоторых ученых, понятие «факт» следует распространить и на научно обоснованную констатацию вероятности существования изучаемого предмета или явления, протекания процесса или совершения события в будущем. Предполагаемая достоверность последующего существования фактов будущего смыкается с прогностической функцией исторической версии, которая априорно играет роль научного предвидения, футурологического прогноза.

Переходя из области объективного в область субъективного, исторические факты и версии могут плавно перетекать друг в друга, меняться местами в зависимости от позиции интерпретатора событий. Так, с точки зрения историка, убежденного в тождественности личностей Александра I и старца Федора Кузьмича, факт смерти императора 19 ноября 1825 г. в Таганроге будет версией, а легенда (версия) о Федоре Кузьмиче историческим фактом. И наоборот.

Граница между фактом и версией бывает достаточно прозрачной. Реально существующий, но еще недоказанный и «не овладевший» общественным сознанием объективный факт до того, как становится фактом научным, может иметь долгую традицию существования в умах людей в качестве версии, нередко «крамольной» и гонимой. Например, идея гелиоцентрического устройства мироздания в эпоху господства геоцентрических представлений. Немало

«фактов» официальной пропаганды и историографии различных тоталитарных режимов оказались дезинформацией и сознательной фальсификацией: о нападении Польши на Германию (т. н. «провокация в Гляйвице») и Финляндии на СССР в 1939 г., Южной Кореи на Северную в 1950 г. и др. Десятилетиями опровергавшиеся свыше версии существования последних писем и статей («политического завещания») В. И. Ленина, секретных протоколов к пакту Риббентропа Молотова о ненападении или «антисоветская» версия подлинной картины катынской драмы (бессудного расстрела интернированных польских офицеров в лагерях НКВД в 1940 г.) прошли проверку временем, восстановлены в правах истины и стали непреложными историческими фактами.

С другой стороны, как представляется, до сих пор нет убедительных доказательств в пользу той или иной версии «громких» исторических убийств царевича Дмитрия в Угличе (1591 г.), С.М. Кирова в Ленинграде (1934 г.), президента Дж. Кеннеди в Далласе (1961 г.). Неподтвержденными версиями остаются и предположения о чудесном спасении трагической июльской ночью 1918 г. в Екатеринбурге цесаревича Алексея (останки которого так и не обнаружены), о планировании И.В. Сталиным превентивной войны против Германии весной 1941 г. и др.

Если факты – исходный пункт и конечный продукт научного творчества, то версии – его необходимый промежуточный этап, научный «полуфабрикат» в процессе приближения к истине. Научные истины, как известно, являются относительными в том смысле, что не дают полного, исчерпывающего знания об изучаемом предмете. Те или иные их стороны и аспекты могут // с. 13 частично уточняться, дополняться, изменяться и заменяться новыми по мере развития познания, совершенствования его методов и в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Непереходимой грани между относительной и абсолютной истинами нет. Из суммы относительных, постоянно уточняемых истин складывается абсолютная истина как полное, исчерпывающее и непроверяемое в будущем знание о действительности. Подобно относительной истине, многие версии, основанные на объективных фактах, уточняются и дополняются в ходе исторического познания и, получив подтверждение, перерастают в научный факт. Несостоятельные версии опровергаются и отвергаются истинным знанием, оставаясь в истории науки

как «отходы» научного производства, следствие и свидетельство не-обходимой многовекторности исторической мысли.

Ученый-исследователь не только устанавливает, проверяет и изучает исторические факты для формулирования выводов и концепции, но и имеет право на создание научно обоснованных версий-гипотез, без которых невозможно развитие науки.

Примечания

См.: Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб., 1996. С. 137-139.

Обращение Временного Совета Чеченской Республики ко всем партиям, общественным движениям и демократическим силам России

(Временный Совет Чеченской Республики. Документы и материалы. Знаменское. 1994. С. 10–11)

Почти три года в Чеченской Республике правит бал антинародный, преступный режим Дудаева. Глубокий кризис во всех сферах общественной жизни, полный развал экономики, преступность, коррупция, обнищание народа – вот результаты правления банды Дудаева.

Каждый день существования клики Дудаева отбрасывает наш народ на годы. Происходит духовно-нравственная деградация людей, разрушаются системы народного образования, здравоохранения, пришли в упадок наука и культура. Чечню покидают десятки тысяч граждан: специалисты, квалифицированные рабочие, инженеры, учителя, врачи, да и просто обеспокоенные за свою судьбу, судьбу своих детей.

Происходит люмпенизация общества, появились нищие, на этом фоне кричащей приметой Чеченской Республики стали баснословно-обогатившиеся за счет ограбления народа нувориши: представители правящей верхушки, их ближайшее окружение и родственники.

Особенно преуспели временщики в разрушении добрососедских взаимоотношений чеченского народа с пародами Кавказа, России, да и во всем мире создали негативный образ чеченцев.

Республика превратилась в полигон для подготовки и проведения самых грязных преступлений, здесь сошлись интересы террористов, торговцев оружием, дельцов наркобизнеса.

Ведется тотальное наступление на права и свободы граждан На территории, контролируемой режимом, закрыты все оппозиционные газеты, телевидение превращено в рупор оголтелой дудаевской пропаганды запрещены митинги и собрания, не разрешается деятельность оппозиционных движений и партий.

В Чечне полностью отсутствует представительная власть. Сегодня мы должны констатировать, что Дудаев, придя к власти на волне событий августа 1991 года, в результате фальсификации выборов, обмана народа сумел удержаться в кресле, используя многие ошибки и просчеты нарождавшихся демократических сил Чечни и России. Демагогия высшего разряда, спекуляция самыми трагическими событиями в истории народа – это для Чечни; безответственные, авантюристические заявления, грубое вмешательство в дела соседних народов, сдобренное разговорами о приверженности международному праву, – это для остального мира.

Диапазон политических амбиций Дудаева представляет угрозу не только для Чечни. Его тайные вояжи в «горячие точки», в том числе и за пределы России, его угрозы взорвать атомные электростанции, его циничные рассуждения о готовности России развязать ядерную войну против Чечни – это не только словоблудие параноика, это готовность политического интригана пойти на любую крупномасштабную авантюру во имя своих целей.

Чечня стала дестабилизирующим фактором на Кавказе. Сюда совершают паломничество ультрарадикальные политические деятели, здесь вынашиваются далеко не безобидные планы переустройства территории бывшего СССР.

К сожалению, демократические силы Чечни не получали до сих пор серьезной поддержки со стороны партии, общественных организаций и движений России. Главная поддержка для нас – правильная оценка ситуации в Чечне, осуждение режима, дистанцирование чеченского народа от преступного окружения Дудаева,

Ваш голос в защиту демократических сил Чечни поможет сорвать с Дудаева и его окружения маски миротворцев и борцов за судьбу Чечни, Кавказа и всей России.

Мы призываем Вас не допустить кровопролития в Чечне.

Мы призываем Вас не допустить гонений на чеченцев в России.

Мы уверены, что демократические партии и движения, все здравомыслящие силы России однозначно осудят режим, не позволят

определенным группам, сомкнувшись в мафиозных, грабительских целях с дудаевцами, ретушировать в средствах массовой информации образ клики Дудаева, не допустят двойных подходов в отношении Чечни со стороны отдельных представителей властных структур.

С нами народ, и у нас достаточно сил, чтобы покончить с преступной кликой Дудаева.

Мы хотим мира, свободы и независимости своему народу. Мы хотим восстановить доброе имя чеченского народа, мы хотим провести свободные демократические выборы во все органы власти

С этого пути нас не свернуть никакими силами».

*Временный Совет Чеченской Республики.
«Возрождение», № 2, август, 1994 г.*

5. Осипов Александр. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс*

(В книге: Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002, С. 45–69).

В нашей стране в последние 15 лет так называемые «национальные», или «этнические», «проблемы» обсуждаются самым активным образом, в разных формах и на разных уровнях. Этим «проблемам» посвящено множество официальных, академических, масс-медийных и прочих текстов. Сложилось сообщество экспертов и управленцев, и возникло, как уже можно предполагать, более или менее единое дискурсивное поле. Личные наблюдения показывают, что заносимое в графу «этнические проблемы» зачастую и преимущественно описывается и интерпретируется в терминах или/и контексте этнического или «межэтнического» конфликта. Вместе с этим термином или вместо него используется также очень близкое по смыслу выражение «межэтнические или межнациональные отношения» и производные от него понятия («состояние межэтнических отношений», «напряженность в межэтнических отношениях» и пр.). Дело не только в том, что доминирующим направлением в отечественных «этнических» исследованиях, безусловно, стало конфликтологическое. Я берусь утверждать, что «конфликтный» язык претендует на тоталь-

*Несмотря на то, что статья А. Осипова вышла в 2002 г. она несколько не потеряла своей актуальности

ность, с его помощью самые разные агенты социального действия описывают и интерпретируют большинство манифестаций этничности практически во всех областях публичного пространства.

В данном случае я ставлю перед собой более скромную задачу и хочу говорить о роли «конфликтного» языка в оправдании и поощрении расистского дискурса и дискриминационных практик [1]. Упрощенно говоря, проблема состоит в том, что в качестве «этнического конфликта» описываются и интерпретируются такие практики, как прямая дискриминация, разные формы косвенной дискриминации, деятельность экстремистских организаций, hate crime и hate speech, то есть, в российской правовой терминологии, преступления по мотиву этнической ненависти или вражды и возбуждение этнической вражды, стереотипизация меньшинств и мигрантов в СМИ и пр.

На первый взгляд это выглядит как одно из проявлений так называемой «проблемы отрицания». Термин «проблема отрицания» (the problem of denial) обозначает различные формы непризнания, отрицания или оправдания существования расизма и дискриминационных практик и прочно вошел в лексикон многих правозащитных организаций на Западе[2]. При том, что конфликтный подход, как будет показано ниже, действительно служит инструментом пропагандистских манипуляций, проблема носит более широкий характер. Скорее, речь должна идти о такой контекстуализации и концептуализации этничности, которые исключают либо умаляют саму постановку вопросов о дискриминации, либо иных нарушениях прав человека.

Наиболее яркие и наглядные иллюстрации всего набора соответствующих теоретических и прикладных проблем можно подобрать на Юге России, особенно в Краснодарском и Ставропольском краях. С этих иллюстраций я и начну, тем более, что материал мне хорошо знаком по результатам тех исследований, которые в этих регионах проводил «Мемориал». Иллюстрации есть иллюстрации, и я не хотел бы быть понятым таким образом, что описываемые случаи уникальны и имеют ограниченное распространение.

В Краснодарском крае региональными нормативно-правовыми актами введен особый режим проживания для месхетинских турок как таковых. Турки не просто не признаны, вопреки закону, гражданами РФ и лишены целого ряда основных прав, но стали объектом це-

ленаправленной кампании, направленной на то, чтобы вынудить их выехать из края и России в целом [3]. Одно из основных обоснований этой политики, используемое властями и СМИ, заключается в том, что турки социально и культурно «несовместимы» с окружающим населением и что их отношения с «коренными жителями» или/и «казачеством» могут описываться как «межэтническая напряженность». Делается вывод о том, что «конфликт» «объективно predetermined» и что его можно сдержать и остановить, удалив турок из региона. Точно также пишет ряд людей, выступающих в качестве «знатоков национальных проблем» и «этноконфликтологов».

«Особенно острая ситуация складывается в местах компактного расселения турок-месхетинцев, что обусловлено, прежде всего, крайне слабой адаптацией турок к экономическим и социо культурным условиям Кубани... Сосредоточение турок преимущественно в восьми районах края, по мнению лидеров местных этнополитических движений, нарушает исторически сложившийся здесь баланс численности национальных групп. Отношения, сложившиеся между турками и местным населением, можно охарактеризовать как конфликтные (потенциально конфликтные). Это вызвано глубокими социокультурными различиями, несоответствием поведенческих стереотипов, экономических ориентаций, жизненных ценностей. Резкое неприятие со стороны местного славянского населения в 1989–1990 гг. вызвала «рыночная» ориентация турок, которые предпочитали не работать в общественном секторе, а заниматься частным ведением сельского хозяйства (животноводством и огородничеством), продажей своей и скупленной продукции. В свою очередь, туркам, как депортированному в сталинскую эпоху народу, свойственно настороженное отношение к местному иноэтничному населению, что воспринимается окружающими как отчужденность и высокомерие.»[4]

Следует отметить, что в соседней Ростовской области живет больше турок, чем в Краснодаре, в Ставропольском крае есть населенные пункты с удельным весом турок в составе населения больше, чем в любом населенном пункте Краснодарского края. Удельный вес турецкого населения в Белгородской области такой же, как в Краснодарском крае (то есть, около 0,3%), а общий миграционный прирост гораздо выше, чем в Краснодарском крае. Хотя «объективные» обстоятельства в этих регионах такие же, как в Краснодарском

крае, никаких «межэтнических конфликтов» с турками там не наблюдается. Существенное отличие этих территорий от Краснодарского края в том, что их власти не проводят политику «выдавливания» месхетинцев и других меньшинств.

В Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области в 90-е гг. происходили массовые насильственные инциденты, в которые были вовлечены десятки, а иногда сотни людей. Большинство этих случаев представляли собой акции радикально-националистических организаций, именующих себя «казачьими», против национальных меньшинств. Они также описывались официальными лицами, СМИ, общественными, в том числе этническими, активистами, как «межэтническое противостояние». Наука в лице многих авторов заняла аналогичную позицию.

Организованные преследования месхетинцев и массовые насильственные акции – наиболее острые и наглядные проявления реакции на так называемых «мигрантов». Так называемые «этнические проблемы» в названных регионах в основном обсуждаются в контексте миграции и в тесной связи с «проблемами миграции». Слово «мигранты» или похожие термины используются в официальном языке, языке СМИ и академических экспертов в нескольких не вполне определенных значениях, и к «мигрантам», в общем, относится население, прибывшее в регион на протяжении последнего десятилетия. «Мигрантов» нередко описывают как культурно отличную от большинства категорию, иногда – как мигрантские этнические меньшинства.

«Проблема миграции» описывается в соответствии со следующей логической цепочкой. «Мигранты» выступают для власти и большинства населения как новые претенденты на ограниченные ресурсы. Прибытие мигрантов описывается в терминах, имеющих четкую негативную коннотацию – как «приток» или «наплыв». Приток или наплыв якобы столь велик, что угрожает местной экономике и социальной инфраструктуре. «...Край [Ставропольский] испытал три мощных миграционных волны вынужденных переселенцев, значительно дестабилизировавших социально-демографический баланс. <...> Нерегулируемый поток мигрантов, особенно в небольшие населенные пункты, вызвал перегруженность их инфраструктуры, дестабилизировал товарный рынок, рынок услуг и трудовых ресурсов. В 92–94 гг. такая ситуация вызвала ряд местных, имеющих

этническую окраску конфликтов»[5]. Над «мигрантами» – порождением «неконтролируемой», или «стихийной» миграции – якобы ослаблен административный контроль (многие не регистрируются по месту жительства или пребывания, не имеют статуса беженца или вынужденного переселенца). По этой причине «мигранты» воспринимаются как во многом деструктивный, в том числе криминогенный фактор.

На социальную конкуренцию накладывается конфликт, вызванный этническими и культурными различиями. Отличия рассматриваются как одна из основных причин враждебных отношений между «мигрантами» и «коренным населением».

«На территориях традиционного проживания казачества – Ставропольском, Краснодарском краях и Ростовской области – причины осложнения межэтнической ситуации видятся в увеличивающемся притоке мигрантов-неславян, главным образом из республик Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Потоки неконтролируемой миграции приводят к формированию этнического разделения труда, ущемлению интересов славян в относительно стабильных сферах экономики, торговли, производства, а также теневого бизнеса. Неконтролируемые миграционные процессы в регионе привели к тому, что в середине 90-х гг. донское, ставропольское и кубанское казачество неоднократно предпринимало антиконституционные действия и делало заявления, направленные на силовое ограничение миграции представителей неславянских национальностей в свои субъекты Федерации» [6]. «Ситуация в Ставропольском крае во многом определяется миграционными явлениями, которые способны влиять на традиционные соотношения этнических групп и межэтнические конфликты. <...> Миграционное пополнение диаспор вызывает обострение межэтнических отношений... Миграция влияет на распределение и изменение ролей этнических групп. В соответствии с новыми реалиями складывается новая иерархия диаспор, между ними ощущается конкуренция, которая представляется важным фактором этнополитических отношений в крае» [7].

«Прибывающие в край славяне заняты в основном в народном хозяйстве, мигранты неславянского происхождения больше ориентированы на коммерческую деятельность, торговлю и сферу обслуживания. Это раздражает местное население. Тем более, что известны многочисленные факты, когда мелкие торговцы-мигранты,

нанимая продавцов из среды местных женщин, ставят обязательным условием работы сожительство с работодателем. В условиях отсутствия эффективного федерального законодательства такие случаи зачастую провоцирует местных жителей на противоправные действия. Наиболее конфликтные территории находятся в зоне Черноморских курортов Адлера, Сочи, Анапы, Геленджика и в прилегающих к ним районах Абинского, Крымского и др., где селятся армяне, турки-месхетинцы, курды»[8].

«Для Кубани продолжает оставаться проблемой так называемый армянский вопрос. Длительная скрытая конфронтация различных социокультурных типов, к которым принадлежат славяне и армяне – выходцы из Азербайджана, Армении и Грузии, может привести к открытому противостоянию. Прирост армянского населения в крае за период с 1989 г. по 1996 г. составил 22,5%, причем в основном за счет миграции. Преступления, совершаемые армянами, являются важным фактором негативного отношения жителей Кубани ко всей этнической диаспоре. Особенно это характерно в случае тяжких преступлений – убийств и изнасилований. Общественное мнение особенно остро реагирует при совершении армянами тяжких преступлений»[9].

В средствах массовой информации и выступлениях политических активистов влияние межгрупповых различий обычно передается посредством таких клише, как «чуждость», «несовместимость обычаев и традиций», «стремление [мигрантов] жить по своим правилам» или даже «стремление навязать свои законы»[10]. Для текстов, претендующих на академичность, наряду с этими придуманы другие понятия, такие, как «культурная дистанция»[11] или «этнический статус»[12], «низкая способность к социокультурной адаптации»[13]. Впрочем, эксперты щедро используют бытовые и политические клише. Миграция этнических меньшинств описывается как «нарушение этнического баланса» и вместе с активностью меньшинств в разных областях общественной жизни обозначается как «экспансия «некоренных национальностей», или «сукцессия». «Нарушение баланса», «экспансия», иные поведенческие нормы «мигрантов» вызывают «естественную» ответную негативную реакцию «коренного населения», в том числе в насильственных и в организованных формах. Власть вынуждена бороться за стабильность, ограничивая миграцию, «регулируя» ее состав и содействуя «мирному

разрешению конфликтов» между «общинами» путем переговоров и прочих согласительных процедур[14].

В описанных ситуациях концепциями «конфликта» пользуется широкий круг людей, в том числе не причастных к пропаганде и выработке политических решений. Мы имеем дело не столько с махинациями, сколько с устойчивым и широко распространенным подходом. Этот подход при описании любых форм доминирования, агрессии, насилия или ксенофобии вытесняет все остальные подходы и аналитические перспективы. С этим подходом связан определенный язык, навязывающий тем, кто его использует, логику восприятия и интерпретации наблюдаемого. Например, антисемитская риторика краснодарских властей некоторыми авторами тоже ставится в один ряд с «конфликтными» проявлениями или проявлениями «межэтнической напряженности»[15].

С такой ситуацией связан целый блок академических и прикладных проблем, которые, к сожалению, крайне редко становятся предметом анализа. В данном случае я хотел бы ввиду обширности темы только ограничиться обозначением узловых вопросов и краткими комментариями.

Социальный, в том числе этнический конфликт, как составная часть социальной реальности может и должен рассматриваться как процесс и продукт социального конструирования. Проявления, определяемые как «конфликт», неотделимы от категорий, в которых их воспринимают и описывают; социальное конструирование реальности, может быть определено как взаимосвязанные процессы, с одной стороны, институционализации субъективных значений и их включения в социальные структуры, с другой – включения социальных структур в систему субъективных значений[16]. Окружающая действительность упорядочивается в головах людей на основе представлений о конфликте и соответствующих понятий; связанные с «конфликтом» представления и понятия в свою очередь организуют и легитимизируют действия людей. Нет «чистого» конфликта, который был бы чем-то внешним и объективно данным для людей, которые в нем участвуют или которые его наблюдают. Сами по себе «реальные» и «объективные» в физическом смысле проявления: действия или акты речи – , существуют не как таковые, а в смыслах и интерпретациях, которые приписывают им совершающие их или окружающее общество; в свою очередь субъективные смыслы и интерпретации организуют «реальную» деятельность людей.

В конструировании конфликта участвуют разные социальные агенты и не только те, которые могут быть определены как непосредственные участники противодействия. В данном случае важно отметить, что в нашей стране, как будет показано ниже, официальные структуры, академические эксперты и средства массовой информации пользуются одним языком и следуют примерно одинаковым представлениям о «межэтнических отношениях» и «этническом конфликте».

Я ни в коей мере не отрицаю эвристической ценности понятия «конфликт» и концепций конфликта. В частности, не покушаюсь на возможность использования понятия «этнический конфликт» и выработки на его основе объяснительных моделей. Можно выделить и обозначить таким образом категорию социальных конфликтов, характеризующихся тем, что их участники приписывают конфликтному взаимодействию этнический смысл, то есть организуют и легитимируют его как интеракцию этнических коллективов или по поводу групповых интересов, конструируемых и определяемых как этнические. Речь идет не о достоинствах и недостатках отдельных теоретических конструктов, а о том, какую роль они играют, превращаясь в социальные конструкты, каковы последствия перерастания представлений о конфликте в идеологию и что означает использование понятия конфликта в качестве универсального объяснения. Необходимо учитывать, что одна объяснительная модель используется неограниченно широко, безальтернативно и приобретает черты идеологии.

1) Концептуализация этнического конфликта и его субъектов.

«Конфликт» – понятие, широко используемое разными дисциплинами. Не имеет определенной дисциплинарной принадлежности и термин «этнический конфликт». «Различное понимание обществоведами феномена этничности, с одной стороны, и их дисциплинарная специфика – с другой, обуславливают весьма широкий спектр интерпретации этнических конфликтов...»[17]. При всем безусловном разнообразии подходов к описанию и объяснению феноменов, определяемых как этнические конфликты, нужно акцентировать внимание на своеобразном массовом редукционизме. Упрощенно говоря, люди следуют, в сущности, бытовым представлениям о конфликте как о столкновении двух определенных и четко структу-

рированных субъектов или, выражаясь метафорически, коллективных личностей. Едва ли кто-либо из основных авторов, пишущих о конфликтах, станет спорить с тем, что конфликт должен рассматриваться как сложная система диспозиций, а не просто противостояние двух монолитных «сторон», и что определение «этнический» является предикативным, а не атрибутивным, означает смысл, который приписывают определенной интеракции ее участники, а не сущность этой интеракции.

Однако, на деле эти авторы ведут себя не всегда последовательно. «Под этническим конфликтом понимается любая форма гражданского противостояния на внутригосударственном и интрагосударственном уровнях, при котором по крайней мере одна из сторон организуется по этническому принципу или действует от имени этнической группы». Вполне корректное в силу своей широты определение, которое, однако, может быть прочитано и интерпретировано по-разному. Сам же автор сразу же за определением ставит в текст фразы, которые резко сужают свободу истолкования и явно подводят читателя к прочтению в духе соперничества «коллективных индивидов». Продолжение цитаты: «Обычно это конфликты между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве. И поэтому столь же обычно меньшинство ставит под вопрос сложившуюся государственность и существующие политические структуры»[18]. Небезобидны и распространенные рассуждения о «некоторых» этнических конфликтах как о «закамуфлированных», «ложных», «замещенных» или превращенных формах «обычных» социальных или политических противостояний[19]. При этом по умолчанию подразумевается (а порой и прямо утверждается) существования «настоящих» этнических конфликтов, отражающих «собственно» межэтнические противоречия.

В итоге, упрощенный взгляд на конфликты и соответствующую фразеологию вольно или невольно предлагают наиболее значимые теоретики; таким языком изъясняются авторы многочисленных академических работ по частным проблемам и тем более – околонучной публицистики. Если же взять официальные тексты и средства массовой информации, то представления о борьбе «коллективных личностей» господствуют там безраздельно.

Необходимо принимать в расчет давление сложившегося языка, который не всегда адекватен требованиям теории. Можно ска-

зять, что, переходя от теоретических высот к составлению частных моделей или к описанию конкретных ситуаций, все мы становимся заложниками доступных коммуникативных возможностей. Большинство наиболее распространенных и, если угодно, хрестоматийных определений конфликта выводятся из понятия «интерес». Тем самым подразумевается наличие определенного носителя интереса, способного этот интерес осознать и активно защищать. В общем смысле «конфликт» описывается как ситуация столкновения различных субъектов по поводу несовпадения или противоположности их интересов. Подобное, далеко не всегда проговариваемое допущение формирует определенный язык и поощряет следование упрощенным описательным и объяснительным моделям. «Конфликт: процесс-ситуация, в которой два или более индивида или две и более группы активно стремятся расстроить намерения друг друга, предотвратить удовлетворение интересов друг друга вплоть до нанесения повреждений другой стороне или ее уничтожения»[20]. «Под *конфликтом* мы имеем в виду преследование разными группами несовместимых целей»[21]. «Конфликтологическая парадигма восстанавливает субъектность социальных противоречий, позволяет изучать и осмысливать их как *реальную борьбу реальных* социальных субъектов, относительно самостоятельных и независимых в своих устремлениях и самоопределении, интересах и целях, направленных на удовлетворение имеющихся потребностей, определяемых особенностями их жизнедеятельности, их наличного социального бытия»[22] (*курсив мой.* – А.О.).

Если понимать подобные определения широко, то любое агрессивное поведение, в том числе речевое, можно интерпретировать как конфликт, поскольку интересы того, кто совершает агрессивный акт, и того, на кого этот акт направлен, явно не совпадают. Например, если формально подходить к преследованиям месхетинских турок в Краснодаре, то можно заключить, что имеет место конфликт: одна сторона – власти и военизированные группировки, именующие себя «казачьими», хотят выгнать турок из края, а другая – условная совокупность лиц, идентифицируемых как «турки» – хочет, чтобы ее оставили в покое. Расширительные определения «этнического конфликта», как любого, в том числе одностороннего, акта агрессии или доминирования, достаточно распространены. Для А.Н. Ямскова к этническим конфликтам относятся ситуации

неприятия сложившегося статус-кво представителями определенной группы и соответствующие, в том числе односторонние, действия[23]; «этническим» конфликт делает то, что «в восприятии хотя бы одной из сторон определяющей характеристикой *противостоящей* стороны служит этничность»[24]. В.А. Тишков относит к этническим конфликтам те ситуации, в которых хотя бы одна сторона определяет *себя* по этническому признаку (*курсив мой. – А.О.*). Однако подобные расширительные толкования конфликта вызывают вопросы и создают определенные трудности. Одна из них (я бы ее считал основной) названный выше массовый редукционистский подход к пониманию конфликта: что бы не хотели сказать теоретики, публика по инерции или осознанно связывает со словом «конфликт» взаимодействие двух или более в равной степени активных субъектов.

Наиболее распространенный и типовой для нашей страны «конфликтный» подход является позитивистским и материалистическим. «Межэтнические отношения» и «межэтнический конфликт» описываются как явления, производные от «объективных» экономических отношений, «объективных» культурных различий или, в крайнем случае, навязанных участникам идеологических рамок. Разумеется, прямолинейные социально-структурные интерпретации, выводящие конфликт непосредственно из конкурентных социальных и экономических отношений между группами как таковыми, встречаются уже сравнительно редко. Чаще речь ведется о борьбе за статусные позиции, доступ к власти и власти к ресурсам и о мобилизации людей. Однако применяемый язык, в сущности, мало отличается от того, который обслуживает социально-структурные подходы[25]. Приходится иметь дело просто с разными вариантами взгляда на конфликт как на «форму противостояния между целостными социальными системами (группами)»[26]. Конфликт рассматривается как данность, он, якобы, возникает и развивается по своим устойчивым закономерностям, которые могут быть познаны и описаны. Примечательно, что в российских «конфликтологических» работах, претендующих на теоретизирование, едва ли не основное внимание уделяется выявлению «сущности» этничности, а следовательно – «истинной» основы конфликтов[27].

Теоретическое и социальное конструирование этнического конфликта имеет те же черты, что конструирования этничности, во-

обще и может рассматриваться как область такого конструирования. В частном случае конструирования конфликта, как и в общем случае конструирования этничности имеет место аскрипция двух видов.

Во-первых, коллективным образованиям, в том числе условным множествам, приписывают свойства социального субъекта, в частности, субъекта конфликта. «Сам термин «этнополитика» предполагает, что в качестве главного действующего лица здесь выступает этническая общность (этническая группа), преследующая определенные политические цели»[28]. Стороны конфликта (по крайней мере, одна из «сторон») воспринимаются как «этноты», в крайнем случае – части «этносов», имеющие свои интересы и действующие как единое целое.

Так, в большинстве академических и неакадемических публикаций, посвященных ситуации на Северном Кавказе и особенно «проблемам миграции», по умолчанию подразумевается или прямо утверждается, что субъектами «экспансии» или, наоборот, «противодействия экспансии» выступают этнические или квазиэтнические группы («кавказцы», «казачество») как таковые. Нередки утверждения о том, что «национальные общины» жестко структурированы[29], что «клановые» или «общинные» отношения внутри меньшинств, а также двойные поведенческие и этические стандарты (по отношению к «своим» и «чужим») являются основой их, меньшинств, «консолидированности», что требует ответной «консолидированности»[30]. Лидерам и участникам национально-культурных общественных объединений приписывается роль «лидеров общин» и они бывают вынуждены ее играть при процедурах «урегулирования» или «предотвращения конфликтов».

Во-вторых, действиям разных агентов, их мотивации, спонтанным социальным процессам произвольно приписывается «этнический» смысл – смысл «свойства этноса», фактора или детерминанты «этнических процессов», объекта «этнических интересов», ресурса или продукта «этнического развития» и пр., перечень штампов может быть достаточно длинным. Нужно сделать ударение на двух понятиях – воображаемая релевантность и произвольность. «Этнические» смыслы чаще всего внедряются косвенным путем, тем, что вещи, лица и явления помещаются в контекст этнических отношений или этнического конфликта. Тем самым различные вещи по умолча-

нию рассматриваются как релевантные этнической конфликтности, а этничность в самых разных значениях – релевантной широкому спектру социальных отношений. Подобный перевод в этническую плоскость делается обычно произвольно, по усмотрению автора или идеолога.

Выражаясь коротко, в действие вступает такая малопонятная и никем не объясненная, но часто поминаемая сущность, как «этнический фактор». «Если, скажем, случилась стычка между двумя соседями по поводу чистоты мусоропровода, и если один из них – русский, а другой – азербайджанец, то, будучи пропущена сквозь призму этно-центристского мышления, эта стычка будет выглядеть не иначе как проявление межэтнической розни»[31].

Как известно, в стране сохраняется ведомственный (милицейский и прокурорский) статистический учет этнической принадлежности лиц, совершивших преступления[32]. Получаемые из системы МВД сводки по регионам РФ, как бы не оценивать методику, на которой они основаны, в общем показывают, что доля лиц определенной этнической принадлежности, обвиняемых в совершении преступлений, в целом совпадают с долей соответствующих национальностей в составе населения. Есть организованная преступность и, очевидно, преступные группы разного этнического состава – из лиц, относящихся к этническому большинству, меньшинству или смешанного состава. В средствах массовой информации, в профессиональном лексиконе правоохранительных органов и даже в научных публикациях часто используются понятия «этническая преступность» и «этнические преступные группы». Смысл этих выражений, похоже, не всегда ясен даже для тех, кто их использует; в общем он сводится к тому, что криминальная активность отдельных лиц и коллективов каким-то образом связана с их этнической принадлежностью. Примечательно, что преступная деятельность лиц и групп, относимых к этническому большинству, за редким исключением не определяется как «этническая». Этой чести удостоиваются только этнические меньшинства, а русская или «славянская» этничность к криминалу как бы не имеют никакого отношения.

Самые разные культурные феномены или общественные институты и в обыденном сознании, и в научном дискурсе наделяются этническими чертами: «национальные» культуры в целом и их компоненты, особенности хозяйства, черты психики и пр. К области

(меж)этнических отношений, этнических процессов или этнического развития причисляют отношения между разными эшелонами государственного аппарата в федеративном государстве[33], отношения различных групп населения с окружающей природной средой[34], систему образования[35]. Внешние наблюдатели, в том числе представители науки, продельывают подобные операции вне зависимости от того, присутствуют ли этнические категории в языке самих участников описываемых отношений.

Собственно говоря, развитие отечественной этнографии в 60–80 годы в основном сводилось к сочинению «теорий этноса», созданию субдисциплин вроде этносоциологии, этнопсихологии, этноэкологии и было, соответственно, основано на переводе самых разных предметов и явлений в этническую плоскость. «Понятием «этнические (этносоциальные) процессы» в российской научной традиции охватываются все изменения в жизни народов, этнических групп, имеющие в равной мере как «внутренние», так и «внешние» по отношению к ним источники». Логично поэтому «...посмотреть, насколько нынешняя конфигурация этноконфликтных отношений в нашей стране может быть обоснована с позиций этносоциального развития, то есть этнических процессов, шедших среди российских народов в годы советской власти»[36].

В интересующей нас области в качестве примера можно привести мониторинговый проект Сети раннего предупреждения конфликтов на базе Института этнологии и антропологии РАН. В рамках проекта региональные наблюдатели ведут наблюдение не манифестаций этничности в разных сферах общественной жизни, а практически всего спектра общественных отношений для выявления объективных факторов этнической конфликтности. В материалах мониторинга получают освещение и тем самым произвольно вносятся в сферу этнических отношений самые разные природные и социальные феномены – от экологического состояния территории до хода выборов. Тем самым по умолчанию подразумевается, что различные обстоятельства «объективно» выступают как детерминанты «межэтнической конфликтности». Подобный же, но более прямолинейный подход используют участники другого московского конфликтологического проекта – «Раннее предупреждение и управление этническими конфликтами в процессе социально-политической трансформации России через общественный диалог и образование», осуществляемого

Центром стратегических и политических исследований и обходящегося, правда, без своей региональной мониторинговой сети.

Таким образом, в публичном дискурсе феномен, определяемый как «этнический» или «межэтнический» конфликт, отличается от «просто» социального конфликта двумя обстоятельствами. С одной стороны, тем, что участники конфликта подвергнуты этнической категоризации или, наоборот, категории населения, выделяемой по этническому признаку, приписаны свойства консолидированного социального субъекта, образующего сторону этнического конфликта. С другой, факторам и элементам ситуации, определяемой как конфликт, – внешним обстоятельствам, мотивам участников и прочему – придан «этнический» смысл. Эти операции могут проделать те элитные группы и агенты, которые по своему положению «имеют право называть», в том числе и сами участники конфликта. Чаще всего в такой роли приходится наблюдать официальных лиц, средства массовой информации и представителей научного сообщества.

2) Концепции «конфликта» и его «предотвращения» как идеология.

И в советский, и в постсоветский период официальная «национальная политика», как бы ее ни определять, исходит из того, что общество представляет собой конгломерат внутренне целостных и структурированных этнических групп со своими границами и определенными социально-культурными характеристиками. Соответственно, этническая принадлежность воспринимается как одна из базовых социальных характеристик индивида, подлежащая в той или иной форме учету, а государство присваивает себе право управлять «межнациональными отношениями». При обновлении терминологии в последние десятилетия базовые представления остаются в общем неизменными. Происхождение подобных воззрений и эволюция форм, в которых они воплощаются, являются предметом отдельного разговора, уже подвергались подробному анализу в научной литературе, и я не буду их здесь специально рассматривать.

Понятие «конфликта» предлагает простые и легкие для понимания картины так называемых «межэтнических отношений» и возможной роли государства. «Межэтническое или «межобщинное» противостояние, якобы, вызывается «объективной» логикой и «объективными» факторами. У «этносов» есть объективно данные инте-

рессы, касающиеся распределения власти и ресурсов, включая символический капитал. Если эти интересы не совпадают, начинается противоборство и происходит этническая мобилизация, создающая основу для внешних проявлений конфликта. Масштаб и формы этой мобилизации не имеют значения – все равно сутью конфликта является противодействие этнических интересов и соответственно этнических групп.

Этническая конфликтность, вызываемая столкновением «этнических интересов» и внешними манипуляциями, предстает как квазиприродная стихия и с этой точки зрения – как «естественное» или объективно данное состояние этнических отношений. В этом смысле власть в принципе не несет ответственности за возникновение конфликтов. Поскольку этнические конфликты угрожают безопасности общества и государства, последнее обязано принять вызов и заняться укрощением стихии. Более того, предотвращение и урегулирование конфликтов как угрозы рассматривается властью в качестве приоритетной задачи.

Подобные построения просматриваются в официальных текстах, посвященных «национальной политике». В советский период основным идеологическим клише, обозначавшим направленность государственной политики в этой области, была «дружба народов». В конце 80-х – начале 90-х годов акценты заметно сместились, и прежний тезис стал высказываться через отрицание – как предотвращение и урегулирование конфликтов. Сама по себе эта формула не несет в себе определенного содержания, но обеспечивает основу для множества риторических приемов, позволяющих оправдать социальную инженерию разного характера и разной направленности.

В частности, власть может развернуть кампанию против неугодной этнической группы, описывая ее не прямо как «враждебную», «нелояльную» или «неприемлемую», а как источник нестабильности. Пример месхетинских турок в Краснодарском крае приводился выше. Власти субъектов федерации, в которых проводится политика прописочных ограничений против притока мигрантов извне, в той или иной степени оправдывают ее похожим образом. Аналогичная аргументация («предотвращение конфликта») прикрывает политику руководства Северной Осетии, попустительствующую акциям, направленным против возвращения в Пригородный район республики беженцев-ингушей.

Идея конфликта оправдывает бездействие власти, поскольку предусмотренные законом действия (восстановление нарушенных прав граждан, пресечение деятельности экстремистских организаций) могут интерпретироваться как фактор возможной дестабилизации. Как вариант, власть изображает себя заложником «воли населения», вовлеченного в конфликт и совершающего противоправные, но в принципе объяснимые и оправданные действия. В 1992–1993 гг. несколько раз группировки, именующие себя «казачьими», пытались силой выселить по несколько армянских семей из населенных пунктов района Кавказских Минеральных Вод. Местная власть не пресекала эти акции и не привлекала никого к ответственности, а призывала к «компромиссам» ради «стабилизации»[37].

В июне 1995 г., после нападения группы Шамиля Басаева на Буденновск, 36 чеченских семей, якобы по решению схода жителей, были выселены из поселка Терского Буденновского района. Выселение произошло не только при попустительстве, но прямом участии и районных властей, и начальника УВД края. Чеченцам были выделены грузовики для вывоза имущества, от имени начальника УВД края выданы справки о том, что предьявители выезжают в Чечню. Инициаторы выселения не были привлечены к ответственности, а районные и поселковые власти делали все возможное, чтобы не дать вернуться в поселок тем чеченцам, которые этого хотели. Представитель краевой администрации оправдывал незаконную акцию и попустительство ей «накалом страстей» среди местных жителей, вызванным акцией Басаева. По его же уверению, деятельность возглавляемого им отдела по межнациональным отношениям в июне 1995 г. заключалась в «работе с диаспорами» для избежания столкновений[38], хотя, по всем данным, национально-культурные общества ни до, ни после буденновских событий не собирались ни на кого нападать, и на них никто не собирался нападать.

В ноябре 1995 г. группа казаков провела «рейд» по хутору Армянскому Крымского района Краснодарского края, выпорола плетью и избивала 20 человек, в основном турок и курдов. Власти не вмешивались, а впоследствии к уголовной ответственности был привлечен только один участник нападения[39]. Поводом для нападения послужило, якобы, случившееся незадолго до того изнасилование русского старика молодым турком. Уголовное дело, возбужденное против последнего, было закрыто из-за отсутствия события преступления. Краевые власти и СМИ до настоящего времени описывают инцидент

в Армянском, как выступление местного населения, возмущенного изнасилованием и прочими «бесчинствами» турок. Аналогичная история[40] случилась на хуторе Виноградный также Крымского района, где двух подростков 10 и 11 лет обвинили в гомосексуальных развратных действиях против других детей. «Сход граждан», прошедший 29 июля 1997 г. по инициативе казаков из Крымска и при участии сотрудников районной и сельской администраций, а также Крымского городского и районного отдела внутренних дел, постановил выселить семьи этих подростков[41]. Районное, а вслед за ним краевое начальство интерпретировало инцидент, как спонтанное возмущение населения против турок, хотя обвиняемые подростки, строго говоря, не имели отношения к туркам, а организаторы схода не имели отношения к местному населению.

Поскольку мир и стабильность описываются как приоритетные ценности, это позволяет оправдывать дискриминационные действия или бездействие как вынужденные, используя конструкцию, аналогичную крайней необходимости. Тем самым идеологема «предотвращения конфликта» также активно поощряет дискриминационные практики. Конфликтный контекст в целом, вне каких-либо конкретных инцидентов, позволяет уклоняться от позитивных действий, направленных на предотвращение дискриминации или защиту меньшинств под предлогом «сохранения баланса».

Важно не забыть еще одну «мелочь» – рассмотрение этнических отношений преимущественно в конфликтном контексте приучает людей относиться к мигрантам и к меньшинствам не как к равноправным членам общества, иногда нуждающимся в защите, а исключительно как к источнику проблем.

Упоминание угрозы конфликта может использоваться и как средство шантажа по отношению к высшим эшелонам власти или избирателям («если не будет сделано то-то и то-то, то произойдет конфликт»). Целый ряд региональных лидеров в РФ строят свой публичный имидж как «миротворцы» и «гаранты межнационального мира». Особенно активно эта карта разыгрывается руководителями Татарстана, Башкортостана, Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Краснодарского края. Риторика «межнационального согласия» служит основным средством оправдания местных авторитарных режимов и систематических нарушений законности. Одно из частных применений лозунга «защиты стабильности» – оправдание как минимум про-

пагандистского давления на оппозицию и организации, представляющие национальные меньшинства.

Разумеется, во всех описанных случаях концепция конфликта в этом ряду выступает и как способ отрицания расизма и дискриминации в том смысле, который упоминался в начале статьи. Их проявления (действия «ультра», отказ в прописке определенным этническим группам) описываются либо как «конфликт» с окружающим населением, либо как правомерные защитные действия государства.

Но было бы ошибочным сводить применение официозом «конфликтного» языка только к пропагандистским манипуляциям, оправдывающим расистские практики. «Конфликтный» подход стал универсальным и стереотипным, и встречается там, где власти, в общем, не в чем оправдываться. Практически любая региональная концепция или программа «национальной политики» именуется как план «гармонизации» или «стабилизации» «межнациональных отношений»[42], а в качестве главной цели устанавливает не предотвращение дискриминации и этнического насилия и не защиту меньшинств, а борьбу с этническими конфликтами, в том числе и в практически моноэтнических регионах.

На протяжении года, с ноября 1994 по ноябрь 1995 года, во дворах турок, живущих в станице Советской Кировского района Ставропольского края, было подброшено в общей сложности 21 взрывное устройство. Местная милиция не принимала никаких мер, и только присланные в командировку сотрудники краевого УВД смогли быстро установить и задержать подозреваемых. Ими оказались члены местной казачьей группировки; из четырех человек, привлеченных к ответственности, осужден был только один. Свой ответ на депутатский запрос о, в общем-то, довольно простых обстоятельствах дела, заместитель прокурора края начал с рассказа о якобы существующем в станице конфликте между турками и остальным населением. Причину конфликта он свел к тому, что турки «игнорировали местные обычаи, требовали к себе повышенного внимания, не желали работать в колхозе»[43]. Подобным образом описывал ситуацию и представитель Министерства по делам национальностей[44]. Между тем, турки, составляя около 15% населения станицы, живут там с начала 80-х годов, и каких-либо столкновений с окружающими или агрессивных акций с любой стороны ни до взрывов, ни после не фиксировалось.

Официальные и академические объяснения и интерпретации становятся частью конструирования конфликта также и в повседневности так называемых «простых» людей. Например, бытовые конфликты или акции экстремистов интерпретируются практически всеми причастными к этим ситуациям не как односторонняя агрессия, а как объективно предопределенное противостояние этнических коллективов. Эти представления предлагают модель поведения для «просто» граждан, правоохранительных органов, местных властей, лидеров меньшинств, СМИ в аналогичных ситуациях. Бытовой конфликт или подозрение в том, что лицо, относящееся к меньшинству, совершило правонарушение, становятся для «просто» граждан поводом жаловаться казачьим группировкам или властям на девиантное или агрессивное поведение меньшинства как такового («наглость», «засилье», «экспансию»). Насильственная акция или угрозы насилия со стороны военизированных группировок воспринимаются как основание не для пресечения правонарушения, а для «переговорного процесса» с участием «национальных общин» и «казачества».

Географически подобные концепции конфликта и способы их использования не ограничиваются Югом России. В Москве 7 мая 1998 г. на рынке «Лужники» неизвестные лица убили торговца-азербайджанца. По свидетельствам очевидцев, убийство совершили члены предположительно неонацистской группировки, занимающейся рэкетом на рынке, при попустительстве и на глазах милиции. Торговцы провели спонтанную демонстрацию протеста, которая была в жесткой форме разогнана милицией. В последующих официальных комментариях почти исключительно говорилось о демонстрации как чрезвычайном нарушении общественного порядка и об угрозе дальнейших «ответных» действий со стороны «азербайджанцев». Об убийстве, систематическом насилии и вымогательстве на рынке официальные лица предпочитали не говорить или ставили убийство на один уровень с демонстрацией. Основные московские газеты делали ударение на том, какое место занимает азербайджанская «община» в «теневой» экономике города и чем вызвана «напряженность» ее «общины» в отношениях с окружающими. Аналогичным образом представители власти и СМИ реагировали на организованные «бри-тоголовыми» погромы у метро «Царицыно» и гостиницы «Севастопольская» в Москве 30 октября 2001 г. Милицейское начальство в

основном выражало озабоченность гипотетическими «ответными» акциями «кавказцев». Средства массовой информации уделяли основное внимание «напряженности» в отношениях между кавказскими «мигрантами» и «коренными жителями», вызванной «чрезмерной» экономической активностью «мигрантов».

В городе Удомле Тверской области в ночь с 9 на 10 мая 1998 г. толпа подростков в состоянии алкогольного опьянения разгромила ларьки, принадлежавшие местным жителям, причисляемым к «кавказцам». Милиция практически бездействовала, а депутаты представительного органа местного самоуправления, местные газеты и руководители районной администрации обвинили в инциденте самих «кавказцев», вызывающих своим поведением недовольство местных жителей. Никто из участников погрома не был привлечен к ответственности[45].

Было бы, однако, ошибочным видеть за всеми подобными представлениями только интересы групп и институтов, доминирующих в системе распределения власти и ресурсов и потому прямо или косвенно заинтересованных в дискриминационных и репрессивных практиках. Можно предположить, что лица и институты, осуществляющие подавление, будут использовать «конфликтный» подход, а подавляемые и жертвы будут апеллировать к правовым категориям. В наших реалиях за редкими исключениями этого не наблюдается, и конфликтный язык практически одинаково приемлетя всеми. Самая наглядная иллюстрация – выражение солидарности со стороны лидеров национально-культурных обществ с позицией властей, «защищающих» «межнациональное согласие» милицейско-прописочными методами. В Краснодарском крае лидеры краевых и районных армянских организаций неоднократно предлагали властям создать в дополнение к официальной прописочной системе свою собственную систему миграционного контроля, которая помогала бы ограждать регион от нежелательных мигрантов-армян и тем самым снижала бы «напряженность»[46].

При всех различиях между конкретными случаями применения «конфликтного» подхода к интерпретации реальности, можно говорить о том, что этот подход имеет вполне определенный идеологический смысл, а не является просто риторической оболочкой, в случае необходимости заполняемой любым содержанием. Следует отметить, что, как и другие идеологемы, порожденные советским/

постсоветским обществом, «предотвращение конфликтов» или понятия из того же ряда не несут свое содержание в явном виде, а служат знаками, прочитываемыми адресатом в определенном контексте. «Предотвращение конфликтов» или «регулирование межнациональных отношений» означает, что государство присваивает себе полномочия «управлять процессами»[47] в некоей не вполне определенной области общественной жизни по своему усмотрению, руководствуясь самостоятельно и для себя устанавливаемыми соображениями целесообразности.

3) Изучение «конфликта» как фабрикация социально приемлемого знания[48].

В России в течение последнего десятилетия возникло многочисленное сообщество «этнополитологов» и «этноконфликтологов». Эта группа не имеет четких границ, и многие входящие в нее персонажи совмещают разные роли. Многие государственные служащие публикуются в качестве академических экспертов, академические эксперты привлекаются в разных качествах для работы в официальных структурах, все активно размещают свои тексты в средствах массовой информации. Официоз, академические эксперты и СМИ используют одну и ту же терминологию. Таким образом, «научные разработки» и «научное знание», связанные с конфликтами, оказываются востребованными на административном рынке и на рынке массовой информации. Возможность презентации суждения в качестве «научного» выступает как дополнительный ресурс для того, кто его высказывает, а следование рекомендациям «науки» – как символический капитал власти и средств массовой информации.

Между тем, в последние годы нет оснований говорить о существовании, собственно, исследований повседневности, связанной с доминированием, агрессией и насилием на этнической почве. Исключением служат отдельные работы, посвященные идеологии (национализму) и истории современности – фактографии отдельных вооруженных конфликтов. Не приходится говорить о том, что этнополитология – это отрасль политологии, изучающая манифестации этничности в политике посредством аппарата этой дисциплины. То же самое можно сказать об «этноконфликтологии». Мы, скорее, имеем дело с новой, весьма своеобразной областью деятельности.

Как это ни покажется парадоксальным, деятельность, номинально нацеленная на изучение повседневности, не предполагает эмпирических исследований. Действительность описывается на основе публикаций СМИ и количественных исследований – массовых [49] и экспертных опросов. Последний метод является наиболее популярным, а в качестве основных экспертов выступают государственные служащие (включая сотрудников правоохранительных органов). Мнение людей выступает фактически как единственный источник знаний о повседневности.

Другая черта работы «конфликтологов» с эмпирической базой – произвольно избирательное обращение с источниками. Статистические данные о численности и составе населения, об экономической и криминальной ситуации, о состоянии рынка труда не дают никаких оснований для тех выводов об «изменении этнического состава», «наплыве мигрантов», «преобладании меньшинств» в той или иной сфере деятельности [50]. Конфликтологическая литература полна рассуждений о «взрывном» росте миграции в начале 90-х годов, а Федеральная миграционная программа на 1998–2000 гг. сообщает, между тем, что «с 1989 по 1996 год общий миграционный оборот в России снизился с 12,5 до 6,7 млн. человек, причем на долю внутреннего миграционного оборота пришлось 86% всех миграций» [51]. В Краснодарском и Ставропольском краях, якобы наиболее страдающих от наплыва мигрантов, уже к середине 90-х годов после кратковременного подъема миграции общий прирост населения вернулся на уровень 70 – 80-х годов. С 1998 г. в Краснодарском, а с 1999 г. в Ставропольском крае отмечается абсолютное сокращение населения. Все наблюдатели отмечают, что этнические меньшинства составляют незначительную долю в миграционном притоке. Никого из «конфликтологов», отстаивающих идею «экспансии мигрантов как причины конфликтов», это ни в малейшей степени не смущает. Официальная статистика применяется выборочно или отвергается под предлогом «недостовренности». Однако, спекуляции чиновника о численности этнических групп, об особенностях их «поведения», как правило, не анализируются и не критикуются. Распространенный вариант – объяснение агрессии строится на двух взаимоисключающих тезисах. Утверждается, что «объективная социальная конкуренция» (например, «коренного населения» с «торговыми меньшинствами») является причиной массовой этнической фобии, а затем вносится

уточнение, что общественное мнение воспринимает ситуацию «не вполне адекватно», поскольку конкуренция на самом деле не имеет места.

Методология подавляющего большинства конфликтологических публикаций явно основана на отождествлении мнения людей о действительности с действительностью. Это мнение интерпретируется материалистически, в духе «теории отражения», при этом оно не деконструируется, не ставится вопрос о мотивах тех или иных высказываний или об источнике высказанных представлений. Отсутствует также исследовательская рефлексия и желание поставить вопрос о влиянии исследователя и его публикаций на язык и сознание изучаемых.

Таким образом, конфликтология, обращающаяся к названным сюжетам, самодостаточна и не имеет никакой связи собственно с исследованием. Возникает замкнутый круг: чиновник широко привлекает академическую «экспертизу» для обоснования и планирования решений, а для исследователя главным и практически единственным экспертом выступает чиновник.

Вот довольно типичное экспертное рассуждение о ситуации в Москве. «...Управляющий субъект имеет весьма смутное представление об объекте управления. В настоящее время никто даже приблизительно не представляет себе реальную численность тех или иных этнодисперсных групп, проживающих постоянно или временно на территории города. <...> Лишь на уровне обыденного сознания формируются представления о том, что отдельные сферы деятельности (как правило, связанные с получением неконтролируемых доходов и потому в значительной степени криминализованные) монополизированы в Москве представителями той или иной этнодисперсной группы. Совершенно очевидно (*sic!*), что ситуация, в которой представители одних этнических общностей заняты в основном в сфере производства материальных благ, а представители иных этнических групп – в сфере распределения и перераспределения этих благ, чревата возникновением острых межэтнических противостояний. <...> Процесс неконтролируемой миграции привел к тому, что в городе постепенно сформировались своего рода этнические анклавы. <...> Более или менее известны некоторые наиболее заметные из них. (Заметим – выше следовало утверждение, что «реальная» ситуация не изучалась и отсутствуют даже приблизительные представления о

ней. – А.О.) Однако интегрированная и проверенная информация о них отсутствует, а главное, отсутствуют количественные характеристики процесса концентрации этнических мигрантов в том или ином районе города. (sic!) Очевидно, что достоверное и систематизированное знание о характере расселения диаспорных групп на территории столицы необходимо как в контексте эффективной социальной политики, так и в контексте профилактики и предотвращения межэтнических конфликтов.»[52]

Однако, вывод о необходимости проведения исследований повисает в воздухе, поскольку тут же следует слегка завуалированный призыв к репрессивной и дискриминационной практике. «Оптимизировать межэтнические отношения в столице удастся только в том случае, если акцент в деятельности московского правительства будет смещен с парадных мероприятий этнокультурного характера на регулирование *реальных* этносоциальных процессов. Элиминировать угрозу межэтнических конфликтов в Москве можно, только переломив *отчетливую* тенденцию этносоциальной дифференциации горожан, устранив из экономического пространства Москвы криминальные и полукриминальные экономические структуры, *организованные по этническому и земляческому принципу*. Это, в свою очередь, можно сделать только в том случае, если будет реализована иная, нежели практикуемая сейчас, модель миграционной политики... следует обратить внимание на предложение сформулировать новую доктрину столичной миграционной политики, основанную прежде всего на создании экономических и правовых барьеров, препятствующих избыточному притоку *этнических мигрантов* в столицу»[53]. (*курсив мой. – А.О.*)

Можно ли говорить в этой ситуации об ответственности экспертов? Суждение о том, что власть привлекает экспертов только для обоснования уже принятого решения и имеет полную свободу выбора угодных ей авторов, весьма спорно. Во-первых, не сама бюрократия, а именно эксперты вырабатывают язык, посредством которого воспринимаются и осмысливаются «проблемы», а, следовательно, определяются приоритеты и направленность политических решений. Во-вторых, власти не нужно кого-либо специально подбирать – с точки зрения методологии почти все отечественные специалисты рассуждают и пишут примерно одинаково. В-третьих, всеобщее молчаливое согласие принимать российские «этнополитологию» и «эт-

ноконфликтологию» всерьез явно ведет к дальнейшему разрастанию этой опухоли. Ответственность за такое положение вещей ложится на все академическое сообщество.

4) Возможность альтернативы.

Вопрос об идеологической альтернативе представляется даже более сложным, чем об альтернативе научной. Конфликтный подход вызывает, поощряет и оправдывает расистский дискурс и репрессивные практики, а потому вызывает понятную озабоченность с правозащитной точки зрения. Есть сильные подозрения, что в настоящее время описанные концепции конфликта и связанный с ними механизм фабрикации и презентации «научного знания» не имеют конкурентоспособной альтернативы. Конфликтный подход устраивает всех, кроме, вероятно, части жертв и правозащитников.

Предлагаемая объяснительная модель проста, понятна и удобна для власти, поскольку предлагает большую свободу усмотрения при реагировании на разные ситуации и позволяет снимать с себя ответственность за многое из происходящего. Метафоры «предотвращения» и «раннего предупреждения» такой угрозы, как «конфликты», служат эффективным приемом оправдания широкого спектра действий.

Простота, понятность, соответствие представлениям так называемого здравого смысла делают конфликтный подход привлекательным для средств массовой информации и широкой публики. Вероятно, следует учесть и психологическую комфортность конфликтного подхода для большинства в ситуации систематической дискриминации или преследований определенных групп – ответственность за происходящее по крайней мере частично может быть возложена на жертв и снята с самого большинства.

Для конфликтологического сообщества принятые правила игры удобны тем, что «научная работа» оказывается востребована рынком без необходимости проводить собственно исследования и при минимальных методологических и этических требованиях. Общественная «значимость» и социальная приемлемость «знания» искупает его недостоверный или вероятностный характер. «Востребованность» в данном случае следует понимать широко, как общественное признание, а не в том смысле, что конфликтологи подкуплены начальством, политиками или СМИ.

Наконец, фразеология «гармонизации межнациональных отношений» устраивает и этнических активистов своей гибкостью. Она придает этническим активистам символический вес как лидерам «общин», привлекаемым для «межнационального диалога», позволяет оправдывать апелляции к правительству о прямой поддержке и позволяет в случае необходимости демонстрировать власти лояльность.

Поскольку «конфликтный» подход не просто означает поддержку расизма и дискриминации, но и сам зачастую становится формой расизма, он не может не представлять интерес для практиков, занимающихся антидискриминационной деятельностью. Спустившись на землю, неизбежно приходится думать о приемлемой, в смысле, не приводящей к описанным последствиям, замене, которую способны воспринять группы населения, чье мнение влияет на общую ситуацию (политики, чиновники, сотрудники СМИ, некоммерческий сектор).

Самый простой путь – разоблачение манипуляций с эмпирическими материалами и отрицание по существу расистских построений в силу отсутствия или недостоверности фактических обстоятельств, к которым апеллируют их сторонники. Несложно показать, что «этноконфликтологи» живут в мире сплетен, которые легко разоблачаются, что нет «наплыва» мигрантов, что не меняется этнический состав населения, что радикальные националистические группировки преследуют свои собственные интересы, что криминальная статистика не выдерживает критики и ни о чем не говорит и т.д. Эта стратегия выглядит приемлемой, но в принципе слабой. Такая позиция слаба, во-первых, потому что не является возражением по существу, а во-вторых, не всегда предлагает альтернативное знание. В этом же смысле слабы с точки зрения возможного потребителя работы, основанные на критике стандартных «конфликтологических» языка и методологии. Они интересны для узкого круга исследователей, но для людей, чье мнение важно для ситуации в обществе, «наличное» знание в любых обстоятельствах лучше никакого. Наконец, весьма сомнительной альтернативой выступает также критика с моральных или идеологических позиций.

Следование «конфликтному» языку и стандартным объяснениям происходящего означает оправдание и стимулирование расизма. Критика этих подходов со «слабых» позиций в конечном счете

означает то же самое. При отсутствии быстрого, общего и фундаментального решения приходится искать долгосрочные и частные подходы. Развитие непозитивистских исследований в социологии, этнологии и других дисциплинах может оказать позитивный эффект на экспертное сообщество в стране. Весьма желательно, чтобы само экспертное сообщество, его отношения с властью и роль в конструировании конфликта стали предметом научного изучения. Немалую пользу может принести более широкое распространение, в том числе и в таком контексте, методик деконструкции. Разумеется, можно и нужно указывать на манипуляции, в том числе пропагандистские, с информацией и умозаключениями. Для гражданских, особенно правозащитных организаций на первом месте должна стоять, очевидно, пропаганда правового подхода.

Перед правозащитниками при этом стоит весьма серьезная проблема. Те формы расизма и дискриминации, с которыми приходится чаще всего сталкиваться, идеологически основаны на выведении социальных характеристик лиц и групп из их этнической принадлежности. Протестуя против такой операции и привлекая внимание к ее последствиям, важно самим не поддаваться соблазну делать то же самое. Дело не в том, чтобы исключить из языка этнические обозначения, а в том, чтобы не приписывать этнических смыслов социальным институтам, процессам и явлениям. Это, к сожалению, не всегда получается.

В нынешней ситуации это, может быть, и не имеет большого значения. Например, правозащитники привлекают внимание к тому, что милиция задерживает или избивает людей, которые относятся к меньшинствам, и обозначают этих людей как «таджиков», «чеченцев» или «цыган». Обычно имеется совокупность признаков, позволяющих более или менее определенно судить о том, что действия милиции носят избирательный по этническому или физико-антропологическому признаку характер. Иногда такие признаки не очевидны, и действия милиции или других структур приписывается дискриминационный, то есть «этнический» смысл просто по аналогии, то есть произвольно. По своей направленности это не то же самое, что приписывание этнических черт, например, преступности. Суждения об «этнической преступности» логически ведут к оправданию и поощрению репрессивной практики, а «этническая» интерпретация действий милиции правозащитниками означает так или иначе протест против таковой. Тем не менее, даже такая, вызванная самими

благими намерениями «этнизация» происходящего должна, на мой взгляд, встречать возражения, а не одобрение.

Однако в перспективе широкое использование «этнического» языка российскими правозащитниками означает, что они имеют высокие шансы пойти той же дорогой, что и западное антирасистское движение. Последнее основано на представлениях о том, что любое социальное неравенство между этническими или расовыми группами, независимо от того, чем оно вызвано, должно интерпретироваться как «институциональная дискриминация» или «институциональный расизм». Иными словами, социальные отношения переосмысливаются как отношения межгрупповые в этническом или расовом смысле. Для нашей общественности очень велико искушение таким же образом обращаться к наблюдаемым или надуманным этническим диспропорциям в некоторых республиках внутри РФ. Диспропорции эти, скорее всего, вызваны спонтанными процессами, к которым не применим правовой инструментарий. Попытки его «усовершенствовать» и истолковать наблюдаемое в терминах дискриминации могут еще более закрепить и разнообразить в общественном сознании риторику «межнациональных отношений» и «межнациональных конфликтов», которая, как я пытался показать, является в сущности расистской.

Литература

[1] В данном случае я сознательно оставляю за скобками такие вопросы, как состояние западных этнических исследований, их сходство и различие с российскими «этнополитологией» и «этноконфликтологией» и их влияние на российскую науку. Тем самым никоим образом не утверждаю, что к западной науке нельзя предъявить аналогичные претензии и что ее отличие от российской науки кардинально, просто тема требует отдельного подробного обсуждения.

[2] См. Petrova, Dimitrina. The denial of racism // Roma Rights. Newsletter of the European Roma Rights Center, 2000, # 4, pp. 26–38.

[3] Подробнее см.: Осипов А.Г., Черепова О.И. Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М.: Мемориал, 1996; Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. М.: Звенья, 1999.

[4] Крицкий Е.В., Савва М.В. Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1998, С. 26, 36.

[5] Попов С.И. Ставропольский край в системе федеративных отношений на Северном Кавказе // Федерализм: система государственных органов и практический опыт их деятельности. – Второе издание. – М.: МОНФ, 1998, С. 232–233.

[6] Пути мира на Северном Кавказе. М: Центр по изучению и урегулированию конфликтов ИЭА РАН, 1999, С. 122.

[7] Там же, С. 123–125.

[8] Крицкий Е.В., Савва М.В. Указ. соч. С. 26.

[9] Там же, С. 38–39.

[10] Яркие образцы такого рода рассуждений можно найти в региональной прессе и в десятках выпускаемых в этих регионах книг и брошюр. В качестве примера назову только книгу бывшего губернатора Краснодарского края: Кондратенко Н.И. Ходил казак в Кремль. Краснодар: Советская Кубань, 2001, С. 33–41.

[11] Психолог Н.М. Лебедева, наиболее активно использующая понятие «культурной дистанции», определяет ее как субъективное восприятие «близости» или «отдаленности» другой культуры. См.: Лебедева Н. Роль культурной дистанции в формировании новых идентичностей // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Московский Центр Карнеги, 1997, С. 65–67. Другие авторы, как правило, это понятие «овеществляют» и используют в значении показателя «объективных» различий. См.: Дробижева Л. Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений // Там же. С. 44–63.

[12] Савва М.В. Этнический статус (Конфликтологический анализ социального феномена). Краснодар: Издательство КубГУ, 1997.

[13] Язькова А.А. Краснодарский край: социально-экономическое положение и межнациональная напряженность // Конфликт-Диалог-Согласие. Бюллетень. № 5. 2000. Сентябрь-Ноябрь. С. 21.

[14] Там же. С. 21–22; Попов С.И. Указ. соч. С. 233.

[15] Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С. 3–4.

[16] Малахов. Владимир. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. С. 119–120.

[17] Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 303.

[18] Там же. С. 309.

[19] См. напр. Там же, С. 303–305; Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования. – 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2000 С. 224.

[20] Dictionary of Sociology and Related Sciences. – ed. by H.P.Fairchild – Totowa (N.J.): Littlefield, Adams & Co, 1977, pp. 58–59.

[21] Miall, H., Ramsbotham, O., Woodhouse, T. *Contemporary Conflict Resolution*. Oxford, Malden, MA: Polity Press & Blackwell Publishers Ltd., 1999, pp. 19–20.

[22] Конфликты в современной России. С. 37.

[23] Ямсков А. Этнический конфликт: проблема дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М.: Московский Центр Карнеги, 1997. С. 206–207.

[24] Там же. С. 208.

[25] Это особенно хорошо видно на примере текстов, следующих все еще модной «теории человеческих потребностей» (human needs theory), см. Fisher, Ronald. *Needs Theory, Social Identity and Eclectic Model of Conflict* // J. Burton (ed.) *Conflict: Human Needs Theory*, Basingstoke & L.: The Macmillan Press Ltd, 1990, pp.89–112; Конфликты в современной России. С. 209–237.

[26] Перепелкин Л. Межэтнические конфликты: причины возникновения и механизмы предупреждения // Конфликт-Диалог-Сотрудничество. Бюллетень. 1999. № 1. С. 8–9.

[27] Там же. С. 209–222; Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: проблемы становления // Современная конфликтология в контексте культуры мира. М.: УРСС, 2001. С. 179–180.

[28] Котанджан Г.С. Введение в этнополитологию консенсуса-конфликта. Теоретико-методологические проблемы цивилизационного анализа. М.: Луч, 1992. С. 16.

[29] См. напр. Вынужденные мигранты на Северном Кавказе. М.: ООО Фирма «Инфограф», 1997. С. 14.

[30] См. напр., Савва М.В. Указ. соч.

[31] Малахов, Владимир. Указ. соч. С. 169.

[32] См. Осипов А.Г. Указ. соч. С. 46–47; Бредникова О., Карпенко О., Паченков О., Осипов А. Откуда берется этническая преступность? // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 1999. Ноябрь-декабрь. С. 123–125.

[33] Конфликты в современной России, С. 231–235; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 160–203.

[34] См. Методы этноэкологической экспертизы. М: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.

[35] Сусоколов А.А. Устойчивость этноса и концепции национальных школ России. М.: ИНПО, 1994.

[36] Перепелкин Л.В. Социальные предпосылки современных межэтнических конфликтов в Российской Федерации. М.: Институт Востоковедения РАН и Российский Центр стратегических и международных исследований, 1997. С.7.

- [37] Полевые материалы 1996–1999 гг. О.И. Череповой и автора.
- [38] Интервью В.А.Коренько с С.И.Поповым, заведующим Отделом по делам национальностей Правительства СК, Ставрополь, 14 августа 1997 г.
- [39] Осипов А.Г., Черепова О.И. Указ.соч. С. 87–90.
- [40] Подробнее см. Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации. С. 58.
- [41] Четыре семьи под угрозой насилия со стороны казаков и под давлением местных властей выехали из района, глава одной семьи – Темур Алиев был избит, его дом разгромлен, а затем взорван казаками
- [42] Весьма примечательно, что один из основных нормативных актов краснодарских краевых властей, установивших для месхетинских турок особый режим проживания в крае (и только), назывался Постановление Законодательного Собрания края № 291-П «О мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в районах компактного расселения турок-месхетинцев, временно проживающих на территории Краснодарского края» от 24.04.96. Почти также – «О дополнительных мерах ...» – называется и новое Постановление ЗСК № 1363-П от 20.02.02 о месхетинских турках.
- [43] Письмо № 16-428-95 от 5.12.95 за подписью заместителя прокурора Ставропольского края А.И.Селюкова на имя заместителя председателя Комиссии по правам человека при Президенте РФ А.Т. Копылова. Копия у автора.
- [44] Независимая газета. 1995. 2 ноября.
- [45] См доклад ПЦ «Мемориал»: Черепова О.И. Майские события в Удомле (Тверская область) – http://www.memo.ru/hr/discrim/ethnic/other_ind.htm
- [46] Полевые материалы автора. Краснодарский край, апрель 1996 – сентябрь 1997 г.
- [47] Показательно, что первое в нашей стране (и, по сути, единственное) учебное пособие по этническим отношениям для обучающихся по специальности «Государственное управление» рассматривает «управление межнациональными отношениями» как предотвращение конфликтов и руководство национально-культурными автономиями. См.: Проблемы управления в сфере межнациональных отношений. Саратов: Изд. Поволжской академии государственной службы, 1998. С. 235–256.
- [48] Выражение позаимствовано у С.В. Соколовского. См. Соколовский С.В. Третий путь, или попытка объяснения в разделенном сообществе // Мир России. 1994, № 2. С. 136.
- [49] В качестве образцов можно привести, например: Межнациональные отношения в Ставрополе. М.: ИСПИ РАН, 1995; Морозова Е.В. Современная политическая культура Юга России // Полис, 1998, № 6. С. 113–131.

[50] Подробнее см. напр. Осипов А.Г. Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Краснодарском крае // Вынужденные мигранты и государство. М.: ИЭА РАН, 1998, С. 139–166; Осипов А.Г. Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Ставропольском крае // Там же. С. 167–198.

[51] Собрание законодательства Российской Федерации. № 47, 1997, 24 ноября, ст.5406.

[52] Филиппов В. Москва // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Май–июнь 2001. С. 43.

[53] Там же. С. 48.

5. Ислам Баудинов. К истории великих информационных провокаций: Остенде, Кондопога... далее – вся Россия

([Электронный ресурс]. – Режим доступа: checheninfo.ru...velikih-informacionnyh-provokaciy)

Неудивительно, что в стране, функционирующей не в режиме реальной экономики и нормальной конституционной работы институтов государственного управления, а в режиме «ручного» управления обществом путем информационных политехнологий, важнейшее место занимают пропагандистские действия, в т.ч. информационные провокации. В принципе, и во всем мире уже привыкли к управлению массами в рамках стратегии направленных информационных взрывов. Важно иное, оные масштабные информационные провокации, порою поднимающие всю Россию на дыбы, изучению практически не подвергаются. В числе их операция «Остенде» и операция «Кондопога» от 2006 г. Их изучение представляет собой не только теоретический интерес, о чем говорят факты, связанные с недавней операцией по разжиганию межнациональной ненависти, названной нами «лагерь «Дон», «Бирюлево» и далее.

Операции 2006 г. были проведены на базе переживаемой русским народом стадии этнической самоидентификации в своеобразной форме тревожной этнической мобилизации. Когда утраченное было «государственно-имперское» самосознание быстро заполняется ценностями самого радикального свойства, связанными и с формированием устойчивой ненависти к «инородцам». В этом плане весьма специфична роль российских СМИ и в целом Интернета, затеявших против «чужих» перманентную информационную войну.

Так, показательная, в плане будирования в российском обществе «племенной» ненависти, операция «Остенде» началась 19 августа 2006 г. с весьма заурядной драки в рядовой дискотеке «Карре Бич» курортного городка Остенде, что во фламандском регионе Бельгии. Неспроста именно это незначительное «событие» приковало к себе вдруг внимание всех новостных российских агентств (давших о нем развернутые оценки и сообщения), главных телеканалов страны, общероссийских газет, не говоря уже о националистической прессе и многочисленных коричневых сайтах форумов Интернета. Произошла своеобразная и бурная информационная истерика в масштабе всей великой страны, тянувшаяся не один день.

Оказалось, что участниками инцидента в дискотеке «Карре-Бич» выступили полтора-два десятка молодых чеченцев-иммигрантов, спровоцированных оскорблениями в их адрес со стороны 30 охранников (арабы-марокканцы), которые в обоюдной драке были избиты. Одно из бельгийских агентств и несколько газет страны дали о заурядной драке весьма искаженные сведения, которые не были подтверждены ни полицией, ни прокуратурой.

Чеченская община в Бельгии, насчитывающая на тот момент свыше 5000 человек, жестко и публично осудила молодых хулиганов, посчитав их действия оскорблением для имиджа чеченцев в стране пребывания, тем более, в свете трагедии, переживаемой чеченским народом.

Другое дело в родной для чеченцев России. Здесь была развернута поистине тотальная информационная операция с моментальной выработкой соответствующих образов, с подачи, в первую очередь, таких газет, как «Известия» и «Комсомольская правда». Если верить их сообщениям, то представлялось, что в «тишайшем фламандском захолустье – курортном городке Остенде» (М. Соколов) – вооруженная «банда чеченцев» из несколько десятков человек, пользуясь клюшками от гольфа и бейсбольными битами, совершила нападение на посетителей дискотеки «Карре-Бич», в ходе которого избивала мирных отдыхающих и ограбила до 100 (!) человек.

Интернетовское новостное издание Rambler-Mass Media в общении от 21 августа 2006 г. (Михаил Первушин), рассказав о событиях в Остенде, добавило еще и материал «о чеченском налете на дискотеку в городе Брюгге, в результате чего также были покалечены и ограблены десятки людей». На деле в бельгийских газетах речь

шла о передаче расследования драки в г. Остенде в прокуратуру г. Брюгге, не более того. Но так хотелось огня!

Известие о драке в Остенде нанесло многим российским журналистам, публицистам и рядовым участникам националистических форумов тяжелую психическую травму, несовместимую со здравым смыслом. Договорились до того, что чеченские беженцы не только «терроризируют Бельгию», но и поставили «в соответствующую позу» всю «политкорректную Европу»!

Между тем, выяснилось, что в том же г. Остенде 19 апреля 2006 г. на одной из местных дискотек (кстати, по соседству с «Карре-Бич») произошла еще более массовая драка, в ходе которой были разбиты окна, витражи и сломана мебель. Полиция задержала несколько десятков драчунов, среди которых лидировали русские иммигранты. Тем не менее, российские СМИ обошли эту сенсацию глухим молчанием. Хуже того, в самой России происходят сотни и тысячи драк на дискотеках. порой с участием целых толп и с кровавым исходом. Не редкость драки с кровопролитием на танцах в европейских городах с активным участием, так сказать, сугубо «местных».

24 августа 2006 г., общероссийская газета «Известия» познакомила страну с новым страстным публицистическим обращением «Волк в овчарне» платного сотрудника М. Соколова. Не 15–20 хулиганов, а весь двухмиллионный чеченский народ оным сотрудником был распят и заклеямен по канонам племенной ненависти: «волки», «хищники», «занятие вооруженным бандитизмом», чеченцы – люди, которым неведомы «простейшие этические правила» и т.п.

Корреспондента «Комсомольской правды» Андрея Алексеева, специально командированного за рубеж, решительно не устроила основная версия бельгийской прокуратуры в оценках произошедшего в Остенде – «случайная ссора». Выяснилось также, что А. Алексеева гложет серьезная тревога за будущее Западной Европы, которая, по его словам, «запустила себе «под кожу» 200 тыс. беженцев из некоей «горной кавказской автономии». Как бы даже «автономия» и не российская.

С точки зрения политической целесообразности можно понять организаторов и исполнителей «операции Остенде» только в одном случае: если она проводилась в формате идеологической борьбы с ичкерийской пропагандой за политические предпочтения чеченской диаспоры в Европе. Но на практике операция вылилась в демон-

страцию звериной ненависти не только ко всем чеченским беженцам в Европе без разбора, но и к чеченскому народу вообще. А это обстоятельство прямо затрагивало некоторые основы национальной безопасности Российской Федерации. Но авторам и вдохновителям грязной операции Россию как раз жалко не было.

В контексте разоблачения «операции Остенде» следует, прежде всего, сказать о чеченской, скорее даже чечено-ингушской диаспоре, в Европе. Она образовалась в результате бегства российских граждан чеченской и ингушской национальностей от тяжелых тягот войны и прямой опасности для жизни и свободы (наряду и с обычной трудовой миграцией в поисках лучшей доли). Так, на сегодня в Европе не менее 150 тысяч чеченцев, выехавших из России, главным образом, в 1999–2005 годах. Кстати, в совсем последние годы, благодаря энергичным мерам чеченских республиканских органов власти по восстановлению Чечни, эмиграция практически сошла на нет.

Как не парадоксально, те же чеченские беженцы в Европе не политизированы и им не свойственно участие в активной антироссийской пропаганде. «Информационному шуму» вокруг «чеченского» вопроса на Западе мы обязаны, главным образом, похищениям граждан на Северном Кавказе, отдельным дерзким вылазкам боевиков и пропагандистским выступлениям десятка–другого беглых ичкерийских функционеров, зарабатывающих себе хлеб на чеченской трагедии.

Известно, что получить право на постоянное жительство в странах Западной Европы чеченские беженцы могут с большей легкостью в одном случае: заявив, что имярек «участвовал в вооруженной борьбе чеченского народа против Российской армии». Тем не менее, даже под угрозой отказа в предоставлении убежища и высылке в Россию чеченские беженцы в массе своей не идут на сделки с совестью. Они хотят, в конечном счете, законным образом вернуться на родину.

Между тем, благодаря организаторам и исполнителям «операции Остенде» отчетливо вырисовывалось, что Россия позиционирует себя врагом своих же соотечественников. А ведь за исход чеченских беженцев из России ответственность несла, прежде всего, российская власть, не выполнившая перед собственными гражданами своих прямых обязательств.

Следует признать, что благодаря указанной информационной операции, проведенной в России силами российских СМИ, наша

страна и российское общество высветились перед всем миром в пароксизме национальной ненависти. Попытка экспортировать из России животную ненависть к одному из кавказских народов в страны Европейского Союза могла привести лишь к усилению на Западе муссирования тезиса (перефразируя того же М. Соколова) «о порочности русских вообще».

Не успела операция «Остенде» развернуться в полномасштабную промышленную линию по производству племенной ненависти и смыслов озверения, как в традиционно несчастливом для России августе месяце грянула Кондопога. Операция «Кондопога» выросла на благодатной почве, которую подготовила в краткосрочном режиме операция «Остенде». Кондопога стала куда более разрушительной и опасной для коренных основ не только государства, как такового, но и нынешней системы власти. Оказалось, что опасно испытывать общество сомнительными, а по существу провокационными информационными операциями в самый пик перехода русского народа к осознанию новой картины восприятия мира и собственного положения в стране.

Операция «Кондопога» была масштабна и дерзка. Ее авторы и исполнители практически сумели легитимировать в обществе идеологему, остававшуюся уделом маргинальных политических групп и анонимных форумов интернета – идеологему, основанную на противопоставлении народов по признаку крови и расы: «мы» – русские и «они» – все остальные (в просторечии – «кавказцы», «черные» и т.д.).

Вот современный яркий образчик манипулирования сознанием: статья Ирины Тумановой в газете «МК в Питере» (13.09.2006), из которой следует, что у чеченцев «вероломство – доблесть», а «нормой стало людей убивать». Поэтому, с грязным пафосом пишет И. Туманова, «громили (в Кондопоге. – Авт.) адресно – чеченцев. Громили так, что утром 3 сентября мусор с улиц увозили на грузовиках.... Припомнили все». И еще от Тумановой: «Кондопога показала, что война, принявшая вялотекущий и какой-то бесконечный характер, расплзается по стране вместе с гражданами чеченской национальности... Хуже того: эта война ползет по миру, в те страны, куда прибывают беженцы». Это называется мостик к операции «Остенде». Вот так, плавно, одна информационная диверсия перетекала в другую и обратно: Остенде – Кондопога, Кондопога – Остенде!

Указанную взаимосвязь подтвердил все тот же М. Соколов все в той же газете «Известия» (05.09.2006): «Появление таковой же общины (чеченской. – Авт.) ... нарушило мир в бельгийском Остенде...» А поджоги и погромы в Кондопоге, по мысли автора, стали «действенным средством вразумления...» инородцев.

Тезис о долготерпении «северян» и наглости «южан» запустил в информационный оборот сам глава Республики Карелия С. Катанандов: «Главной причиной (погрома. – Авт.) стало то, что на наших глазах группа представителей **другого народа** вела себя дерзко и вызывающе, игнорируя менталитет **нашего народа**. Северных людей надо долго доводить. **В общем, я понимаю чувства тех людей, которые вышли на улицу.** Мы сделаем все возможное, чтобы зачинщики были наказаны и права граждан России, в том числе уроженцев Кавказа, соблюдались. **Наша цель – выгнать отсюда наглую дерзкую молодежь, которая нас не уважает** (подч. нами. – Авт.)». А ведь подобные погромные разговорчики публично на всю страну вел руководитель целой республики и далеко не дурак. Ощущалось, что это санкционированное выступление в духе текущей информационной операции.

В свете того, что конфликт в Кондопоге в сухом остатке коренился в попытках местных уголовных братков подмять «пришлых» (с уплатой дани) и в ксенофобской истерии рядового обывателя (до того запуганного СМИ, что для него любой чеченец представляется исчадием ада), откровения главы Карелии и текущие оценки СМИ отдавали еще и паранойей.

Благодаря отрицательному образу «пришлых», тысячи погромщиков Кондопоги, безусловно совершившие в эти дни тяжкие уголовные преступления, в одночасье вдруг стали жертвами, а жертвы, соответственно, злодеями, глубоко виноватыми перед «коренным населением».

Здесь одно племя предъявило голый счет крови другому, и неважно, независимо от того, за что и как были лишены жизни пострадавшие из числа большого племени. Конечно, при этом невольно возникает вопрос о позиции собственно племени карелов – государствообразующего этноса Карелии. Ведь собственно, что русская община, что чеченская община в Карелии не являются «коренными». Открывшаяся картина оказалась удручающей.

Объективно сложилось так, что именно русская община в течение новейшей истории грубо нарушала в национальной республике

баланс интересов. С 20-х годов XX в. доля карелов в общей численности населения (считая даже с родственными вепсами и финнами) в Республике Карелия сократилась с 43% до 10–11%. И наоборот, доля русских здесь, главным образом за счет миграции, возросла до 76%. Если в советское время карелы составляли 35% руководящих работников всех уровней, то карелы от 2006 г. добивались выделения квоты в 7 депутатских мест (!) в республиканский парламент (впрочем, безуспешно). Карельский язык даже формально не является государственным (почему-то финский!). Кстати, в целом по России за 15 последних лет численность карелов снизилась со 125 тысяч до 93 тысяч человек. Надо откровенно признать, что ситуация с карелами складывается таким образом, что древний самобытный народ вытеснен «пришлыми» на обочину истории.

В карельском городе Кондопоге на 36–40 тысяч русского населения приходилось несколько сот кавказцев, из них, по разноречивым данным прессы, чеченцев – от 50 до 70 человек (несколько десятков семей). В экономике города и района они все скопом играли ничтожную роль. Собственно, экономика Кондопоги держалась и держится на мощном целлюлозно-бумажном комбинате с миллиардными оборотами. Однако национальная принадлежность его владельцев, чьей собственностью по существу и является весь город с его окрестностями, кондопожцев почему-то никак не заинтересовала.

Выясняется, что чеченцы владели в Кондопоге 2–3 магазинчиками, одной небольшой мебельной фабрикой и десятком палаток на местном рынке. Но повели себя чеченцы, селившиеся здесь с 1999 г., «дерзко и вызывающе», что выразилось в отказе платить дань «нашим». Они осмелились выказать неуважение местной уголовной братии и бизнесу (представленному, в основном, теми же братками). Дурному примеру последовали и другие кавказцы, тем самым «игнорируя менталитет нашего народа».

Длительный конфликт уголовного мира и кавказцев вылился в антикавказский погром еще в начале августа 2003 г. Три дня уголовники и завезенные ими на автобусах десятки бывших десантников громили в Кондопоге рынки и избивали неугодных. «Но тогда удалось избежать тяжелых последствий, – рассказывает лидер чеченской общины Магомед Матиев. – Несколько человек с небольшими травмами попали в больницу». Зачинщики драки из числа «нашего» народа были задержаны и осуждены, но просидели недолго. Выйдя

на свободу, они твердо заявили кавказцам, что заставят их платить дань или выгонят из города, но от открытых враждебных действий воздерживались.

Своеобразное состояние «ни войны, ни мира», наступившее после событий 2003 г., было нарушено 29 августа 2006 г., когда криминальная группа, состоящая из профессиональных убийц и рецидивистов, собрав вокруг себя приклатненную сочувствующую молодежь, устроила драку в ресторане «Чайка», принадлежащем гражданам России, азербайджанцам – братьям Имановым.

В ходе драки были избиты работники ресторана (один из них ранен ножом), а 3 молодых чеченцев из числа посетителей едва спасли свою жизнь, обратившись в бегство. Драка шла под лозунгами: «Бей чурок», «Чурок вон из города». Вызванная барменом милиция (дело в том, что влиятельные братья Имановы не нуждались в чьей-то «крыше», бармен вызвал именно милицию) не освободила ресторан от присутствия хулиганов, к которым, заслышав о драке, подтягивались все новые силы. К половине третьего ночи (30 августа) здесь, уже на улице, отмечали «победу» до 300 человек местного криминального сброда. По существу, массовые беспорядки в городе уже начались. В этот момент к ресторану подъехали 7 чеченцев (из них трое – избитых ранее) с целью выяснить причины нарушения нейтралитета.

Толпа, жаждущая драки и крови, опьяненная алкоголем и предыдущей «победой», забросала их машины обломками кирпичей, а затем набросилась на чеченцев с ножами, дубинками и заточками столь яростно, что те были просто смяты. В ходе нападения погромщики сплелись в клубок и наносили в тесноте и темноте удары с таким остервенением, что зарезали двоих и тяжело ранили до 10 человек. Сотрудников патрульно-постовой службы, находившихся на месте происшествия, упрекали в том, что они «не стреляли», но те резонно отвечали: «Когда драка – это клубок! В кого стрелять?»

Утром 30 августа город охватил массовый психоз: оказалось, что несколько сот «наших» в половине третьего ночи просто так (!?) стояли перед рестораном «Чайка». Подъехали чеченцы, исполнили «боевой зикр» (!?) и с возгласами «бей русню» начали резать и бить «наших», целя исключительно в спину. По «утвержденной» версии, «кровожадные» чеченцы напали на «мирных посетителей» ресторана.

Народ вышел утром на улицу, как и положено толпе, с требованиями, абсолютно перемешавшими причинно-следственные связи. 2 сентября 2006 г. массовые беспорядки в Кондопоге, начавшиеся в ночь с 29 на 30-е августа, переросли в масштабный погром: сжигались и грабились магазины, палатки и машины, принадлежащие азербайджанцам и чеченцам. Был сожжен и ресторан «Чайка» братьев Имановых. Погром, как то и бывает, плавно перерос в политическое выступление населения города против местных властей, якобы потакавших представителям «другого народа». Оказывается, до появления кавказцев все в городе было хорошо: урки с ножами и кастетами ходили, как хотели, синие «держали» местных коммерсантов и челноков, а насилие не выходило за рамки российской действительности 90-х годов.

Надо отметить, должным образом сработал республиканский ОМОН, или СОБР, переброшенный из Петрозаводска: действия погромщиков были жестко пресечены, до 100 человек задержано, а семь чеченцев взяты под охрану и вывезены в безопасное место. Не легла под «братков» и местная милиция.

Безусловно, чеченский народ, как и любой другой российский народ, имеет своих достойных и недостойных граждан в стандартном для страны соотношении. Дело молодых чеченцев, задержанных в Кондопоге по подозрению в убийстве, очень долго находилось в стадии следствия. Долго шел и суд. Но уже все были согласны, что убили «они» по природной своей жестокости. Есть серьезнейшие основания полагать, что и процесс, и жестокий приговор по делу был подогнан под искусственно созданные образы и ожидания толпы.

Информационные издания страны показали, что для раскрытия события, где замешаны «мы» и «они», редакции и журналисты не нуждаются в фактах. Тем более они не нуждаются в знании положений Конституции Российской Федерации и соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Вообще в оценках Кондопоги право, как таковое, было публично оставлено за скобками всеми, в т.ч. и представителями властей. Так, «Комсомольская правда» заявляла, что Кондопога наконец «сбросила чеченскую крышу», газета «Известия» (данные СМИ фактически являются государственными) в своих оценках до последнего дня осталась верной родоплеменному видению событий в Кондопоге, замешанном на ценностях античеченской фобии.

Многочисленные интернетовские издания захлебывались от злобы к врагам «нашего народа». Например, автор News info Михаил Никитский прямо заявил по поводу кондопожских событий: «Терпение русского, кажется, иссякло. Под ногами агрессивных и наглых пришельцев начала гореть земля». Редкие либеральные и даже национальные (включая чеченские) СМИ скорбно посчитали, что «нельзя из-за преступлений нескольких лиц» (так!) обвинять целый народ.

Наконец, 4 ноября 2006 г. в праздничный день народного единения на улицах и площадях ряда российских городов прошли массовые «русские марши» под националистическими лозунгами «Кондопога – город герой», «Равнение на Кондопогу», «Россия для русских» и т.д.

Между тем лозунг «Россия для русских» в современных условиях может быть реализован исключительно в форме «Россия без татар, ханты, манси, мордвы, чукчей, якутов, чеченцев, карелов и их земель». Разумеется, без ненецкого газа, ханты-мансийской нефти, также без существующей власти и, в целом, с утратой фундаментальных основ общественно-политического строя Российской Федерации, образца 1993 г. Но радикальных националистов это не только не пугает, но, кажется, даже вдохновляет.

Многие хотели видеть в «Кондопоге» начало разрушения Российской Федерации, распада российского социума. Но вряд ли следует из-за событий в Кондопоге или провокационных лозунгов «русского марша» выстраивать трагически окрашенные эсхатологические прогнозы. Русский народ – это, безусловно, великий народ, и он обладает неисчерпаемыми моральными и культурными базовыми ценностями, которые невозможно размыть самым оторванным радикалам любых мастей. И именно бесспорные достоинства делают русский народ и Россию центром притяжения для многих народов Кавказа и Евразии в целом.

Единственным интерпретатором карельской трагедии стал по определению политолога С. Маркедонова, руководитель Чечни Рамзан Кадыров. Именно он заявил, что Российская Федерация может повторить судьбу СССР, если не справится с ситуациями, подобными кондопожской.

Настоящая попытка анализа информационных провокаций в национальной сфере показывает, что в нашем государстве и обществе существуют совершенно бесконтрольные (или, наоборот, подкон-

трольные) силы, которые откровенно ставят и свободно реализуют задачи по расшатыванию политической ситуации в Российской Федерации путем соответствующих информационных операций.

Отсутствие внятной реакции на действия названных сил на фоне достаточно тревожно проходящей этнической мобилизации русского народа усугубляет проблему и увеличивает затратность ее решения в будущем.

Вместо эпилога. На пустом месте разразился дикий скандал по поводу драки в оздоровительном лагере «Дон» 27 июля 2010 г. Информационные приемы, использованные по освещению случившегося здесь чеченского погрома, явно выявили целенаправленный (но плохо сшитый) сценарий дерзкой масштабной провокации. Так, сразу появилась «13-летняя русская девочка», к которой в тот вечер приставали «чеченцы», но как выяснилось, одновременно в трех разных местах! Из-за сценарной недоработки все три версии отправились на всю страну в информационный эфир. К тому же, запутались и сами главные исполнители.

События, последовавшие за убийством в ходе законной самообороны кабардинцем А. Черкесовым 6 декабря 2011 г. обученного костолома из закрытого «футбольного» клуба «Union», криминальной нацистской организации по идеологии, практике, целям и задачам, едва не поставили страну на грань гражданского конфликта. Разразилась Манежка...

13 октября 2013 г. телеканал «Москва–24» в прямом эфире часами сопровождал массовое шествие погромщиков к овощной базе в Бирюлево, и вся страна оказалась вовлечена в низкое действо по воспитанию ненависти к мигрантам. Утверждают, что эта пропагандистская операция, проводимая через все коммуникативные сети столицы и страны, не достигнув крещендо, «сдулась» после первого же твердого предупреждения Азербайджана, ссориться с которым на тот момент было не с руки.

К сожалению, факты говорят, что власть в подобных конфликтах-действиях, формально направленных на решение каких-то «полезных» внутренних задач, пытается затем опираться на обе стороны. Но одна из этих сторон – нацистское подполье и симпатизирующая ему часть русского общества – существующую российскую власть ненавидит как «нерусскую», столь же яростно и искренне, как и

«инородцев». Она готова на развязывание в стране всеобщей войны «всех против всех!» даже с риском разрушения страны. Российское нацистское подполье давно стало на путь организации массовых выступлений и подлых убийств из-за угла незащитных людей исключительно по национальным мотивам.

Другая сторона – значительная часть российского общества, включая коренные народы Российской Федерации, находится в состоянии недоумения и растерянности. Тем более, что виновники и организаторы националистских шабашей, как правило, не только не называются, но делаются попытки оправдать их выступления социальными и патриотическими мотивами. Остается сожалеть, что отдельные лица «власть предержащих» по непонятным для широкой публики мотивам позволяют себе открыто заявлять приязнь к «нашим мальчикам» (в их числе профессиональный гопник Егор Свиридов) и неприязнь не к «нашим».

Вызывает противодействие и демонстративное преклонение, демонстрируемое деструктивными силами по всей Российской Федерации перед образом новоявленного русского Хорст Весселя – рядового Буданова, невинно «умученного» чеченцами настоящего «русского героя (!?)».

В связи с изложенным неизбежно возникает вопрос: неужели в нашей стране определились политтехнологи-любители поручить целой ядерной державой методом т.н. «управляемого хаоса»? Если это так, то весьма опасные деньки предстоят для России, да и для всего мира, учитывая статус Российской Федерации.

В нынешнем русскоязычном интернете гражданская война в России началась уже давно. Мировая история не знала такого накала и таких масштабов выражения звериной ненависти со стороны т.н. «национал-патриотов» к собственным согражданам другой национальности и веры. Причем все это обрушивается на головы россиян в разнообразных направлениях, формах и средствах как настоящими профессионалами своего дела, так и различным отребьем. Один клик в Яндексе «русские против кавказцев» дает лавину материалов самого чудовищного свойства. Здесь сформировалось громадное сетевое сообщество, построенное на яркой пропаганде нетерпимости и войны.

«Они» утверждают, что преступность в России имеет этническое лицо, и этим лицом являются именно кавказцы. Хотя статистика убедительно показывает обратное: в нашей стране если и не монополию, то, по крайней мере, пальму первенства в совершении преступлений

держит русский криминал, и не в силу естественно какой-то национальной порочности, а в силу определенных объективных причин, рассмотрение которых остается здесь за скобками.

На службу этим и другим столь же «гуманистическим» лозунгам поставлена практически вся мощь интернета и немалое число национальных и региональных печатных средств российских СМИ. В общественно-государственном плане остается непонятным и необъяснимым тот факт, что патентованные шарлатаны, откровенно исповедующие примитивные фашистские взгляды, годами и открыто ведут политику разжигания ксенофобии и межнациональной вражды в отдельно взятой стране.

Война всегда происходит вначале в головах, а затем на практике. А в головах, к сожалению, она уже идет давно.

Остается только вновь отдать должное тому обстоятельству, что в целом античеченская ксенофобия в России встретила и встречает по сей день достойное сопротивление как правозащитных организаций, так и целого ряда видных ученых и общественных деятелей, не говоря уже о неприятии подобных негативных оценок русским народом в целом, ибо, как великий народ, он обладает и великими базовыми гуманистическими ценностями.

Таким образом, благодаря многолетним усилиям грязной черносотенной пропаганды, растущим амбициям нацистских и фашиствующих организаций и движений, распространению в обществе националистически окрашенного дискурса, ухудшению социально-экономического положения миллионов россиян (вызванного объективными и субъективными причинами), реализацией недопустимых авантюристических проектов канализации внутривнутриполитической напряженности в сферу межнациональных отношений мы получаем то, что имеем.

6. Соловей В.Д. На руинах Третьего Рима

(<http://sr.fondedin.ru/> Официальный сайт журнала «Стратегия России». 2004. Издание Фонда «Единство во имя России»)

Государственные институты и коммуникации, атрибуты и символы наполняются жизнью, облекаются в плоть мыслями, чаяниями, представлениями и действиями людей. «Только широко разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок

могут обеспечить низовую (базовую) легитимацию и делают государство жизнеспособным» [1]. Без устойчивого образа государства и массовой лояльности по отношению к нему (другое название чего – государственная идентичность) его институты, административные структуры и прочее остаются не более, чем пустышками, постмодернистскими симулякрами.

Формирование государства происходит взаимоувязанно в двух сферах: внешней – институционально-административной и внутренней – в сознании (и даже подсознании) людей. И если плоть слаба, дух зачахнет. Так гибель внешне могущественного советского государства была в решающей степени обусловлена прогрессирующей атрофией советской идентичности. Идентичность имеет не меньшее, если не большее, значение, чем международное признание, новые институты и элитные пакты, новые символы. «Верхушечные договоренности, декларации властей и даже международное признание не являются достаточными для создания согражданства, т.е. государства-нации» [2].

Основной массив социологических данных, охватывающий период последних пятнадцати лет, представили опросы Российского независимого института социальных и национальных проблем, Фонда «Общественное мнение», Института социологического анализа (Т. Кутковец, И. Клямкин), ВЦИОМ, Левада-центра, а также глубинные психологические зондажи Института этнологии и антропологии РАН. Важно отметить, что при всех различиях в идеологических и культурных позициях, исследовательских методиках и интерпретациях, опросы различных центров зафиксировали одни и те же тенденции.

Империя умерла. На этот раз навсегда. Практически все наблюдатели едины в том, что деградация союзной идентичности, включая ее мобилизационную функцию, необратима. Важно, однако, понимать, что не гибель СССР привела к умиранию советской/союзной идентичности, а проходившее под покровом советской стабильности разрушение этой идентичности, выхолащивание ее жизненной силы послужило кардинальной предпосылкой гибели СССР. Другими словами, разрушение союзной идентичности было причиной, а не следствием гибели СССР. 25 декабря 1991 года – лишь формальная дата кончины советской империи [3], которая в умах, в массовом сознании умерла гораздо раньше. В противном случае в стране нашлись бы

люди и структуры, готовые проливать кровь – чужую и собственную – ради сохранения империи, как высшей ценности. «Способность или неспособность производить готовность идти на смерть – это... последний аргумент в пользу жизнеспособности или нежизнеспособности той или иной политической системы» [4].

Именно в ходе советской истории произошла деактуализация русского мессианского мифа – идеи особого предназначения русских и России в эсхатологической перспективе, которая составляла «красную нить» отечественного бытия на протяжении последних столетий. В настоящее время этот корневой миф русской мифосимволической системы сохраняется как смыслообразующее ядро русской исторической идентичности, но, дрейфуя в прошлое, он не способен составить лейтмотив и стимул актуальной политики. В рамках христианской цивилизации вообще осталась лишь одна нация, более или менее сохраняющая уверенность в своем мессианском предназначении, – американская.

В современной России трансцендентно мотивированные и предполагающие самопожертвование системы идей не обладают массовыми мобилизационными свойствами. Возможности государственного строительства и вообще любого масштабного социального творчества ограничены исчерпанностью морально-психологических и социокультурных ресурсов, что коррелирует с беспрецедентным биологическим упадком русского народа. Проблема не в дефиците материальных ресурсов, а в биологическом и морально-психологическом, экзистенциальном кризисе. К этому стоит добавить интеллектуальную деградацию: историческое поражение не стало стимулом добиться интеллектуального превосходства над победителями.

Каковы актуальные политические проекции столь удручающего состояния дел? Невозможно восстановление СССР. Стремительно теряют популярность любые масштабные интеграционные проекты: Сообщество Независимых Государств, как некая крайне туманная и расплывчатая перспектива конфедерации, уже умерло в массовом сознании. Идея славянского союза (тройственного или российско-белорусского) еще держится, но при этом большинство российских респондентов отчетливо предпочитает союз суверенных государств формированию объединенного государства. В отношении постсоветского пространства лейтмотивом становится (обращаю внимание на незавершенность процесса) формула: «да» сотрудничеству и интеграции, «нет» – объединению в общее государство.

Не имеет поддержки националистическая идея объединения всех русских людей и земель в едином государстве. Путь «железа и крови» чужд русским, принявшим как статус-кво отождествление крайне сомнительных и ущербных административных границ РСФСР с государственными границами России. Даже осознавая проблемы русских меньшинств в «ближнем зарубежье» как часть проблем собственно России, «материковые» русские не выходят за пределы моральной солидарности с компатриотами, а зачастую не готовы даже к этому.

Тенденция к самостоятельности России и формированию собственного государства превалирует среди русских, по крайней мере, с середины 1990-х годов. Причем динамика ее поддержки нарастает как вообще, так особенно среди поколения, социализировавшегося в постсоветскую эпоху. Для последнего безальтернативно существование России в ее постсоветских границах.

Мы имеем дело с историческим сдвигом поистине тектонических масштабов: ценность и идея Империи, русский мессианизм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперским народом, народом для других, закрыта героическая, славная и страшная глава нашего прошлого. И это более кардинальное изменение, чем политические и экономические пертурбации последних полутора десятков лет. Что же написано в новой главе нашей истории?

По финалистской логике так называемого «посткоммунистического транзита» подданные империи должны превратиться в граждан национального государства, составив политическую (гражданскую) нацию. Иное было бы «дурной», «неправильной» современностью или «прерванным транзитом». Эта откровенно идеологическая (то есть спекулятивная) конструкция, которой пытались придать статус объективной исторической закономерности, легла в основание государственной стратегии идентичности, нацеленной на формирование нации «россиян».

Данная стратегия увенчалась блистательным провалом. Попытки продемонстрировать ее успех – откровенное лукавство или добросовестное заблуждение, вызванное отождествлением двух тесно связанных, но разнородных явлений. Речь идет об отождествлении территориально-страновой идентификации с идентификацией поли-

тической общности. Считая именно Россию (а не СССР, СНГ или Союз России и Белоруссии) своей страной, жители России не образуют общности, имеющей общую политическую мифологию, общие ценности и символы, то есть политической (гражданской) нации в подлинном смысле этого термина. Территориальная идентификация – необходимое, но недостаточное условие для ее возникновения. То общее (в смысле политической мифологии, ценностей и символов), что у нас имеется, относится к остаткам советского наследства, а не к постсоветскому бытию. В этом смысле «советский народ», а особенно русские как его ядро, был гораздо ближе к идеалу политической нации, чем современные россияне.

О силе и мобилизационном потенциале «россиянской» идентичности говорить вообще не приходится. В апогее советской эпохи жертвование (необязательно жизнью, хотя и жизнью тоже) во имя и для «нашей советской Родины» было распространенным явлением, идеологическим нормативом и общественно поощряемым образцом поведения. Попробуйте сейчас найти среди «россиян» хотя бы одного человека, пожертвовавшего хотя бы чем-нибудь, не говоря уже о жизни, ради «суверенной демократической России». А ведь «дело прочно» только тогда, «когда под ним струится кровь» ...

Можно, конечно, объяснить провал проекта «политической нации» радикальным изменением исторического контекста: если эпоха модерна завершилась, значит, исчерпало себя и такое ее детище, как «нация-государство». Однако интеллектуально увлекательная проблема возможности строительства национального государства в мире постмодерна представляет для России насущный практический интерес. И теоретическое решение ее следует искать на пути разведения проблем кризиса модерна и формирования государства.

Необратимое (ибо необратима эволюция сложных социальных систем) разрушение ценностно-культурного континуума Просвещения и Модерна вовсе не означает исчезновения государства даже в глобализующемся мире. Оно остается ключевой (хотя далеко не единственной) формой организации пространства, социальной и экономической жизни, важным актором международной политики. Появление качественно новых субъектов в этих сферах не столько исключает государство, сколько рельефно подчеркивает его незаметность. Не существует ни одного субъекта, способного составить полноценную альтернативу государству. Новые транснациональные

и трансгосударственные идентичности не опровергают государственные, а дополняют их, образуя гибкую, ситуативную и неиерархическую систему идентичностей. Поскольку же новые идентичности охватывают количественно незначительную часть населения, то государственная и национальная идентичность сохраняют свой базовый и рамочный характер.

Вопрос о кризисе государства должен быть рассмотрен с новой (точнее, реанимированной старой) аналитической позиции: неустойчивость, неполноценность и «конченность» ряда современных государств, вероятно, объясняется не только давлением глобального контекста и внутренними проблемами, а органической неспособностью провозгласивших их народов сформировать государственность. Здесь я возвращаюсь к фихтеанскому положению (унаследованному Гегелем и Энгельсом) об «исторических» и «неисторических» народах. Юридическая и культурная презумпция равенства народов и культур не может и не должна заслонять их фактическое неравенство в истории. Одни народы, каковых было незначительное меньшинство, в полном смысле слова творили историю, определяли ее ход, в то время как другие оставались статистами и «материалом» творения.

Это выводит нас на важную теоретическую проблему соотношения и связи этничности и государства, проливающую свет на специфику современной отечественной государственности и фиаско национал-социализма в России. Популярная дихотомия «политических» и «этнических» наций, составившая методологическое и идеологическое основание проекта «российской нации», ошибочна с аналитической и оценочной точек зрения. Этническое начало в деле нации- и госстроительства не менее, а более важно, чем гражданский аспект. Даже «иммиграционные» нации имеют этническое и культурное ядро, интенсивное размывание которого, по утверждению С. Хантингтона и ряда менее известных, но более глубоких ученых, бросает судьбоносный вызов существованию «иммигрантских» политий.

В паре с этим теоретическим тезисом находится другой, вообще невыносимый для культурно травмированной отечественной интеллигенции: невозможно строить государство и формировать нацию – неважно, демократические или нет, – не опираясь на национализм. Более того, демократическое преобразование общества возможно лишь в националистических формах, что доказывается историей и

актуальной практикой подавляющего большинства современных демократических государств. Так называемый «банальный национализм» составляет имплицитный и неотчуждаемый ментальный фон общественного и элитарного дискурсов, культуры и политики самых «образцовых» демократических политий. [5].

Даже если вынести за скобки русский национализм, то применение к России этой концептуальной схемы позволяет сделать фундаментальный практико-политический вывод: невозможно строить российское внеимперское государство, игнорируя и даже исключая русскую этничность, что и происходит до сих пор. Вопрос о причинах такого положения дел в данном случае не обсуждается.

Зададимся отнюдь не риторическим вопросом: могут ли люди испытывать лояльность и стремиться к отождествлению с государством, которое враждебно их базовым социальным и культурным интересам? Какие чувства они испытывают в отношении элиты, от которой отчуждены антропологически и экзистенциально? Утверждение об антропологическом и экзистенциальном отчуждении не гиперболою, оно проверено социологическим и психологическим опытом. Здесь существуют две интерпретационные ловушки: одна связана с массовым государственным настроем русских, вторая – с высоким рейтингом президента Путина.

Происходившее с конца 1990-х годов повышение ценности государства как теоретического норматива, как идеи, не привело к повышению ценности актуального российского государства, которое в общественном мнении выглядит неэффективным, некомпетентным и все более пугающим. Все исходящие от такого государства и такой элиты инициативы воспринимаются с позиции презумпции их враждебности и чуждости обществу.

Более того, официозная политика государственного патриотизма не ослабила, а усилила противопоставление государства/элиты и общества. Дело в том, что она оказалась патриотическим симулякром. Патриотические знаки и символы не были подкреплены соответствующим изменением реальной политики, оказавшейся диаметрально противоположной пропагандируемым ценностям. А призванные задавать обществу образцы и нормы поведения элитные группы демонстрируют крайний эгоизм и своекорыстие. Другими словами, предлагавшиеся обществу «парадные» ценности противоречат ценностям самой элиты, а «правда жизни» – создаваемые «гнусной российской

действительностью» образцы и нормы социального поведения – разрушает любые эталоны и идеальные модели.

Нарастающую враждебность удается снимать благодаря фигуре президента Владимира Путина, играющей типичную для России роль суверена – возвышающегося над государством социального медиатора. Не секрет, что высокое и беспрецедентно устойчивое доверие к президенту не распространяется на основные государственные и политические институты, уровень доверия к которым, несмотря на некоторые колебания, остается очень низким. Тем самым в современной России воспроизведен исторически устойчивый стереотип отечественного общественного сознания: пиетет по отношению к суверену при одновременном отвержении «средостения» (в данном случае – элиты и государственных институтов) между «царем» и народом.

Второй главной опорой относительной политической и социальной стабильности в стране выступает негативистский «общественный договор»: люди не выступают против власти, пока она не мешает им жить, не ломает основы частного бытия и структуры повседневности, не оказывает на них чрезмерного (по скромным русским меркам) давления.

Однако эти обстоятельства лишь сглаживают, но не отменяют главного итога последнего пятнадцатилетия – провала строительства «национального государства» в понимании, присущем модерну; и соответствующего провала в формировании российской «политической нации» и новой идентичности.

Парадокс ситуации в том, что, в полном соответствии с китайским прочтением иероглифа «кризис», кризис государства и нациестроительства в России открывает новые возможности. В случае со строительством государства речь идет о спонтанном (понимаемом в духе социального конструктивизма) формировании принципиально нового в мировой истории типа государства, которое А.И. Фурсов определил, как корпорацию-государство.

Такое государство отказывается от признания ценности общественного блага, от главной цели любого государства – определения, что справедливо, а что нет (Аристотель). Оно минимизирует социальные и антропологические издержки с целью максимизации прибылей, используемых в интересах элиты. По самой своей субстанции это государство враждебно обществу и поэтому не испытывает

потребности в лояльности общества по отношению к себе. Значит, ему не нужна государственная идентичность. Формирование корпорации-государства находится в России в начальной стадии и может быть остановлено и даже повернуто вспять. Но само его появление даже в виде слабого ростка открывает новую страницу отечественной и мировой истории.

Невозможность формирования полноценной государственной идентичности естественным образом разворачивает русскую ментальность в сторону форсированного развития этнической идентичности.

Хотя территориально-страновая идентичность для русских в целом более значима, чем этническая, этнизация сознания приняла массовый характер, а этническая идентичность приобретает несравненно более артикулированные, в сравнении с советской эпохой, формы. Русские все более охотно определяют себя именно как русских, а не «советских людей», россиян, граждан России и т.д.

Надежным индикатором этого процесса выступают масштабы, динамика и направленность этнофобий в отечественном обществе. При этом обращает на себя внимание крайне высокий уровень этнического негативизма, во-первых, среди образованных слоев населения (включая Москву), что указывает на неслучайность этнофобий, их отрефлексированность, во-вторых, среди социализировавшейся в постсоветскую эпоху молодежи, что означает превращение этнофобий в системный, самовоспроизводящийся и устойчивый фактор национального бытия.

В то же время следует предостеречь от отождествления этнизации сознания и роста ксенофобских настроений с национализмом. Эмпирически это тесно связанные, но теоретически разнородные явления: из этнизации сознания и даже из драматического роста ксенофобии не следует с неизбежностью национализм, хотя ксенофобия может составить его питательную почву. Как раз современная Россия представляет классический пример отсутствия линейной зависимости между этнизацией сознания и ксенофобией, с одной стороны, и национализмом – с другой.

Тем не менее, массовая этнизация русскости носит беспрецедентный в отечественной истории характер. Чем она вызвана? Отчасти я уже ответил выше: провалом строительства «национального государства» и спонтанным формированием корпорации-государ-

ства. Но есть еще целый ряд не менее важных причин. Первая – это кризис, надрыв жизненной силы русского народа, что на массовом уровне смутно ощущается (не рационализируется) как потеря исторического форта. На протяжении своей истории русские были не только большим, сильным, но еще и очень удачливым народом, что хорошо заметно в оптике Большого времени «школы Анналов».

Вторая причина: этнизация сознания и радикализация этничности есть непосредственная реакция на колониалистскую стратегию этнической депривации русских, проводимую некоторыми влиятельными элитными группами отечественного общества, идентифицирующими себя как либеральные. Структурное и содержательное совпадение колониального и либерального дискурсов в России легко прочитывается. Третье: этнизация идентичности неразрывно сопряжена с архаизацией ментальности и общества – их опусканием в глубь коллективного бессознательного, возвращением к изначальным идентичностям, что неизбежно в контексте трагической социокультурной и антропологической деградации отечественного общества.

В структуре самой этнической идентичности все более важное место занимает биологический принцип (кровь), серьезно потеснивший традиционно влиятельные культурные и языковые определения идентичности – почву. Это, конечно, не переход от историко-культурной к расовой матрице русской идентичности (что невозможно принципиально), но изменение структуры самой идентичности, а также симптом и одновременно фактор разрушения ценностно-культурного континуума модерна. Наиболее радикальные формы этнизации сознания характерны не для населения «прифронтовых» и пограничных территорий, не для мелкой и средней буржуазии, а, в первую очередь, для молодежи, причем вне зависимости от социального статуса и уровня образования. Вопреки расхожим представлениям, современная российская молодежь вряд ли составляет резерв демократии, прогресса и симпатизантов Запада. Скорее наоборот: ей ближе ценности иерархии и насилия, а не равенства и свободы. Она несравненно более националистическая и ксенофобская, чем поколения советских людей. Обратной стороной ее знания Запада оказывается пренебрежение и даже ненависть к нему.

В более широком смысле на руинах Третьего Рима идет интенсивное и спонтанное складывание качественно нового общества –

неоварварского, соединяющего архаичные социальные модели и ценностные ориентации, казавшиеся забытыми культурные формы с новыми технологиями. Из глубин коллективного бессознательного, разрывая тонкую пленку цивилизации и культуры, всплывают архетипы и большие стереотипы русской истории. Происходит возвращение к таким базовым понятиям, как власть, кровь, хлеб, справедливость, взятым в их предельных, обнаженных смыслах. В то же самое время я бы предостерег от описания этого процесса исключительно в терминах «регресс» и «архаика», его интерпретации в рамках прогрессивистских концепций, которые суть культурные, а не научные конструкции. В действительности мы воочию наблюдаем (а такая возможность интеллектуалам предоставляется крайне редко) подлинно историческое творчество – редкое по интенсивности, масштабу и драматизму строительство нового мира на руинах старого. Это творчество корректно определить, как «трансгресс», то есть такой глобальный сдвиг, который, включая элементы как прогресса, так и регресса, ведет к возникновению нового социального качества.

Глобальное изменение исторического ландшафта происходит во взаимосвязи с кардинальной трансформацией содержания русского Мы. Русские превращаются в иной народ: их новое состояние, безусловно, связано с предшествующими, и, в то же время, характеризуется качественной новизной. В афористичной форме вектор перемен можно определить, как превращение народа для других в народ для себя. Но революция русской идентичности – не случайность и не результат только последнего пятидесятилетия, она подготовлена всем предшествующим историческим развитием и, в этом смысле, закономерна и даже неизбежна.

Вот результаты даже поверхностного теоретического осмысления некоторых ключевых фрагментов новой, становящейся на наших глазах реальности. Во многих отношениях эта реальность потенциально глобальна, а не локальна, просто Россия силою ряда обстоятельств оказалась в авангарде исторических перемен.

Открытый и незавершенный характер идущих процессов делает уязвимой любую попытку их концептуализации. Твердо можно быть уверенным в двух обстоятельствах, они же суть предпосылки нового теоретизирования. Первое: грандиозная, подлинно революционная суть перемен требует новых теорий – новый мир не может быть

«уловлен» старой концептуальной сеткой. Второе: переход к новому теоретическому базису невозможен без отказа от культурных аксиом, на которых зиждется прежнее знание. Вопрос о новой методологии и новом теоретизировании не интеллектуально отвлеченный, он представляет политико-практическую важность. Это вопрос о том, сможем ли мы конвертировать историческое поражение в опережающую рефлексию, тем самым создав предпосылку для национального выживания.

Примечания. [1] Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы национализма) // Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 15. [2] Там же. [3] Термин «империя» применительно к советской политике используется метафорически. Советский Союз был принципиально новым в человеческой истории государственным образованием. Сочетая атрибуты национального государства и империи, СССР тем самым, не был ни тем, ни другим – ни империей, ни национальным государством. [4] Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 27. [5] См.: Малахов С.В. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005. С. 132–136, 269–271.

7. Итоговое заявление участников Международной конференции «Кавказская война XIX века: *realpolitik* и войны памяти»

([Электронный ресурс]. – Режим доступа: [kavkazoved info»news...konferencii-kavkazskaja...xix...](http://kavkazoved.info/news...konferencii-kavkazskaja...xix...))

Мы, представители научных кругов, экспертного сообщества, средств массовой информации и неправительственных организаций России, Турции, Грузии, Абхазии, Азербайджана, приветствуем создание новой научно-экспертной площадки по изучению истории Кавказского региона в XIX столетии.

В ходе состоявшейся международной конференции мы обсудили дискуссионные стороны исторического прошлого, новейшие исследования, трудности и перспективы сотрудничества историков из разных стран и регионов.

Полагаем возможным сделать ряд выводов, которые, хотя лежат в академической области, могут представлять интерес для тех дискуссий о нашей общей истории, которые ведутся в обществе.

1. Долгий XIX век, его сложность и драматизм

В истории народов Кавказа XIX век стал одним из «долгих» веков. Как переходный от традиции к новому времени и от самостоятельного существования к интеграции в состав Российской империи он начался в веке восемнадцатом, а завершился в веке двадцатом.

История Кавказа в этот период отличается огромной сложностью, многообразием, драматизмом. Переплетение фундаментальных социальных и экономических трансформаций, взаимодействие и противоборство динамично меняющихся идентичностей и групп происходило на фоне соперничества в регионе мощнейших государств той эпохи.

Кавказская война представляет собой только один из этапов исторического взаимодействия России и народов Кавказа, которое началось гораздо раньше и продолжается до наших дней.

Но Кавказская война и в условиях своего времени представляла собой только одно из измерений общей системы отношений в регионе. Кавказ стал для Российской империи вызовом не только политическим, но и культурным. Именно в XIX веке она утвердилась в качестве Кавказского государства, распространяя узы гражданства и новые культурные практики в иной, но постепенно становящейся своею среде.

Кавказ стал и до сих пор выступает важнейшим истоком российского многообразия и культурного богатства.

2. История и миф, политика и «войны памяти»

В истории XIX века имели место противоречивые и трагические события, приведшие к различным последствиям для государств и народов, в них участвовавших. В глазах наших современников, идентифицирующих себя с противоборствовавшими тогда сторонами, одни и те же события неизбежно приобретают разное значение, а в качестве ключевых для интерпретации прошлого принимаются разные события.

Когда такие интерпретации провозглашаются в качестве полной и окончательной истины, которой надо следовать в сегодняшней жизни, они превращаются в мифы. Исторические мифы иногда порождаются искренними заблуждениями, иногда – политической конъюнктурой.

Современная историческая наука обречена на сосуществование с тем, что англоязычные авторы называют «folk-history». Такое

мифотворчество на историческом материале, само по себе столь же невинное, сколь и бесполезное, может превращаться в «войны памяти», если им начинают пользоваться недобросовестные политики. «Войны памяти» ведутся не за утверждение истинного знания о прошлом. Те, кто ищут истину, не воюют друг с другом, а учатся друг у друга.

3. Роль профессиональных историков

Мы убеждены, что средство против «войн памяти» – профессионализм и открытая академическая дискуссия. Профессиональное сообщество историков не отгораживается от запросов современности. Но оно отвечает на них в соответствии с собственными критериями – правилами и нормами академической исследовательской работы.

Полагаем, что ключевое требование к профессиональному историку – это знание контекста событий, которые он изучает, – как регионального, так и глобального.

В истории Кавказской войны было немало трагических страниц. Многие регионы, оказавшиеся полем соперничества крупнейших держав своего времени, пережили похожую судьбу, включая жестокие локальные войны и принудительные массовые миграции. История Кавказа XIX века осложнена еще и тем, что в это столетие мир становился более связанным и единым, чем он был в предшествующую эпоху – и это делало международное соперничество более интенсивным и острым.

Профессиональный историк заинтересован не в замалчивании, а в обнаружении всех фактов, чтобы построить обоснованные, доказательные и непротиворечивые интерпретации Кавказской войны как исторического явления определенной эпохи.

Оценивать эти факты он будет в контексте той эпохи, в соответствии с представлениями и практиками того времени. Если же предметом его исследования является более широкая история российско-кавказских отношений, включающая и современный их период, то значение событий прошлого будет оцениваться в контексте современных и перспективных интересов стран и народов региона.

4. Общее прошлое, общее будущее

Существует независимая от политической конъюнктуры общность интересов России и всех народов Кавказа, в одинаковой степени заинтересованных в мире, долгосрочной стабильности и успеш-

ном развитии. Волею исторических судеб эта общность переходит границы региона.

Сохранение и развитие братских связей адыгов и других кавказских народов, проживающих в России, Турции, Сирии, Иордании, Израиле, Абхазии и других стран, может стать залогом будущих добрососедских отношений в регионах Черного моря и Ближнего Востока.

Мы верим, что наша общая история может и должна стать почвой не для вражды и разделения, а для искреннего заинтересованного диалога и культурного обмена. Мы призываем наших коллег-историков к такому диалогу, основанному на вдохновенном и глубоком изучении прошлого.

Мы полагаем, что именно научный профессионализм, свободный от политической конъюнктуры, включает в себе самую прочную и честную гражданскую позицию.

Анкара, 30 сентября 2013 г.

8. Мусаев Зелимхан, Хатуев Ислам. Хапизов Шахбан, Умахан, Аух, Эндирей, аварцы кумыки и чеченцы, или провокаторы не поمهа кавказскому братству

([Электронный ресурс]. – Режим доступа: kavpolit.com/blogs/grozny/9674/)

К сожалению, на фоне разных передраг в современном российском обществе начали проявляться новые фальсификаторы, активизировавшиеся в квазинаучной сфере своими экстремистскими работами и закладывающие опасную бомбу межнационального противостояния, чей взрыв чреват огромной разрушительной мощностью, способной поглотить всех и вся, включая и самих авторов. Вот почему, в частности, нельзя оставлять без внимания последние публикации дагестанского историка с экономическим образованием Ш.М. Хапизова «Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины XVIII в.)» и «Саламезр, Эндирей, Аух (очерки этнической истории населения Терско-Сулакского междуречья)», изданные в Махачкале, соответственно, в 2013 и 2014 гг.

В указанных опусах, помимо других сомнительных положений, автор – патентованный националист, провокатор и фальсификатор –

в одном случае делает такую ссылку на грузинского летописца Леонти Мровели:

«Известный грузинский историк XII в. Леонти Мровели, на основании многочисленных источников и преданий, даёт уникальную информацию о расселении в древности предков этнических дагестанцев. Согласно его данным, земли «Лека» – легендарного предка дагестанцев, распространялись от Каспийского моря до реки Терек в районе Владикавказа («удел Лека от моря Дербентского на востоке до реки Ломеки») и далеко на север, вплоть до современных Астрахани и Калмыкии» («Картлис Цховреба» («История Грузии») / под ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 18).

Осмелимся спросить у Хапизова: это на какие же многочисленные источники и предания опирался Леонти Мровели? Впрочем, по признанию целого ряда исследователей, указанная летопись небесспорна и её научная достоверность вызывает серьёзные сомнения у историков, так как она привязана к библейским сюжетам и к полумифическому армянскому летописанию раннего средневековья. Применение эпонима «Лекос» к нынешним дагестанцам (в особенности, к аварам-хунзахцам, что, собственно, делает Хапизов) весьма условно, так как ещё советские историки указывали, что этногенез дагестанских народностей протекал много веков позднее предполагаемой жизнедеятельности этнарха Лекоса.

С начала нашей эры немало переселенцев извне отовсюду проникло в Дагестан. Те же аварцы, в том числе, по их собственным признаниям, являются потомками различных этнических групп: тюрков-аваров (кстати, осевших в Хунзахе во главе с ханом), чеченцев, кумыков, греков, арабов, армян, горских евреев и других. Между прочим, в аварском языке (хунзахском диалекте) вместо фразы «построить дом» используется словосочетание, эквивалентное понятию «сшить дом», хотя аварцы не шьют, а возводят дома. И уже в этом нюансе кроется прямое указание на кочевое степное прошлое, в частности, хунзахцев.

Тем не менее, на протяжении всего XVIII и начала XIX вв. в русских и грузинских документах их этническая принадлежность с абсолютной уверенностью указывается как лезгинская. Собственно, этноним «авары» представлялся в тот период не как национальная идентификация, а, скорее, социальной единицей: «беспокойные бродяги», «грабители». И при всём этом даже в настоящее время далеко

не завершён процесс активного формирования аварской народности, которая пока ещё не стала монолитной нацией, так как данной среде присущ полиэтнизм, в русле которого сосуществуют десятки многочисленных племён и народностей (салатавцы, цумадинцы, андийцы, цезцы и другие), пока ещё окончательно не ассимилированных и говорящих каждые на своих отдельных бесписьменных языках, равным счётом не имеющих ничего общего (из-за отсутствия взаимопонятности) с официальным литературным аварским языком, так как степень близости к нему остальных наречий весьма условна.

И вообще, многовековое традиционное доминирование нахского этнического компонента в западноаварских районах Дагестана вполне понятно и логично с точки зрения географии, демографии и хозяйства (до Кавказской войны чеченцев было в 3-4 раза больше, чем аварцев; они занимали более плодородные для полеводства земли; и они же нуждались в сезонной наёмной рабочей силе). Единственно, в Нагорном Дагестане было больше весенних пастбищ для выпаса овец. Граничащие с Чечнёй андоцезские народности, с точки зрения лингвистики, столь же близки к аварцам Хунзахского плато, как и к чеченцам. Ведь и сам Хапизов старательно подчёркивает, что жители приграничных с Дагестаном чеченских горных обществ (Чебарлой и другие) говорят на «огрублённом» чеченском языке, а в некоторых сёлах чеченцы даже знали речь дагестанцев. Правда, сам при этом забывает добавить, что в лице старшего поколения андийцы, ботлихцы, годоберинцы и другие субэтносы ещё в 60-х гг. XX в. превосходно владели чеченским языком. Стоит добавить: некоторые андийцы и салаатавцы возводят своё происхождение к чеченцам.

Помимо зачисленных в аварцы (порой искусственно!) национальных образований, в Дагестане проживают более дисперсные крупные этносы: лезгины, лакцы, даргинцы, кумыки, табасаранцы, чеченцы-аккинцы и другие. Как быть с ними? Или они не есть потомки Лекоса?

Разве собственно вся Чечня не включается позднесредневековыми географами как Востока, так и Запада в культурно-географическое понятие «ДАГЕСТАН»? Выделение из общего массива Чечни (как наиболее сильной самостоятельной единицы, особой области) идёт только с конца XVII – начала XVIII столетия: «ДегIаста» или «Декъаста» («Отечество», буквально «Твердыня Отцов», в широком значении – «Кавказ») – как же хорошо помнят этот до боли в сердце родной эпитет чеченцы, побывавшие в казахстанской ссылке! А

понятия «Даймохк» («Отчизна»), «Нохчийчоь» («Чечня») – продукт развития чеченской литературной речи последней трети XX в.

Здесь, в опусах упоминаемого нами фальсификатора, налицо все предпосылки для грядущего грандиозного конфликта. Неужели Хапизов не отдаёт отчёта в том, что его труды не только антинаучны, конъюнктурны, провокационны, но в итоге ещё и бесперспективны? На самом деле речь может вестись лишь об общих предках нахско-дагестанских народностей, которые в историческом прошлом имели между собой языковое, культурное и генетическое родство. Ведь по этому поводу лингвисты считают, что буквально две тысячи лет назад прото-чеченцы и прото-аварцы изыяснялись на понятном друг другу наречии, без необходимости в переводчике. Ведь и сам автор приводит по этому поводу свидетельства дагестанских и чеченских археологов, единственно трактуя их совершенно неправильно, тенденциозно (чтобы не сказать «извращённо»!).

Какая-то отдельная часть не может быть больше целого! Не говоря даже о том, что некоторые аварские тукумы (тайпы, общества) имеют отчётливо обозримое чеченское происхождение, на сегодня однозначно можно утверждать, что в своей первооснове «магъарул» (аварцы) – такая же часть большого нахского этноса, как и ингуши, и на такую конфигурацию не смогли повлиять ни аваро-гуннское засилье в раннем средневековье, ни вековое лезгинское засилье в новое время.

В одной из двух вышеуказанных работ Ш.М. Хапизов активно ссылается на труд осетинского историка Ф.В. Тотоева, который, в свою очередь, делает ссылки на Российский государственный военно-исторический архив. Пожалуй, приведём опять цитирование, даже если оно займёт у нас место:

«Весь участок между правым берегом Сунжи и подошвою Чёрных гор (нынешняя большая Чечня) принадлежал прежде аварского происхождения князьям Турловым, но лет около 80, как жившие до того в горах чеченцы, размножившись, по недостатку земель и междоусобиям, вышли из гор на понизовья Аргуна и Сунжи, вытеснив с сих мест упомянутых князей Турловых, с обещанием, однако ж, некоторой за земли сии им платы, – но вскоре настолько усилились, что и сию повинность с себя сложили» (РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 62 об).

Указываем на ключевую (с позиции Ш.М. Хапизова) фразу: чеченские земли ПРИНАДЛЕЖАЛИ аварским князьям Турловым. А

ведь этот бред не выдерживает элементарной критики. (По этому поводу смотрите соответствующие работы профессора Я.З. Ахмадова). Даже сами князья Турловы никогда не писали, что им принадлежат чеченские земли; они указывали только, что они правят здесь, но их чеченские уздени (дворяне) сильнее их по богатству и «родству». На незначительность и слабое влияние «чеченских» князей дополнительно указывает тот факт, что уже во второй половине XVIII в. царские власти прекращают практику взимания с них аманатов.

Впрочем, мы не утверждаем, что в Чечне не бывало аварцев. Чеченцы приглашали извне к себе наёмных князей из аварцев, кумыков и кабардинцев, затем их же изгоняли или меняли на других, если те, войдя во вкус властолюбия, забывали чтить вековые устои чеченского общества и посягали на нахскую вольницу и индивидуальность. Этими пришельцами бывали не только Турловы или религиозные функционеры (муллы), но и нескончаемая вереница бедствующих горцев, мигрировавших на плоскость в поисках хлеба насущного и получавших в Чечне возможность его зарабатывать: кто-то княжением, кто-то чеканкой, а кто-то пастушеством!

Обо всём этом давно известно, изложено в сводных академических работах, и появление квазиисторических работ с наглыми претензиями на чеченский ареал обитания не совсем понятно. Более того, всё это выглядит дико, бредово и, поверьте, не столь безобидно! Эти публикации выявляют разыгравшийся аппетит, нацеленный на очередной виток территориальной экспансии на фоне галопирующих темпов рождаемости. Безусловно, настала пора обеспечить закономерный финал всем этим планам и рассказам.

Осмысление генерируемых процессов «научного хамства» поневоле пробуждает в памяти целые информационные пласты, с помощью которых в нашем сознании более или менее достоверно складывается воедино пазлы панорамы происходящего. Ведь значимость чеченцев не снижается от того, что кое-кому не нравится их нынешняя роль не только в кавказском, но и во всероссийском масштабе. Однако нас не покидают смутные подозрения относительно того, что некоторые «товарищи» испытывают изрядное беспокойство в связи с успехами Чеченской Республики в последние годы, и поэтому мы вынуждены повторять об этой опасности.

В известной народной поговорке сказано: «Врать – не мешками ворочать!» Действительно, ума здесь много не надо. Да и фантазий

особых в наше время не требуется – достаточно калькировать кое-какие аналоги, извлечённые из поисковых систем Интернета. В связи с такими прытками «соседями», как Хапизов и его единомышленниками, вспоминается крылатая фраза из голливудского кинофильма с участием Майкла Дугласа, где главный герой обращается к своему оппоненту с саркастическим предложением: «Давай так условимся: ты больше не клеветашь на меня, а я не буду говорить о тебе правды!»

Упрёки и рассказы по поводу национальной или тайповой принадлежности – свойство глупых и низких натур, и в чеченской повседневности вся эта говорильня воспринимается как моветон. Вот почему чеченцы в таких темах зачастую предпочитают обходить стороной «острые углы», даже в случаях злобных высказываний в свой адрес. Обсуждать, кто хуже, а кто лучше – грязное дело. Тем не менее, нынешняя ситуация автоматически требует порции правдивости. Вот, к примеру, с чьей-то подачи в Дагестане (из элементарного чувства сострадания не будем называть имён этих несчастных) появились рассказы «старожилов» о том, как, мол, их предки «осваивали» в XVIII–XIX вв. некие земли на Чеченской равнине, основывали там хутора, «держали крышу» и так далее. Но в указанные века Чеченская равнина – отнюдь не пустыня, а плотно в демографическом и культурно-хозяйственном плане обжитое пространство. Да, аварские и иные горцы-отходники исторически длительно принимали участие в развитии богатого хозяйства населения Чечни указанного периода: в качестве наёмных пастухов, землекопов, дровосеков, плотников и так далее. Если нынешних таких рассказчиков приодеть в пастушескую шапку, дать в руки посох, повесить на спину тощую котомку, а к поясу – тыкву-фляжку, у таких, условно говоря, «внуков» появится реальный шанс быть узванными чеченскими старожилами, по сей день с теплотой поминающих тех прежних миролюбивых, покладистых, трудолюбивых работников.

Или другой вопрос: о малоземелье в горах Дагестана, который всегда стоял крайне остро. В 1921 году, в том числе ценой подлога и подтасовок, осуществлённых советским режимом, в состав Дагестана, чью автономию провозгласил лично товарищ Сталин, был введён заселённый коренным чеченским и кумыкским населением равнинный Хасавюртовский округ (прежде входивший в Терскую область). После выселения (депортации) чеченцев, начиная с 1944 г., произво-

дилось волевое заселение Кумыкской плоскости, главным образом, горными аварцами. Но и это никак не утолило территориальных appetитов различных чиновников, хотя относительно свободные земли уже закончились здесь в 80-х гг. XX в. Но «ползучая» экспансия по-прежнему продолжается, причём, без какого-либо народного мандата. Из анализа упомянутых опусов очевидна нацеленность хапизовых на эскалацию напряжённости в многонациональных районах Северного Дагестана под мнимым предлогом его принадлежности в истории «избранному народу». Хуже того, проповедуя идею дальнейшего расширения сферы национальных интересов «своих» за счёт кумыкско-чеченских областей, иные низкопробные копеечные «идеологи» тшатся обременять себя миссией эдаких новоиспечённых наполеонов и бисмарков, «объединяющих» (точнее – укрупняющих!) свои национальные образования «жирными кусками» от исконных соседей.

Допустим, что действия Ш.М. Хапизова отнюдь не индивидуально-стихийны, а вызваны общественным заказом и наполнены определённого резона. В таком случае вычерчиваются две проекции его поведения. Условно назовём их задачей-минимум и задачей-максимум. Причём, обе они тесно переплетены между собой, и здесь работает принцип старинной горской поговорки: «Раз хочешь сохранить за собой этот берег, оспаривай противоположный!» Похоже, в сухом остатке восстановление Ауховского района и впредь будет всячески блокироваться, со всеми сопутствующими этому процессу событиями. Под различными лживыми предложениями чинится препятствие возрождению тысячелетнего очага национальной культуры ауховских чеченцев (аккинцев). И этот саботаж длится более, чем полвека!

Ещё в XIX веке, в разгар Кавказской войны, история чеченцев писалась ровно в той же тональности, как прошлое чеченцев пытаются ныне описывать некоторые современные кавказские «историки», то есть цитировать любое высказывание о чеченцах, лишь бы оно порочило их честь. К примеру, можно понять идеологию борзописца, чьи предки были чьими-то крепостными холопами, сезонными батраками или же теми самыми наёмными палачами кавказцев. Так за какую идеологию и братство ратуют товарищи хапизовы и же с ним, сознательно очерняющие чеченцев и их историю? Неужели они считают, что на их оскорбительные публикации о соседях в ответ будет сказано или написано что-то приятное об аварцах!? А,

может, весь расчёт заведомо строится на том, что противоположная сторона выльет такой же ушат грязи и вспыхнет новый конфликт, а в сердцах чеченцев и аварцев пустит корни взаимная неприязнь! Как в том еврейском анекдоте: «Ложки, в конце концов, найдутся. А вот осадок останется».

Надо найти и осмыслить причину в целом негативного отношении к нашим предкам в российской историографии? Чечня и чеченцы в Кавказской войне XIX столетия, главным образом, сражались против культивируемых в России того периода рабских устоев, унижавших, попиравших, не бравших ни в малейший расчёт человеческое достоинство самих же русских православных людей. Отныне раз и навсегда необходимо уяснить этот ключевой основополагающий мотив противоборства чеченцев. Ничего антирусского. Просто свобода и честь стояли превыше самой жизни!

В мемуарах царских офицеров по поводу горцев нередко субъективные эпитеты типа «головорезы», «дикари», «разбойники» и тому подобное. Однако мало, что ли, на Руси было своих собственных грабителей и душегубов с кистенями и рогатинами? Разве захватнические методы царских карателей отличались образцовым гуманизмом? Тем не менее, в литературе не сыщешь и намёка на «кровожадность» русского мужика. Значит, здесь явно дело не в хищничестве чеченцев, а совсем в другом.

Ответ на этот вопрос мы обнаруживаем в рапорте А.П. Ермолова, составленном им 12 февраля 1819 г. на имя императора Александра I: «Государь!.. Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости».

Так что борьба кавказских горцев за свою свободу и честь была чревата опасностью для крепостников из-за стоявших в авангарде полувекowego вооружённого противостояния чеченцев, подававших нежелательный «дурной» пример свободы угнетённому российскому крестьянству, в прямом смысле перманентно подвергавшемуся насилию. Не потому ли русские солдаты массово дезертировали и переходили на сторону сражающихся горцев!? Разумеется, царизм не намерен был терпеть подобное положение вещей. Отсюда и потребность запятнать или опорочить чеченцев! Вот и получается, что вся эта ненависть была вызвана стойкостью и благородством, и отнюдь не их «разбойничьими нравами».

Конечно же, в любой эпохе встречались добросовестные летописцы, не чуравшиеся понятий чести и достоинства. К счастью, таковые люди были и есть в настоящем. Но это не блиевы, дегоевы, виноградовы, хапизовы, абадиевы, дауевы и прочие им подобные, выискивающие из архивированного письменного мусора наиболее сомнительные утверждения, дополнительно снабжая их собственными инсинуациями и домыслами. Таким образом, они говорят чеченцам братское (в кавычках) «спасибо», полное чёрной неблагодарности за былую горскую солидарность.

Неужели эти историки не учатся у истории? Ведь недруги многократно отправляли обречённым на геноцид чеченцам «чёрную метку», стремясь буквально с корнями выкорчевать нацию, которую не один раз подлые вожди окружающих народов преждевременно изволили «хоронить», отмечая всё это танцами и плясками. Впрочем, ничто не смогло помешать чеченцам оправиться от ударов, вновь закалиться духовно и физически, обретая по праву причитающееся им на Кавказе место. И так будет всегда!

В заключение поведаем краткую, но поучительную быль на вечную тему, сопутствующую всей человеческой истории. После Гражданской войны некая чеченская семья из с. Знаменское (чеч. Чулг-Юрт) Надтеречного района приютила мальчишку-чуваша по имени Апанас, заброшенного на Кавказ причудливой судьбой. Тот вырос, выучился и сделал карьеру офицера НКВД. Семья его жила в с. Знаменское. После выполнения длительного боевого задания в Бурунной степи за Терекком, где была произведена облава на немецких диверсантов, 24 февраля 1944 г., через Моздокский район он возвращался в родной аул. Когда вооружённый всадник подъехал к находившемуся на границе с Чечнёй небольшому хутору, в котором проживало несколько десятков семейств дагестанцев, он застал радостный и буйный праздник: и стар, и млад лихорадочно и пьяно гулял с плясками. И тут поражённый офицер узнал о причине радости хуторян – они отмечали выселение чеченцев! Не медля ни минуты, Апанас поскакал в райцентр, где написал два рапорта: первый – о срочном задержании жителей «чеченского» хутора в Моздокском районе, оставшегося неохваченным депортацией, и второй – ходатайство о возвращении из эшелона его семьи и приёмных родителей, по месту работы чекиста. В ту же ночь хутор был окружён ротой НКВД и всех этих несчастных подчистую, без вещей и продуктов,

отправили в Казахстан вслед за депортированными чеченцами. Сгинули они навсегда: никто не вернулся... Разумному достаточно!

Однако никаким хапизовым и тем, кто стоят за его спиной, никогда не удастся вбить клин между чеченцами и аварцами, осетинами и ингушами, балкарцами и кабардинцами, карачаевцами и черкесами, потому что мы всегда были и останемся навек братьями-кавказцами. Так что провокаторы – не помеха истинному кавказскому братству! Что бы не происходило в прошлом Кавказа и как бы чеченцы не воевали против или в пользу кого-то, нам, благодарным потомкам, никогда не было стыдно за то овечьное слабой мужественное героическое поколение, которое примером самоотверженности и самопожертвованием даровало современным чеченцам право гордиться своим этническим именем, которое, хочется верить, наш народ с честью пронесёт вплоть до Судного Дня (Инша Аллах!).

19 декабря 2014 г.

Научное издание

Д.Б. Абдурахманов, Я.З. Ахмадов

БИТВА ЗА ЧЕЧНЮ

«Война историографий», или информационная война

Редактор Т.И. Бураева
Технический редактор Т.И. Бураева
Корректор Л.М. Тепсуева
Верстка М.С. Касумовой

ISBN 978-5-4314-0155-8

Подписано в печать 05.03.2015. Формат 60x90 1/16. Усл.-печ.л. 27,0.
Тираж 1000. Заказ № 0431.

ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий»
364026, ЧР, г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35

